КУБАНСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО

1696—1888 г.

СБОРНИКЪ КРАТКИХЪ СВѢДѢНІЙ О ВОЙСКѢ.

Изданный подъ редакціею Дѣйствительнаго Члена Кубанскаго Областнаго Статистическаго Комитета.

Е. Д. Фелицына.

ВОРОНЕЖЪ.

Типографія В. И. Исаева, Большая Дворянская ул., д. Столль.

1888.

Печатано съ разрѣшенія Начальника Кубанской области.

ЦИНКОГРАФІЯ ТОВ. М. О. НОТЬФЪ

СЪ ФОТОГРАФІИ С. ЛЕВИЦКАГО

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

ГОСУДАРЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

АВГУСТѢЙШІЙ АТАМАНЪ ВСѢХЪ КАЗАЧЬИХЪ ВОЙСКЪ

КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

КУБАНСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА.

Ф. А. Щербины.

Почетнаго Члена Кубанскаго Областнаго Статистическаго Комитета.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

КУБАНСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА.

I.

Происхожденіе казачества.

Казачество представляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ проявленій русской государственной и народной жизни. Казакъ былъ одновременно и передовымъ колонизаторомъ окраинъ государства, и охранителемъ границъ этого послѣдняго, и защитникомъ русской національности, и борцомъ за православіе, и творцомъ оригинальнѣйшихъ формъ народнаго быта. Въ этой многотрудной роли казачества кроется его историческая сила и значеніе: казачество развивалось рука объ руку съ развитіемъ Русскаго государства.

Долгое время у иностранцевъ и даже въ средѣ русскихъ существовали крайне односторонніе и до нельзя преувеличенные представленія о казакахъ. Понятіе о казачествѣ соединялось съ понятіемъ о грабежѣ; казакъ считался прежде всего разбойникомъ и затѣмъ невѣжественнымъ представителемъ рода человѣческаго; казаку отводилось въ

исторіи культуры мѣсто чуть ли не дикаря; въ немъ видѣли разрушителя основныхъ началъ цивилизаціи и по меньшей мѣрѣ «злаго татарина»; о казакахъ разсказывали всевозможныя нелѣпости: казакъ, по этимъ разсказамъ, жилъ и кормился исключительно разбоемъ, онъ косилъ своею шашкою на право и на лѣво головы мирныхъ гражданъ просто изъ любви къ искусству, не признавалъ ничего святаго—ни семейныхъ узъ, ни требованій религіи, ни велѣній долга, всюду сѣялъ вражду и разрушеніе; однимъ словомъ, всему казачеству приписывалось то, что можно было сказать объ отдѣльныхъ его личностяхъ; по отрывочнымъ, частнымъ и наиболѣе печальнымъ эпизодамъ судили о цѣлой исторіи казаковъ, и часто факты, оторванные отъ отдаленнаго прошлаго, отождествлялись съ послѣдующею жизнію казачества.

Съ теченіемъ времени однако мракъ, плотно окутывавшій жизнь казачества, благодаря незнакомству съ ней, началъ мало по малу разсѣиваться, нелѣпыя понятія о казакѣ стали уступать мѣсто здравому знакомству съ дѣйствительностью, казакъ изъ пугала превратился въ интереснѣйшій предметъ историческихъ изысканій. И когда такимъ образомъ пошатнулась преграда, отдѣлявшая факты отъ предразсудковъ и знаніе отъ измышленій, исторія вступила въ свои права и дала казачеству на своихъ страницахъ очень почтенное мѣсто.

Относительно происхожденія казачества существовало нѣсколько историческихъ предположеній.

Одни видѣли въ казакахъ потомковъ казаръ, обитавшихъ въ древности въ южной Россіи; другіе производили казаковъ отъ черкесовъ; третьи—отъ черныхъ клобуковъ; четвертые, наконецъ, приписывали появленіе русскихъ казаковъ вліянію татаръ. Въ исторической критикѣ накопилось достаточное количество фактовъ, позволяющихъ произвести правильную оцѣнку всѣмъ этимъ предположеніямъ и установить надлежащую точку зрѣнія на происхожденіе казачества.

Отождествленіе казаковъ съ казарами очевидно обязано было какъ созвучію въ названіяхъ, такъ и тому обстоятельству, что и казары, и южнорусскіе казаки одинаково обитали въ южной Россіи. Но слово «казакъ», какъ и нѣкоторыя другія названія—«кошевой», «ватага», «атаманъ» и пр., употреблявшіяся казаками, происхожденія татарскаго, а пребываніе разныхъ народностей, хотя бы въ одной и той же мѣстности, но въ различныя историческія эпохи, нельзя еще считать доказательствомъ въ пользу одноплеменности этихъ народностей. Историческія свѣдѣнія о казарахъ крайне смутны, отрывочны и неопредѣленны. Казары притомъ же были во всякомъ случаѣ не славяне. Такимъ образомъ, при наличности однихъ уже отмѣченныхъ фактовъ, предположеніе о племенномъ родствѣ казаковъ съ казарами само собою падаетъ.

Еще менѣе выдерживаетъ критики мнѣніе о единствѣ казаковъ съ черкесами. Ни въ языкѣ, за исключеніемъ сходства словъ «черкесъ» и «черкассъ»,

ни во внѣшней жизненной обстановкѣ, ни въ обычномъ правѣ, ни въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и сказаніяхъ, ни въ народной поэзіи—ни въ чемъ, однимъ словомъ, нельзя найдти тѣхъ общихъ точекъ соприкосновенія, на основаніи которыхъ можно было бы построить самую слабую догадку о происхожденіи казаковъ отъ черкесовъ Разсматриваемое предположеніе является, слѣдовательно, плодомъ ни на чемъ необоснованнаго, произвольнаго умозаключенія.

Таково же и предположеніе о происхожденіи казаковъ отъ черныхъ клобуковъ.

Наибольшаго вѣроятія заслуживаетъ гипотеза о происхожденіи казачества подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ на жизнь русскаго народа со стороны татарскаго племени. Но и этою гипотезою можно пользоваться лишь съ крайнею осторожностью и при непремѣнномъ условіи разграниченія фактовъ, характеризующихъ самостоятельное развитіе русскаго народа, отъ фактовъ, представлявшихъ продуктъ чуждыхъ вліяній на русскую жизнь.

Въ историческихъ актахъ и документахъ сохранились прямыя указанія на факты того и другаго рода, обусловившіе появленіе и развитіе казачества. Уже само по себѣ то обстоятельство, что русскій народъ былъ долгое время подъ игомъ татаръ, дѣлаетъ вполнѣ вѣроятнымъ предположеніе о вліяніи татарскихъ военныхъ порядковъ на складъ русской военной жизни. Сильный военный врагъ могъ дать нѣчто въ ряду образцовъ такого воен-

наго строя, при усвоеніи которыхъ русскими становилась возможною борьба съ этимъ врагомъ впослѣдствіи. Цѣлая масса словъ татарскихъ, каковы: казакъ, атаманъ, кошъ, кошевой, паланка, контаржей, бунчукъ и т. п., усвоенныхъ казаками, были несомнѣннымъ результатомъ такихъ заимствованій и приспособленій. А, главное, казаки, какъ легкіе передовые воины, были созданы татарскою военною жизнію и существовали у татаръ прежде, чѣмъ появились у русскихъ.

Какъ извѣстно, слово казакъ означало у татаръ бродягу, вольнаго воина, наѣзднпка. До послѣдняго времени существованія Крымскаго ханства, татары называли казаками особую часть своего войска, составлявшую передовые, легкоконные, наѣздническіе отряды. Очень можетъ быть, поэтому, что первоначально у татаръ казаки представляли собою лишь особый видъ арміи, имѣвшій спеціальное назначеніе для развѣдокъ, мелкихъ передовыхъ стычекъ и т. п.; но съ теченіемъ времени этотъ видъ татарскаго войска получилъ болѣе самостоятельное и обособленное существованіе. Такъ, литовскіе лѣтописцы, упоминая о четырехъ татарскихъ ордахъ, имѣвшихъ своихъ хановъ, именно: о заволжской, астраханской, казанской и перекопской, присоединяютъ къ нимъ пятую орду—казацкую. Казацкая орда не признавала надъ собою ханской власти, составляла сбродъ самыхъ отчаянныхъ головъ и была повидимому на худомъ счету даже между татарами. Изъ историческихъ актовъ

извѣстно, кромѣ того, существованіе казаковъ азовскихъ, бѣлгородскихъ и перекопскихъ, игравшихъ между татарами также болѣе или менѣе самостоятельную роль. Азовскіе татарскіе казаки выдѣлились изъ Золотой орды и образовали самостоятельную часть, занимаясь набѣгами и разбоями на пространствѣ между Крымомъ и Московской Украиной. Такъ, въ XVI столѣтіи великій князь московскій Василій Ивановичъ жаловался турецкому султану, что азовскіе и бѣлгородскіе татарскіе казаки наносили вредъ пограничнымъ частямъ его государства и помогали Литвѣ въ войнѣ ея съ Москвою. Въ 1510 году Сигизмундъ I, великій князь литовскій, заносилъ жалобу крымскому хану на перекопскихъ казаковъ, тревожившихъ Литву. Во всѣхъ такихъ случаяхъ оказывалось, что татарскіе казаки дѣлали набѣги самовольно. Самовольство это было такъ велико, что татарскіе казаки мѣшали даже правильнымъ сношеніямъ Московскаго государства съ Крымомъ. Бывали случаи, когда московскіе послы выжидали на Украинѣ времени для проѣзда въ Крымъ, такъ какъ «поле было не чисто отъ азовскихъ казаковъ». Однимъ словомъ, татарскіе казаки изъ спеціальныхъ воиновъ татарскихъ полчищъ образовали повидимому болѣе или менѣе самостоятельныя шайки и скопища, жившія набѣгами и грабежомъ и мѣшавшія какъ правильнымъ сношеніямъ русскихъ съ сосѣдними народностями, такъ и поступательному ходу южнорусской колонизаціи.

Такая роль татарскихъ казаковъ въ южной Россіи несомнѣнно должна была навести русскихъ на мысль объ усвоеніи этого рода воиновъ для борьбы съ татарами. Чтобы сдѣлать успѣшною борьбу, русскимъ приходилось заимствовать ту военную организацію и способы войны, которые употреблялись ихъ противниками. И, дѣйствительно, русскіе удѣльные князья и князья литовскіе первоначально прибѣгнули къ татарскимъ казакамъ, какъ къ наемной военной силѣ. Состоявшіе на службѣ у этихъ князей казаки-татары употреблялись какъ провожатые и наѣздники въ степяхъ. Въ грамотѣ 1516 года, данной при Сигизмундѣ Августѣ, великомъ князѣ литовскомъ, на имя черкасскаго старосты, упоминается о двадцати четырехъ казакахъ бѣлгородскихъ, поступившихъ на службу къ литовскому князю. Изъ прилагаемаго къ грамотѣ списка именъ видно, что всѣ двадцать четыре казака были татары. Изъ послѣдующихъ историческихъ фактовъ извѣстно также, что у татарскихъ казаковъ бывали иногда атаманами русскіе, а у русскихъ, наоборотъ, татары.

Наемные татарскіе казаки играли однако очень незначительную и во всякомъ случаѣ пассивную роль въ политическихъ судьбахъ русскаго народа. Такихъ казаковъ было мало, да и положиться на нихъ было невозможно русскимъ государямъ и людямъ. Военные преимущества русскихъ предъ татарами стали ощущаться лишь тогда, когда у русскихъ появились свои собственные казаки, связанные един-

ствомъ вѣры и національности. Такъ, образовались казаки рязанскіе, смоленскіе, путивльскіе, запорожскіе и донскіе. Если не считать отрывочнаго указанія о существованіи гребенскихъ казаковъ на Дону при Дмитріѣ Донскомъ (1380 г.), то наболѣе раннія и обстоятельныя извѣстія въ лѣтописяхъ встрѣчаются о рязанскихъ казакахъ. Занимая юговосточную часть русскихъ окраинъ и соприкасаясь такимъ образомъ съ главными полчищами татаръ, рязанское княжество болѣе, чѣмъ другія пограничныя области, подвергалось набѣгамъ татаръ, а слѣдовательно, и болѣе другихъ областей нуждалось въ казакахъ, какъ лучшихъ развѣдчикахъ движеній татарскихъ ордъ. Въ югозападной Россіи при Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ Августѣ было уже два рода казаковъ: правительственные и вольные. Первые набирались старостами, назывались по ихъ именамъ и находились подъ ихъ начальствомъ; вторые собирались въ вольныя сборища, имѣли своихъ выборныхъ предводителей и составляли до извѣстной степени независимыя военныя дружины. Въ историческихъ актахъ подъ 1503 годомъ упоминаются черкасскіе княжь-дмитровскіе казаки. Съ началомъ XVI вѣка становится вообще особенно сильнымъ развитіе казачества и постепенно расширяется его дѣятельность. Стремленіе къ казачьей жизни и положенію становится массовымъ, народнымъ. Въ казаки идетъ населеніе столько же по зову правительственныхъ властей, сколько, если не больше, по собственно-

му почину и побужденіямъ. Развитіе казачества осложнилось колонизаціонными процессами и борьбою за вѣру и паціональность. Народныя движенія, хлынувшія широкою волною въ этомъ направленіи, охватили югъ Россіи на всемъ его протяженіи, выдвинувши двѣ наиболѣе замѣчательныя отрасли казачества—Запорожскую и Донскую.

Какъ же все это совершилось? Какъ сложилось это движеніе русской народной жизни?

И въ исторіи, и въ народныхъ воззрѣніяхъ сохранились очень характерныя указанія на этотъ счетъ. И прежде, и теперь понятіе о казакѣ русскій народъ распространялъ на болѣе широкую область явленій, чѣмъ какую обнимало то же понятіе у татаръ. Съ XVI вѣка названіе «казакъ» употреблялось уже русскими въ разныхъ мѣстностяхъ нынѣшней Россіи въ томъ широкомъ значеніи, какое придаетъ ему народъ и въ настоящее время. Казаками называли въ однихъ мѣстахъ воиновъ, а въ другихъ просто свободныхъ, гуляющихъ людей. Такъ, въ малорусской Украинѣ подъ именемъ казаковъ извѣстны были люди исключительно военнаго сословія, освобожденные отъ всѣхъ повинностей за исключеніемъ военной. Въ той части нынѣшней Россіи, которая въ XVI вѣкѣ принадлежала литовскому княжеству, казаками именовали также воиновъ, но эти воины, кромѣ несенія своихъ военныхъ обязанностей, занимались промыслами и торговлею. На дальнемъ сѣверѣ Московскаго государства, какъ это видно изъ исто-

рическихъ актовъ 1564 года, существовали «волостные» и «деревенскіе» казаки, имѣвшіе свои хозяйственныя обзаведенія и не платившіе тягла по особымъ платежнымъ единицамъ — «обжамъ», какъ остальные земскіе люди; изъ позднѣйшихъ историческихъ актовъ видно, что волостные и деревенскіе казаки не несли военной службы, но занимались возкою соли на особомъ исключительномъ правѣ. Тогда же, въ концѣ XVI столѣтія, на нижней Волгѣ и вообще въ Приволжскомъ краѣ различались двоякаго рода казаки—военные люди и вольные, бродячіе работники на судахъ, ставшіе извѣстными впослѣдствіи подъ именемъ бурлаковъ. Такъ, въ актахъ того времени «казаковъ», служившихъ на купеческихъ судахъ, воспрещалось «въ стрѣльцы и казаки имати». Въ черноземной полосѣ Россіи, въ предѣлахъ нынѣшнихъ Воронежской, Курской, Орловской и др. губерній, казаками именовались въ XVII столѣтіи и позже исключительно служилые военные люди. Здѣсь и въ настоящее еще время остались въ оффиціальныхъ документахъ названія «казачья слобода» и цѣлыя земельныя общины, извѣстныя подъ именемъ «казачьихъ чиновъ» конныхъ, полуконныхъ и пѣшихъ. Въ сѣверной Россіи, какъ напр., въ Вологодской, Вятской и др. губерніяхъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири казаками искони назывались, какъ продолжаютъ и теперь называться, батраки, наемные рабочіе. Вообще съ понятіемъ о казакѣ всегда соединялось понятіе о вольницѣ въ разныхъ

мѣстахъ Россіи, въ особенности на югѣ ея. Такова была понизовая вольница; такими же были польскіе и малорусскіе гайдамаки.

Такимъ образомъ, судя по этимъ немногимъ, отрывочнымъ фактамъ, во первыхъ, казачество было общераспространеннымъ явленіемъ на сѣверовостокѣ, юговостокѣ, западѣ и на югѣ Россіи, а во вторыхъ, казаками назывались и воины, и полувоенные люди, и просто вольнонаемные рабочіе. Обѣ эти черты одинаково указываютъ на широкое значеніе казачества въ жизни русскаго народа, начиная съ XVI столѣтія и оканчивая нашимъ временемъ. На самомъ дѣлѣ, съ указаннаго столѣтія казаки начинаютъ встрѣчаться въ Московской Руси, въ Польшѣ, въ Литвѣ, въ Малорусской Украинѣ—Запорожцы, Малороссійскіе, Слободскіе, Острогожскіе, Бугскіе, Вознесенскіе, Черноморскіе, Дунайскіе и Ново-Азовскіе казаки; въ Московской Украинѣ—Донцы, Сибирскіе, Уральскіе, Гребенскіе, Оренбургскіе, Астраханскіе и др. казаки, на сѣверѣ Россіи и Сибири—вольнонаемные казаки по острожкамъ Строгановыхъ и т. п. Охвативши почти всю нынѣшнюю Россію, казачество въ разныя историческія эпохи то усиливалось, то ослабѣвало, то просто замѣнялось тягловымъ населеніемъ, двигаясь въ томъ направленіи, въ какомъ росла и ширилась Россія, постепенно заселявшая и ассимилировавшая ближайшія мѣстности. Казаки, поэтому, вмѣстѣ съ военнымъ знаменемъ всюду несли знамя мирной, хозяйственной колони-

зацiи. Этою почтенною двойственною ролью объясняется то обстоятельство, что казаками въ разныхъ мѣстахъ Россiи назывались и продолжаютъ называться то воины, то вольные работники.

И такъ, слѣдовательно, возникновенiе русскаго казачества было прежде всего результатомъ приспособленiй русской народности къ международнымъ и политическимъ условiямъ, господствовавшимъ на пространствѣ нынѣшней Россiи въ XVI столѣтiи и до того времени. Подобными приспособленiями богата исторiя и другихъ народовъ. Позаимствовавъ формы и названiя у татаръ, русскiе вложили въ эти формы свое особое содержанiе, удержавши казачество до нашего времени, когда отъ многочисленнаго и могущественнаго татарскаго племени остались лишь немногiе, измельчавшiе потомки. Русская исторiя полна подвигами и заслугами казачества. Казаки, въ союзѣ съ Москвою, сломили татаръ, Польшу и Литву, казаками покорена Сибирь, казачьими костями и кровью усѣяны и омыты всѣ пограничныя области Россiи, казачьи войска сослужили великую службу въ такiя тяжелыя времена, какъ 1812 и 1855 годы, и еще недавно тѣ же казаки выполнили, наряду съ русскимъ солдатомъ, славную миссiю освобожденiя отъ турецкаго произвола одной изъ балканскихъ народностей. Но, что всего замѣчательнѣе, казакъ во всѣ времена, при всевозможныхъ обстоятельствахъ, подъ давленiемъ самыхъ неблагопрiятныхъ условiй продолжалъ быть не только исправнымъ вои-

номъ, но и хозяиномъ, колонизаторомъ, представителемъ труда и гражданственности.

II.

Запорожская Сичь и Донское казачество.

Строго говоря, наиболѣе типичными выразителями казачества нужно считать двѣ отрасли—запорожскую и донскую. Исторія Запорожскаго и Донскаго казачествъ заслуживаетъ особаго вниманія какъ потому, что запорожцы и донцы создали самыя оригинальныя формы казачьей жизни и быта, такъ и потому, что оба эти вида казачества играли рѣшающую роль въ судьбахъ нынѣшняго Кубанскаго казачьяго войска.

И такъ, кто же были запорожцы и донцы? И чѣмъ они ознаменовали себя въ исторіи?

Четыреста лѣтъ тому назадъ нынѣшній югъ Россіи былъ порубежною областью между поселеніями русскаго народа и качевьями разныхъ татарскихъ ордъ. Это была дикая и малообитаемая страна. Почти дѣвственная природа, обиліе рѣчныхъ водъ, роскошная степная растительность, неисчерпаемые запасы рыбы въ водахъ, достаточное количество и разнообразіе степныхъ звѣрей и нтицъ – все это одинаково манило и русскихъ, и татаръ. Теплый климатъ и тучная почва дѣлали легко обитаемою страну. Транзитное положеніе края между Русью, съ одной стороны, и владѣніями турецкаго султана, съ другой, сулило опи-

сываемой мѣстности блестящее будущее. Вблизи два моря--Азовское и Черное, тянули, точно магнитъ, къ своимъ берегамъ русскаго колонизатора. И вотъ, въ этомъ-то богатомъ и манящемъ краѣ или, вѣрнѣе, въ борьбѣ за этотъ край было сложено столько русскихъ головъ, какъ, быть можетъ, ни въ какой другой мѣстности Россіи. Русскій народъ воспѣлъ эту борьбу въ своихъ высоко поэтическихъ пѣсняхъ и былинахъ, исторія запечатлѣла на своихъ страницахъ подвиги и геройство казака, народныя легенды хранятъ еще образы этого отдаленнаго и таинственнаго прошлаго; но дѣйствительность была чрезвычайно суровою и тяжелою, исполненною военныхъ бурь и треволненій, требовавшей кровавыхъ жертвъ отъ казаковъ, осѣвшихъ вдали отъ родины, въ низовьяхъ Днѣпра и Дона, двумя самостоятельными общинами - Запорожскою и Донскою.

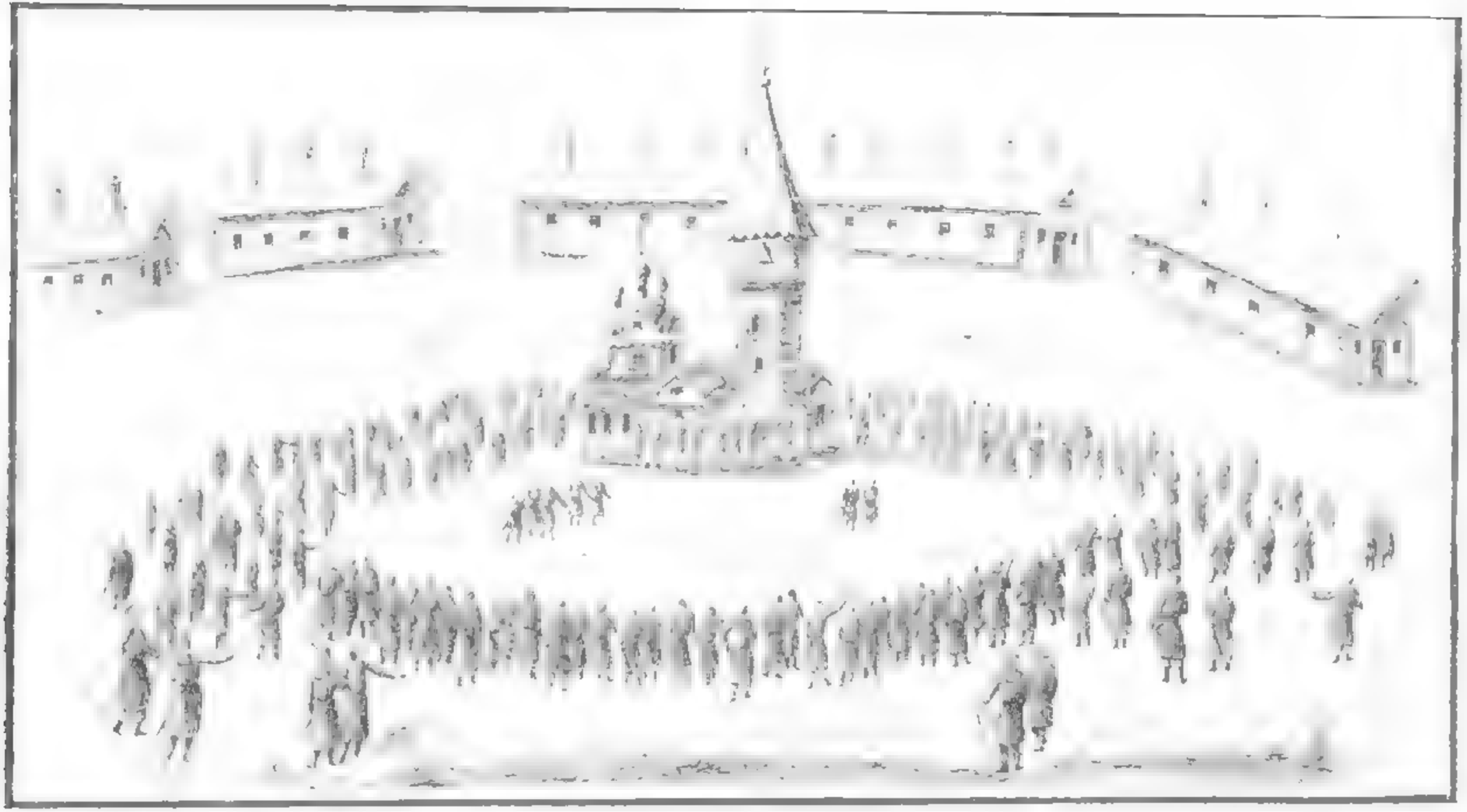
Запорожское казачество возникло около половины XVI столѣтія. Въ историческихъ актахъ, подъ 1568 годомъ, находится прямое указаніе на Запорожскую Сичь, какъ на самостоятельно существовавшую военную общину. Есть основаніе предполагать, что Сичь существовала уже за нѣсколько десятковъ лѣтъ раньше упомянутаго года. Во всякомъ случаѣ началомъ, если не возникновенія Запорожской Сичи, то укрѣпленія ея, въ смыслѣ болѣе или менѣе законченной организаціи, можно считать вообще средину XVI вѣка.

Вотъ что говоритъ въ своемъ изслѣдованіи

«Южная Русь и Казачество» извѣстный историкъ Костомаровъ по поводу возникновенія запорожскаго казачества: «Вѣроятно, образованіе Сичи совершилось не вдругъ, а постепенно и возникло изъ рыбылововъ и звѣролововъ, которые, какъ показываютъ акты конца XV и начала XVI вѣковъ, издавна имѣли обычай отправляться весною къ порогамъ и за пороги Днѣпра, ловить тамъ рыбу и звѣрей, а осенью возвращались въ Украину и въ украинскихъ городахъ продавали свѣжую и просольную рыбу, и звѣриныя шкуры. Условія пустыннаго края, куда отправлялись эти промышленники, были таковы, что они невольно должны были сдѣлаться воинами. Занимаясь ловлею и соленіемъ рыбы, они каждую минуту могли ожидать нападенія татаръ, и потому каждую минуту должны были быть готовыми отражать ихъ. Такое положеніе дѣлало ихъ бодрыми, храбрыми и быстрыми. Переплывать днѣпровскіе пороги было дѣло трудное и опасное и пріучало ихъ дѣлаться отважными мореходцами. Изъ промышленнаго товарищества неизбѣжно должно было образоваться рыцарское. Стали ходить за пороги на острова и въ поле не только за рыбою и звѣрями, но и за военною добычею, нападали на татарскіе улусы, захватывали скотъ, лошадей, брали у побѣжденныхъ конскую сбрую и вооруженіе. Была еще иная приманка для удальцовъ ходить на Низъ. Изъ Турціи чрезъ Очаковъ шелъ торговый путь въ Московское государство; этимъ путемъ проходили

купеческіе караваны съ товарами. Казаки нападали на нихъ и расхищали везомое богатство. Возвращаясь съ нимъ домой, они давали и другимъ поводъ покушаться на такой промыселъ. Украинскому населенію пришлись по вкусу такіе походы: число отправлявшихся весною на Низъ съ каждымъ годомъ увеличивалось. Тѣ, которымъ нравилась одинокая бурлацкая жизнь, оставались въ построенномъ укрѣпленіи зимовать; то была, такъ называемая, сирома, то есть, сѣрая голь, которой нечего было жалѣть на родинѣ и для которой жизнь была копѣйка во всякое время. Другіе возвращались на Украину, но уже не хотѣли быть тѣмъ, чѣмъ судьба опредѣлила имъ быть до того времени, то есть, нести мѣщанскія и сельскія повинности; они оставались и сами себя называли казаками» . [1]).

Такимъ же, происшедшимъ самобытно, явленіемъ считаетъ Запорожскую Сичь и другой историкъ—Максимовичъ. «Внѣшніе набѣги, говоритъ онъ, и внутреннее угнетеніе Литвы и Польши въ оное время (т. е., въ литовскій періодъ Украины съ 1340 года) общаго хаоса служило поводомъ къ составленію казачества за порогами днѣпровскими, тамъ, гдѣ воинственный Святославъ сложилъ свою буйную голову, сей первообразъ головъ казацкихъ! Запорожье было гнѣздомъ, гдѣ родилась дружная, отважная, холостая ватага вольныхъ казаковъ, плодилась безъ матери, ибо для нея была Сичь мати, а Великій Лугъ батько. Казаковъ сводила и дружила жажда воли, мести, битвы, добычи, и вся-



ЦЕРКОВЬ, РАДА И КУРЕНИ ЗАПОРОЖСКІЯ, ВЪ 1775 ГОДУ

кій выходецъ, кто бы онъ ни былъ, могъ быть ихъ братомъ, товарищемъ, только бы, принеся съ собою боевую отвагу, онъ принялъ греческую вѣру и языкъ ихъ». [2])

Сложившаяся такимъ образомъ запорожская община послужила вообще прототипомъ казачества и убѣжищемъ для лицъ, стремившихся къ казачьей жизни и самостоятельности. Запорожье представляло въ такомъ видѣ патріархальную братчину. Здѣсь всѣ были братьями по вѣрѣ, языку, нравамъ, занятіямъ, обязанностямъ и обычаямъ. Простота жизни равняла всѣхъ, единство вѣры, даже при различіи національностей, было обязательнымъ для всякаго члена, не исключая иноплеменниковъ, а трудовыя занятія и борьба съ врагами связывали сичевиковъ общностью дѣятельности и задачъ. Отсутствіе женщинъ въ Сичи и строгая кара за прелюбодѣяніе придавали товариществу характеръ монастырскаго учрежденія. Но Сичь была въ то же время и военнымъ учрежденіемъ, поэтому дисциплина при столкновеніяхъ съ врагомъ и строгое повиновеніе волѣ разъ избраннаго начальства были первою и главною обязанностью. Каждый годъ община выбирала своихъ старшихъ, начальство, и каждый разъ такимъ образомъ на «радахъ», (вѣчахъ, сходахъ), она дѣлала учетъ и оцѣнку дѣятельности избранныхъ раньше начальниковъ. Горе было тому изъ избранныхъ, кто нарушилъ обычаи общины, кто пренебрегъ ея требованіями, кто шелъ на перекоръ волѣ товарищества! Онъ подвергался

непосредственному суду сичевиковъ, самымъ тяжелымъ наказаніямъ и даже смертной казни, какое бы тамъ высокое положеніе въ сичевой іерархіи раньше онъ ни занималъ.

Во главѣ общины стоялъ «отаманъ», носившій названіе «кошового отамана» или просто «кошового», а самая Сичь — «Коша». Кошевой былъ верховнымъ представителемъ Сичи, совмѣщавшемъ въ себѣ военную, политическую, гражданскую и даже духовную власть. Онъ велъ, поэтому, дипломатическія сношенія съ другими государствами отъ своего имени, былъ главнымъ военоначальникомъ и судьей, разрѣшавшимъ даже смертные приговоры, и главнымъ выборнымъ распорядителемъ въ средѣ гражданской и экономической жизни общины. За «отаманомъ» слѣдовали: «судья», «писарь» и «осаулъ». Всѣ эти лица вмѣстѣ съ кошевымъ составляли такъ называемую «войсковую старшину», хотя и занимали болѣе низкія, сравнительно съ кошевымъ, мѣста въ сичевой іерархіи. Товарищество дѣлилось на 38 «куреней», т. е. громаднѣйшихъ казармъ для общежитія, вмѣщавшихъ до двухъ, трехъ, четырехъ и болѣе сотъ человѣкъ, и въ каждомъ такомъ куренѣ былъ также свой выборный отаманъ, называвшійся «куреннымъ отаманомъ» въ отличіе отъ кошевого. Такъ какъ Сичь имѣла кромѣ того свои владѣнія, свои земли и угодья, заселенныя женатыми и семейными казаками, то для управленія этими послѣдними она избирала такъ называемыхъ полковниковъ, раздѣливши всѣ владѣнія

на нѣсколько частей — «паланокъ». Составъ должностныхъ лицъ въ каждой паланкѣ изображалъ въ маломъ видѣ организацію Сичи. Полковникъ былъ, такъ сказать, паланочнымъ отаманомъ и вмѣстѣ съ подчиненными ему — писаремъ, осауломъ, подъосауліемъ и подписаріемъ — составлялъ полковую старшину. Тамъ, гдѣ существовали перевозы, игравшіе роль таможенныхъ пунктовъ, были такъ называемые «шафари», составлявшіе съ писарями, подшафаріями и подписаріями старшину войсковыхъ перевозовъ. Существовалъ затѣмъ цѣлый рядъ другихъ второстепенныхъ выборныхъ властей. Вообще въ Сичи было около 20 различныхъ должностныхъ званій, причемъ въ одномъ и томъ же званіи часто было по нѣсколько лицъ, именно: кошевой отаманъ, войсковой судья, войсковой писарь, войсковой осаулъ, куренные отаманы (38), полковники (7), шафари (2), полковые писаря (9), полковые осаулы (7), полковые подписаріи (9), полковые подъосауліи (7), подшафаріи (2), войсковой подъосаулій, войсковой довбышъ (т. е. литаврщикъ), поддовбышній, канцелярскіе служителя разнаго званія (20), войсковой пушкарь, подпушкарій и гармаши (т. е. артелиристы числомъ 8), кантаржей (т. е. хранитель войсковыхъ вѣсовъ) и толмачъ (т. е. переводчикъ),—всего 130 человѣкъ. Рады или сходы собирались какъ общія, войсковыя, такъ и по куренямъ. Ежегодно, на Новый годъ, вмѣстѣ съ избраніемъ старшины и должностныхъ лицъ, запорожская рада «кидала лясы»,

т. е., бросала жеребья на запорожскія земли и угодья. Распредѣливши лучшія и необходимыя угодья между сичевымъ товариществомъ, община предоставляла остальную часть угодій въ распоряженіе семейныхъ казаковъ—«подданства». Подданство въ свою очередь разбивалось на множество мелкихъ общинныхъ поселеній и каждое такое поселеніе опять таки въ миніатюрѣ изображало собою Запорожскую Сичь: въ немъ также, какъ и въ Сичи, былъ свой отаманъ—не кошевой, а громадскій, и свое товарищество—не безбрачные сичевики, а семейные громадяне.

Такова въ общихъ чертахъ была организація Запорожской Сичи. Нѣтъ сомнѣнія, что она выработалась не сразу, а постепенно. На усиленіе Запорожскаго казачества имѣли сильнѣйшее вліяніе тѣ условія, въ какихъ стоялъ въ XVI вѣкѣ малорусскій народъ. Находясь подъ польскимъ владычествомъ, малороссы въ это время терпѣли неномѣрныя стѣсненія отъ поляковъ, попиравшихъ вольности, національность и религію подвластнаго имъ народа. Въ Сичь бѣжали всѣ—и городскіе мѣщане, и сельскіе жители, и реестровые казаки, и даже мелкіе шляхтичи, и лица духовнаго званія. Тежесть налоговъ, угнетеніе православной вѣры, издѣвательство надъ національностью, пренебреженіе правами народа, вступившаго первонально въ союзъ съ Польшею, «какъ равные съ равными», жестокая расправа, преслѣдованія и казни защитниковъ этихъ правъ—все это волновало народную

массу, озлобляло ее противъ поляковъ и способствовало побѣгамъ мирныхъ жителей на Низъ, въ казаки. Сообразно съ этимъ и задача казачества заключалась не только во внутреннемъ устроеніи своей общины, но еще болѣе въ борьбѣ съ врагами малорусской національности и вѣры; а такъ какъ этими врагами были, кромѣ поляковъ, татары и турки, то исторія Запорожья полна безпрерывною борьбою запорожцевъ съ тѣми, другими и третьими.

Подъ вліяніемъ политическихъ и международныхъ условій Запорожскій Кошъ нѣсколько разъ мѣнялъ свое мѣстопребываніе. Первоначально Запорожская Сичь была устроена на одномъ изъ острововъ при впаденіи въ Днѣпръ р. Чертомлыка. Эта была такъ называемая «Старая Сичь» или «Сичь на Чертомлыкѣ». Съ основанія Старая Сичь была подъ верховнымъ покровительствомъ Польши, но скоро затѣмъ, въ борьбѣ за вѣру и народность, запорожцы явились первыми и самыми опасными врагами этого государства. Въ этотъ періодъ Запорожское войско, вмѣстѣ съ малорусскими реестровыми казаками, предводимое Богданомъ Хмѣльницкимъ, жестоко отомстило полякамъ. Малороссія и Запорожье поступили въ подданство Русскаго Царя. Вмѣстѣ съ тѣмъ это было время геройскихъ подвиговъ, которыми ознаменовали себя запорожцы въ борьбѣ съ татарами и турками. Въ войну Петра Великаго съ Карломъ XII, запорожскіе казаки, увлеченные гетманомъ Малороссіи Мазепою, измѣ-

нили Русскому Государю и народу, принявши сторону Карла XII и Мазепы. Результатомъ было разрушеніе Старой Сичи русскими войсками и переселеніе запорожцевъ на земли Крымскаго хана. Здѣсь, на мѣстѣ нынѣшняго г. Алешекъ, была основана вторая Сичь—Крымская. Она просуществовала однако не долго. Казаки, будучи подъ властію ненавистныхъ имъ татаръ, не могли вынести того униженія, въ которое поставили сами себя, и мысли объ отторженіи отъ единоплеменниковъ; чрезъ 23 года, при Аннѣ Іоанновнѣ, они испросили себѣ прощеніе и снова слились съ русскимъ народомъ. Была образована такимъ образомъ въ 1734 году послѣдняя, такъ называемая, «Новая Сичь» въ 8 верстахъ ниже Старой Сичи, на полуостровѣ, образуемомъ Днѣпромъ и его притокомъ Подпольною. Переселившись на родину, запорожцы снова направили свою боевую дѣятельность на борьбу съ исконными своими врагами—поляками и тѣми самыми татарами, подъ покровительство которыхъ такъ зло толкнула было ихъ на время судьба.

Около половины XVI столѣтія, почти одновременно съ возникновеніемъ Запорожья, въ низовьяхъ р. Дона утвердилась другая военная община—Донское казачество. И здѣсь, какъ за порогами Днѣпра, казачество образовалось и пополнялось главнымъ образомъ изъ бѣглецовъ, но въ Запорожье шли малороссы, а на Донщину—великороссы. Исторія не сохранила прямыхъ и точныхъ ука-

заній о первыхъ выходцахъ на Донъ и о тѣхъ побужденіяхъ, которыми они руководились при этомъ. Но послѣдующее и самый строй казачьей жизни однако ясно характеризуетъ причины и условія возникновенія Донскаго казачества. Какъ и Днѣпръ, Донъ съ прилегающими къ нему мѣстностями былъ богатъ рыбою, звѣрями и пустующими, никѣмъ постоянно незанятыми угодьями. Теплый климатъ, почти непочатые дары природы и свободная жизнь служили уже достаточною приманкою и для обыкновеннаго выходца-колонизатора, а тѣмъ болѣе для бѣглеца, ушедшаго изъ Московскаго государства отъ бояръ, дьяковъ и экономическаго порабощенія. И свободный поселенецъ, и бѣглецъ одинаково могли считать себя здѣсь обезпеченными природою при удовлетвореніи первѣйшихъ нуждъ и потребностей. Удаленіе отъ предѣловъ Московскаго государства, пустынный край и сосѣдство кочевниковъ служили тѣми общими условіями, которыя требовали отъ донскихъ поселенцевъ военной организаціи и снаровки Донской казакъ сразу же былъ поставленъ въ необходимость быть не столько мирнымъ промышленникомъ, сколько предпріимчивымъ воиномъ. И дѣйствительно, на первыхъ порахъ своего существованія донцы болѣе, чѣмъ когда либо, жили войною, на счетъ военной добычи. Чрезъ Азовъ на Астрахань лежалъ торговый путь въ Азію, на которомъ донцы, по обычаю тѣхъ временъ, «живились добычею» у купцовъ. Это естественно привлекало въ ихъ среду

буйную вольницу южной Россіи, увеличивая составъ войска. Такимъ образомъ, и на Дону, какъ на низовьяхъ Днѣпра, казаки образовали прежде всего строго военную общину.

Подобно Сичевой организаціи, устройство внутренняго быта и отношеній у донскихъ казаковъ отличалось оригинальнымъ, чисто народнымъ складомъ, въ духѣ древней Руси. Какъ и у запорожцевъ, самоуправленіе сложилось у донцовъ изъ войсковыхъ сходовъ и выборной старшины. Войсковой сходъ или «кругъ, какъ называли его донцы, напоминалъ собою запорожскую раду и древне-славянское вѣче. Въ войсковомъ кругу каждый казакъ имѣлъ право голоса наравнѣ со всѣми другими, не исключая и старшины. Кругу принадлежала административная, законодательная и судебная власть; онъ назначалъ походы и поиски непріятеля; на немъ производилось разверстаніе земельныхъ и др. угодій; ему подлежали утвержденія судебныхъ приговоровъ и смертной казни; въ войсковомъ кругу, наконецъ, выбирались казачьи начальники. Главнымъ исполнителемъ рѣшеній войсковаго круга былъ войсковой атаманъ, избиравшійся казаками ежегодно; въ помощники атаману давались два, также выборныхъ, есаула; письменныя дѣла лежали на войсковомъ писарѣ или «дьякѣ». Кромѣ войсковаго круга и атамана, въ казачьихъ городкахъ или станицахъ были свои станичные круги и атаманы. Лица, стоявшія во главѣ войсковаго управленія и сложившія свои полномочія,

образовали собою «войсковую старшйну», званіе, ставшее впослѣдствіи жалованнымъ и приравненное къ чинамъ регулярной арміи. На первыхъ порахъ существованія большинство донскихъ казаковъ, подобно запорожцамъ, вело безбрачную жизнь, и только впослѣдствіи, по мѣрѣ развитія и умноженія войска, постепенно увеличивалось количество семейныхъ казаковъ. Точно также и первыя основы казачьяго самоуправленія подверглись съ теченіемъ времени значительнымъ измѣненіямъ. Такъ, войсковые атаманы съ 1738 года начали назначаться по Высочайшему повелѣнію; Екатерина II въ 1775 году замѣнила войсковой кругъ войсковою канцеляріею, въ 1798 году, при Императорѣ Павлѣ, войсковые чины были сравнены съ армейскими, наконецъ, положеніемъ 1835 года войску была придана та организація, которая сохранилась у казаковъ, съ немногими измѣненіями, до 1870 года, когда было выработано новое положеніе

Въ теченіе четырехъ вѣковъ донскіе казаки ознаменовали себя цѣлымъ рядомъ военныхъ дѣйствій и предпріятій, то служившихъ на пользу русской народности, укрѣпляя силу и единство Русскаго Государства, то просто вызванныхъ жаждою наживы и грабежа, но всегда геройскихъ и запечатлѣнныхъ искуствомъ. Особенно жестоко доставалось при этомъ исконнымъ врагамъ русскаго народа—татарамъ и ихъ покровителямъ—туркамъ. Въ своихъ походахъ и поискахъ за добычею, донскіе казаки, какъ запорожцы и часто въ союзѣ

съ ними, опустошали берега Азовскаго и Чернаго морей, переплывали въ своихъ незатѣйливыхъ «стругахъ» и «чайкахъ» чрезъ послѣднее въ Малую Азію, громили здѣсь города и производили переполохъ даже въ Константинополѣ. То, что позволяло себѣ все войско по отношенію къ туркамъ и татарамъ, то отдѣльныя личности и разбойничьи ватаги примѣняли даже къ русскимъ владѣніямъ Такъ разбойничали по Волгѣ и въ предѣлахъ юго-восточной Руси Стенька Разинъ, Ермакъ Тимофѣевичъ, Прокофьевъ и др. съ своими сборищами казачьей вольницы. Но эти разбои съ избыткомъ окупились для русскаго государства однимъ предпріятіемъ Ермака Тимофѣевича—покоренiемъ Сибири; при томъ же съ этими разбоями соединялась месть за порабощеніе экономическое и гражданское, почему казачьи предводители и находили внѣ войска, въ массѣ такую сильную поддержку. Донскіе казаки играли кромѣ того не послѣднюю роль во всѣхъ войнахъ Россіи съ сосѣдями—съ татарами, турками, поляками, шведами и французами, всегда и всюду являясь передовыми борцами и неустрашимыми побѣдителями.

Такъ возникли и существовали Запорожское и Донское войска. Въ немногихъ словахъ мы отмѣтили какъ темныя стороны въ жизни казачества, послужившія ему укоромъ и матеріаломъ для преувеличенныхъ представленій о казакахъ, такъ и великую историческую роль этихъ постоянныхъ защитниковъ русскаго государства, широко раздви-

нувшаго свои предѣлы цѣною казачьей крови и отваги. Темныя дѣла и военные разбои казачества, бывшіе въ свое время обычнымъ явленіемъ не въ одной казачьей средѣ, давно и безповоротно сошли съ исторической сцены, но не умерло казачество, не заглохли тѣ положительныя стороны въ его жизни, благодаря которымъ казакъ пережилъ свою исторію и сталъ такимъ же мирнымъ членомъ Русскаго Государства, какъ и другіе граждане. Донское войско продолжаетъ и теперь еще жить на тѣхъ мѣстахъ, которыя были его колыбелью. Иная судьба постигла Запорожье, но и оно оставило непосредственныхъ преемниковъ въ лицѣ бывшихъ Черноморскаго и Новоазовскаго войскъ, заселившихъ большую часть нынѣшней Кубанской области.

III.

Уничтоженіе Запорожской Сичи.

Когда основана была послѣдняя Запорожская Сичь, международныя условія на столько измѣнились, что дальнѣйшія судьбы Запорожья можно было считать заранѣе предрѣшенными. Россія, въ это время уже могущественная и объединенная въ лицѣ двухъ народностей—великорусской и малорусской, быстро росла и ширилась. Югъ Россіи, когда-то страшный татарскими полчищами, не смотря на верховныя права и защиту Турціи, терялъ свои владѣнія шагъ за шагомъ подъ напоромъ русскаго могущества и силы. Татары ослабѣли и из-

мельчали; турки потеряли репутацію сильнаго непобѣдимаго народа; Польша, раздираемая внутренними смутами и неурядицами, едва влачила свое жалкое существованіе. Борьба съ турками и татарами оканчивалась побѣдами двухглаваго орла надъ ущербленнымъ мѣсяцемъ, и хотя запорожцы играли въ этой борьбѣ самую выдающуюся роль, творили чудеса храбрости и отваги, но послѣдующее слагалось такъ, что разъ оказалось бы сокрушеннымъ могущество татаръ и турокъ, услуги Запорожскаго казачества становились излишними. Такъ и случилось. Цѣлый рядъ столкновеній Россіи съ Крымскимъ ханствомъ и Турціей закончился въ 1774 г. миромъ въ Кучукъ-Кайнарджи, прочно утвердившимъ престижъ Россіи въ качествѣ главнаго хозяина и распорядителя Юга. Запорожцы съ своими владѣніями мало того, что очутились окруженными русскими войсками, но и принуждены были въ силу трактата, во первыхъ, возвратить часть этихъ владѣній Крымскимъ татарамъ и, во вторыхъ, лишиться доходовъ съ нѣкоторыхъ переправъ и соляныхъ озеръ въ пользу Имперіи. Запорожье почуяло бѣду и, съ энергіей и упорствомъ казачьимъ, рѣшило отстоять свои владѣнія. Въ томъ же 1774 г., на общей войсковой радѣ, были избраны три депутата отъ войска для поѣздки въ Петербургъ—Сидоръ Бѣлый, Логинъ Мощенскій и Антонъ Головатый, снабженные копіями съ документовъ на владѣнія запорожскія и полномочіями ходатайствовать предъ Екатериною Великою о защитѣ казачества отъ

утѣсненій ближайшимъ начальствомъ и объ оставленіи за войскомъ его прежнихъ владѣній. Депутація немедленно двинулась въ путь, но пока она безуспѣшно хлопотала въ Петербургѣ, Грицько Нечоса, какъ прозвали запорожцы всесильнаго Потемкина, приписавшагося къ одному изъ куреней Запорожья, дѣятельно готовился осуществить свой планъ Новороссійскаго губернаторства. Интересы Новороссійскаго генералъ-губернатора и запорожцевъ оказались въ противорѣчіи. Чтобы осуществить свой планъ, Потемкинъ долженъ былъ уничтожить Запорожье съ его обширными владѣніями.

Историкъ послѣдней Запорожской Сичи Скальковскій указываетъ на двѣ причины, способствовавшія паденію Запорожскаго казачества. Съ расширеніемъ предѣловъ Россійской имперіи, Запорожье съ своею самобытною организаціею, вольностями и владѣніями явилось «государствомъ въ государствѣ». Услуги его, если и были еще нужны, то далеко не въ прежнихъ размѣрахъ и степени, а между тѣмъ казачество являлось опаснымъ элементемъ для администраціи и ближайшихъ цѣлей Потемкина. Съ другой стороны, обширныя земельныя владѣнія Запорожья представлялись довольно заманчивыми для чиновныхъ колонизаторовъ края. Оправдываясь отъ несправедливыхъ нареканій на войско, кошевой Калнышевскій писалъ въ одномъ изъ писемъ Потемкину: «почему не жалуется на насъ тотъ, кто нашихъ земель не захватываетъ и ими не пользуется. Только тѣ кричатъ на насъ, кто отъ насъ ко-

рыстуется». Послѣдствія подтвердили указанія кошевого. Когда было уничтожено Запорожское казачество, князь Вяземскій получилъ при раздѣлѣ запорожскихъ земель 100,000 десятинъ и въ томъ числѣ мѣста, бывшія подъ обоими Сичевыми копіами; почти столько же досталось князю Прозоровскому и меньше многимъ другимъ. Такимъ образомъ, «богатая добыча», въ формѣ обширныхъ земельныхъ владѣній Запорожья, послужила тѣмъ благопріятствующимъ обстоятельствомъ, при наличности котораго князю Потемкину удалось легко свести послѣдніе счеты съ Запорожскимъ казачествомъ. Не успѣли еще запорожскіе депутаты, обласканные и обнадеженные, но ничего недобившіеся, вернуться изъ Петербурга домой, какъ Сичь, по приказанію Потемкина, была уничтожена и казачество разсѣяно.

Исторія Россіи сохранила мало такихъ печальныхъ и глубоко-трагическихъ страницъ, какою представляется разрушеніе Запорожской Сичи. Запорожцы, убѣжденные въ своей правотѣ и надѣявшіеся на удачный исходъ ходатайствъ ихъ депутаціи, не ждали бѣды въ столь ужасной для нихъ формѣ. Генералъ Текелій, которому было поручено занятіе Сичи, двинувшись во владѣніе Запорожскаго войска, не встрѣтилъ никакого сопротивленія со стороны послѣдняго на пути. Запорожцы были заняты своими хозяйственными дѣлами, имъ и въ голову не приходила мысль о томъ, что Сичь можетъ быть уничтожена. Когда, гласитъ народная пѣсня, «батько кошевый» увидѣлъ «великое войско изъ Рус-

скаго краю», то сдѣлалъ догадку, что должно быть имъ, запорожцамъ, придется съ войскомъ матери Царицы «татаръ, якъ саранчу, гонить». Но встревоженные казаки почуяли бѣду и указали своему отаману на то обстоятельство, что пушки въ войскѣ матери Царицы были наведены прямо на Сичь.

«Ой провидали запорожцы,
Що Нечоса Текелю пославъ,
Щобъ насъ и кошевого
И всю славну Сичь атакувавъ;
Бувъ же той день
Велики «зелени свята»,
О, бодай же твоя, Нечосо,
Съ того дня душа проклята!»

Такъ пѣли впослѣдствіи запорожскіе казаки, вспоминая о разрушеніи своей матери Сичи. Когда Текелій расположился съ войсками у Запорожскаго Коша, запорожцы собрались на раду, чтобы рѣшить, какъ быть казачеству и что слѣдовало предпринять. Ни разу, быть можетъ, въ исторіи Запорожья не было случая, когда казаки были въ такомъ затрудненіи. Будь на мѣстѣ русскихъ другія войска, запорожцы, не задумываясь, сложили бы свои головы, защищая Сичь. Но предъ Сичью стояли русскіе войска, братья по вѣрѣ и единоплеменники; пришлось бы лить родную кровь, поднять бунтъ, междуусобіе Неустрашимые воины, посѣдѣвшіе въ войнѣ и боевыхъ стычкахъ, молодежь, незнавшая удержу на полѣ битвы, отчаянные головорѣзы, бывшіе бичемъ и грозою для татаръ и турокъ—всѣ, однимъ

словомъ, задумались надъ роковою думою о грозившей Сичѣ бѣдѣ. Народная пѣсня передаетъ то замѣшательство, которое вызвано было въ средѣ запорожцевъ присутствіемъ русскихъ войскъ, и тѣ разногласія, которыя возникли по этому поводу между казаками: одна часть казачества желала мира и предлагала принести повинную Текелію, другая настаивала на томъ, чтобы «пока стоитъ еще солнце на небѣ, всѣ дрались бы съ запасомъ казачьимъ» и «не отдавали за спасибо Сичь», третьи были въ нерѣшительности.

Этотъ моментъ бурной запорожской рады изображенъ на прилагаемой иллюстраціи, представляющей снимокъ съ картины художника В. И. Ковалева. Въ центрѣ рады стоитъ кошевой Петръ Калнышевскій, съ лѣвой стороны примыкаютъ къ нему сторонники мирнаго подчиненія Сичи требованіямъ русскаго начальства, съ правой—ихъ противники, предлагающіе «убрать москаля въ шоры», т. е. обмануть русскія войска, и «накивать пятами», т. е. бѣжать изъ Сичи, средину занимаютъ нейтральные, ни на что опредѣленное не рѣшившіеся еще казаки. Но вотъ среди жаркихъ споровъ о томъ, что лучше пусть русскія войска «выжгутъ глаза запорожцамъ и они умрутъ одинъ за другаго», чѣмъ отдать Сичь, является съ крестомъ въ рукахъ панъ-архимандритъ; онъ убѣждаетъ запорожцевъ «не подымать на братьевъ рукъ» и «не дѣлать въ своемъ сердцѣ ранъ»; толпа прислушивается къ словамъ своего «панъ-отца», но сторон-

ПОСЛѢДНЯЯ ЗАПОРОЖСКАЯ РАДА, НА КОТОРОЙ КОШЕВОЙ АТАМАНЪ ПЕТРЪ КАЛЬНИЩЕВСКІЙ ОБЪЯВЛЯЕТЪ КАЗАКАМЪ ОБЪ УНИЧТОЖЕНІИ ЗАПОРОЖСКОЙ СѢЧИ (5 ІЮНЯ 1775 Г.)

ники борьбы заподозрѣваютъ въ архимандритѣ «шпегу», т. е. шпіона, и съ ожесточеніемъ набрасываются на него, не обративши вниманія на его духовный санъ и слова умиротворенія. Увѣщанія архимандрита и угрозы проклятія «изъ рода въ родъ» за пролитіе христіанской крови берутъ однако перевѣсъ надъ бурными рѣчами толпы. Большинство запорожцевъ слѣдуетъ совѣту пана-архимандрита и рада оканчивается рѣшеніемъ «голову хилити», т. е. смириться, принести покорность.

— «Ну, панъ-отче, по твоему нехай;
Послухаютъ тебе запорожцы,
Бери, Петре, хлібъ да сіль
И ходімъ до Текелі въ гості».

поется въ народной пѣсни, передающей тѣ тревоженія, которыя происходили въ это время на радѣ.

Казаки на первый разъ смирились, все еще не допуская мысли объ окончательномъ уничтоженіи Сичи. Батько кошевой Петръ Калнышевскій и войсковая старшина были посланы войскомъ съ хлѣбомъ и солью къ Текелію. Текелій принялъ хлѣбъ и соль, поблагодарилъ казаковъ, угостилъ ихъ и самъ принялъ отъ нихъ угощеніе въ Сичи, а кошевого и войсковую старшину однако арестовалъ и отправилъ въ Москву. Лишившись старшины, запорожцы окончательно растерялись.

Эй батьки отаманы!
Кажить, де діли нашу старшину!
Бере живый жаль за сердце,
Якъ сгадаешь славну старину!

Но горю было нечѣмъ пособить. Участь Сичи была рѣшена безповоротно. Казакамъ волею-неволею пришлось хоронить свою самобытную общину. Въ этихъ крутыхъ обстоятельствахъ сторонники борьбы привели въ исполненіе свою мысль, бѣжали въ Турцію, на земляхъ которой въ устьяхъ Дуная была основана впослѣдствіи Запорожская Сичь. Уходъ изъ Сичи части запорожцевъ только усугубилъ горе оставшихся. Кошевой и старшина были отправлены Текеліемъ въ Москву, имущество было ихъ конфисковано, а Сичь была такъ усердно разрушена, что не осталось камня на камнѣ. Исторія свидѣтельствуетъ, что Текелій, съ непонятнымъ вандализмомъ, велѣлъ разрушить даже историческіе памятники—строенія, надгробные памятники и пр.; даже церковь Пресвятыя Богородицы, по разсказамъ одного очевидца, «обдирали», обрубая топоромъ царскія врата и срывая украшенія.

Такъ пала послѣдняя Запорожская Сичь въ 1775 году, и совершена была по мысли Потемкина крупная и несправедливая ошибка по отношенію къ запорожцамъ, нужду въ которыхъ скоро потомъ почувствовалъ Потемкинъ.

IV.

Образованіе Черноморскаго войска и пребываніе его за Бугомъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. За это время многое успѣло измѣниться. Оставшіеся на родинѣ за-

порожцы разбрелись по разнымъ мѣстамъ: одни изъ нихъ поженились, обзавелись семьями и хозяйствомъ, другіе продолжали «бурлаковать», т. е. жить холостяками, и такихъ было большинство. Привычка къ бурной военной жизни и необходимое условіе такой жизни—отсутствіе семейства, были тому причиною. Осиротѣвшіе сичевики какъ бы ждали только удобнаго случая, чтобы снова «тряхнуть стариною», возобновить утерянное. И они не обшиблись; такой случай не замедлилъ представиться. Когда была образована Потемкинымъ новая провинція—Новороссійскій край, въ 100,000 кв. верстъ и съ полумилліоннымъ только населеніемъ и когда такимъ образомъ, при обширности границъ вновь образовавшейся провинціи, некому было оберегать ея разбросанное населеніе,—Потемкинъ невольно вспомнилъ о «братчикахъ запорожцахъ» и пожалѣлъ о разсѣянныхъ всюду казакахъ. Для обширнаго и открытаго со всѣхъ сторонъ отъ нападеній поляковъ, турокъ и татаръ края требовалась военная защита, вполнѣ соотвѣтствовавшая мѣстнымъ условіямъ: необходимо было легкое и неустрашимое войско, всегда готовое къ отраженію непріятеля и хорошо знавшее пріемы и уловки своихъ противниковъ. Такимъ именно войскомъ считались запорожцы, и тогда-то, наконецъ, понялъ Потемкинъ, почему столь авторитетные дѣятели, какъ графъ Вейсбахъ, Минихъ и Панинъ поддерживали Запорожское казачество: казаки были самымъ надежнымъ оплотомъ въ борьбѣ съ сосѣдями и лучшею

военною стражею для границъ. Обстоятельства, слѣдовательно, заставили Потемкина переложить гнѣвъ на милость и, разъ остановившись на мысли о необходимости возобновленія казачества, онъ привелъ потомъ постепенно эту мысль въ исполненіе.

Непосредственно послѣ уничтоженія Запорожской Сичи, Потемкинъ хотѣлъ было уже утилизировать военныя силы казачества, приказавши генералу Текелію представить ему списокъ наиболѣе податливыхъ и отличившихся въ послѣднюю турецкую компанію старшинъ, съ цѣлію награжденія ихъ жалованьемъ и провіантомъ. При посредствѣ такихъ лицъ Потемкинъ предполагалъ набрать два пикинерные полка изъ бывшихъ запорожскихъ казаковъ. Но на языкѣ запорожцевъ это означало «поробить ихъ москалями», т. е. сдѣлать солдатами, и поэтому казаки помнившіе, какое участіе принималъ Потемкинъ въ паденіи Сичи, не только не поддались на обѣщаніе генералъ-губернатора, но лишь усилили ряды бѣглецовъ въ Турцію. Князю Таврическому однако удалось окружить себя нѣкоторыми изъ бывшихъ запорожскихъ старшинъ, получившихъ армейскіе чины, жалованье и составившихъ у него нѣчто вродѣ почетнаго конвоя; были также единичные случаи поступленія запорожцевъ въ Херсонскій и Полтавскій пикинерные полки и даже на гражданскую службу. Но отъ всего этого до образованія вновь казачьяго войска было еще очень далеко. Только мысль объ окончательномъ присоединеніи Крыма къ Россіи и о неизбѣж

ности новой войны съ Турціею заставила князя Таврическаго серьезно позаботиться о возстановленіи казачества Съ этою цѣлію еще въ 1783 году Потемкинъ разрѣшилъ бывшимъ Запорожскимъ старшинамъ: Антону Головатому, Харьку Чепѣгѣ и Легкостуну «приглашать охотниковъ къ служенію въ казачьемъ званіи». Впрочемъ разрѣшеніе это повидимому не дало на первыхъ порахъ особенно осязательныхъ результатовъ. По крайней мѣрѣ до 1787 г. объ организаціи вновь зарождавшагося казачества нѣтъ достаточныхъ историческихъ указаній. Въ этомъ году, во время путешествія Императрицы Екатерины II по Южной Россіи, Антонъ Головатый, Сидоръ Бѣлый и другіе казачьи старшины, конечно, не безъ вѣдома и содѣйствія Потемкина, поднесли въ Кременчугѣ Государынѣ адресъ, выразивъ въ немъ желаніе служить по прежнему на военномъ полѣ. Въ томъ же 1787 году и тѣ же казацкіе старшины—Сидоръ Бѣлый, Захарій Чепѣга и Антонъ Головатый окончательно сформировали вольныя казачьи команды. Собранные имъ казаки получили названіе «войска вѣрныхъ казаковъ» и были разбиты на двѣ группы—на конницу, подъ начальствомъ Чепѣги и на пѣхоту, подъ командою Головатаго; общее же начальствованіе надъ казаками было поручено Потемкинымъ первому кошевому отаману возродившагося войска—Сидору Бѣлому.

Такимъ-то образомъ возникло вновь запорожское казачество подъ именемъ Черноморскаго войска, составившаго впослѣдствіи основную часть

Кубанскаго казачества. Но прежде, чѣмъ переселиться въ нынѣшнюю Кубанскую область, черноморцы должны были сослужить службу Русскому государству въ борьбѣ съ Турціей. Черноморцы дѣйствительно оказали чудеса храбрости въ этой войнѣ и на дѣлѣ доказали свою боевую пригодность и право на самостоятельное существованіе. Можно сказать, что пролитою здѣсь кровью они купили себѣ земли на Кубани.

Ближайшее участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ началось для Черноморцевъ съ 1788 года. Послѣ двухъ стычекъ съ турецкимъ флотомъ—1 Іюня, когда у Кинбургскихъ береговъ турки напали на казачьи лодки и были мужественно отражены казаками, и 7 Іюня въ дѣлѣ турецкаго флота съ русскою гребною флотиліею, за которую казаки получили отъ Потемкина одобрительный отзывъ, 16 Іюня черноморцы участвовали въ пораженіи турецкаго флота. Сраженіе это отличалось замѣчательнымъ самоотверженіемъ и стойкостью со стороны русскихъ войскъ. Командующій русскою флотиліею, въ числѣ которой были и казачьи суда, принцъ Нассау-Зигенъ долженъ былъ выдержать напоръ всего непріятельскаго флота. Казаки при этомъ выказали невѣроятное мужество. На своихъ мелкихъ гребныхъ судахъ они смѣло бросались штурмовать турецкіе корабли, сцѣпившись съ которыми, поражали потомъ непріятеля на палубахъ собственныхъ его судовъ.... Турецкій флотъ принужденъ былъ отступить съ мѣста битвы съ

большимъ уропомъ. Но и казакамъ не дешево далась эта побѣда, въ которой они принимали такое выдающееся участіе: войско потеряло кошевого отамана Сидора Бѣлаго, получившаго въ сраженіи смертельную рану и чрезъ три дня послѣ того умершаго. Спустя 14 дней затѣмъ, 1 Іюля черноморскіе казаки снова участвовали въ пораженіи турецкаго флота подъ Очаковымъ.

Но особенно выказали свои боевыя качества черноморцы при взятіи Березани. Березань представляла по тому времени почти неприступный островъ, находившійся въ открытомъ морѣ, вблизи очаковскихъ береговъ. Высокій обрывистый берегъ этого острова со стороны моря, прекрасная крѣпость въ этой части острова и сильныя батареи съ юга, по отлогому берегу, доступному для пападенія со стороны суши, казалось, дѣлали невозможнымъ сколько-нибудь удачный штурмъ Березани и тѣмъ болѣе для казаковъ съ ихъ небольшими силами и гребными судами. Однако утромъ 7 Ноября, по приказанію Потемкина, казачья флотилія, подъ начальствомъ войсковаго судьи Антона Головатаго, смѣло направилась на островъ со стороны суши, не смотря на сильный непріятельскій огонь съ Березани. Приблизясь насколько позволялъ этотъ огонь и глубина моря къ отлогому берегу Березани, казаки сдѣлали залпъ изъ пушекъ и ружей, бросились затѣмъ въ воду, вползли на укрѣпленный берегъ и аттаковали непріятельскія батареи. Рукопашная схватка заставила турокъ бросить

батареи и отступить къ крѣпости, до стѣнъ которой преслѣдовали ихъ казаки. Когда турки укрылись за стѣнами крѣпости, сильный картечный огонь отсюда принудилъ казаковъ воротиться на турецкія батареи. Направивши съ батарей турецкія пушки на турецкую крѣпость, казаки въ свою очередь открыли усиленную кононаду. Движеніе, сдѣланное со стороны русскаго флота, отъ котораго отдѣлилось нѣсколько фрегатовъ по направленію къ Березани, и отправленіе къ острову канонирскихъ лодокъ рѣшили участь турецкаго гарнизона: турки сдали островъ и крѣпость казакамъ.

Послѣ взятія Березани для черноморцевъ насталъ безконечный рядъ стычекъ, преслѣдованій непріятеля и сраженій въ рядахъ русской арміи. Между тѣмъ какъ казачья флотилія участвовала въ упомянутыхъ сраженіяхъ на водѣ, конные казаки, подъ начальствомъ Чепѣги, избраннаго на мѣсто Бѣлаго кошевымъ отаманомъ, двигались берегомъ, вмѣстѣ съ арміей Потемкина, по направленію къ Днѣстру и Дунаю, и на всемъ этомъ пространствѣ казакамъ приходилось неоднократко участвовать въ крупныхъ сраженіяхъ арміи и въ самостоятельныхъ мелкихъ стычкахъ съ непріятелемъ. Такъ, въ томъ же 1788 году казаки принимали участіе во взятіи приступомъ русскими войсками сильнѣйшей крѣпости Очакова; въ слѣдующемъ 1789 году 18 Іюня черноморцы сражались подъ начальствомъ Кутузова у крѣпости Бендеры; 14 Сентября они взяли штурмомъ вмѣстѣ

съ русскимъ отрядомъ Хаджибей, укрѣпленный замокъ, бывшій на мѣстѣ нынѣшней Одессы; затѣмъ отдѣльные отряды черноморскихъ казаковъ участвовали при взятіи русскими войсками Аккермана и Бендеръ; въ то же время казаки несли разъѣздную передовую службу, доставляли провіантъ, были вожатыми въ хорошо знакомой имъ мѣстности, дѣлали рекогносцировки, тревожили непріятеля, захватывали плѣнныхъ и т. п.

Въ теченіе почти цѣлаго года, благодаря смерти союзника Россіи австрійскаго императора и перемирію, заключенному Австріею съ Турціей, русскія войска не предпринимали ничего рѣшительнаго, ограничившись удержаніемъ завоеванныхъ пунктовъ Въ это время (въ 1790 г.) Императрица Екатерина, въ уваженіе къ заслугамъ казаковъ и Потемкина, назначила послѣдняго гетманомъ Черноморскихъ и Екатеринославскихъ казачьихъ войскъ. Гетманъ, выказывая въ свою очередь заботливость о нуждахъ казаковъ, назначилъ имъ подъ поселенія земли между р.р. Бугомъ и Днѣстромъ, въ предѣлахъ нынѣшняго Одесскаго уѣзда. Казаки, не смотря на военное время, стали дѣятельно устраиваться на указанныхъ земляхъ. Однако главныя казачьи силы все таки были отвлечены отъ мирныхъ занятій военною службою. Съ осени 1790 года Потемкинъ снова рѣшился повести дѣятельно войну съ турками. Чтобы нанести существенное пораженіе туркамъ, рѣшено было взять первокласную турецкую крѣпость Изма-

илъ. По совѣту Суворова, первоначально слѣдовало для лучшаго обезпеченія главной цѣли, овладѣть устьями Дуная и взять крѣпость Килію, охранявтую проходъ въ Дунай. Привести въ исполненіе этотъ предварительный планъ поручено было русской гребной флотиліи подъ начальствомъ генерала де-Рибаса и казачьему отряду на судахъ подъ командою Антона Головатаго. Порученіе было исполнено, Килія и два сильно укрѣпленныхъ замка Тульча и Исакча были взяты русскими войсками и казаками. Тогда Потемкимъ приказалъ де-Рибасу истребить турецкій флотъ, стоявшій на Дунаѣ подъ стѣнами Измаила. Послѣ предварительныхъ подготовленій, съ устроенныхъ батарей и съ обѣихъ флотилій — русской и казачьей, 20 Ноября была открыта усиленная кононада по Измаилу. Съ одной стороны подвели свои баркасы къ турецкому флоту русскіе моряки, а съ другой повелъ атаку на казачьихъ судахъ Антонъ Головатый, нанесшій туркамъ сильнѣйшее пораженіе, потопивши и сжегши до 90 судовъ. Истребленіе турецкаго флота было произведено 20 Ноября, а 11 Декабря Суворовъ взялъ приступомъ Измаилъ, при чемъ казаки были въ числѣ самыхъ дѣятельныхъ виновниковъ этой побѣды и потеряли 160 человѣкъ убитыми и 345 человѣкъ раненными, количество по тогдашнему времени и по малому составу казачьихъ войскъ очень значительное. Наконецъ, въ 1791 году черноморскіе казаки, подъ начальствомъ своего кошевого отамана Харька Чепѣги, нанесли два силь-

ныхъ пораженія отдѣльнымъ частямъ турецкой арміи подъ Бабадагомъ, именно: турецкой конницѣ и войскамъ татарскаго хана. Разбитіемъ турокъ подъ Мачиномъ русскими войсками черноморцы закончили свое боевое участіе въ этой войнѣ. Въ то же время Россія заключила миръ съ Турціею.

Такимъ образомъ, во все время своего четырехлѣтняго существованія, съ 1787 по 1791 годъ, Черноморское казачество провело исключительно въ военныхъ дѣйствіяхъ. Казалось, и обстоятельства какъ будто нарочито благопріятствовали и казаки съ особеннымъ усердіемъ старались выказать тѣ военныя качества и заслуги, опираясь на которыя вновь собранные запорожцы могли расчитывать на право самостоятельнаго существованія и на возвращеніе хотя бы части прежнихъ казачьихъ вольностей. И, дѣйствительно, счастіе, купленное однако цѣною казачьей крови обильно пролитой въ войнѣ съ турками, начало повидимому улыбаться черноморцамъ. Прежній врагъ запорожцевъ—Потемкинъ Таврическій, превратился въ «милостиваго батька». Войску, съ самаго его возникновенія, была возвращена, хотя и не въ полномъ объемѣ, но старинная казачья организація съ кошевымъ отаманомъ и войсковыми старшинами во главѣ; императрица Екатерина II, какъ говорится въ ордерѣ Потемкина отъ 31 Января 1788 года, «изволила снизойти на пожалованіе казакамъ земли для поселенія въ Керченскомъ кутѣ или на Тамани»; войску было возвращено бѣлое войсковое большое знамя, малыя курен-

ныя знамена, булава кошевого отамана и перначи, т. е всѣ тѣ регаліи, которыми всегда такъ дорожили запорожскіе казаки; наконецъ, самъ Потемкинъ принялъ на себя званіе гетмана казачьихъ войскъ, что уже прямо налагало на него обязанность особыхъ попеченій о казакахъ. И на самомъ дѣлѣ, во все время военныхъ дѣйствій, давая самыя трудныя порученія войску, Потемкинъ не переставалъ въ то же время заботиться о казакахъ: черноморцы награждались чинами и орденами, подвиги ихъ доводились до свѣдѣнія Государыни, въ военныхъ приказахъ выражалась благодарность казакамъ. Но главная забота Потемкина состояла въ представленіи черноморцамъ земли, безъ которой немыслимо было самостоятельное существованіе вновь возникшаго казачьяго войска. Вслѣдствіе своего ходатайства предъ Императрицей, Потемкинъ получилъ въ 1790 году разрѣшеніе отвести черноморскимъ казакамъ «привольныя мѣста на берегу Чернаго моря, между Днѣпромъ и Бугомъ», съ правомъ пользованія «рыбными ловлями и всѣми выгодами земли»; лично отъ себя Потемкинъ подарилъ войску «Округу Еникольскую съ Таманомъ, на которомъ, говоритъ онъ въ своемъ письмѣ казакамъ, отданныя мнѣ мѣста съ рыбными ловлями, самыми изобильными, любя войско, на всегда оному дарую». Казаки почувствовали твердую почву подъ ногами и начали производить хозяйственныя обзаведенія на указанныхъ имъ земляхъ. Но, къ общему ихъ горю, годъ спустя, 5 Октября 1791 года, неожидан-

но для всѣхъ скончался Потемкинъ Таврическій. Войско «осиротѣло»; безъ покровительства умершаго гетмана ему предстояла трудная задача отстоять свое самостоятельное существованіе.

Въ теченіе двухъ лѣтъ, со времени разрѣшенія черноморцамъ селиться на земляхъ между Днѣстромъ и Бугомъ, казаки успѣли основать по р.р. Днѣстру, Бугу, Телигулу, Березани, при Очаковскомъ лиманѣ и въ другихъ мѣстахъ 25 селеній, съ главною резиденціею войска въ Слободзеѣ. Кромѣ того, возникло много хуторовъ, зимовниковъ и рыболовныхъ заводовъ. Черноморцы дѣятельно заботились объ устройствѣ своего края. Но въ то же время многое и многое наводило ихъ на мысль о непрочной будущности казачества. Не только смерть гетмана, защитника интересовъ войска, но ещо болѣе окружающія казачью жизнь условія пугали черноморца. Не смотря на военныя заслуги казаковъ и разрѣшеніе правительства селиться и обзаводиться хозяйствомъ бывшимъ запорожцамъ, ближайшею администраціею и въ особенности помѣщиками ставились всевозможныя препятствія для казачьей колонизаціи. Запорожцевъ не пускали въ войско, пытались прикрѣпить къ помѣстьямъ, обратить въ холоповъ, удерживали ихъ женъ и дѣтей. И это еще не особенно страшило и безпокоило черноморцевъ. На прибугскихъ и придиѣстровскихъ земляхъ во всякомъ случаѣ поселилось въ теченіе двухъ лѣтъ 1759 казачьихъ семействъ въ числѣ 5068 муж. и 4414 жен. пола; это населеніе во

всякомъ случаѣ было внѣ посягательствъ на него со стороны помѣщиковъ и администраціи. Но за черноморцами, во первыхъ, не были прикрѣплены никакими документами назначенныя имъ земельныя владѣнія, а во вторыхъ, рядомъ съ этими, указанными въ весьма неопредѣленныхъ границахъ, владѣніями шли дѣятельныя раздачи на помѣстномъ правѣ постующихъ земель. Между тѣмъ казаки были уже разъ свидѣтелями того, какъ ихъ старинныя запорожскія земли обратились на ихъ глазахъ въ частную собственность лицъ, неимѣвшимъ никогда и никакого отношенія къ сичевымъ владѣніямъ, какъ священныя для нихъ мѣста, гдѣ когда-то находилась ихъ резиденція—Запорожскій Кошъ, были передѣланы и приспособлены для помѣщичьихъ поселеній, какъ ихъ права на владѣніе, омытыя казачьею кровью и укрѣпленныя исторіею, тѣмъ не менѣе были попраны и уничтожены. Это былъ горькій и жестокій урокъ. Не могло ли того же случиться и съ вновь обѣщанными землями? Вотъ вопросъ, который болѣе всего безпокоилъ казаковъ и наводилъ ихъ на мысль о сомнительной будущности войска и его правъ. Россія въ это время придвинула границы къ самымъ водамъ Чернаго моря, казачеству некуда было двигаться дальше, недавшія военныя заслуги войска могли быть скоро забыты, надобность въ боевой казачьей силѣ могла не потребоваться въ ближайшемъ будущемъ; одинъ неосторожный шагъ со стороны казаковъ могъ похоронить войско со всѣми его проблематическими

правами. Къ тому же обѣщаніе Екатерины Великой дать черноморцамъ земли на Тамани, сдѣланное еще въ 1787 году при возникновеніи войска, было въ силѣ; при первомъ удобномъ случаѣ администрація, желавшая выжить казаковъ, могла опереться на это обѣщаніе, да и на самомъ дѣлѣ вскорѣ послѣ смерти Потемкина черноморцамъ было предъявлено требованіе пересилиться на Тамань. Не лучше ли, поэтому, было сразу уйдти въ этотъ неизвѣданный еще край, гдѣ царили ширь и просторъ и гдѣ интересы казаковъ не могли столкнуться съ выгодами и расчетами сильныхъ тогдашняго міра? Черноморцы рѣшили этотъ вопросъ утвердительно.

То, что сдѣлали въ этомъ отношеніи черноморскіе казаки, представляетъ въ исторіи рѣдкій примѣръ разумно и практически проведеннаго плана, придуманнаго массою, народомъ. Выработанъ и выполненъ этотъ планъ былъ именно всею многолюдною казачьею общиною и ея выборными представителями. Въ этомъ сказались обычаи и традиціи Запорожья. Еще въ 1789 году, когда казачество ощутило надобность въ собственной своей землѣ и когда какъ по этому вопросу, такъ и относительно приравненія черноморской казачьей службы къ донской въ военномъ отношеніи, между пѣшими и конными казаками произошли несогласія, кошевой отаманъ Чепѣга просилъ войсковаго судью Антона Головатаго «приложить стараніе привесть и пѣхотную команду о землѣ въ единомысліе, а также и о донской службѣ» и «учи-

нить настоящую выправку: какого пѣхотная команда мнѣнія, дабы и конная съ пѣхотною могла быть въ единомъ согласіи»,—Чепѣга просилъ вмѣстѣ съ тѣмъ судью прислать ему письменное увѣдомленіе «за подписаніемъ общихъ рукъ». Вслѣдствіе этого Головатый собралъ на островѣ Березани казачью раду изъ пѣхотныхъ казаковъ, которые и выразили свое согласіе относительно ходатайства о землѣ въ особомъ приговорѣ. Препровождая этотъ приговоръ къ войсковому отаману, Головатый прибавлялъ въ особомъ письмѣ: «касательно до пѣхоты, то оная въ своемъ существѣ, такъ какъ и была на военной ногѣ, всегда готова проливать кровь за вѣру, отечество и вольность, которую заслужить положили съ помощію Бога». Казачество, слѣдовательно, не только коллективно заявило свои желанія, но и порѣшило такъ или иначе добиться осуществленія ихъ. Такимъ образомъ, случай этотъ показываетъ, что общинная самодѣятельность была видною характерною чертою въ жизни черноморскаго казачества на первыхъ порахъ его существованія.

Особенно ярко эта черта выразилась въ постановкѣ вопроса о переселеніи черноморцевъ изъ за Буга на Кубань Получивъ приказаніе о переселеніи, казаки на общей войсковой радѣ порѣшили послать прежде всего опытныхъ людей для осмотра Тамани и прилегавшихъ къ ней земель. Такимъ лицомъ былъ избранъ войсковой есаулъ Мокій Гуликъ съ командою казаковъ, которымъ поручено было тщательно обслѣдовать ха-

рактеръ мѣстности и оцѣнить достоинства угодій. Затѣмъ, по приговору также войсковой рады, судья Антонъ Головатый съ нѣсколькими войсковыми товарищами были избраны въ депутаты къ Императрицѣ для исходатайствованія правъ «на вѣчно спокойное потомственное владѣніе» тою землею, которую намѣтило для себя казачество. Депутаціи было вручено прошеніе на имя Императрицы отъ имени всего войска и особая инструкція относительно тѣхъ пунктовъ, о которыхъ депутація должна была хлопотать. Не смѣя даже намекнуть на права бывшей Запорожской Сичи, войско принуждено было пустить въ ходъ хитрость. Такъ, оно скромно просило объ отдачѣ ему во владѣніе земель «на Тамани, съ окрестностями оной», а окрестности эти, по занимаемому ими пространству, въ 30 разъ превышали весь Таманскій полуостровъ. Войско не обмолвилось также словомъ объ организаціи самоуправленія, а впослѣдствіи выработало свой собственный законодательный актъ, служившій въ сущности снимкомъ съ организаціи самоуправленія въ Запорожской Сичи. Результатомъ хлопотъ депутаціи въ Петербургѣ были двѣ жалованныя грамоты отъ 30 Іюня и отъ 1 Іюля 1792 года. Въ этихъ грамотахъ были выражены тѣ начала, которыя легли потомъ въ основу общиннаго самоуправленія черноморскихъ казаковъ. Надо отдать полную справедливость той осторожности и тактичности, съ которою дѣйствовала казачья депутація и въ особенности ея глава—судья

Антонъ Головатый. Пустивъ въ ходъ все: и знакомство съ людьми сильными, и малорусскую пѣсню, и чудачество казака-малоросса, этотъ замѣчательно умный и по своему времени довольно образованный казакъ на столько успѣшно довелъ до конца порученное ему дѣло, что главнѣйшія желанія войска были занесены въ жалованныя грамоты въ подлинныхъ почти выраженіяхъ казачьей инструкціи и прошенія.

Когда казачья депутація прибыла изъ Петербурга обратно въ войско, съ жалованными грамотами на земли, съ новыми регаліями и подарками Императрицы Екатерины, и когда съ достаточною торжественностью было отпраздновано это возвращеніе депутаціи и полученныя войскомъ монаршія милости,—Черноморское казачество начало окончательно собираться на свою новую родину.

V.

Переселеніе черноморцевъ на Кубань и колонизація края.

Переселеніе черноморцевъ было произведено двумя путями—водою на судахъ и сухимъ путемъ. Еще до возращенія депутаціи изъ Петербурга войскомъ были изготовлены 51 лодка и одна яхта для передвиженія казаковъ первымъ путемъ. Не дождавшись депутаціи, 3847 пѣшихъ казаковъ, подъ командою войсковаго полковника Саввы Бѣлаго и въ сопровожденіи бригадира Пустошкина,

ФОТОГРАФИРОВАЛЪ К. Д. ФЕЛИЦЫНЪ

ПЕШІЙ КАЗАКЪ КОННЫЙ КАЗАКЪ ВОЙСКОВОЙ ПОЛКОВНИКЪ

КОСТЮМЫ И ВООРУЖЕНІЕ ЧЕРНОМОРСКИХЪ КАЗАКОВЪ ВЪ ИСХОДѢ XVIII И ВЪ НАЧАЛѢ XIX СТОЛѢТІЙ 1787 — 1803 ГОДА

двинулись на казачьей флотиліи по Черному морю къ Таманскимъ берегамъ. 25 Августа 1792 года эта часть казаковъ пристала къ Таманскому полуострову. Пушки и артиллерійскіе припасы были выгружены на время въ Фанагорійскую крѣпость; тутъ же, въ Тамани, расположились главныя силы казаковъ; часть лодокъ и казаковъ подъ командою войсковаго полковника Чернышева была отправлена въ лиманы къ устью Кубани въ качествѣ сторожеваго отряда отъ черкесъ; на сушѣ, при Старомъ Темрюкѣ, съ тою же цѣлію былъ выставленъ другой отрядъ, подъ начальствомъ также войсковаго полковника Кордовскаго. Такъ казаки начали свои первыя дѣйствія въ краѣ, который долженъ былъ стать ихъ кормильцемъ и въ которомъ имъ предстояло насадить гражданственность, завести хозяйство, упрочить экономическій бытъ и вообще зажить трудовою жизнью. Между тѣмъ оставшіеся за Бугомъ казаки и ихъ семейное населеніе въ свою очередь были подраздѣлены на двѣ части. Главная часть казаковъ съ войсковымъ обозомъ выступила въ путь въ началѣ Сентября подъ командою самаго кошеваго атамана Чепѣги; судья Головатый съ однимъ конным и однимъ пѣшимъ полками остался на мѣстѣ, чтобы, съ началомъ весны слѣдующаго года, препроводить казачьи семейства съ имуществомъ на новое мѣстожительство. Чрезъ два мѣсяца, въ концѣ Октября, Чепѣга съ войскомъ прибылъ къ пограничной рѣкѣ будущаго своего отечества—Еѣ. Не-

настная погода и усталость заставила казаковъ зимовать здѣсь въ такъ называемомъ Ханскомъ городкѣ при Ейской косѣ. Наконецъ, въ слѣдующемъ 1793 году, когда всѣ три части казаковъ прибыли на мѣсто, окончательно былъ занятъ Таманскій край «съ его окрестностями» или Черноморія, какъ названъ былъ этотъ край по имени черноморскихъ казаковъ, получившихъ въ свою очередь это названіе за военные подвиги на Черномъ морѣ въ послѣднюю Турецкую войну.

Въ то время сѣверозападная часть нынѣшней Кубанской области, т. е. прежняя Черноморія, представляла никѣмъ незаселенную, пустынную мѣстность Въ теченіе вѣковъ здѣсь перебывали всѣ тѣ народности, которыя временно обитали въ южной Россіи и отъ которыхъ къ концу XVIII вѣка плохо сохранились даже воспоминанія. Скифы, русскіе, греки, генуэзцы, козары, половцы, печенѣги, черкесы, позже турки, татары, казаки-некрасовцы и наконецъ, ногайцы такъ или иначе были причастны въ разное время къ мѣстности, пожалованной черноморцамъ. Но въ моментъ переселенія край былъ совершенно свободенъ отъ какой бы то ни было народности, съ которою пришлось бы вступить въ борьбу или дѣлить землю казакамъ. Не задолго передъ тѣмъ, въ 1784 году, знаменитый Суворовъ какъ бы нарочито подготовилъ край къ принятію черноморцевъ, выселивши послѣднихъ его обитателей—ногайцевъ въ предѣлы нынѣшней Таврической губерніи.

Какъ и въ настоящую пору, Черноморія представляла въ то время обширную равнину, упиравшуюся южною своею границею въ бассейнъ Кубани, съ единственною кряжистою мѣстностью—Таманскимъ полуостровомъ. Тогдашняя природа и естественныя условія края однако далеко не походили на то, что замѣчается въ этомъ отношеніи теперь. Мѣстами, какъ на Таманскомъ полуостровѣ и вдоль Кубани, были остатки лѣсовъ; теренъ, шиповникъ и вообще мелкія кустарниковыя поросли въ обиліи встрѣчались всюду на этой равнинѣ; травы и вообще роскошная естественная растительность придавала совершенно дикій характеръ степямъ; степныя рѣчки, лиманы, озера, болота изобиловали водой; воды въ свою очередь были богаты разными видами рыбы, а мѣстность—дикими звѣрями и птицами; подъ бокомъ было, наконецъ, Азовское море съ богатѣйшими рыболовными угодьями. Казаку, какъ звѣролову и рыболову, предстояло широкое поле для промысловой дѣятельности: степныя угодья и богатство пастбищъ сулили прекрасныя условія для скотоводческаго хозяйства; относительно теплый климатъ и мѣстами тучная, а вообще непочатая дѣвственная почва благопріятствовала также земледѣльческимъ занятіямъ. Однимъ словомъ, казаки могли совершенно вѣрно характеризовать свою будущность вообще и экономическую въ частности словами пѣсни Антона Головатаго:

Въ Тамані жить, вірно служить,
Гряницю держати,

Рибу ловить, горилку пить,
Ще й будемъ богаті.
Да вже треба женитися,
И хліба робити,
А хто итиме изъ невіри
Непощадно бити.

И однако Черноморія все таки была пустыннымъ, дикимъ, неприспособленнымъ для гражданскаго строя краемъ. Ее нужно было еще культивировать: предстояло еще заселить, требовалось устроить жилища, провести дороги, установить сообщенія, покорить природу, приспособиться къ климату и т. д., и т. д. Этого мало. Хотя край былъ и пустыннымъ, но рядомъ съ нимъ, по другую сторону Кубани, жили черкескія племена, потомки древнихъ косоговъ, племена воинственныя и разбойничьи, которыя къ тому же не могли хладнокровно отнестись къ заселенію сосѣдней мѣстности казаками, очень опасными соперниками. Все это осложняло колонизаціонныя задачи казачества, но все это тѣмъ не менѣе не помѣшало черноморцамъ создать совершенно новыя формы казачьей жизни, формы, въ основѣ которыхъ хотя лежали и старинные казачьи идеалы, но на иной уже совершенно подкладкѣ.

Обнявъ пространство около 30,000 кв. верстъ, Черноморія была населена первоначально 25 тысячами душъ обоего пола. Стало быть, на каждаго переселенца приходилось болѣе, чѣмъ по квадратной верстѣ пространства. То обстоятельство, что первоначальное населеніе Черноморіи состояло ча-

стію изъ чистыхъ запорожцевъ, а частію изъ малорусской вольницы и вообще людей, искавшихъ свободной жизни и самостоятельнаго хозяйства, само по себѣ указываетъ на характеръ тогдашнихъ поселеній. Это были поселенія чисто казачьи, до извѣстной степени военныя, но приспособленныя къ гражданскимъ и экономическимъ цѣлямъ въ духѣ малорусскихъ порядковъ и обычаевъ.

Въ самомъ дѣлѣ, черноморцы при устройствѣ своихъ первыхъ поселеній придерживались того, что выработала въ этомъ отношеніи раньше Запорожская Сичь, но такъ какъ въ жизнь ихъ вошелъ новый элементъ, долженствовавшій произвести существенную перемѣну въ ней, то, сообразно съ этимъ, и поселенія приняли особый, отличный отъ прежнихъ характеръ. Запорожская Сичь, какъ мы видѣли, состояла изъ безсемейнаго товарищества, а принадлежащія ей земли была раздѣлены на «паланки» ,населенныя преимущественно семейнымъ казачествомъ или «подданствомъ» . Въ Черноморіи, съ самаго начала ея существованія, не было ни господствовавшаго товарищества, ни зависимаго подданства, а было лишь однообразное, если не считать конечно чиновной старшины, семейное казачество, въ составъ котораго входили и безсемейные казаки, «сирома» . Поэтому, и самое заселеніе края было произведено уже иначе: подъ оболочкой старыхъ формъ возникли совершенно другіе порядки и пріемы для заселенія края, какіе ужъ были разъ примѣнены отчасти черноморцами за Бугомъ Ека-

теринодаръ, основанный въ 1794 году, былъ сдѣланъ крупнымъ центральнымъ пунктомъ въ ряду другихъ казачьихъ поселеній и получилъ названіе города. Здѣсь сосредоточилось главное войсковое начальство. Здѣсь же, въ крѣпости, какъ и въ Запорожскомъ Кошѣ, были выстроены «курени», казармы, гдѣ жила бездомная холостая сирома и служилые казаки. Затѣмъ остальное казачество было разселено по всей остальной территоріи Черноморскаго войска. Съ этою цѣлію, весною 1794 года, кошевой атаманъ Чепѣга и выбранные отъ войска депутаты опредѣлили предварительно мѣста для крупныхъ поселеній Брошенный затѣмъ, по обычаю стараго сичеваго казачества, жребій указалъ, гдѣ и какому куреню предстояло поселиться.

Такъ было первоначально основано 40 отдѣльныхъ «куренныхъ селеній», получившихъ тѣ же самыя названія, подъ которыми были извѣстны 38 кореней въ Запорожской Сичи. Два поселенія, кромѣ того, были основаны и названы: одно Екатериновскимъ, въ честь Екатерины II, а другое Березанскимъ, по имени крѣпости и острова Березани, взятыхъ казаками у турокъ въ послѣднюю войну. Самое названіе «куренное селеніе», очевидно, указывало какъ на пріемственность новыхъ поселочныхъ формъ Черноморіи отъ формъ старыхъ — «кореней», такъ и на отличительную особенность этихъ новыхъ формъ — «селеній», принаровленныхъ къ семейному общежитію. Но въ разговорномъ языкѣ долго потомъ употреблялось слово «курень» безъ

всякихъ эпитетовъ. Въ настоящее время черноморцы называютъ свои крупныя поселенія станицами и изрѣдка слободами, названіе же курень совсѣмъ вышло изъ употребленія.

Одновременно съ заселеніемъ Черноморіи куренными селеніями, возникли въ ней и другаго рода поселочныя формы, формы мелкія, ячеичныя. Это были хутора, зимовники и коши, изъ которыхъ нѣкоторые появились даже раньше основанія куреней. Будучи въ колонизаціонномъ отношеніи формами второстепенными, зависимыми и тяготѣвшими къ куренямъ, какъ части къ цѣлому,—хуторскія обзаведенія были, такъ сказать, занесены поселенцами вмѣстѣ съ ихъ хозяйствомъ. Главную статью этого послѣдняго у поселенцевъ составлялъ скотъ, а скотоводческое хозяйство того времени неразрывно было связано съ хуторомъ и его первообразомъ—зимовникомъ или кошемъ.

Такъ какъ во время заселенія Черноморія представляла собою край дикій и незаселенный даже инородцами, а рядомъ съ нею лежали земли черкесовъ, народа хищнаго и воинственнаго; то казачеству предстояло разомъ и организовать экономическую жизнь, и защищать новую свою родину отъ настроенныхъ враждебно къ нимъ, какъ пришельцамъ, иноплеменныхъ сосѣдей. Такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ колонизаціи, за экономическими нуждами черноморцевъ, очень настоятельно должны были выступать требованія военныя. Само правительство, населяя Черноморію,

искало въ ея поселенцахъ того живаго оплота противъ внѣшнихъ враговъ государства, какимъ издавна считалось казачество. Этою-то двойственною ролью казачества, какъ военнаго сословія, поставленнаго въ военную обстановку, и какъ населенія пограничнаго, обусловливалась необходимость еще третьяго рода поселочныхъ формъ, начало которымъ уже было здѣсь положено русскимъ правительствомъ въ видѣ военныхъ укрѣпленій. Такими исключительно военными поселочными формами были у черноморцевъ— «кордоны» или «посты», т. е. небольшія казачьи крѣпости, и пикеты («бикеты»), т. е. еще менѣе значительные сторожевые пункты; къ кордоннымъ же укрѣпленіямъ можно причислить и батареи, но обо всѣхъ этихъ укрѣпленіяхъ будетъ еще рѣчь ниже, при характеристикѣ военной жизни казаковъ.

Съ первыхъ же шаговъ заселенія Черноморіи начался и постоянный притокъ сюда бѣглыхъ элементовъ, притокъ, долго непрекращавшійся впослѣдствіи. Въ грамотахъ Екатерины II и Александра I, въ перепискѣ войсковой администраціи съ Екатеринославскимъ намѣстничествомъ, а потомъ губерніей, въ постановленіяхъ и распоряженіяхъ войсковыхъ находится не мало указаній на этотъ счетъ. Съ одной стороны, войску предъявлялись требованія разнаго рода начальствъ о выдачѣ бѣглыхъ и объ установленіи мѣръ для «пресѣченія зла», а съ другой, казачество, заинтересованное въ увеличеніи своего народонаселенія, видимо отдѣлы-

валось одними формальными распоряженіями и отписками. И это вполнѣ понятно. Черноморія нуждалась въ пришлыхъ рабочихъ рукахъ, кому бы тамъ не принадлежали эти руки. Такъ какъ ея коренное населеніе было постоянно отвлекаемо отъ хозяйства военною службою, то понятно, что всякій пришелецъ былъ здѣсь желаннымъ гостемъ, а безпаспортный, бѣглецъ, бродяга, съ которымъ можно было при случаѣ не церемониться,—тѣмъ болѣе. Такимъ образомъ, увеличивая этимъ путемъ народонаселеніе, Черноморское войско естественно должно было расширять свою экономическую жизнь, создавая новыя поселочныя формы и развивая старыя.

Но главную массу переселенческаго люда дало Черноморіи все таки само правительство. Удовлетворяя естественныя требованія войска въ этомъ отношеніи, оно въ три пріема—въ 1808, 1820 и 1848 годахъ, распорядилось о переселеніи въ Черноморію болѣе 100,000 душъ обоего пола изъ малороссійскихъ губерній. Вслѣдствіе этихъ распоряженій, въ 1809—1811 годахъ перешло на поселеніе изъ Полтавской и Черниговской губерній 22,206 душъ мужскаго и 19,328 женскаго пола, съ 1820—1825 годъ вновь прибыло изъ тѣхъ же губерній 25,627 душъ мужскаго и 22,755 душъ женскаго пола, наконецъ, въ пятилѣтіе съ 1845—1850 годъ все изъ тѣхъ же губерній, а также изъ другихъ мѣстъ Малороссіи и губерніи Харьковской въ послѣдній разъ было переселено до 8,500 душъ мужскаго и до 7,000 душъ женска-

го пола. Кромѣ того, въ 1808 году правительство разрѣшило поселиться въ Черноморіи 500 душъ запорожцевъ, вышедшихъ изъ Турціи. Стало быть, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, первоначальное населеніе Черноморіи, состоявшее изъ 25,000 душъ обоего пола, благодаря правительственнымъ мѣропріятіямъ, было увеличено въ пять разъ

Само собою разумѣется, что такой сильный притокъ переселенцевъ въ Черноморію извнѣ долженъ былъ отразиться весьма замѣтнымъ образомъ и на ея поселочныхъ формахъ. Одни изъ этихъ формъ должны были выдѣлить изъ себя выселки, вслѣдствіе внутренняго своего роста и переполненія пришлымъ людомъ, другіе—возникнуть вновь, вмѣстѣ съ водвореніемъ новыхъ переселенцевъ, подъ давленіемъ внѣшней необходимости. Такимъ образомъ, въ 1811 году, т. е. чрезъ 19 лѣтъ послѣ занятія казаками края, вмѣсто 40 кореней, ихъ было 43, въ 1821 г. считалось уже 47 крупныхъ поселеній, въ 1825 году—два города, 59 станицъ, 5 поселковъ и въ 1850 году—3 города, 61 станица и 2 поселка. Вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно росло и количество хуторовъ. Такъ, до 1809 года ихъ было 66, въ 1821 году—1766, въ 1825 году—2262 и въ 1850 году—2548. А въ общей сложности, къ концу шестидесятыхъ годовъ, по словамъ извѣстнаго казака-генерала И. Д. Попко, въ Черноморіи было «3 города, одна нѣмецкая колонія, 63 куреня или станицы (въ томъ числѣ 2 при городахъ Екатеринодарѣ и Тамани), 5 по-

селковъ и до 3000 хуторовъ», съ населеніемъ въ 185,220 душъ обоего пола.

Такъ росло, ширилось и развивалось Черноморское казачье войско. Составившись первоначально изъ старыхъ, испытанныхъ въ бою и посѣдѣвшихъ на военной службѣ запорожцевъ, оно впослѣдствіи пополнялось на счетъ того малорусскаго населенія, которымъ искони поддерживалось Запорожье. Но какимъ образомъ, при этомъ быстромъ ростѣ, слагалась внутренняя жизнь черноморцевъ?

VI.

Самоуправленіе Черноморскаго войска.

Основныя начала устроенія войска и отличительныя черты его самоуправленія были заранѣе предрѣшены казаками, внесены въ инструкцію и прошеніе казачьихъ депутатовъ, ѣздившихъ въ Петербургъ, и затѣмъ почти дословно переписаны въ двѣ грамоты, Высочайше пожалованныя войску— отъ 30 Іюня и отъ 1 Іюля 1792 года.

На основаніи первой изъ этихъ грамотъ, войско представляло собою коллективное юридическое лицо; земля была отдана ему также въ коллективную собственность; войску положено было опредѣленное жалованье, дарована свободная внутренняя торговля и вольная продажа вина на войсковыхъ земляхъ, пожалованы войсковое знамя и литавры, а также подтверждено употребленіе другихъ регалій бывшей Запорожской Сичи; въ администра-

тивномъ отношеніи войско подчинено было таврическому губернатору, но имѣло свое собственное начальство, такъ называемое «войсковое правительство», состоявшее изъ войсковаго атамана, судьи и писаря; хотя затѣмъ въ грамотѣ и выражено было, «чтобы земское управленіе сего войска, для лучшаго порядка и благоустройства, соображаемо было съ изданными учрежденіями о управленіи губерній», но войсковому правительству предоставлена была «расправа и наказаніе впадающихъ въ погрѣшности въ войскѣ», и только «важныхъ преступниковъ» повелѣвалось отсылать къ таврическому губернатору для «осужденія по законамъ»; наконецъ, на Черноморское войско возложены были «бдѣніе и стража пограничная отъ набѣговъ народовъ закубанскихъ».

Вторая грамота, отъ 1 Іюля, обнимала собственно вопросъ о переселеніи казаковъ изъ за Буга на Кубань и о пожалованіи старшинамъ патентовъ на офицерскіе чины.

Такимъ образомъ, въ грамотахъ не было точной и опредѣленной регламентаціи устройства и самоуправленія войска, но заключались очень прочныя основанія для того, чтобы придать тому и другому важнѣйшія черты изъ былой казачьей практики. Ктому же войско придерживалось уже въ этомъ отношеніи порядковъ Запорожской Сичи. Еще за Бугомъ оно имѣло свой кошъ, въ селеніи Слободзеѣ, своихъ—кошеваго атамана, судью, писаря, есаула и полковниковъ; тамъ же были уч-

реждены три полковыя паланки: Березанская, Поднѣстрянская и Кинбурнская и вообще широко примѣнялось обычное казачье право въ области внутренней казачьей жизни и взаимоотношеній. Черноморцы на новомъ своемъ мѣстожительствѣ воспользовались, поэтому, какъ неопредѣленностью оффиціальныхъ документовъ, такъ и прецедентомъ сложившейся уже практики, и выработали въ формѣ писанныхъ правилъ 1794 года, извѣстныхъ подъ именемъ «Порядка общественной пользы», свою особую организацію казачьяго самоуправленія. «Вспоминая, какъ говорится въ этомъ замѣчательномъ документѣ, первобытное войско подъ названіемъ Запорожцевъ состояніе», войсковое правительство установило слѣдующія важнѣйшія правила:

Въ войскѣ должно было существовать «войсковое правительство, навсегда управляющее войскомъ», и состоявшее изъ кошеваго атамана, войсковаго судьи и войсковаго писаря.

«Ради войсковой резиденціи» основанъ городъ Екатеринодаръ.

Въ Екатеринодарѣ, «ради собранія войска и прибѣжища бездомовныхъ казаковъ», устроено было 40 куреней, изъ которыхъ 38 носили тѣ же названія, что и въ Запорожской Сичи; а все войско положено было «поселить куренными селеніями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ какому куреню по жребію принадлежать будетъ».

Въ каждомъ куренѣ ежегодно, 29 Іюня, положено было избирать куреннаго атамана.

Куренные атаманы должны были безотлучно находиться при куреняхъ, дѣлать наряды по службѣ, примирять тяжущихся и «разбирать голословно маловажныя ссоры и драки», а «за важное преступленіе представлять подъ законное сужденіе войсковому правительству».

Старшипы безъ должности должны были повиноваться въ куреняхъ «атаману и товариществу», а этимъ послѣднимъ, въ свою очередь, предписывалось уважать старшихъ.

Для завѣдыванія и утвержденія по всей войсковой землѣ къ долгоденственному спокойствію благоустройнаго порядка» войсковая территорія была раздѣлена на пять округовъ.

Для управленія округами въ каждомъ изъ нихъ полагалось «окружное правленіе», состоявшее изъ полковника, писаря, есаула и хорунжаго и имѣвшее свою окружную печать съ гербомъ.

Окружныя правленія и лица, составлявшія ихъ, обязаны были «чинить непремѣнное и немедленное исполненіе» письменныхъ распоряженій войскового правительства. На правленіе, кромѣ того, возложено было имѣть попеченіе объ экономическихъ нуждахъ населенія, «а также между людьми встрѣчающіяся ссоры и драки голословно разбирать»; заботиться объ исправномъ и своевременномъ вооруженіи казаковъ, о дорогахъ и мостахъ, о благоустройствѣ и чистотѣ въ куренныхъ селеніяхъ, о пожарной части, о преслѣдованіи воровъ и гра-

бителей и о мѣрахъ противъ повальныхъ болѣзней на людяхъ и на скотѣ.

Въ частности казакамъ какъ чиновнымъ, такъ и рядовымъ, дозволено было заводить на войсковой землѣ и угодьяхъ дворы, хутора, мельницы, лѣса, сады, виноградники и рыбные заводы, а «въ отмѣнное воздаяніе старшинамъ, яко вождямъ, наставникамъ и попечителямъ общихъ сего войска благъ», позволялось кромѣ того селить при хуторахъ родственниковъ и «вольноотпущенныхъ людей».

Собственно для окружныхъ правленій была выработана также особая инструкція, въ которой подробно были изложены права и обязанности окружной администраціи, какъ земской полиціи и исполнительнаго органа.

Таковы въ существенныхъ чертахъ были порядки того самоуправленія, которымъ должны были начать свою новую жизнь на Черноморіи наслѣдники Запорожья. Сравнивая эти порядки съ тѣмъ, чѣмъ пользовалось въ этомъ отношеніи Запорожье, нельзя конечно не замѣтить, что права казачества были значительно съужены. Для Запорожской Сичи почти не существовало никакихъ законовъ, изданныхъ центральнымъ правительствомъ; она сама составляла свои законы, на основаніи обычая, и даже карала своихъ преступныхъ сыновъ смертною казнію. Управленіе же Черноморскимъ войскомъ предписывалось въ жалованной грамотѣ сообразовать съ узаконеніями по

управленію губерніями. Въ Запорожьѣ широко практиковалось выборное начало. На Черноморіи, разъ казакъ занялъ въ войсковой іерархіи чиновное мѣсто, за нимъ закрѣплялось званіе пана правительственными дипломами навсегда

Съ другой стороны, за казачествомъ были оставлены, во первыхъ, право войсковой земельной собственности и, во вторыхъ, куренное самоуправленіе, т. е., такого рода устои, на которыхъ крѣпко могла еще стоять общинная жизнь казачества. Казаки вообще старались удержать даже внѣшнія черты сичеваго устройства. Такъ, были оставлены курени въ Екатеринодарѣ на подобіе сичевыхъ; подъ именемъ округовъ были учреждены тѣ же запорожскія паланки, въ которыхъ, какъ и въ Запорожьѣ, администрацію составили полковникъ, писарь, асаулъ и хорунжій; администрація эта ежегодно выбиралась войсковымъ правительствомъ, т. е., если не самимъ товариществомъ, то все таки его представителями, составлявшими коллегіальное учрежденіе; въ сферѣ обыденныхъ отношеній предписывалось даже почитать, какъ и въ Запорожьѣ, старшинъ непроходившихъ общественной службы и пр. Но суть конечно заключалась въ перенесеніи самоуправленія въ курень.

Такимъ образомъ, въ Черноморіи въ первый разъ ясно обозначалась та диференцировка автономныхъ функцій казачества, благодаря которой одна часть этихъ функцій перешла къ центральному правительству, а другая осталась за вой-

скомъ въ формѣ спеціальныхъ его правъ. Высшая администрація казачества, представляя собою одну лишь внѣшнюю форму сичевой администраціи, безъ внутренняго правоваго содержанія, была собственно органомъ правительственнымъ, такъ какъ и назначалась, и смѣнялась, и руководилась, и была отвѣтственною исключительно предъ центральнымъ правительствомъ. Самоуправленіе затѣмъ замкнулось въ тѣсныя рамки куренной, сельской общины.

Не само казачество, конечно, додумалось до подобной реорганизаціи вѣковыхъ своихъ порядковъ, но его привели къ тому историческій ходъ событій, обстоятельства внѣшнія, которыя должны были съузить приволье казачьей жизни. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, казачество работало несомнѣнно въ духѣ своихъ старинныхъ идеаловъ и съумѣло разбить безсемейную Запорожскую Сичь на сорокъ мелкихъ черноморскихъ сичей, въ основу которыхъ, по словамъ грамоты Екатерины Великой, должно было лечь «распространеніе семейственнаго житія»; но если при этомъ оно измѣнило и ограничило свою внутреннюю организацію, то это зависѣло не отъ превращенія безсемейнаго казачества въ семейное, а обусловливалось обстоятельствами чисто внѣшними—требованіями и интересами центральнаго правительства.

Но упомянутое сичевое устройство Черноморскаго казачества существовало безъ измѣненій толь-

ко до 1801 года, когда войску была дана новая грамота императоромъ Павломъ, значительно измѣнившая прежнее казачье устройство и изгнавшая изъ употребленія даже нѣкоторыя названія лицъ и учрежденій, заимствованныхъ черноморцами изъ Запорожской Сичи. Напрасно раньше, въ 1797 году, кошевой атаманъ Т. Т. Котляревскій хлопоталъ о томъ, чтобы дозволено было войсковое правительство «именовать по прежнему Кошемъ войска вѣрныхъ черноморскихъ казаковъ» и заботился о пожалованіи войску «бунчука и трости войсковой, поелику сіи привиллегіи были въ войскѣ Запорожскомъ жалованными». Атаманъ видимо желалъ удержать хотя бы одни внѣшнія черты стараго сичеваго устройства, чтобы покрайней мѣрѣ они напоминали молодому казачеству о былой автономіи его дѣдовъ и отцовъ. Но центральное правительство въ свою очередь неизмѣнно шло по разъ намѣченному пути. Въ силу упомянутой грамоты, вмѣсто «войсковаго правительства», была учреждена «войсковая канцелярія», въ которой должны были присутствовать отъ войска атаманъ и два члена, а отъ правительства «особа», по назначенію отъ него; при канцеляріи же долженъ былъ состоять правительственный прокуроръ. Въ дѣловомъ отношеніи, согласно съ образцами тогдашняго бюрократизма, канцелярія была раздѣлена на шесть «экспедицій—криминальную, гражданскую, казенную, межевую, полицейскую и сыскную. Въ слѣдующемъ затѣмъ году, указомъ императора Павла отъ 13 Ноября, вой-

ско было раздѣлено въ военномъ отношеніи на 20 полковъ.

Въ царствованіе Александра I, указомъ отъ 25 Февраля 1802 года, вновь положено было учредить «войсковое правительство съ такимъ же числомъ присутствующихъ, какъ и въ Донскомъ войскѣ», а въ войсковой канцеляріи Донскаго войска, въ силу того же указа, повелѣно было присутствовать войсковому атаману, двумъ непремѣннымъ членамъ и четыремъ ассесорамъ, при чемъ учрежденныя при Павлѣ экспедиціи, за исключеніемъ полицейской, положено было совсѣмъ уничтожить. По воинскимъ дѣламъ Черноморію приказано было подчинить инспектору крымской инспекціи, а по части гражданской—таврическому губернскому начальству и «особенно управляющему губерніею». Затѣмъ участіе въ войсковомъ правительствѣ «особаго генерала» также рѣшено было отмѣнить, оставивъ лишь прокурора. Такимъ образомъ, благодаря этому узаконенію, былъ сдѣланъ какъ бы шагъ назадъ къ прежнему казачьему устройству. Но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣленіе войска на 20 полковъ въ военномъ отношеніи осталось въ своей силѣ.

По словамъ И. Д. Попко, старые казаки рѣзко отличали то устройство казачества, какое послѣднимъ было получено въ силу узаконеній Павла и Александра I, отъ прежняго, выраженнаго письменно въ «Порядкѣ общественной пользы», обозначая его въ своихъ воспоминаніяхъ лаконически: «до полковъ». И на самомъ дѣлѣ въ этомъ отношеніи

замѣчалась видимая разница, хотя разница эта началась раньше дѣленія войска на полки. Такъ, первые три кошевые атамана—Бѣлый, Чепѣга и Головатый, были еще избраны казачествомъ по старинному обычаю на войсковой радѣ и только утверждены правительствомъ; четвертый затѣмъ атаманъ Котляревскій былъ уже прямо назначенъ правительствомъ, безъ всякаго выбора, и съ этихъ поръ войсковые атаманы назначились правительствомъ изъ среды казаковъ до 1855 года, съ котораго назначеніе войсковыхъ атамановъ стало производиться исключительно изъ лицъ не казачьяго происхожденія. Грамотою императора Павла были совсѣмъ уничтожены званія войсковаго судьи и войсковаго писаря. Дѣленіе на полки, ослабивъ отчасти у казаковъ право собственныхъ военныхъ распорядковъ, наложило на войско узы внѣшней, сторонней регламентаціи. Назначеніе въ войсковую канцелярію довѣренныхъ отъ центральнаго правительства лицъ, помимо выраженнаго самимъ фактомъ войску недовѣрія, связывало казачью администрацію въ области самостоятельныхъ ея дѣйствій и начинаній. Однимъ словомъ, послѣдними правительственными распоряженіями окончательно были стерты слѣды собственно войсковаго казачьяго самоуправленія. Отъ Запорожской Сичи осталось одно куренное, общинное, въ тѣсномъ смыслѣ, самоуправленіе.

И такъ, начало общиннаго самоуправленія черноморцевъ надо искать въ томъ отдаленномъ вре-

мени, когда на Черноморіи существовала куренная община, позаимствованная въ свою очередь изъ Запорожской Сичи.

На сколько можно судить объ этомъ отдаленномъ времени, куренное самоуправленіе цѣликомъ держалось на народныхъ обычаяхъ и традиціяхъ. Писанныхъ законовъ не существовало для этой мелкой казачьей общины. Куренный атаманъ былъ лицемъ выборнымъ и ежегодно смѣняемымъ, по желанію избравшей его общины, разъ онъ былъ ей не угоденъ. Куренное общество или кругъ было традиціонною казачьею «громадою», вершившею свои общественныя дѣла на общихъ радахъ. Тутъ, на этихъ радахъ, товарищество и атаманы обсуждали свои нужды, распредѣляли выполненіе общественныхъ повинностей, устанавливали извѣстнаго рода хозяйственные порядки и чинили судъ и расправу въ тѣхъ границахъ, какія позволялись имъ войсковою администраціею, но какія впрочемъ были не опредѣлены ясно, а потому, и еще болѣе по старой привычкѣ, часто преступались казачествомъ.

Впрочемъ, собственно въ исполнительныхъ органахъ куреннаго управленія въ разное время были вводимы нѣкоторыя измѣненія. Обычнымъ представителемъ общины былъ въ этомъ отношеніи атаманъ, при которомъ состоялъ писарь. Но затѣмъ въ одно время, кромѣ куренныхъ атамановъ, были такъ называемые сельскіе атаманы, въ другое время, именно во время водворенія переселенцевъ въ началѣ тридцатыхъ годъ, назначались «смотрителя»

во вновь устраивавшіяся селенія. Въ концѣ концовъ куренное правительство составляли куренной атаманъ и два куренные судьи съ неизбѣжнымъ писаремъ, на которомъ лежало веденіе канцелярской части. Всѣ эти лица были выборными и первыя три лица, кромѣ исполнительной роли, несли обязанности ближайшей судебной инстанціи, роль которой впрочемъ какъ-то терялась въ куренномъ казачьемъ «кругѣ» или «радѣ», представлявшемъ собою высшую инстанцію казачьяго куреннаго самоуправленія.

Въ такомъ видѣ куренное самоуправленіе существовало до 1842 года, когда то, что держалось въ куренныхъ общинахъ на обычаѣ и традиціяхъ, въ первый разъ было формулировано и занесено въ правительственныя законоположенія. Въ этомъ году вышло первое казачье положеніе.

Положеніемъ 1842 года управленіе Черноморскимъ казачьимъ войскомъ было подраздѣлено на военное и гражданское. Для военнаго управленія были учреждены войсковое и окружныя дежурства. Въ гражданскомъ же отношеніи органы управленія распадались на войсковыя, окружныя и станичныя.

Къ войсковымъ учрежденіямъ относились: 1) войсковое правленіе, 2) войсковая врачебная управа, 3) войсковая прокуратура, 4) торговый словесный судъ и 5) полиція города Екатеринодара. Существенный органъ въ казачьемъ управленіи представляло собственно войсковое правленіе, которое состояло изъ четырехъ экспедицій: испол-

ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ ЧЕРНОМОРСКІЙ КАЗАЧІЙ ДИВИЗІОНЪ
(ФОРМА. ОБМУНДИРОВАНІЯ И СНАРЯЖЕНІЯ 1840 — 50 ГОДОВЪ

нительной, хозяйственной, поземельной и гражданской.

Окружное гражданское управленіе въ свою очередь распадалось: 1) на окружный судъ, 2) окружное сыскное начальство, 3) словесный мировой судъ и 4) окружную прокуратуру въ лицѣ окружнаго стряпчаго. Существенное значеніе въ дѣлѣ казачьяго управленія имѣли собственно окружные суды и въ особенности сыскныя начальства. Въ составъ первыхъ входили судья и два засѣдателя—одинъ отъ чиновниковъ и одинъ отъ казаковъ. Такъ какъ въ засѣдатели выбирались обыкновенно лица станичными сходами, то въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, въ положеніи 1842 года было допущено нѣчто въ родѣ участія куренной или станичной общины въ войсковомъ управленіи. Но это было именно только нѣчто. Въ силу положенія, попавшія въ засѣдатели отъ казаковъ лица могли участвовать въ рѣшеніяхъ тѣхъ только дѣлъ, которыя касались станицы и казаковъ. Засѣдатели, слѣдовательно, являлись въ такихъ случаяхъ лишь защитниками интересовъ рядоваго казачества; но такая защита могла быть игрушкою въ рукахъ всесильнаго пана, который засѣдалъ во всѣхъ казачьихъ учрежденіяхъ и ворочалъ всѣмъ конечно не въ обиду и не въ убытокъ себѣ.

Наконецъ, станичныя учрежденія составляли собственно органы казачьяго самоуправленія. Это были станичный сходъ или «сборъ» и станичное правленіе, въ которыхъ выражалась юридически

автономная дѣятельность станицы или вѣрнѣе станичнаго общества.

Нужно замѣтить, что нѣкоторыя статьи положенія 1842 года о Черноморскомъ войскѣ были приравнены къ однохарактернымъ статьямъ положенія отъ 26 Мая 1835 года о Донскомъ войскѣ, и такъ какъ послѣднее было издано раньше перваго, то въ извѣстныхъ случаяхъ черноморскіе казаки должны были руководиться имъ. Такъ, въ области собственно станичнаго управленія Черноморское войско должно было придерживаться главы XVI «Наказа гражданскому управленію войска Донскаго» и «Отдѣльныхъ правилъ къ наказу гражданскаго управленія», а также главы положенія о порядкѣ станичныхъ выборовъ. Это конечно не означало, что станичное самоуправленіе черноморцевъ было перемѣнено на иной ладъ. Нѣтъ, на указанныхъ пунктахъ и у черноморцевъ, и у донцовъ было много общаго, къ которому они пришли путемъ самостоятельной жизни и развитія.

Согласно обоимъ казачьимъ положеніямъ—и черноморскому, и донскому, каждая станица, въ лицѣ полноправныхъ общинниковъ, представляла собою отдѣльное станичное общество, на которомъ лежали хозяйственные распорядки, касавшіеся всей станицы. Вмѣстѣ съ тѣмъ станичному обществу была оставлена часть правъ стариннаго казачьяго круга или рады. Такъ, общество на полномъ сборѣ могло судить и наказывать своихъ членовъ «за маловажные проступки», «за бродяжество» и пр.

Въ частности автономныя функціи станичной общины были раздѣлены между двумя органами—станичнымъ сборомъ и станичнымъ правленіемъ.

Какъ гласитъ параграфъ 115 упомянутыхъ «Отдѣльныхъ правилъ къ наказу гражданскаго управленія», станичный сборъ долженъ былъ руководиться «въ сужденіи и рѣшеніи общественныхъ дѣлъ» тѣмъ общимъ основаніемъ, «чтобы общественная собственность со стороны всякаго незаконнаго притязанія оставалось совершенно неприкосновенною; чтобы польза общая всегда была предпочитаема частной; чтобы всѣ обыватели довольствовались выгодами уравнительно и никто изъ нихъ не присвоялъ непринадлежащаго ему; чтобы не былъ упущенъ изъ виду ни одинъ источникъ, могущій приносить станицѣ доходъ, а по расходамъ была соблюдена строгая хозяйственность и отчетность; чтобы мѣры взыскательности служили къ неослабному сохраненію и утвержденію древнихъ обычаевъ, доброй нравственности по общежитію и въ семействахъ, благочестія, чинопочитанія и уваженія къ старшимъ, и всегдашней готовности къ исполненію обязанностей службы; чтобы тѣлесное наказаніе опредѣлялось по однимъ яснымъ и никакому сомнѣнію не подверженнымъ доводамъ; чтобы престарѣлые, дряхлые и больные, не имѣющіе покрова, обрѣтали пристанище и успокоеніе, а сироты обезпечивались въ своемъ достояніи; чтобы искоренялось пристанодержательство подозрительныхъ людей, бродяжество нищихъ и

прочее». Самые же подлежавшіе обсужденію станичнаго сбора предметы подраздѣлялись на двѣ категоріи: по однимъ изъ нихъ, каковы распоряженія по земельному довольствію, назначеніе опекуновъ, опредѣленія мѣры тѣлеснаго наказанія и т. п., постановленія могли производиться не менѣе какъ $^2/_3$ голосовъ всѣхъ домохозяевъ; по другимъ, какими были разборъ ссоръ и дракъ, дѣла о буйствѣ и непослушаніи въ нетрезвомъ видѣ и пр., постановленія могли производиться и неполнымъ сборомъ.

Собственно станичное правленіе представляло собою «мѣстную исполнительную власть, дѣйствовавшую на пространствѣ юрта каждой станицы». Въ составъ станичнаго правленія входили станичный атаманъ и двое судей, которые выбирались обществомъ на полномъ сборѣ и утверждались въ своей должности войсковымъ атаманомъ на три года. Кромѣ того, при каждомъ станичномъ правленіи полагалось по два писаря, но, по своему положенію, они не принадлежали къ составу станичной администраціи, хотя въ дѣйствительности и играли именно такую роль. Какъ исполнительному органу, станичному правленію должно было подчиняться «все народонаселеніе станицы».

Съ другой стороны, станичному правленію была присвоена въ извѣстныхъ предѣлахъ и судебная власть. Ему предоставлено было право «неукоснительно производить словесныя изысканія, разсматривать оныя и полагать мнѣніе свое объ испра-

вительныхъ средствахъ: за неповиновеніе дѣтей родителямъ и оскорбленіе ихъ, за сварливость въ семействѣ и съ сосѣдями, за лѣность, пьянство, буйство, распутство, обманъ всякаго рода и кражу ниже двадцати рублей, потраву чужаго хлѣба или сѣна, поврежденіе сада и прочіе подобные проступки, не заключающіеся въ себѣ важнаго преступленія». Но въ такихъ случаяхъ, разобравъ извѣстное дѣло и записавъ кратко сущность его въ журналѣ, станичное правленіе передавало его на судъ станичнаго общества. Въ свою очередь станичное «общество, провѣривъ обстоятельства дѣла или соглашалось съ мнѣніемъ атамана и судей, или полагало свое рѣшеніе». Такимъ образомъ, функціи станичнаго суда распредѣлялись между станичнымъ сборомъ и станичнымъ правленіемъ, причемъ послѣднее играло роль предварительной слѣдственной власти, а первый имѣлъ значеніе высшей судебной инстанціи.

Къ тому времени, когда было издано положеніе 1842 года о Черноморскомъ войскѣ, войско это уже окончательно сложилось въ сословномъ отношеніи. То, что было только въ зародышѣ при заселеніи края, въ это время стало вполнѣ законченнымъ фактомъ. Прежняя старшина превратилась въ пановъ, въ дворянское сословіе. Рядомъ съ этимъ сословіемъ вышло изъ той же среды рядоваго казачества и казачье духовенство. Занявъ опредѣленное мѣсто въ войскѣ, оба сословія стали, разумѣется, въ извѣстныя отношенія къ

сѣрой массѣ. Принадлежность ихъ къ войску давала имъ права рядоваго казачества, а чиновное положеніе представляло преимущества привиллегированныхъ. Въ положеніе 1842 года въ первый разъ занесено одно изъ такихъ преимуществъ дворянства. Помимо обычныхъ казачьихъ правъ на землю въ количествѣ 30 дес., дворянскому сословію было предоставлено въ пожизненное пользованіе 1500 дес. на генерала, по 400 дес. на штабсъ-офицера и по 200 дес. на оберъ-офицера. Это, понятно, должно было еще рѣзче выдѣлить офицеровъ и чиновниковъ изъ массы рядоваго казачества.

Такимъ образомъ, куренная или станичная община была въ сущности общиною всесословною. Въ составъ ея входили вмѣстѣ съ рядовыми казаками и казачьи офицеры или чиновники, а мѣстами даже духовенство. Лица изъ дворянскаго сословія нерѣдко выбирались станичными атаманами, хотя, по весьма понятной причинѣ, станичники и предпочитали имъ своего брата-казака. На сходахъ, въ дѣлахъ всей общины, одинаково участвовали и казаки, и офицеры, и духовныя лица казачьяго происхожденія. Послѣднія играли нерѣдко въ станичномъ сомоуправленіи довольно почтенную роль. Казакъ-священникъ всегда былъ уважаемымъ лицемъ въ станицѣ. За немногими исключеніями, масса сохранила объ этихъ священникахъ добрыя воспоминанія, выдѣляя ихъ изъ рядовъ остальнаго, пришлаго духовенства. Это бы-

ло свое, «козаче», по выраженію черноморцевъ, духовенство, ставшее таковымъ большею частію «по собственному призванію», по желанію общинъ и по ходатайствамъ ихъ предъ епархіальнымъ начальствомъ путемъ представленія такъ называемыхъ «одобрительныхъ приговоровъ». Неудивительно, что такого рода духовныя лица имѣли авторитетный голосъ по многимъ вопросамъ на станичныхъ сходахъ, которые этими лицами обыкновенно обязательно посѣщались.

VII.

Землевладѣніе черноморскихъ казаковъ.

Рука объ руку съ развитіемъ общиннаго самоуправленія шла выработка тѣхъ хозяйственныхъ порядковъ, которыми обусловливалось экономическое благосостояніе казака, вліявшее въ свою очередь на исправное отправленіе казаками военныхъ обязанностей. Такъ какъ военную службу несетъ обыкновенно все поголовно казачье населеніе, за исключеніемъ физически неспособныхъ къ тому лицъ, и такъ какъ при этомъ казаку приходится дѣлать извѣстные расходы по «снаряженію на службу», то обезпеченіе казачьяго населенія достаточнымъ количествомъ земли всегда было первымъ и необходимымъ условіемъ существованія казачьяго войска. Вотъ почему черноморскіе казаки съ такою энергіею и стараніями заботились о томъ, чтобы

пожалованныя имъ въ Черноморіи земли были утверждены за ними Высочайше грамотою, такимъ документомъ, при наличности котораго казаки всегда могли выдержать борьбу при всякихъ посягательствахъ на ихъ земли. По той же причинѣ черноморецъ всегда крайне ревниво охранялъ свои права на землю и обычные порядки пользованія ею отъ нарушеній своими же собратами-казаками. Исторія Черноморскаго войска представляетъ въ этомъ отношеніи много поучительнаго и оригинальнаго.

Съ самаго возникновенія войска, основныя понятія о земельной собственности опредѣлялись и регулировались у черноморскихъ казаковъ частію писанными законами, а частію обычаями, и послѣдніе на практикѣ всегда имѣли преимущество предъ первыми. Простой, рядовой казакъ никогда не зналъ юридическихъ тонкостей писаннаго закона, но хорошо понималъ, что такое казачья земля, которою онъ пользовался, и свои понятія объ этомъ предметѣ основывалъ на правѣ коллективнаго владѣнія и пользованія землей. Основное понятіе о коллективной общеказачьей собственности поэтому въѣлось въ плоть и кровь казака и проходитъ красною нитью чрезъ всю исторію его земельныхъ порядковъ. Каждый разъ, когда чиновный казакъ, льнувшій больше къ писаннымъ, чѣмъ къ обычнымъ, привиламъ и законамъ, старался придать характеръ сословнаго, исключительнаго пользованія земельною собственностью, рядовой казакъ опирался на обычай и противопоставлялъ по-

нятію о частной земельной собственности понятіе о землѣ общеказачьей или войсковой. Такъ дѣло шло до тѣхъ поръ, пока положительнымъ закономъ не была окончательно разрѣшена въ извѣстномъ смыслѣ эта борьба двухъ противоположныхъ по существу теченій и пока изъ общаго понятія о войсковой земельной собственности не выдѣлилось болѣе частное понятіе о собственности юртовой или общинно-земельной.

Право на землю черноморскихъ казаковъ основывается на грамотахъ Императрицы Екатерины II и Императоровъ Павла и Александра I. Первою грамотою земля отдана въ даръ, какъ вѣчная потомственная собственность, черноморскимъ казакамъ; двумя послѣдними только подтверждается актъ такой отдачи земли въ собственность. Въ сущности законодательная власть въ этомъ случаѣ только оффиціально констатировала то, что существовало на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности. Установленная ею для казачества коллективная земельная собственность была лишь юридическимъ оформленіемъ факта войсковой земельной собственности, безъ чего не мыслимо было и существованіе войска. Земельные порядки, которыми начало свою экономическую жизнь на Кубани Черноморское войско, первоначально сложились за Бугомъ и, слѣдовательно, подъ живымъ и непосредственнымъ вліяніемъ порядковъ Запорожской Сичи. На пожалованной въ 1790 году за Бугомъ землѣ черноморцы до своего переселенія на Кубань ос-

новали поселенія и устроили хутора, пасѣки, рыболовные заводы и пр. Земля по обычаю считалась общеказачьею собственностью, а право пользованія ею, вытекая изъ этого основнаго понятія, обусловливалось обычаемъ свободной заимки. Какъ видно изъ замѣчательнѣйшаго оффиціальнаго документа, принадлежавшаго перу и уму наказнаго атамана Котляревскаго, забугскіе черноморцы, «не видя точнаго положенія» о принадлежности пожалованной имъ земли между Бугомъ и Днѣстромъ на правѣ войсковой собственности, «колебались переходить на нее» для поселенія. Поэтому, черноморскіе казаки, въ своемъ прошеніи на имя Императрицы Екатерины II, уже прямо просятъ принять ихъ «для поселенія на Тамани съ окрестностями оной» и отдать имъ эту землю «на вѣчно спокойное потомственное владѣніе». Прошеніе это было подано 29 Февраля 1792 года, а грамота Екатерины II появилась чрезъ четыре мѣсяца—30 Іюня того же года. Правительство, поурѣзавъ желанія войска на границахъ пожалованной земли, дало ее на половину противъ просимаго количества, но затѣмъ право на владѣніе ею оно утвердило, согласно съ желаніемъ войска, какъ выражено было это желаніе въ прошеніи на имя Императрицы и въ инструкціи Головатому съ старшинами.

Скоро однако со стороны казачьей же старшины была сдѣлана первая попытка нарушить обычное казачье пользованіе землею, какъ войсковою собственностью. Попытка эта была выражена

въ упомянутомъ выше документѣ «Порядокъ общественной пользы». Не смотря на то, что составители этого акта «вспоминаютъ первобытное Черноморскаго войска подъ названіемъ запорожцевъ состояніе», какъ примѣръ прошлаго, имѣвшій, очевидно, послужить образцомъ во многомъ для проэктированныхъ ими порядковъ,—на дѣлѣ они допустили два такихъ существенныхъ нововведенія, которыя шли въ разрѣзъ и съ упомянутымъ ими образцомъ, и съ воззрѣніями рядоваго казачества. Такъ, пунктомъ 23 правилъ было постановлено выдавать «открытые листы» «на вѣчно спокойное владѣніе» дворами, хуторами, мельницами, лѣсами, садами, «виноградами» и рыболовными заводами. Этимъ способомъ, вмѣстѣ съ вполнѣ раціональнымъ укрѣпленіемъ недвижимой собственности за владѣльцами, хотя де jure и не закрѣплялась окончательно за отдѣльными лицами, какъ собственниками, земля, но сразу же устанавливался такой порядокъ пользованія ею и ея угодьями, который прямо велъ къ насажденію частной земельной собственности на войсковыхъ земляхъ и, при томъ, насажденію путемъ случая, захватовъ, преимуществъ сильнаго предъ слабымъ и т. п. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, было вѣчно владѣть обширною хуторскою заимкою или лѣсомъ, не стѣсняя тѣмъ впослѣдствіи другихъ, имѣвшихъ не меньше правъ на эти мѣста и угодья! А по пункту 20 тѣхъ же правилъ, «въ отмѣнное воздаяніе старшинамъ, яко вождямъ, наставникамъ и попе-

чителямъ общихъ сего войска благъ», дозволялось даже селить при хуторахъ «сродственниковъ и вольножелающихъ людей», почему проэктировалось опредѣлить для такихъ хуторовъ земли «по штатной росписи». Короче, на первыхъ же порахъ войсковая администрація пыталась видимо обратить часть общественныхъ земель въ частныя и насадить своего рода помѣстный элементъ въ лицѣ старшины.

Попытки эти, какъ и слѣдовало ожидать, пришлись не по сердцу рядовому казачеству и, повторяемыя руководящимъ классомъ въ теченіе десятковъ лѣтъ, внесли впослѣдствіи не мало неурядицъ и розни во внутреннюю жизнь казачества. Уже въ 1797 году, т. е., три года спустя послѣ изданія «Порядка общественной пользы», тогдашній войсковой атаманъ Котляревскій, подписавшій раньше въ числѣ трехъ лицъ, въ качествѣ войсковаго писаря, только-что упомянутыя правила, въ своемъ ходатайствѣ о войсковыхъ нуждахъ предъ Императоромъ Павломъ жалуется, что «начальники, не сообразуясь съ точнымъ положеніемъ войска», вмѣсто того, «чтобы всѣ пожалованныя войску земли и угодья, для избѣжанія скудости, зависти и вражды, оставить общественными», разобрали для себя «выгоднѣйшіе по частямъ лѣсъ и самую лучшую землю», «предоставивъ право себѣ и каждому на собственное и потомственное владѣніе». «Таковымъ постановленіемъ, поясняетъ войсковой атаманъ, войско чувствительно утѣсне-

но, посѣяно между ними разномыслiе и несогласiе и отняты средства къ обзаведенiю себя хозяйствомъ». Ходатайство это кажется тѣмъ характернѣе, что Котляревскiй видимо добивался введенiя въ войско нѣкоторыхъ запорожскихъ порядковъ, просилъ возобновить «неизвѣстно почему» замѣненное «прежними начальниками» (вѣроятно, Чепѣгою и Головатымъ) названiе «войсковой кошъ» названiемъ «войсковое правительство», пожаловать нѣкоторыя изъ регалiй припадлежавшихъ запорожскому войску и перевести въ Черноморiю тѣхъ изъ запорожцевъ, которые, послѣ уничтоженiя Запорожской Сичи, населили «цѣлые города, селенiя и помѣщичьи слободы», но которыхъ не пускали въ войско мѣстное начальство и помѣщики. Какъ видно изъ того же документа, Котляревскiй собственною своею атаманскою властiю «раздѣленiе земель и лѣсовъ уничтожилъ; рубить порядкомъ лѣсъ каждому для своихъ надобностей позволилъ, казаковъ употреблять на партикулярныя работы запретилъ, винный откупъ упразднилъ».... Къ сожалѣнiю, всѣ эти отмѣны несогласовавшихся съ институтомъ войсковой земельной собственности порядковъ, надо полагать, не имѣли существеннаго значенiя и, можетъ быть, даже не были приведены въ исполненiе. Покрайней мѣрѣ впослѣдствiи злоупотребленiя старшинъ, противъ которыхъ онѣ были направлены, продолжались попрежнему.

Отличительныя черты войсковаго землевладѣнiя въ характеризуемый перiодъ были слѣдующiя:

земля считалась коллективною собственностью всего казачества; отсюда право на владѣніе и пользованія ею имѣлъ каждый, кто принадлежалъ къ казачьей корпораціи. Такимъ образомъ, если я былъ казакъ, то имѣлъ право на войсковую землю только какъ казакъ, какъ единичный членъ всей корпораціи. На этомъ основаніи никто другой въ корпораціи не имѣлъ права нарушать мои земельные интересы, какъ и я въ свою очередь не могъ дѣлать того же по отношенію къ остальнымъ членамъ той же корпораціи. Чтобы сдѣлать тѣ или другія исключенія въ этомъ отношеніи, нужно было по меньшей мѣрѣ согласіе всего казачества. Такимъ образомъ и самое право пользованія войсковою собственностью обусловливалось этою послѣднею въ такой лишь степени, чтобы, при существованіи его, не было стѣсненій для отдѣльныхъ лицъ, чтобы удовлетвореніе экономическихъ потребностей населенія не шло въ разрѣзъ съ общею гармоніею интересовъ того же населенія. Нуждался извѣстный членъ казачьяго общества въ расширеніи своего хозяйства, требовалось ли для него мѣсто заимки подъ хуторъ, нужно ли было устроить рыбный заводъ или пасѣку,—во всѣхъ такихъ случаяхъ онъ пользовался правомъ вольной заимки и вольнаго веденія своего хозяйства: гдѣ хотѣлъ тамъ и селился, лишь бы не нарушилъ при этомъ матеріальныхъ выгодъ другаго. Что въ сущности означала эта форма пользованія войсковою земельною собственностью?—Экономическую свободу, при

отрицаніи взаимныхъ стѣсненій. Давался полнѣйшій просторъ приложенію къ дѣлу труда и накопленію трудовымъ, естественнымъ путемъ капитала. Каждый долженъ былъ тутъ пользоваться тѣмъ же, чѣмъ и всѣ, а всѣ—тѣмъ же, чѣмъ каждый. Другими словами, этотъ способъ пользованія землей способствовалъ на первыхъ порахъ развитію мелкаго, однообразнаго производства, приноровленнаго къ хозяйствамъ отдѣльныхъ лицъ, какъ полноправныхъ въ земельномъ отношеніи членовъ общества. Но такъ какъ уже въ разсматриваемый нами періодъ существованія Черноморскаго казачества, при преобладаніи натуральныхъ отношеній въ хозяйствѣ, въ платѣ, напр., пастуху—скотомъ, земледѣльцу—зерномъ, и пр., производство можно было вести двоякимъ образомъ: при помощи собственнаго труда и труда чужаго; то не трудно понять, какую роль въ этомъ отношеніи должны были съиграть казачьи старшины. Имѣли они возможность пользоваться даровымъ, вынуждено обязательнымъ трудомъ рядоваго казака—и они пользовались. Жаждалъ ли, «въ отмѣнное свое воздаяніе, яко вождь, наставникъ и попечитель общихъ благъ войска», старшина захватить лучшій кусокъ степи для хутора или наиболѣе цѣнное мѣсто для рыболовства и захватить въ размѣрѣ львиной доли и въ ущербъ интересамъ другихъ,—и онъ захватывалъ то или другое своею властною рукою. Просто-на-просто старшины хозяйничали на войсковыхъ земляхъ, какъ хотѣли, и тѣснили ря-

довое казачество въ земельномъ отношеніи, какъ могли. Панскіе хутора, хуторскія, рыболовныя и другія заимки стали синонимомъ панскаго насилія и нарушенія правъ казачества, какъ полноправной въ земельномъ отношеніи общины.

Чрезъ всю исторію Черноморскаго казачества тянется эта борьба индивидуалистическихъ стремленій изъ-за панскихъ хуторовъ и заимокъ, а потомъ, кромѣ того, изъ-за хуторовъ и заимокъ вообще богачей, съ коллективнымъ правомъ казачества на землю, борьба, указанія на которую можно въ избыткѣ найдти въ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ документахъ, воспоминанія о которой еще живы въ средѣ казачества и явные слѣды которой даже теперь не перестаютъ волновать казачьи общины. Это печальный, но во всякомъ случаѣ самый крупный фактъ въ исторіи казачьяго землевладѣнія. Выше мы только-что привели уже относительно упомянутой борьбы слова Котляревскаго, бывшаго сначала войсковымъ писаремъ, а потомъ войсковымъ атаманомъ, слѣдовательно, свидѣтельство такого лица, которому не вѣрить никакъ нельзя, которое скорѣе могло скрыть, чѣмъ ярко выставить существовавшія въ его время неурядицы. Другой, не менѣе авторитетный свидѣтель прошлаго казачества, генералъ Дебу, служившій въ продолженіи 16 лѣтъ на Кавказской линіи и издавшій свое сочиненіе «О Кавказской линіи и Черноморскомъ войскѣ» въ 1823 году, упрекалъ черноморскихъ пановъ въ томъ, что «богатѣйшіе изъ нихъ,

привыкшіе помышлять только о приращеніи собственнаго имѣнія, мало заботятся объ общемъ благѣ». Еще важнѣе и авторитетнѣе въ этомъ отношеніи свидѣтельство И. Д. Попко, стараго казачьяго генерала-черноморца, болѣвшаго душею и сердцемъ о нуждахъ войска и казачества. Строго разграничивши понятія объ общественномъ благѣ и личной пользѣ, этотъ свидѣтель въ своей книгѣ «Черноморскіе казаки», изданной въ 1858 году, указываетъ на широкіе захваты земельныхъ угодій какъ всесильною старшиною, такъ и вообще богачами—хуторянами, въ ущербъ интересамъ сѣрой массы казачества. «Въ то время, говоритъ И. Д Попко, чтобы придать пользованію характеръ владѣнія, чиновные члены войсковаго общества отособились отъ своихъ нечиновныхъ сочленовъ и водворились хуторами въ одиночку, по глухимъ степнымъ займищамъ. Матеріальнымъ удобствамъ существованія пожертвованы были обязанности и нравственныя выгоды общежитія. Расположились жить на вольной землѣ такъ, какъ бы предъ словомъ жить не стоялъ слогъ *слу* Такой образъ основнаго разселенія войсковаго общества долженъ былъ имѣть потомъ свое особое вліяніе и на воспитаніе народа, и на духъ войска, и на цивилизацію страны». Чиновные старшины жаловали другъ другу земли, захватывали въ исключительное пользованіе лучшія владѣнія, не руководясь въ этомъ отношеніи никакими законами, правилами и ограниченіями. «Единственнымъ ограниченіемъ служили имъ предѣлы вліянія и ав-

торитета того или другаго высокочиновнаго старшины. А потому, когда высокочиновный и далеко раздвигавшій границы своего земельнаго довольствія старшина сходилъ въ могилу и самъ превращался въ глыбу войсковой земли, тогда широкія границы его довольствія, потѣсненныя новымъ, поднявшимся на верхъ лѣстницы войсковой іерархіи, чиновнымъ старшиной, съуживались съ быстротою утренней тѣни, и оставленное первымъ движимое имѣніе въ рогахъ, гривахъ, рунахъ и скирдахъ превращалось въ прахъ, какъ червонцы фортуны, прорвавшіе ветхую суму нищаго». Въ слѣдъ за чиновною старшиною послѣдовалъ и вообще богачъ хуторянинъ. «Съ теченіемъ времени сами куренныя общества, другими словами, нечиновные члены войсковой семьи, увлекшись примѣромъ произвола войсковыхъ патриціевъ, объявили за собою право жаловать хуторами своихъ собратовъ, плебеевъ». Возникла земельная рознь въ средѣ рядоваго казачества. «Различіе между хуторами панскими и куренными исчезло. И тѣ, и другіе, раздвигая свои земельныя дачи произвольно, почти въ самыя улицы куреней, расширенныхъ увеличившимся народонаселеніемъ, равно сдѣлались несносны куреннымъ обществамъ. Завязалась неугомонная, недостойная благоустроеннаго края борьба между куренями и хуторами. Чтобы остановить и сократить земельные захваты хуторовъ, курени выдвигаютъ противъ нихъ свои плуги, подходятъ подъ нихъ траншеями, ископанными раломъ; а хутора, въ видѣ усиленныхъ

вылазокъ, напускаютъ на куренныя пашни свои стада и табуны Борьба, какъ видите, земледѣльческаго быта съ пастушескимъ. Неурядамъ, жалобамъ и искамъ, самымъ нелѣпымъ, нѣтъ числа. Казаки «оборали» пана, а панъ порубилъ казачьи плуги и вытопталъ казачій посѣвъ. Урядникъ посѣялъ жито, а сотникъ по его житу взялъ да посѣялъ пшеницу, и тому подобное. Богъ знаетъ, какъ бы далеко зашла эта поземельная усобица, если бы не подоспѣло войсковое положеніе 1842 г. Напомнивъ казакамъ общинное значеніе войсковой земли, оно взялось сдѣлать то, чего дотолѣ не доставало и въ чемъ была ощущаема въ среднемъ и низшемъ слоѣ войсковаго населенія настоятельная потребность—опредѣлить условія, размѣры и порядокъ пользованія землею, постановить строгую управу между пользовщиками и предметомъ пользованія». Такое же свидѣтельство о земельной неурядицѣ далъ въ 1846 году въ одномъ изъ оффиціальныхъ документовъ генералъ-майоръ Рашпиль, очень видный казачій дѣятель.

Но и положеніе 1842 года мало помогло горю. Оно узаконило фактическія нарушенія принципа казачьей равноправности на землю, установивши различныя земельныя нормы для рядоваго казачества и для пановъ. Между тѣмъ какъ рядовому казаку было опредѣлено 30 дес. земли на душу, дворянамъ сверхъ этой нормы положено было 200 дес. для оберъ-офицера, 400 дес. для штабъ-офицера и 1500 дес. для генерала. Правда, положеніемъ зем-

ля отдавалась въ такомъ размѣрѣ дворянству только въ пожизненное пользованіе, т. е. до тѣхъ поръ, пока не умиралъ послѣдній изъ живыхъ наслѣдниковъ лица, получившаго въ пользованіе участокъ; но отъ этого, во первыхъ, не легче было рядовому казаку, а во вторыхъ, во всякомъ случаѣ, благодаря такому порядку дѣлъ, создался довольно опасный для цѣлостности войсковаго землевладѣнія прецедентъ, который, какъ показали впослѣдствіи обстоятельства, и послужилъ дѣлу разрушенія войсковой собственности. Словомъ сказать, шагъ въ этомъ отношеніи уже былъ сдѣланъ въ 1842 году; оставалось пожизненное пользованіе обратить въ вѣчное, потомственное, чего такъ добивалась казачья старшина еще на первыхъ порахъ самостоятельнаго существованія войска. Чрезъ 28 лѣтъ, новымъ положеніемъ 1870 года, пожизненное пользованіе офицерскими участками было замѣнено потомственнымъ, изъ войсковой собственности была сдѣлана собственность частная. А еще чрезъ 18 лѣтъ, т. е. въ настоящее время, часть этой собственности успѣла уже перейдти въ руки другихъ владѣльцевъ неказаковъ, свившихъ на этихъ когда-то войсковыхъ земляхъ прочное гнѣздо кулачества и, устроивъ такую важную въ экономическомъ отношеніи точку опоры, обирающихъ тѣхъ самыхъ казаковъ, предкамъ которыхъ земля была отдана жалованными грамотами на правѣ войсковой, общеказачьей собственности.

Такимъ образомъ, что касается исторіи разви-

ГОРОДЪ ЕКАТЕРИНОДАРЪ. — ВОЙСКОВОЙ СОБОРЪ И ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗІЯ

тія казачьей земельной собственности, то на этотъ счетъ у черноморскихъ казаковъ было «не все добро зѣло». Это, конечно, указываетъ на то, что и казаки были люди и что имъ, какъ людямъ, ничто человѣческое не было чуждо. Были стѣсненія, былъ захватъ, была борьба, было пренебреженіе общимъ благомъ и интересами ближняго, казакъ допускалъ ошибки, впадалъ въ увлеченія,— но то была сама жизнь, то было ея постепенное осложненіе, безъ чего немыслима была бы и исторія развитія разсматриваемыхъ явленій. За общимъ фактомъ земельныхъ неурядицъ во всякомъ случаѣ стоялъ другой примировавшій надъ этими неурядицами фактъ развитія общинно-земельной казачьей собственности. Важно уже было и то, что за казачьими общинами и фактически, и закономъ были утверждены извѣстныя права на землю; а была у казака земля, значитъ, казакъ имѣлъ возможность быть казакомъ, содержать семью, поддерживать хозяйство и снаряжаться на службу.

VIII.

Экономическій бытъ и духовныя потребности черноморцевъ.

Съ поселеніемъ на Черноморіи казаки повели свою хозяйственную дѣятельность въ духѣ тѣхъ пріемовъ, какими характеризовалась экономическая жизнь Запорожья. Земледѣліе было слабо развито, главный промыселъ первоначально составляло скотоводство и отчасти рыболовство. Этому способ-

ствовали и естественныя особенности края. Свободныхъ пустующихъ пространствъ, съ прекрасными пастбищами, было такъ много, что, при тепломъ климатѣ, скотъ можно было разводить въ значительномъ количествѣ, безъ особыхъ затратъ труда и хозяйственной заботливости: лошади круглый годъ паслись на подножномъ корму, рогатый скотъ приходилось кормить заготовленнымъ сѣномъ лишь въ теченіе нѣсколькихъ дней или недѣль въ году, даже овцы большую часть зимы могли продовольствоваться подножнымъ кормомъ. И скотоводство, дѣйствительно, процвѣтало въ Черноморіи въ теченіе 70 или 80 лѣтъ; черноморскія табунныя лошади и сѣрый круторогій скотъ имѣли въ свое время широкую извѣстность и высоко цѣнились хозяевами; многочисленныя «отары» овецъ давали всегда достаточный запасъ мяса для внутренняго потребленія Россіи и шерсти для русскихъ и заграничныхъ рынковъ. Однако, разъ утвердившись въ краѣ, скотоводство очень скоро стало составлять спеціальный промыселъ собственно хуторскаго хозяйства. Курени были бѣдны скотомъ; куренноиу населенію принадлежали лишь тощія «череды» (общественныя стада) рогатаго скота, маленькія «кущанки» овецъ и еще меньше лошадей, такъ что, напр , при снаряженіи на службу, казакъ-станичникъ всегда покупалъ лошадь въ табунахъ хуторянъ. Куренной казакъ, поэтому, далеко раньше казака-хуторянина сталъ земледѣльцемъ. Хлѣбопашество, при отвлеченіи рабочихъ

рукъ пограничною, «кардонною» службою, хотя и не могло давать особенно большихъ матеріальныхъ средствъ, но во всякомъ случаѣ служило главнымъ средствомъ прокормленія казачьей семьи. Кромѣ скотоводства, весьма важнымъ подспорьемъ служили для казака рыбные промыслы. Прибрежья Азовскаго моря, Кубань, нѣкоторыя степныя рѣчки, лиманы и плавки были превосходными разсадниками рыбы, плодившейся здѣсь милліардами. Старожилы разсказываютъ просто чудеса объ этомъ. Весною, когда бѣлая рыба— «сула» (судакъ), «тарань» (волба), «чабакъ» (лещъ), карпъ и пр. шла изъ моря метать икру въ плавни, лиманы и рѣки; то собиралась въ столь огромныя стада, что ночью у береговъ слышался безконечный шумъ и гулъ, производившійся рыбою въ водѣ; на обратномъ пути по такимъ рѣчкамъ, какъ напр., Черный Ерокъ, вблизи Петровской станицы, вода выходила изъ береговъ отъ столпившейся рыбы и мѣстами, какъ въ устьѣ Бейсуга, у Бриньковской станицы, буквально таки запружала рѣчное русло, такъ что по рыбѣ, какъ по плотинѣ, можно было переходить съ берега на берегъ; въ такъ называемыхъ Сладкихъ лиманахъ бѣлая рыба метала въ такомъ количествѣ икру, что нельзя было зачерпнуть въ ковшъ воды безъ того, чтобы не захватить въ него мелкой рыбешки; въ нѣкоторыхъ рѣчкахъ послѣ того, какъ спадала вешняя вода, въ заводяхъ оставалась «заблудившаяся рыба» и ее здѣсь просто руками брали, не исключая даже

красныхъ породъ—осетра и севрюги; однимъ словомъ, рыболовныхъ угодій и рыбы было такъ много въ Черноморіи, что мѣстное населеніе не только въ избыткѣ довольствовалось рыбою, но и сбывало ее въ большомъ количествѣ во внутреннія части Россіи, преимущественно въ Новороссію и Малороссію, куда вяленую и соленую рыбу отвозили чумаки тысячами возовъ. Прибрежныя озера—Ясенскія, Ахтарскія и Бугазскія доставляли также казаку соль; обиліе дикихъ звѣрей дѣлало возможнымъ звѣроловный промыселъ, въ особенности въ первое время существованія войска Все это служило хорошею матеріальною поддержкою для казачьяго населенія, лишеннаго самаго главнаго условія для сколько-нибудь сносной постановки хозяйства—рабочихъ рукъ, постоянно отвлекавшихся военною службою. Не будь у войска естественныхъ богатствъ, безпомощному казачьему населенію пришлось бы голодать и вымирать; и если, не смотря на эти богатства, бѣдность все таки часто свивала гнѣздо въ жилищѣ казака, то это исключительно зависѣло отъ того, что казакъ былъ рѣдкимъ гостемъ дома, что постоянная военная служба лишала его возможности заниматься хозяйствомъ.

Однако, ни шаткія экономическія условія, бывшія слѣдствіемъ тяжелой военной службы, ни эта послѣдняя не мѣшали заботиться черноморцамъ о своихъ духовныхъ потребностяхъ. Удовлетвореніе религіозныхъ потребностей было поставлено черно-

морцами на первомъ планѣ; попытки дать дѣтямъ образованіе также были проявлены казаками еще на первыхъ порахъ существованія войска. Въ этомъ сказались прежде всего традиціи Запорожья и національныя особенности населенія.

Черноморцы представляли сплошную массу малорусскаго племени. Старые запорожцы, составившіе за Бугомъ ядро будущаго войска, были исключительно малороссы. Послѣдующія затѣмъ переселенія въ войско также производились изъ малорусскихъ мѣстностей—преимущественно изъ Полтавской и Черниговской губерній. Примѣсь постороннихъ національностей въ войскѣ была поэтому крайне незначительна. Сохранились прямыя документальныя указанія на то, что были единичные случаи поступленія въ казаки поляковъ, татаръ, грековъ, молдаванъ и даже евреевъ; впослѣдствіи при переселеніяхъ вмѣстѣ съ малороссами зашло въ Черноморію небольшое количество бѣлоруссовъ. Но—и только. Главную подавляющую массу казачества составили малороссы, придавшіе всему складу жизни чисто малорусскій характеръ. Языкъ, нравы, обычаи, пѣсни и устная народная поэзія, костюмъ—въ особенности женскій, способы веденія хозяйства и т. п.—все это было малорусскимъ. По той же причинѣ казаки, какъ малороссы, были ревностные послѣдователи православія. До начала восьмидесятыхъ годовъ между черноморцами не было ни одного сектанта. Одною изъ первыхъ заботъ, по занятіи черноморцами края, было желаніе

образовать свое духовное сословіе, устроить храмы и монастыри. Съ этою цѣлью, по словамъ г. Короленко, еще Антонъ Головатый послалъ семь избранныхъ казаковъ къ Феодосійскому епископу Іову, прося его посвятить шестерыхъ во священники и одного во діакона; Іовъ, не имѣя на это разрѣшенія отъ синода, посвятилъ только двухъ казаковъ во священники. Скоро затѣмъ было выхлопотано войскомъ разрѣшеніе строить церкви и назначать духовенство. Благодаря этому, казаки изъ своей же среды образовали собственное духовное сословіе, извѣстное и до настоящаго времени подъ именемъ «свого чорноморьского» въ отличіе отъ пришлаго— «московского». По примѣру Запорожской Сичи, содержавшей на свой счетъ Кіевскій Межигорскій монастырь, черноморцы устроили Екатерино-Лебяженскую Николаевскую пустынь, а еще позже былъ основанъ Маріинскій женскій монастырь.

Въ обыденной своей жизни черноморцы отличались крайнею простотою и патріархальностью отношеній. Ни старшина, ни духовенство на первыхъ порахъ существованія войска не выдѣлялись рѣзко по образу жизни, языку и обстановкѣ изъ рядоваго казачества. Простота отношеній между старшиною и рядовыми казаками послужила даже предметомъ укора черноморцевъ со стороны извѣстнаго кавказскаго генерала Ермолова, смѣшавшаго эту простоту съ отсутствіемъ дисциплины и уваженія къ начальству. Ермоловъ забылъ, что черноморцы были частію запорожцы и частію ихъ на-

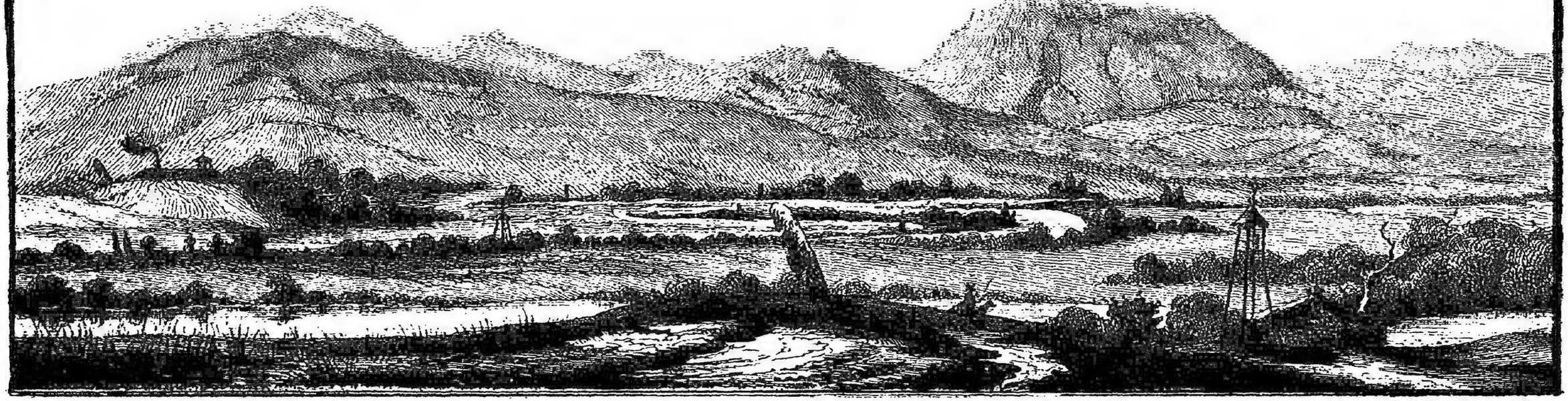
Типография Тов. М. О. Вольфъ

Фотографировалъ К. Л. Фишишнъ

ГОРОДЪ ЕКАТЕРИНОДАРЪ.—КУБАНСКАЯ ВОЙСКОВАЯ ГИМНАЗІЯ

слѣдники, а въ Запорожьѣ, при большей еще простотѣ отношеній, военная дисциплина и качества легко уживались съ незатѣйливымъ бытомъ казака. Отсутствіе рѣзкихъ различій въ образѣ жизни и обстановкѣ черноморскаго казачества было такъ велико, что казачество не только долго не могло выдѣлить изъ среды себя торговаго сословія, но даже дать единичныхъ его представителей. Тѣмъ не менѣе все это не мѣшало казакамъ видѣть въ образованіи дѣтей одну изъ насущныхъ жизненныхъ задачъ. Такъ, не смотря на крайне неблагопріятныя экономическія и военныя обстоятельства, первая школа была основана въ 1803 году и чрезъ три года затѣмъ была преобразована въ уѣздное училище; чрезъ шесть лѣтъ потомъ было открыто еще четыре школы, а въ 1819 году вновь шесть училищъ. Правда, были случаи и закрытія школъ, но, во первыхъ, помимо училищъ казаки учили дѣтей у частныхъ лицъ, а во вторыхъ, даже такое количество школъ по тому времени было довольно значительнымъ. Такъ, между тѣмъ какъ въ Черноморіи въ 1820 году было 10 приходскихъ школъ съ 300 учащихся,—въ то же время въ Донскомъ войскѣ, болѣе старомъ, многочисленномъ и богатомъ, сравнительно съ только-что сложившимся Черноморскимъ войскомъ, было всего три приходскія школы. Къ тому же учрежденіе школъ пользовалось полнымъ сочувствіемъ со стороны черноморскихъ казаковъ. Когда въ 1806 году войсковое начальство, преобразовывая обыкновенную шко-

лу въ приходскую, ассигновало для этой цѣли 1,500 рублей изъ войсковыхъ суммъ, сами черноморцы пожертвовали на тотъ же предметъ 4,000 рублей изъ своихъ частныхъ средствъ. Учителями первой въ войскѣ школы были приглашены казаками изъ Москвы студентъ университета и воспитанникъ гимназіи. Въ 1820 году въ Екатеринодарѣ была уже основана войсковая гимназія, первымъ директоромъ которой былъ назначенъ войсковой протоіерей Кириллъ Россинскій; энергіи и неусыпнымъ заботамъ этого, по своему времени весьма просвѣщеннаго лица, черноморцы были во многомъ обязаны въ дѣлѣ постановки народнаго образованія. Такимъ образомъ, народное образованіе очень рано пустило первые ростки въ Черноморскомъ войскѣ, не смотря на крайне неблагопріятныя условія существованія казаковъ, несшихъ тяжелую военную службу. Хотя и впослѣдствіи, благодаря всс тѣмъ же неблагопріятнымъ условіямъ, народное образованіе шло не особенно торнымъ путемъ, было подвержено колебаніямъ и сокращеніямъ; но съ введеніемъ положенія 1842 года, положенія, обусловившаго существованіе нѣсколькихъ училищъ и назначеніе войсковыхъ стипендій по разнымъ учебнымъ заведеніямъ внѣ войска, и въ особенности послѣ просвѣщенной дѣятельности исправлявшаго должность наказнаго атамана генералъ-майора Рашпиля, казачье образованіе вошло въ болѣе широкую колею и стало затѣмъ постепенно крѣпнуть и развиваться.



ЦИНКОГРАФІЯ ТОВ. М. О. ВОЛЬФЪ

ЧЕРНОМОРСКАЯ КОРДОННАЯ ЛИНІЯ НА КУБАНИ

IX.

Линейная служба и черноморскіе пластуны.

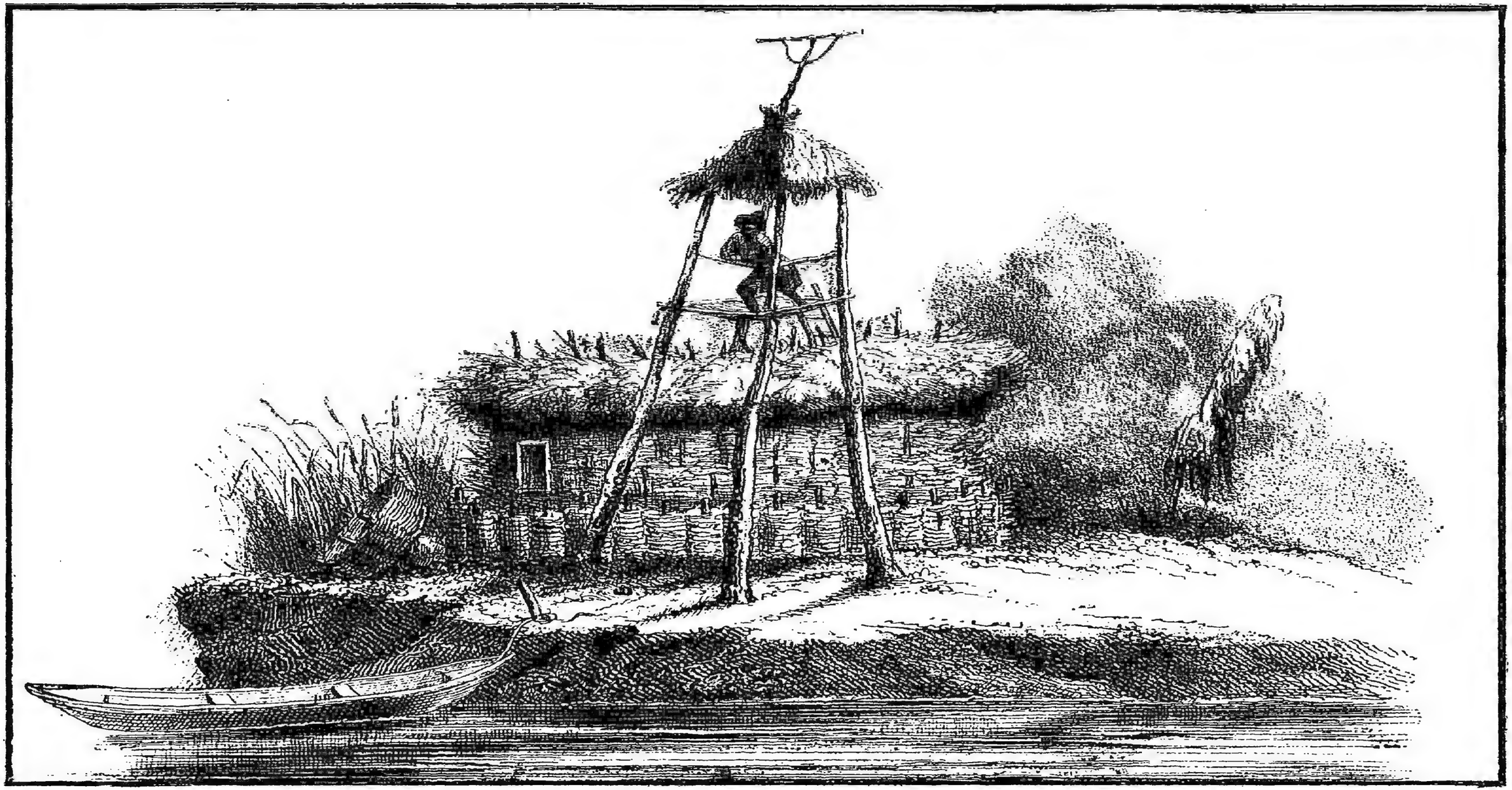
Черноморцы были призваны сторожить часть той линіи, которая тянулась по Кубани и Тереку отъ Чернаго до Каспійскаго моря, о сплошной защитѣ которой казаками хлопоталъ Потемкинъ-Таврическій и предварительное укрѣпленіе которой было произведено еще Суворовымъ Изъ этой линіи на долю черноморцевъ приходилось около 260 верстъ вдоль р. Кубани, съ ея безчисленными излучинами и поворотами, отъ Изряднаго источника, близъ нынѣшней Васюринской станицы и до береговъ Чернаго моря. Такъ какъ весь сѣверный склонъ Кавказскаго хребта и закубанской равнины были заселены вдоль пограничной линіи горскими племенами, всегда враждебными казаку и всегда готовыми сдѣлать набѣгъ на его жилища; то на плечахъ черноморцевъ лежала тяжелая ноша охраны пограничной линіи на каждомъ ея пунктѣ, поворотѣ, извилинѣ, всюду, однимъ словомъ, гдѣ была хоть малѣйшая возможность перебраться горцу на казачьи владѣнія. Будь горцы въ нѣсколько разъ сильнѣе и многочисленнѣе, чѣмъ они были въ дѣйствительности, имѣй они хорошо вооруженныя войска и прекрасныя укрѣпленія на своихъ земляхъ, дѣйствуй они въ то же время сплошными, дающими открыто знать о своихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ, массами, какъ подобаетъ это

при правильно ведущейся войнѣ,—и при всѣхъ этихъ условіяхъ, пограничная служба носила бы для казака иной характеръ, была бы, можетъ быть, тяжелою, но очень опредѣленною, заключенною въ заранѣе намѣченныя рамки: казаки сидѣли бы въ извѣстныхъ мѣстахъ и ждали бы открытія военныхъ дѣйствій, подвергаясь случайностямъ войны только во время веденія ея. Но черкесы были не столько искусно дисциплинированные воины, сколько отчаянные головорѣзы и наѣздники; они не знали и не признавали никакихъ правилъ веденія войны; любя и защищая свою свободу, они въ то же время ни во что ставили свободу и жизнь враговъ; самая война нерѣдко отодвигалась для горца на задній планъ предъ болѣе прозаическою задачею грабежа; набѣгъ, какъ месть, разореніе, какъ удаль, и грабежъ, какъ трофей этой удали безразлично смѣшивались въ одномъ и томъ же понятіи борьбы съ непріятелемъ; часто черкесъ самъ шелъ на смерть и другимъ несъ ее, какъ разбойникъ, поэтизируя въ то же время этотъ разбой; безъ всякаго внѣшняго повода, безъ малѣйшаго проявленія враждебности со стороны казачьяго населенія, черкесъ въ темную ночь или въ туманный день пробирался, какъ волкъ, на русскую границу, и здѣсь, подъ покровомъ ночи или туманной пелены, рѣзалъ, уничтожалъ и жегъ всѣхъ и все, что только подвертывалось ему подъ руку, что было ему по силамъ и чего или кого нельзя было утащить съ собою—и это считалось молоде-

чествомъ, подвигомъ, геройствомъ, это воспѣвалось въ пѣсняхъ, служило предметомъ славы и человѣческаго величія. Ни серьезный миръ, ни договорныя мирныя условія, которыми можно было бы обезпечить спокойное теченіе жизни, поэтому, немыслимы были съ черкесами. Ни на какія клятвы и обѣщанія черкесовъ казаки не могли положиться. Если вынужденные къ миру черкесы не нападали массами, отрядами на казачьи жилища; то дѣйствовавшіе на свой страхъ удальцы пробирались въ одиночку, тайкомъ за Кубань и все таки продолжали грабить, рѣзать, уводить въ плѣнъ и безпокоить казачье населеніе. Такъ называемые, «хаджиреты», бездомовая фанатизированная голь, «психадзе», та же голь, лишенная ктому же лошадей, и вообще необузданная молодежъ и много извѣдавшія безпокойныя головы всегда давали достаточный запасъ такихъ хищниковъ-удальцовъ. Все это осложняло и запутывало трудныя задачи казачьей пограничной службы. Чтобы удержать горцевъ отъ набѣговъ, казакамъ нужно было возвести одну сплошную крѣпость на всемъ двухъ-сотъ-шестидесяти-верстномъ протяженіи сторожевой линіи, но вѣдь это была невозможная задача. Въ такомъ случаѣ казакамъ оставалось создать ту «живую изгородь», съ незатѣйливыми пристанищами въ видѣ постовъ и пикетовъ, которая въ сущности представляла собою нѣчто въ родѣ длиннѣйшей цѣпи изъ человѣческихъ существъ. Посты служили для казаковъ главными укрѣпленіями, пикеты

играли роль мелкихъ связующихъ звѣньевъ, а всюду, на простанствѣ отъ поста къ посту и отъ пикета къ пикету, казакъ сторожилъ горца уже прямо грудью, защищалъ родину кровью, высылая подъ черкескіе пули, шашки и кинжалы такъ называемые «залоги» и «разъѣзды». Такимъ образомъ, на характерѣ пограничныхъ казачьихъ укрѣпленій или вѣрнѣе пограничной казачьей службы всецѣло отразились тѣ до нельзя утомительныя и неблагопріятныя условія безпрерывной военной борьбы, которую суждено было вести черноморцамъ съ черкесами въ теченіи семидесяти лѣтъ.

По словамъ И. Д. Попко, на протяженіи 260 верстъ пограничной линіи было устроено около 60 постовъ и батарей и болѣе ста пикетовъ, хотя въ разное время и мѣнялось какъ общее количество этихъ укрѣпленій, такъ и расположеніе ихъ. Такое повидимому обильное количество укрѣпленій можетъ дать нѣсколько преувеличенное представленіе о дѣйствительномъ ихъ значеніи. Дѣло въ томъ, что черноморскіе посты и пикеты были укрѣпленія крайне примитивныя и незатѣйливыя Для многихъ изъ этихъ укрѣпленій не только не употреблялись камень и желѣзо, но даже не было вбито ни одного гвоздя. Таковы именно были пикеты. Пикеты или, какъ называли ихъ черноморцы, «бикеты» представляли собою небольшіе плетенные изъ ивы шалаши съ двойными стѣнками, промежутки между которыми наполовину наполнялись землей. Каждый пикетъ былъ окопанъ не-



ЦИНКОГРАФІЯ ТОВ. М. О ВОЛЬФЪ

КАЗАЧІЙ ПИКЕТЪ НА БЫВШЕЙ ЧЕРНОМОРСКОЙ КОРДОННОЙ ЛИНІИ, НА КУБАНИ
ВЪ 1840—1850 ГОДАХЪ

большимъ рвомъ и снабженъ сторожевою «вышкою», т. е. обыкновенною на столбахъ каланчею, и такъ называемою сигнальною «фигурою» для для оповѣщанія тревоги. Въ пикетѣ не было ни печи, никакихъ жилыхъ приспособленій; при холодѣ, непогодѣ казаки просто разводили огонь среди шалаша; однимъ словомъ, пикетъ былъ временнымъ сторожевымъ пристанищемъ для казака, устраивался скоро, безъ удобствъ, на живую руку и не требовалъ особыхъ расходовъ на это: на мѣсто одного сожженнаго черкесами пикета казаки могли возвести десятки новыхъ во всякое время и безъ всякихъ затрудненій. Постъ или, какъ называли его черноморцы, «кардонъ» былъ тотъ же пикетъ, но только въ бо́льшихъ размѣрахъ и поэтому болѣе фундаментально устроенный и хозяйственно благоустроенный. Въ кардонѣ возводились постоянныя жилища для казаковъ—хаты или казармы; кардоны были обнесены болѣе глубокимъ, чѣмъ пикеты, рвомъ и земляннымъ валомъ; кардоны, наконецъ, были вооружены пушками. Въ дополненіе къ этому, кардонъ былъ снабженъ тою же, но въ большихъ, разумѣется, размѣрахъ сторожевою «вышкою», со шпилемъ и утвержденною на немъ поперечною перекладиной, на которую вздергивались шары днемъ, въ случаѣ тревоги, а вблизи укрѣпленія врывалась въ землю высокая жердь, обмотанная пенькой и сѣномъ или соломою, а иногда, кромѣ того, снабженная кадкою со смолою. Это и была сигнальная «фигура» или «вѣха», зажегши

которую казаки давали знать въ темную ночь о набѣгѣ черкесовъ. Наконецъ, батарея представляла нѣчто среднее между постомъ и пикетомъ и также укрѣплялась пушками. Между тѣмъ какъ на пикетъ высылалась обыкновенно команда отъ 3 до 10 казаковъ,—посты въ обычное время охранялись, смотря по своей стратегической важности, отъ 50 до 200 казаковъ, а батареи отъ 8 до 25 человѣкъ каждая.

И вотъ, при помощи этихъ укрѣпленій «на курьихъ ножкахъ», черноморцы, выражаясь словами пѣсни, должны были «вірно служить, гряницю держати». Правда, и непріятелями были черкесы, племена хотя храбрыя и воинственныя, но никогда почти не прибѣгавшія къ помощи артиллерійскаго оружія. Однако при этомъ было другое указанное выше неудобство—черкесы, безъ объявленія войны, могли украдкою прорываться въ Черноморію на любомъ пунктѣ границы во всякое время дня и ночи. Это дѣлало пограничную службу до нельзя напряженною, заставляло казака быть готовымъ встрѣтить непріятеля во всякую минуту, требовало безпрестанной подвижности со стороны защитниковъ линіи. И, дѣйствительно, черноморцы охраняли край не столько съ помощію укрѣпленій, мимо которыхъ всегда могъ проскользнуть горецъ, сколько непосредственными наблюденіями за непріятелями внѣ этихъ укрѣпленій и въ промежуткахъ между ними. Съ этою цѣлію казаками широко практиковалась высылка «залоги»

и «разъѣздовъ». Вотъ какъ охарактеризовалъ казакъ-современникъ эти способы казачьей охраны границы.

«Когда голодный волкъ и хищный горецъ выползаютъ изъ своихъ норъ на ночной промыселъ, въ то время значительная часть спѣшенныхъ казаковъ выходятъ изъ поста на обѣ его стороны и украдкою, вмѣстѣ съ тѣнями ночи, залегаютъ берегъ въ опасныхъ мѣстахъ по два, по три человѣка вмѣстѣ. Въ то же время разставленные по пикетамъ казаки покидаютъ свои дневные притоны и также располагаются по берегу живыми тенетами для ночнаго хищника. Это «залога» ... залогъ спокойствія и безопасности страны. Казаки, остающіеся на посту, держатъ коней въ сѣдлѣ и находятся въ готовности, по первому извѣстію, или по первому выстрѣлу залоги, далеко слышному въ ночной тиши, скакать къ обезпокоенному мѣсту кратчайшимъ путемъ, не разбирая, гдѣ кустъ, гдѣ рытвина, чтобы поспѣть на зовъ тревоги прежде, чѣмъ «бояре медъ попьютъ» ... Между тѣмъ отряжаются съ постовъ, съ вечера, въ полночь и на разсвѣтѣ, разъѣзды, составомъ въ два, въ три человѣка каждый. При ожидаемомъ по слухамъ или по примѣтамъ нападеніи, разъѣзды повторяются до шести разъ въ продолженіе ночи, но никогда не бываютъ они сильнаго состава. Разъѣзды проходятъ прибрежными тропинками — «стежками», или проложенными и имъ только извѣстными, соблюдая наивозможную чуткость и осторожность и перекликаясь съ зало-

гою загодя условленнымъ, отрывистымъ свистомъ, либо глухимъ, счетнымъ стукомъ шашки о стремя. Проѣзжая по Кубани поздно вечеромъ (конечно, по казенной надобности) и тревожно присматриваясь къ мелькающимъ мимо васъ въ темнотѣ кустамъ,— не выскочилъ бы изъ нихъ головорѣзъ шапсугъ,— вы не видите разъѣзда, а онъ васъ видитъ... Замѣтивъ, какъ безпокойно вы оглядываетесь то на ту, то на другую сторону разъѣздной моргнулъ усомъ и думаетъ про себя: не безпокойтесь, ваше благородіе, ѣзжайте себѣ, глаза зажмуря: вѣдь мы не спимъ. Да, еще вы были версты за двѣ, какъ онъ остановилъ коня, насторожилъ ухо и настроилъ глазъ. И когда вы пронеслись мимо его и вновь умчались въ темную даль, онъ все еще прислушивается къ печальному звяканью колокольчика, не прервется ли оно вдругъ.... и добродушно провожаетъ васъ пожеланіемъ, чтобъ вашъ поздній ужинъ не остался кому другому на завтракъ». [4])

Особенно учащенными разъѣзды становились въ зимнее время, когда морозъ сковывалъ воды. Въ эту пору, когда Черноморія была открыта для набѣговъ горцевъ болѣе, чѣмъ когда-либо, черкесы могли свободно переходить не только Кубань, но и болота, плавни, лиманы, при другихъ условіяхъ совершенно непроходимые. По мѣрѣ того какъ увеличивалась опасность, усиливался и составъ пограничной линейной стражи. Къ очереднымъ присоединялись льготные казаки. Патрули разъѣзжали днемъ и ночью, вездѣ усиливались «залоги», всю-

ду возрастала бдительность. Часто, въ случаѣ ожидаемыхъ набѣговъ черкесовъ, подъ ружье становились всѣ казаки, не исключая и такъ называемыхъ «внутренно-служащихъ». Тогда линія принимала вполнѣ боевой характеръ. Казаки еле помѣщались въ своихъ убогихъ укрѣпленіяхъ. Помимо постовъ, военные отряды и команды располагались бивакомъ просто подъ открытымъ небомъ. Охрана линіи становилась особенно тяжелою и утомительною. Напряженіе росло подъ непрерывными тревогами, производившимися горцами, и часто разрѣшалось не единичными, а десятками хотя мелкихъ, но кровавыхъ катастрофъ.

Среди такой обстановки и казаки, и черкесы употребляли всевозможныя уловки и ухищренія, чтобы подсидѣть другъ друга, и давали въ то же время безчисленные примѣры такой привычки къ опасностямъ, которая со стороны кажется просто невѣроятною. Казачьей залогѣ черкесъ противоставлялъ свой надзоръ. Въ темную ночь, прокрадываясь къ сторожевой линіи, онъ чутко прислушивался ко всему, стараясь открыть или угадать мѣсто залоги. Чуть казакъ оплошалъ—кашлянулъ, заговорилъ, засмѣялся или зажегъ трубку,—черкесъ по звуку, по мелькнувшему огоньку пускалъ пулю и часто наказывалъ виновныхъ въ неосторожности и безпечности. Отыскавши ту тропинку, по которой ночью должны были проѣзжать казачьи разъѣзды, черкесы устраивали засаду, засѣдая обыкновенно въ трехъ различныхъ мѣстахъ по обѣ сто-

роны тропинки. «Средняя засада, перекинувъ чрезъ стежку арканъ либо лозу дикаго виноградника, устраивала такимъ образомъ барьеръ, въ грудь коню отъ поверхности земли. Съ какой стороны разъѣздъ ни слѣдовалъ бы, крайняя засада пропускала его и вслѣдъ затѣмъ, гикнувъ ему въ тылъ, нагоняла его на барьеръ, гдѣ конь и всадникъ падали и дѣлались добычею средней засады». Но и казаки въ свою очередь знали, какъ избѣжать опасности или быть при подобныхъ обстоятельствахъ. Разъѣздные обыкновенно всегда тянулись гуськомъ и на значительномъ разстояніи, лишь бы не потерять изъ виду другъ друга. Пробираясь тихо по одиночкѣ, казаки такимъ образомъ въ случаѣ бѣды не давались сразу всѣ въ обманъ и могли выручить того изъ товарищей, которому суждено было послужить жертвою черкескихъ козней. Кромѣ того, «бывалый казакъ, какъ только услышитъ подирающій по кожѣ гикъ позади себя, въ мигъ смекнетъ, что непріятель хитритъ, козни строитъ,—и потому устремитъ онъ своего коня не прямо, впередъ себя, а въ бокъ. Пробился конь чрезъ «хмеречу» (чащу) и чрезъ болото, исполать ему: онъ добрый конь, настоящій казацкій конь—ни продать, ни подарить его; а застрялъ, такъ долой съ него—тамъ онъ и оставайся, хоть бы пѣшему какъ-нибудь добраться до поста». Часто однако черкесы предпочитали проказамъ съ «залогами» и «разъѣздами» ловкій проходъ между тѣми и другими чрезъ границу съ цѣлію поживы казачьимъ доб-

ромъ. А казакъ съ своей стороны нерѣдко забывалъ, что находился въ залогѣ или разъѣздѣ, и дозволялъ себѣ вольности, обезкураживавшія черкеса. Вмѣсто того, чтобы прятаться отъ черкеса, онъ лѣзъ ему на видъ, заставляя тѣмъ видѣть козни, которыхъ слѣдовало черкесу избѣжать. «Вы не повѣрите, разсказывалъ намъ старый боевой черноморскій офицеръ, до чего свыкались съ опасностями на кардонной службѣ наши черноморцы. Бывало, отправятся на залогу и вмѣсто того, чтобы сидѣть смирно, закурятъ трубки и заведутъ разговоры между собою, сначала шопотомъ, а потомъ въ слухъ, а тамъ разойдутся – и хохотать начнутъ. Не разъ случалось накрывать виновныхъ на мѣстѣ преступленія. Ѣдешь съ разъѣздомъ—глядь впереди тебя искры блещутъ. «Кто тутъ, спрашиваешь конвойныхъ казаковъ, долженъ быть въ залогѣ?» — «Та, ма—буть, отой скаженый (съумашедшій) Хаблакъ люльки захотівъ покурить», получаешь въ отвѣтъ. Зло возметъ. Подъѣдешь къ виновному, чешешь его чешешь ногайкою по спинѣ.... и вотъ вамъ Богъ свидѣтель: казакъ, бывало, боится ногайки командира больше, чѣмъ винтовки черкеса».

Свою военную строевую организацію черноморцы принесли съ собою изъ за Буга, гдѣ у нихъ боевую часть войска составляли кавалерія, пѣхота и артиллерія. Но своеобразная борьба съ горцами и въ этомъ отношеніи наложила на казачество рѣзкій отпечатокъ. Запорожская кавалерія такъ и осталась на Черноморіи кавалеріей, хотя и преоб-

разованной при императорѣ Павлѣ въ полки; артиллерія заняла свое мѣсто на постахъ и батареяхъ, но пѣхота существенно измѣнила прежнее свое назначеніе. Какъ мы знаемъ уже изъ предыдущаго, черноморская пѣхота представляла собою не столько сухопутныя силы, сколько морскія. Взятіе казаками Березани, участіе казачьей флотиліи въ истребленіи турецкаго флота подъ Измаиломъ, сраженіе при Кинбургѣ и пр. составили черноморцамъ широкую репутацію опытныхъ и храбрыхъ моряковъ. Переселяясь на Кубань, черноморцы захватили съ собою и свою морскую флотилію, но на новомъ мѣстожительствѣ казачьи суда оказались совершенно ненужными: на морѣ было стеречь некого, а Кубань, съ ея быстрымъ теченіемъ и измѣнчивымъ русломъ, дѣлала невозможнымъ сколько-нибудь удовлетворительное пользованіе на ней казачьими военными судами. Сдѣланныя въ этомъ отношеніи попытки окончились полнѣйшею неудачею. Такъ, когда въ Мартѣ 1802 г. казачья команда изъ 28 человѣкъ и двухъ офицеровъ, при одной пушкѣ, препровождала изъ Бугазскаго лимана въ Екатеринодаръ по Каракубани, протекавшей по владѣніямъ враждебныхъ горцевъ, «бойдакъ», нагруженный порохомъ и свинцомъ; то черкесы, сдѣлавши въ наиболѣе удобномъ для себя мѣстѣ засаду, бросились на эту команду, овладѣли байдакомъ, часть команды и въ томъ числѣ обоихъ офицеровъ перебили, часть изранили и часть забрали въ плѣнъ. Это былъ урокъ, пока-

завшій всю непригодность на Кубани байдаковъ. «Байдаки, говоритъ И. Д. Попко, гонялись за двумя зайцами и ни одного не ловили. Но, что еще невыгоднѣе, они оставались въ бездѣйствіи большую половину года чрезъ обмелеваніе и замерзаніе Кубани. А потому существованіе этихъ кордонныхъ амфибій кончилось превращеніемъ ихъ въ простыя паромныя переправы чрезъ Кубань и Протоку». Но въ замѣнъ утраты морской военной снаровки, пріобрѣтенной казаками при иныхъ условіяхъ, черноморцы выработали своеобразный пѣхотный строй. Казакъ-пѣхотинецъ былъ очень зоркимъ, неутомимымъ, искуснымъ и опаснымъ для горца охранителемъ границы, залегши ночью въ залогахъ и слѣдя часто по пятамъ черкеса до самыхъ и отъ самыхъ аульныхъ его жилищъ. Особенно громкую извѣстность пріобрѣли въ этомъ отношеніи черноморскіе пластуны.

Пластуны не составляли самостоятельной части войска, но встрѣчались всюду по линіи особыми мелкими дружинами или вѣрнѣе товариществами. Стоя всегда на самомъ опасномъ мѣстѣ, они несли передовую службу, были застрѣльщиками, лазутчиками и развѣдчиками, и, усваивая пріемы и снаровку непріятеля, платили черкесамъ вдвойнѣ и втройнѣ за причиняемыя ими безпокойства. Вотъ какъ характеризуетъ пластуна казакъ-современникъ, на котораго мы не разъ ссылались выше и который воочію, рядомъ съ собою наблюдалъ въ боевой и обыденной жизни пластуна. Пла-

стунъ— «это обыкновенно дюжій, валкій на ходу казакъ первообразнаго малороссійскаго складу и закалу: тяжелый на подъемъ и неутомимый, незнающій удержу послѣ подъема; при хотѣньи—бѣгущій на гору, при нехотѣньи—еле плетущійся подъ гору; ничего не обѣщающій внѣ дѣла и удивляющій неистощимымъ запасомъ и разнообразіемъ, безконечной тягучестью способностей въ дѣлѣ.... Это тяжеловатый и угловатый камень, которымъ неопытный и нетерпѣливый зодчій можетъ пренебречь, но который, если его поворочать на всѣ стороны, можетъ угодить въ главу угла. Изъ служилыхъ людей различныхъ народностей, входящихъ въ могучій составъ русскаго воинства, быть можетъ, черноморецъ наиболѣе имѣетъ нужды въ указаніи, ободреніи и добромъ примѣрѣ, и потомъ этотъ же черноморецъ наиболѣе бываетъ благодаренъ и отдатливъ за всякую заботу о немъ, за всякую оказанную ему справедливость и за всякое теплое къ нему чувство. Въ старыхъ пѣсняхъ о добрыхъ вождяхъ казачества слышенъ просто плачъ ... Сквозь сильный загаръ описываемой личности пробивается добродушіе, которое легко провести, и вмѣстѣ суровая сила воли и убѣжденія, которую трудно погнуть или сломить. Угрюмый взглядъ и навощенный, кверху вздернутый усъ придаютъ лицу пластуна выраженіе стойкости и неустрашимости. Въ самомъ дѣлѣ, это лицо, окуренное порохомъ, превращенное въ бронзу непогодами, какъ бы говоритъ вамъ: не бойсь, передъ опасностью—ни на-

задъ, ни въ сторону! Когда вы съ нимъ идете въ опасномъ мѣстѣ или въ опасное дѣло,—отъ его шага, отъ его взгляда и простаго слова вѣетъ на васъ какимъ-то спокойствіемъ, какимъ-то забвеніемъ опасности. И, можетъ быть, отсюда родилось то повѣрье, что одинъ человѣкъ можетъ заговорить сто другихъ противъ непріятельскаго оружія.... Пластуны одѣваются, какъ черкесы, и притомъ, какъ самые бѣдные черкесы. Это оттого, что каждый поискъ по тѣснинамъ и трущобамъ причиняетъ сильную аварію ихъ наряду. Черкеска, отрепанная, покрытая разноцвѣтными, нерѣдко даже,—вслѣдствіе потерянаго терпѣнія во время починки,—кожаными заплатами, папаха вытертая, порыжѣлая, но, въ удостовѣреніе беззаботной отваги, заломленная на затылокъ; чевяки изъ кожи дикаго кабана, щетиною наружу: вотъ будничное убранство пластуна. Прибавьте къ этому: сухарную сумку за плечами, добрый штуцеръ въ рукахъ, привинтной штуцерный тесакъ съ деревяннымъ набойникомъ, спереди, около пояса и висящія съ боковъ пояса, такъ называемыя, причандалья: пороховницу, кӳлечницу, отвертку, жирникъ, шило изъ рога дикаго козла, иногда котелокъ, иногда балалайку или даже скрыпку—и вы составите себѣ полное понятіе о походной наружности пластуна, какъ она есть» ....[5])

Живя товариществами и производя поиски за черкесами также партіями, пластуны имѣли свои обыкновенія, право выбора молодыхъ казаковъ и дѣйствовали на развѣдкахъ на собственный рискъ

и страхъ. Нѣсколькимъ человѣкамъ, зашедшимъ на земли непріятеля, да еще такого, какъ черкесы, не отъ кого было ждать помощи въ случаѣ бѣды. Тутъ требовались собственныя силы и изворотливость, иначе на каждомъ шагу пластуну грозили или смерть, или плѣнъ. И въ средѣ пластуновъ дѣйствительно выробатывались замѣчательные воины и личности. Терпѣніе и отвага при поискахъ, стойкость и неустрашимость въ случаѣ встрѣчи съ врагомъ, изворотливость и хитрость при необходимости обмануть противника, прекрасное знаніе мѣстности и умѣнье при этомъ пользоваться ея выгодами, мѣткій и разсчитанный выстрѣлъ, привычка щадить врага при случаѣ и держать въ то же время его въ почтительномъ отдаленіи отъ себя—все это налагало особый, весьма своеобразный отпечатокъ на дѣятельность и поступки пластуна, дѣлало его въ глазахъ черкеса особенно назойливымъ и опаснымъ противникомъ. Нерѣдко бывали случаи, когда пластуны пробирались ночью въ черкескіе аулы, подмѣчали здѣсь приготовленія къ набѣгу, уводили скотъ или лошадей, подслушивали разговоры при знакомствѣ съ языкомъ и, вывѣдавши все, что требовалось, пробирались снова тайкомъ на линію. Сколько-нибудь замѣтныя движенія и сборища черкесовъ въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ, поэтому, рѣдко когда ускользали отъ наблюдательности пластуновъ. Застигнутые на мѣстѣ поисковъ непріятелемъ, пластуны почти никогда не давались въ руки противниковъ, какъ бы многочисленны ни были

эти послѣдніе. Выбравши позицію, что не составляло для нихъ труда, такъ какъ пластунъ каждый шагъ дѣлалъ, соображаясь съ характеромъ мѣстности и подъ прикрытіемъ ея,—пластуны или отстрѣливались, или просто, молча, засѣдали. Въ обоихъ случаяхъ горцы опасались бросаться немедленно въ атаку на защищавшихся, не освоившись съ ихъ положеніемъ, ибо хорошо знали цѣну пластунскаго выстрѣла и засады. Парализовавши такимъ образомъ первый натискъ со стороны черкесовъ, пластуны заботились о дальнѣйшемъ отступленіи. Попадалась вблизи «хмереча», т. е. такая чаща, чрезъ которую, по выраженію черноморцевъ, «гусь даже не можетъ продраться»,—пластуны прятались въ нее, и тогда черкесъ—всадникъ по необходимости долженъ былъ прекратить свое преслѣдованіе; находились ли невдалекѣ плавни и болота—и тамъ были у пластуна свои «задніе ходы», а для всадника опять таки становилось немыслимымъ дальнѣйшее наступленіе; прикрывалъ ли засѣвшихъ пластуновъ кустарникъ, камышъ или просто бурьянъ—и тутъ отступающіе находились: выставивъ шапки, башлыки, а то и часть другой одежи напоказъ, пластуны въ то же время «ползкомъ» проходили, что называется, подъ самымъ носомъ непріятеля, занимали другую болѣе выгодную позицію или же и совсѣмъ скрывались изъ вида преслѣдующихъ, пока эти послѣдніе не догадывались объ обманѣ Во всѣхъ такихъ случаяхъ пластуны выказывали замѣчательный умъ и находчивость, и

часто одни и тѣ же продѣлки безнаказанно повторялись на глазахъ горцевъ по нѣсколько разъ, потому что каждый разъ держала горца въ почтительномъ отдаленіи отъ мѣста засады пуля пластуна. А пластуны были замѣчательные стрѣлки, не уступавшіе въ мѣткости выстрѣла американскимъ героямъ Купера и Майнъ-Рида. Хорошимъ стрѣлкомъ впрочемъ пластунъ дѣлался не только отъ борьбы съ горцами, но и благодаря охотѣ за дикими звѣрями. Все свободное отъ поисковъ за черкесами время пластуны употребляли на охоту за кабанами, козами, оленями, волками и пр., и здѣсь, добывая для себя вкусную пищу, они преимущественно и пріучались къ мѣткой стрѣльбѣ, такъ какъ и здѣсь плохой выстрѣлъ, напр., на кабана грозилъ смертью или увѣчьемъ. Пластуны, поэтому, требовали умѣнья хорошо стрѣлять и отъ поступавшихъ къ нимъ новичковъ, при двухъ необходимыхъ при этомъ качествахъ—хладнокровіи и терпѣливости. Вообще на своеобразномъ типѣ пластуна отразилась ярче, чѣмъ на другихъ казакахъ, вся сумма тѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась военная жизнь черноморца на Кубани, и само собою разумѣется, что борьба съ черкесами тутъ стояла на первомъ планѣ.

X.

Борьба съ горцами и характерные ея эпизоды.

Враждебныя отношенія черноморцевъ съ черкесами обнаружились не сразу по заселеніи каза-

ками Черноморіи, а постепенно, и затѣмъ годъ съ годомъ обострялись все болѣе и болѣе. Первоначально со стороны нѣкоторыхъ черкескихъ племенъ были даже попытки перехода въ русское подданство. Такъ, два князя—Батырь-Гирей (Бжедухскаго племени) и Магметъ-Калабатъ (Хатукайскаго), вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими хлопотали о переходѣ въ русское подданство въ 1794 и 1795 годахъ предъ русскимъ правительствомъ и о предоставленіи имъ земель подъ поселеніе на Черноморіи. Съ этою цѣлью былъ даже въ Петербургѣ князь Батырь-Гирей въ качествѣ депутата отъ горцевъ. Екатерина II нашла однако невозможнымъ удовлетворить просьбу черкесовъ, такъ какъ пришлось бы нарушить добрыя отношенія Россіи съ Турціей, подданными которой, хотя и номинально, считались черкесы. Въ виду этого, горцамъ была обѣщана лишь помощь русскаго оружія въ случаѣ нападенія на нихъ враждебныхъ племенъ и дано позволеніе перегонять табуны черкескихъ лошадей для пастьбы на черноморскія земли. Бжедухи и хатукайцы были довольны даже такимъ исходомъ ихъ ходатайства и съ своей стороны обѣщали сохранять миръ по отношенію къ казакамъ и вообще быть ихъ союзниками. Были затѣмъ и другія попытки со стороны черкесовъ въ подобномъ же родѣ, изъ которыхъ одна увѣнчалась даже полнымъ успѣхомъ. Такъ, была поселена часть горцевъ особымъ ауломъ—Гривенно-Черкескимъ, существующимъ на земляхъ бывшей Черноморіи и донынѣ.

Но эти именно попытки цѣнившихъ мирную гражданскую жизнь черкесовъ послужили одною изъ первыхъ и существенныхъ причинъ, породившихъ враждебныя отношенія между остальными черкесами и казаками. Враждебные русскимъ черкесы и безъ того нападавшія на аулы племенъ, искавшихъ дружбы у русскихъ, стали еще болѣе преслѣдовать этихъ, по ихъ мнѣнію, трусовъ и осквернителей черкеской свободы. Защита казаками своихъ союзниковъ только усиливала вражду къ послѣднимъ остальныхъ горскихъ племенъ. Въ первый разъ казаки обагрили черкескою кровью свое оружіе въ серьезной битвѣ, именно, при защитѣ своихъ союзниковъ—бжедуховъ. Въ 1796 году князь Батырь-Гирей далъ знать кошевому атаману Чепѣгѣ, что около 12 тысячъ горцевъ, преимущественно изъ абадзехскаго племени, рѣшили разорить аулы бжедуховъ и напасть на поселенія казаковъ. Чепѣга послалъ 100 казаковъ съ десятью старшинами и однимъ орудіемъ въ помощь Батырь-Гирею, собравшему всѣ свои наличныя силы. Главное начальство надъ бжедухами и казаками было поручено войсковому полковнику Еремѣеву, и 29 Іюня произошло первое крупное сраженіе между абадзехами, съ одной стороны, казаками и бжедухами, съ другой. Стычка вышла очень кровопролитною и окончилась не въ пользу абадзеховъ, которые были разбиты союзниками на голову и потеряли до 1000 человѣкъ убитыми, около 2000 раненными, 300 плѣнныхъ и 800 ло-

шадей. Сраженіе это, въ которомъ участвовали казаки только въ качествѣ союзниковъ и притомъ въ незначительномъ числѣ, послужило какъ бы сигналомъ для длиннаго ряда военныхъ стычекъ и побоищъ между горцами и казаками, прекратившихся только съ окончательнымъ покореніемъ западнаго Кавказа въ 1864 году.

Семидесятилѣтняя борьба черноморцевъ съ черкесами богата не столько крупными и грандіозными событіями, сколько поразительнымъ упорствомъ, стойкостью и взаимнымъ ожесточеніемъ, принесшимъ много зла, разоренія и горя обѣимъ сторонамъ. Это была чисто народная, партизанская война съ обѣихъ сторонъ, война, почти непрерывавшаяся и ни разу не доходившая до столкновенія въ одной общей битвѣ не только всѣхъ наличныхъ, но даже бо́льшей части силъ у противниковъ. А между тѣмъ не было казака или горца, которые не участвовали бы въ этой борьбѣ, потому что каждый, способный владѣть оружіемъ, одинаково и у казаковъ, и у горцевъ обязанъ былъ воевать. Военныя силы у противныхъ сторонъ дробились на части, чаще мелкія, чѣмъ сколько-нибудь значительныя, и, наряду съ мало-мальски выдающимися стычками этихъ частей, война то и дѣло переходила въ поединки. Кровь лилась каплями, жертвы приносились втихомолку, противники часто выступали другъ противъ друга въ одиночку, не обнаруживалось сразу слишкомъ много огня и дыма, не доходило дѣло до грандіозныхъ и потрясающихъ сраженій,

когда война въ одинъ разъ поглощала тысячи жертвъ; но и мелочей было такъ много, что капли пролитой крови могли бы обратиться въ ручьи, изъ одиночныхъ жертвъ образовались бы громаднѣйшія братскія могилы и мелкій ружейный огонь превратился бы въ величественное молніеносное зарево, если бы исторія свела всѣ эти ужасныя мелочи къ одному, двумъ или нѣсколькимъ даже эпизодамъ. И сколько геройства, мужества и самоотверженія было выказано при этомъ съ обѣихъ сторонъ! Мы привыкли черпать примѣры высокихъ военно-гражданскихъ качествъ изъ древней исторіи, у римлянъ и грековъ, и съ непростительнымъ невниманіемъ относимся къ героямъ нашей родины, жертвовавшимъ собою ради этой послѣдней втихомолку, безъ разсчета на эффектъ и, быть можетъ, безъ всякаго помысла о военной славѣ. Была ночь. Три казака сидѣли «въ залогѣ» за Кубанью, на непріятельской сторонѣ. Вдругъ они замѣтили, что по направленію къ Кубани движется цѣлое полчище горцевъ. Казалось ничего не стоило бы казакамъ забраться куда-нибудь въ укромное мѣстечко и обождать, пока горцы переберутся чрезъ Кубань, а затѣмъ, давай Богъ ноги, убѣжать за крѣпкія стѣны кардона. Но тогда черкесы пробрались бы безпрепятственно чрезъ границу и принесли бы много зла и горя казачьему населенію — могли бы сжечь застигнутую въ расплохъ станицу, увести въ плѣнъ женщинъ, переколоть безжалостно дѣтей и стариковъ, угнать казачій

скотъ.... И вотъ трое односумовъ, не задумываясь, вступаютъ въ борьбу съ цѣлымъ отрядомъ. Раздаются три казачьи выстрѣла, вырвавшіе трехъ непріятелей изъ толпы.... Моментъ молчанія—и за нимъ гикъ и крики этой мгновенно ожесточившейся толпы. Пока толпа нагрянула «на залогу», казаки успѣли нанести ей еще одинъ такой уронъ, но не прошло и минуты, какъ сами они въ свою очередь «были посѣчены, выражаясь излюбленнымъ казачьимъ выраженіемъ, на капусту». Тревога была услышана; казаки съ разныхъ сторонъ двинулись къ мѣсту выстрѣловъ; завязалась борьба—досталось казакамъ и еще болѣе досталось черкесамъ; жертвъ оказалось достаточно съ обѣихъ сторонъ, но набѣгъ горцевъ былъ отраженъ, станичане и хуторяне съ ихъ семьями и имуществомъ были спасены; многіе, участвовавшіе «въ дѣлѣ» казаки отличились, получили чины и ордена.... а что же три первыхъ виновника всего «этого дѣла»?—Они только увеличили общую груду казачьихъ жертвъ за родину, ихъ приняла мать-сыра земля, можетъ быть, даже не родная, но объ нихъ забыли упомянуть даже въ приказѣ.... И тѣмъ не менѣе, чѣмъ подвигъ этихъ неизвѣстныхъ, безъименныхъ героевъ уступалъ подвигамъ Горація Коклеса или Муція Сцеволлы?—Такіе «случаи» беззавѣтнаго служенія родинѣ были нерѣдки между казаками, хотя, быть можетъ, попадутъ только очень немногіе изъ нихъ на страницы казачьей, мало изслѣдованной и мало затронутой пока,

исторіи —Въ Декабрѣ 1832 г. черкеская партія въ нѣсколько сотъ человѣкъ перебралась чрезъ Кубань и намѣревалась сдѣлать нападеніе на Полтавскій курень. Казаки однако зорко сторожили границу. Сжегши нѣсколько пикетовъ, шапсуги бросились на пикетъ, названный впослѣдствіи Суровскимъ. Но находившіеся здѣсь 13 казаковъ подъ командою урядника Сура порѣшили постоять за себя и родину. На предложеніе сдаться они отвѣчали ружейными выстрѣлами. Шапсуги въ свою очередь двухъ казаковъ убили и трехъ ранили. Это однако не измѣнило дѣла—казаки посылали пулю за пулей въ трехсотную толпу, а когда черкесы, бросившись въ атаку, пытались шашками рубить плетенныя стѣнки пикета, чтобы проникнуть внутрь, казаки въ упоръ поражали изъ ружей непріятеля. Казаки выдержали нѣсколько такихъ натисковъ въ продолженіе двухъ часовъ, пока другая казачья команда при двухъ пушкахъ не подоспѣла къ нимъ на помощь и не разогнала шапсуговъ. «И этотъ Суръ, говоритъ И. Д. Попко, мало того, что самъ отбился, онъ спасъ еще курень, давъ ему время приготовиться къ оборонѣ». А вотъ другой, еще болѣе поразительный примѣръ казачьяго самоотверженія и храбрости. Въ 1810 г. болѣе 4000 горцевъ, подстрекаемыхъ турецкимъ пашею, жившимъ въ Анапѣ, предприняли набѣгъ на Черноморію въ районѣ Ольгинскаго поста и вблизи Ивановскаго и Стебліевскаго кореней. Начальникъ Ольгинскаго кордона войсковой полковникъ Тиховскій разослалъ

гонцовъ съ вѣстью о вторженіи черкесовъ въ разныя стороны по линіи; но горцы, занявши всѣ сообщенія между ближайшими кордонами и пикетами, не допустили казаковъ, за исключеніемъ одного, посланнаго къ войсковому атаману исполнить это приказаніе. Часть непріятеля бросилась уже на Ивановскій курень. Тиховскому, отрѣзанному непріятелемъ со всѣхъ сторонъ, предстояло одно —лечь вмѣстѣ съ казаками «костьми на полѣ битвы», чтобы защитить край. «Оставшемуся на Кубани Тиховскому, говоритъ г. Короленко, занимавшійся разборкою военныхъ дѣлъ Черноморскаго войска, ждать помощи было некогда и не откуда; онъ это зналъ, но видѣлъ, что толпы черкесовъ, какъ волны моря, двигаются для разоренія земли черноморцевъ, защищать которую онъ ставилъ себѣ священнымъ долгомъ. Сначала Тиховскій выслалъ съ кордона сотню казаковъ при офицерѣ, а потомъ рѣшился дѣйствовать всѣми бывшими у него силами. Присоединивъ къ казакамъ успѣвшую пробиться изъ Ново-Екатериновскаго поста конную команду при полковомъ есаулѣ Гаджановѣ и забравъ изъ Ольгинска пѣшихъ казаковъ, онъ, съ одною трехфунтовою пушкою, имѣлъ въ своемъ распоряженіи 200 человѣкъ. Съ этою-то горстью Тиховскій двинулся на скопище въ двадцать разъ сильнѣйшее. Черкесы тотчасъ же атаковали Тиховскаго, который, отославъ всѣхъ лошадей въ кордонъ, выстроился въ порядокъ пѣшимъ строемъ. Азіятцы подались назадъ; тогда Тиховскій пустилъ

въ нихъ три пушечныхъ выстрѣла картечью, положивши цѣлые ряды въ густой толпѣ. Оторопѣвшіе хищники стали подбирать своихъ убитыхъ и раненныхъ и поспѣшили выдти изъ-подъ картечныхъ выстрѣловъ, но въ это самое время подоспѣли къ нимъ на помощь бывшіе на лѣвой сторонѣ (Кубани) пѣшіе черкесы и вся масса вновь хлынула на Тиховскаго. Закипѣлъ ожесточенный бой между тысячами непріятелей и горстью казаковъ. Четыре часа бился Тиховскій, поражалъ врага мѣткими ружейными и пушечными выстрѣлами, и бралъ уже верхъ надъ нестройными толпами, какъ вдругъ грабившіе Ивановское селеніе конные черкесы, услышавъ пушечные выстрѣлы, прискакали на мѣсто сраженія. Дружно ударили всѣ горцы на Тиховскаго, и притомъ въ тотъ самый критическій моментъ, когда были израсходованы артиллерійскіе снаряды; ружейныхъ патроновъ оставалось то же мало и въ людяхъ была уже убыль убитыми и раненными. Самъ Тиховскій, истекая кровью, употреблялъ, при содѣйствіи сподвижника своего Гаджанова, послѣднія усилія: онъ ударилъ на непріятеля «въ ратища», но черкесы выдержали отчаянный напоръ казаковъ и приняли ихъ въ шашки. Тогда Тиховскій, окруженный со всѣхъ сторонъ, весь израненный, собравъ остатки своей команды, съ отчаяніемъ бросился на проломъ, но, разрубленный горцами на части, палъ со славою на полѣ чести. Съ нимъ погибли и остатки храброй дружины его. Наступившая ночь осѣнила

мрачнымъ своимъ покровомъ разбросанныя по полю тѣла черноморскихъ казаковъ» ....[6]) Немногіе изъ двухъ-сотъ казаковъ, участвовавшихъ въ этомъ побоищѣ, спаслись, да и изъ нихъ часть сильно израненныхъ тогда же умерла; но за то было спасено цѣною этой кроваво-обильной казачьей жертвы населеніе двухъ куреней! «Съ тѣхъ поръ, говоритъ Короленко, прошло болѣе полувѣка (а теперь болѣе $^3/_4$ вѣка); затихла гроза войны на берегахъ Кубани; заросло травою поле, облитое казацкою кровью, усѣянное костьми казаковъ, и только скромный памятникъ, поставленный усердіемъ признательныхъ черноморцевъ, указываетъ могилу падшаго съ товарищами за царя и родину героя Тиховскаго!» Да, черноморцы не привыкли къ пышнымъ памятникамъ, но умѣли умирать героями за родину....

Подобными случайностями была полна военная жизнь черноморскихъ казаковъ. Не смотря на свои военныя преимущества, казаку приходилось чаще защищать свой край, чѣмъ нападать и опустошать непріятельскій. Русское правительство очень долго предпочитало такое положеніе войска наступательной борьбѣ съ горцами частію изъ желанія подкупить, такъ сказать, этихъ послѣднихъ, а частію въ видахъ сохраненія добрыхъ отношеній съ Турціею, которая могла считать репрессивныя мѣры казачества нарушеніемъ существовавшихъ трактатовъ. Съ своей стороны Турція также обязана была сдерживать воинственные порывы черкескихъ

племенъ, не допускать ихъ до открытой вражды и нападеній на казачьи поселенія. Съ этою цѣлью въ турецкой крѣпости Анапѣ имѣлъ постоянное мѣстопребываніе нарочито назначенный паша. Дѣйствительность однако свидѣтельствовала о полномъ безсиліи турецкой власти въ дѣлѣ обузданія воинственныхъ горцевъ. Набѣги черкесовъ мелкими партіями на Черноморію продолжались почти безпрерывно. Черкесы уводили казачій скотъ и брали населеніе въ плѣнъ. А турецкій паша въ это время или бездѣйствовалъ по безпечности, или же, не смотря на все свое желаніе, не могъ ничего сдѣлать. Черкесы не хотѣли его слушаться, отказывались возвращать, по его приказанію, казакамъ загрaбленный скотъ и плѣнниковъ; когда же паша грозилъ имъ военными мѣрами, то они смѣло отвѣчали, что черкесы—вольный народъ, не признающій никакой власти—ни русской, ни турецкой, и будутъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою свободу отъ всякаго посягательства на нее со стороны турецкаго чиновника. Дѣло доходило даже до того, что казаки должны были защищать турецкихъ чиновниковъ отъ подчиненныхъ турецкому же правительству подданныхъ. При такихъ обстоятельствахъ, турецкій паша сводилъ свою верховную надъ горцами власть къ тому, что въ однихъ случаяхъ предупреждалъ казаковъ о готовившихся на нихъ набѣгахъ горцевъ, а въ другихъ просилъ казачье начальство раздѣлаться съ черкесами по своему усмотрѣнію съ помощію военной силы. Но чуть мѣ-

нялись обстоятельства—становились натянутыми отношенія между Россіей и Турціей, занималъ мѣсто анапскаго паши недоброжелатель русскихъ и т. п.; какъ тотъ же паша, обязанный удерживать черкесовъ отъ набѣговъ, подстрекалъ въ тайнѣ черкескія племена къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ казаковъ. Какъ не долготерпѣливо, поэтому, было въ этомъ отношеніи русское правительство и казаки, а въ концѣ концовъ приходилось держаться съ горцами ихъ же политики—за набѣгъ платить набѣгомъ и за разореніе разореніемъ. Нарядались военныя экспедиціи, казаки переходили на земли горцевъ, разоряли аулы, жгли хлѣбъ и сѣно, уводили скотъ, брали въ плѣнъ населеніе, однимъ словомъ, въ свою очередь повторяли то же самое, что дѣлали черкесы на казачьихъ земляхъ. Возгарались военныя дѣйствія въ духѣ того времени. Казаки, превосходившіе черкесъ, если не численностью, то военною организаціей, и располагавшіе страшнымъ врагомъ горца--орудіями, почти всегда выходили полными побѣдителями. Особенно часты и опустошительны были походы казаковъ въ горы подъ командою войсковыхъ атамановъ Бурсака, Безкровнаго, Заводовскаго и генераловъ Донскаго войска Власова и Черноморскаго Бабича. Каждый такой походъ на время отнималъ у горцевъ охоту къ набѣгамъ, но, само собою разумѣется, не умѣрялъ вражды черкесовъ противъ казаковъ, а лишь усиливалъ. Къ чести казаковъ и ихъ начальства нужно прибавить, что, дѣйствуя самостоятельно, они

всегда относились къ своимъ врагамъ снисходительнѣе, чѣмъ выполняя въ этомъ отношеніи волю сторонняго для нихъ начальства вмѣстѣ съ регулярными войсками. Въ свое время, командующій кавказскими войсками Ермоловъ, основываясь на донесеніи генерала Власова о положеніи Черноморскаго войска и не принявши во вниманіе ни условій существованія войска, ни особенностей во внутреннемъ строѣ и отношеніяхъ черноморцевъ, ни характера ихъ военной защиты границъ, ни пріемовъ казачьей борьбы, громилъ въ приказѣ на имя войсковаго атамана Матвѣева черноморцевъ, какъ «сбродъ людей, похищавшихъ именованіе военныхъ», и требовалъ бо́льшаго проявленія воинственности по отношенію къ горцамъ. По волѣ Ермолова, войско было подчинено въ военномъ отношеніи генералу Власову. Начались жестокія расправы съ горцами по распоряженію этого послѣдняго, наказавшаго первоначально черкесовъ на казачьихъ земляхъ въ такъ называемой «калаускоѣ битвѣ», погубившей цвѣтъ черкеской молодежи и героевъ. Но что же въ концѣ концовъ оказалось? Расправа эта далеко перешла границы обычной казачьей сдержанности и потребовала вмѣшательства въ дѣло императора Николая Павловича. Увеливъ генерала Власова отъ начальствованія надъ военными силами черноморцевъ, императоръ Николай далъ въ рескриптѣ на имя Ермолова слѣдующую характеристику заключительныхъ военныхъ дѣйствій Власова противъ горцевъ: «ясно видно, говорится въ этомъ рескрип-

тѣ, что не только одно лишь презрительное желаніе пріобрѣсть для себя и подчиненныхъ знаки военныхъ отличій легкими трудами при разореніи жилищъ несчастныхъ жертвъ, но непростительное тщеславіе и постыднѣйшіе виды корысти служили имъ основаніемъ». Теперь, когда старые участники въ войнѣ черноморцевъ съ горцами давно уже сошли со сцены въ могилу и исторія вступила въ свои права, можно положительно констатировать тотъ прискорбный фактъ, что жестокія расправы съ горцами не разъ были лишь предлогомъ для многихъ изъ этихъ чиновныхъ участниковъ къ полученію военныхъ знаковъ отличія и чиновъ. Крайностями порождались крайности. Наказанія провинившихся противъ войска горцевъ часто касались не только дѣйствительныхъ виновниковъ, но и мнимыхъ или просто неповинныхъ. То, что не входило въ расчеты казаковъ, частію приходилось имъ выполнять по приказанію, а частію поддерживалось постыднымъ позволеніемъ брать съ горцевъ военную добычу, добывать «баранту» ....

Такимъ образомъ, военная служба черноморскихъ казаковъ въ предѣлахъ родины слагалась изъ двоякаго рода дѣйствій: защиты границы или отраженія враговъ, съ одной стороны, и военныхъ реквизицій или «походовъ», съ другой. Правдивая исторія выгодно въ этомъ отношеніи отмѣняетъ поступки казаковъ: казакъ всегда предпочиталъ дѣятельную охрану военнымъ кровавымъ столкно-

веніямъ, чаще не допускалъ до этого горцевъ, чѣмъ переходилъ самъ въ наступленіе, и вообще цѣнилъ худой миръ выше доброй войны. Даже въ своихъ укрѣпленіяхъ по линіи, подъ напоромъ постоянныхъ тревогъ, возбуждавшихся горцами, черноморецъ умѣлъ обставить себя мирными занятіями: здѣсь онъ плелъ свои классическіе «сапеты» (кошели) для хлѣба, приготовлялъ вилы, грабли, оси, «возы» и «повозки», запасался лѣсными матеріалами для домашняго обихода, и каждый разъ, когда казачка пріѣзжала къ мужу «на кардонъ», все это добро направлялось съ нею домой. Отвлеченіе рабочихъ рукъ отъ казачьяго хозяйства такимъ образомъ отчасти ослаблялось этими занятіями казака на линіи. Правда, все это часто ставилось въ вину казакамъ слишкомъ рьяными поклонниками войны ради войны, противъ казаковъ раздавались грозныя обвиненія въ родѣ ермоловскаго,—но, при всей несправедливости этихъ обвиненій, военныя качества казака сами собою, безъ приказаній, ярко обнаруживались, разъ являлась въ томъ нужда: казакъ былъ неутомимъ въ походѣ, стоекъ и храбръ въ сраженіяхъ, находчивъ и остроуменъ въ средствахъ борьбы. Короче сказать, бѣда заключалась въ томъ, что на ряду съ выдающимися качествами казака, какъ образцоваго воина, всегда проглядывали не менѣе высокія качества казака, какъ человѣка, и эти именно общечеловѣческія достоинства ставились ему въ вину. Но исторія несомнѣнно дастъ свой справедливый приговоръ на этотъ

ЦИНКОГРАФІЯ ТОВ. М. О. ВОЛЬФЪ — ФОТОГРАФИЯ ГАЛЬ Е. Д. ФРЛИЦЫНЪ

МАРКО СОПЕЛЬНЯКЪ — ИВАНЪ ЧИЖЪ — ПОРФИРІЙ СЕМАКЪ

ТАРАСЪ СОПЕЛЬНЯКЪ

ИВАНЪ КРАВЧЕНКО — ПАРАМОНЪ БѢЛЫЙ — ДЕМЬЯНЪ ОНИЩЕНКО

ПЛАСТУНЫ 2 И 8 ПѢШИХЪ БАТАЛЬОНОВЪ ЧЕРНОМОРСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА, ОТЛИЧИВШІЕСЯ ПРИ ЗАЩИТѢ СЕВАСТОПОЛЯ ВЪ 1854—55 ГОДАХЪ

счетъ, поставивши казаку въ заслугу то, что раньше ставилось ему въ вину

XI.

Военныя дѣйствія черноморцевъ внѣ войска и подвиги черноморскихъ пластуновъ въ Севастополѣ.

Черноморскіе казаки вынесли однако на своихъ многострадальныхъ плечахъ не одну только борьбу съ черкесами. Каждый разъ, когда возникали крупныя отечественныя войны, черноморцы были непремѣнными участниками въ нихъ. Такъ, уже въ 1794 году, въ самый разгаръ устроенія казаковъ на новомъ мѣстожительствѣ, два казачьихъ полка подъ командою кошевого атамана Чепѣги участвовали въ войнѣ Россіи съ Польшою. Чрезъ два года, въ началѣ 1796 года, также два полка черноморцевъ подъ начальствомъ войсковаго судьи Головатаго отправлены были противъ персіянъ, при чемъ графъ Зубовъ требовалъ, «чтобы казаки были снаряжены въ походъ самые отличные въ пѣхотномъ строѣ, и съ такимъ выборомъ, чтобы они могли служить съ пользою на лодкахъ и при надобности на лошадяхъ», т. е. отъ однихъ и тѣхъ же казаковъ заранѣе требовалось три спеціальные вида службы—пѣхотная, морская и кавалерійская. Еще 10 лѣтъ спустя, во время войны Россіи съ Турціею, одна часть черноморцевъ была размѣщена въ Крыму, а другая принимала участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ подъ Измаиломъ, Рущукомъ,

Селистріей, Браиловымъ и пр. Въ 1812 году черноморскіе казаки несли всѣ тягости отечественной войны съ французами и неоднократно выходили побѣдителями изъ отдѣльныхъ стычекъ съ непріятелями. Во время войны съ Персіей въ 1826 и 1827 годахъ на мѣсто военныхъ дѣйствій было командировано изъ Черноморскаго войска два конныхъ полка, одинъ пѣшій и особая пятисотенная команда. Въ возникшую затѣмъ войну съ Турціей черноморцы дѣйствовали на восточномъ берегу Чернаго моря и участвовали во взятіи турецкой крѣпости Анапы русскими войсками въ 1828 году. Наконецъ, въ 1855 году Черноморское войско должно было выдержать особенно сильное напряженіе своихъ военныхъ силъ: охраняя край отъ черкесскихъ набѣговъ, казаки въ то же время были защитниками Азовскаго побережья отъ союзнаго флота и выставили часть войскъ въ число защитниковъ Севастополя. И во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ, начиная съ 1794 года и оканчивая 1855, черноморскіе казаки выказали себя стойкими, храбрыми и умѣлыми воинами. Въ войсковомъ арсеналѣ въ г. Екатеринодарѣ и донынѣ хранится цѣлая серія военныхъ регалій, пожалованныхъ различнымъ казачьимъ полкамъ Черноморскаго и Кавказскаго линейнаго войскъ Екатериною Второю, Павломъ, Александромъ I, Николаемъ и Александромъ II за отличія во время всѣхъ вышеупомянутыхъ войнъ. Регаліи эти—краснорѣчивые свидѣтели образцовой военной службы тѣхъ самыхъ

казаковъ, которые въ то же время усердно стремились насадить гражданственность и культуру на родинѣ....

Какъ доставались казакамъ эти знаки военныхъ отличій—прекрасною иллюстраціею къ этому могутъ служить подвиги пластуновъ въ Севастополѣ во время войны 1855 года.

При защитѣ Севастополя участвовали собственно два пластунскихъ батальона—второй подъ командою полковника Головинскаго и восьмой подъ командою полковника Бѣднягина; здѣсь на долю пластуновъ выпала самая трудная аванпостная служба, которую казаки выполняли съ рѣдкимъ самоотверженіемъ и искусствомъ, очень характернымъ именно для пластунскаго строя и пріемовъ. 10 Сентября 1854 года пластуны прибыли въ Севастополь, 11 уже дѣйствовали при фланговомъ движеніи нашихъ войскъ къ Бахчисараю для занятія позицій по р. Качѣ, а 13 Октября часть ихъ участвовала въ сраженіи при взятіи четырехъ непріятельскихъ редутовъ близъ Балаклавы. Это было первое крупное сраженіе, въ которомъ пластуны рѣзко выдѣлились изъ рядовъ русскихъ войскъ по своимъ боевымъ пріемамъ и обратили на себя всеобщее вниманіе. Мѣткіе и расчитанные выстрѣлы ихъ, лучшихъ по тому времени, нарѣзныхъ штуцеровъ разстраивали и осаживали непріятельскихъ стрѣлковъ. Пластуны, какъ стрѣлки и застрѣльщики, не нашли равныхъ себѣ противниковъ. Тутъ же они выказали и свою кавказ-

скую снаровку при столкновеніи съ кавалеріей. Въ то время какъ 120 пластуновъ, двигаясь противъ одной изъ батарей въ качествѣ застрѣльщиковъ впереди цѣпи Владимірскаго пѣхотнаго полка, разсыпались въ лощинѣ, покрытой мелкимъ кустарникомъ,—на нихъ былъ двинутъ полуэскадронъ лучшей французской кавалеріи. Французы съ обнаженными саблями поскакали противъ пластуновъ въ карьеръ, ожидая вѣроятно встрѣтить обычный пріемъ въ видѣ каре; но пластуны, согласно своимъ кавказскимъ пріемамъ, не стали строиться въ кучки, и приняли непріятеля въ разсыпную; присѣвши на одно колѣно, каждый изъ пластуновъ выстрѣломъ съ колѣна положилъ наскакавшаго на него всадника; оставшіеся въ живыхъ французы, не сдержавши лошадей, пронеслись въ промежуткахъ между пластунами, окончательно разстроились и растерялись; немногимъ изъ нихъ удалось ускакать назадъ. Тогда бросился на пластуновъ другой полуэкадронъ, но и его постигла та же участь; французы были частію истреблены, а частію взяты въ плѣнъ. И при этомъ оказалось, что въ оба раза пластуны не потеряли ни одного убитаго; немногіе изъ нихъ были только слегка ранены. Такъ помогла имъ ихъ кавказская военная снаровка, выработанная въ борьбѣ съ черкесами.

Но настоящее поле дѣятельности черноморскихъ пластуновъ было подъ стѣнами Севастополя. Такъ какъ при осадѣ Севастополя боролись двѣ многочисленныя арміи на очень близкомъ разстоя-

ніи одна отъ другой, то передовая аванпостная служба здѣсь была самою тяжелою и опасною. Съ каждымъ днемъ непріятельскія траншеи подвигались все ближе и ближе къ городу, возводились новыя батареи, велись мины,—и за всѣмъ этимъ приходилось слѣдить пластунамъ тамъ, гдѣ это входило въ линію ихъ расположенія. Чтобы воспрепятствовать непріятелю въ работахъ,— изъ Севастополя на спорные пункты высылались русскія войска, выходившія впередъ нашей артиллерійской линіи, а впереди этихъ войскъ въ свою очередь дѣйствовали пластуны. Такимъ образомъ, пластунская служба была здѣсь, такъ сказать, передовою даже въ передовыхъ отрядахъ. Этого мало. Высылавшіяся на передовыя позиціи войска перемѣнялись и обновлялись, а пластуны безсмѣнно находились на позиціяхъ и служили постояннымъ авангардомъ для смѣнявшихся войскъ. «По мѣрѣ того, говоритъ генералъ Пошко, какъ осаждающіе подвигались ближе и ближе къ Севастополю, какъ боевое поле между воюющими сокращалось, передовая служба пластуновъ становилась все труднѣе. Они устраивали свои ложементы менѣе, чѣмъ на половину ружейнаго выстрѣла отъ непріятельскихъ стрѣлковыхъ закрытій и батарей, такъ что смѣна, засѣвшая въ ложементы ночью, не могла выдти изъ нихъ до слѣдующей ночи, а иначе была бы мгновенно перебита. Даже и подъ покровомъ ночи смѣны достигали ложементовъ не иначе, какъ ползкомъ. За то и пластуны держали въ

томъ же безвыходномъ исложеніи непріятельскихъ стрѣлковъ. Особенно же навыкли они мѣтить въ амбразуры, лучше сказать, во всякія отверстія непріятельскихъ батарей, и убивать артиллеристовъ, чѣмъ значительно облегчали трудное положеніе нашихъ батарей, засыпаемымъ сильнѣйшимъ, подавляющимъ огнемъ непріятельской артиллеріи огромныхъ калибровъ. Въ это тяжкое время, бившимся на позиціи казакамъ приходилось по цѣлымъ суткамъ довольствоваться какимъ-нибудь сухаремъ и нерѣдко терпѣть жажду; приходилось съ вечера обмокнуть, къ утру обмерзнуть и не скоро дождаться очереди обогрѣться и осушиться. Боевыя потери въ людяхъ происходили ежедневно; стихійныя вліянія и лишенія бивака брали свои жертвы. Къ концу зимы 1855 года число людей въ обѣихъ баталіонахъ сократилось на столько, что они не могли уже составить и одного полнаго баталіона. Но нравственное настроеніе было сильное, боевой духъ росъ, что доказывалось такими испытаніями, какъ напримѣръ, слѣдующее. Въ ночь, на 5 Апрѣля 1855 г., впереди четвертаго бастіона, пластуны по обыкновенію занимали передовые ложементы, а за ними, во второй линіи резервныхъ ложементовъ, была расположена рота Екатеринбургскаго пѣхотнаго полка Непріятель велъ подъ четвертый бастіонъ мину, но. дойдя съ ней только до первой линіи нашихъ ложементовъ, рѣшился взорвать ее, потому что замѣтилъ съ нашей стороны контръ-мину. Взрывъ послѣдовалъ въ ска-

запную выше ночь и былъ такъ силенъ, что все пространство впереди четвертаго бастіона и самый этотъ бастіонъ содрогнулись нѣсколько разъ, какъ бы отъ ударовъ самаго жестокаго землетрясенія. Влетѣвшими на воздухъ глыбами земли и камнями обдало всѣ ложементы, а особенно досталось ближайшему къ взрыву, крайнему ложементу пластунской линіи. Въ то же мгновеніе осаждающіе распорядились по всѣмъ ближайшимъ своимъ линіямъ открыть сильнѣйшій ружейный и артиллерійскій огонь, причемъ пущены были въ ходъ и боевыя ракеты. Казалось, непріятель хотѣлъ соединить всѣ ужасы пиротехніи въ одну внезапную картину, чтобы окончательно ошеломить четвертый бастіонъ. Ротѣ, бывшей въ резервныхъ ложементахъ, представились всѣ признаки наступающаго штурма, и она отступила на бастіонъ, гдѣ, вслѣдствіе этого, забили тревогу и стали готовиться къ отбытію приступа. Не видя однако пластуновъ, и не получая отъ нихъ извѣстія, обезпокоились на счетъ ихъ участи. Хорунжій Макаръ Шульга (произведенный изъ пластуновъ) рѣшился добраться до ихъ ложементовъ, не смотря на мятель штуцерныхъ пуль. Возвратясь, онъ донесъ, что въ пяти ложементахъ пластуны на своихъ мѣстахъ и шибко ведутъ перестрѣлку, а крайняго, шестаго ложемента, возлѣ котораго послѣдовалъ взрывъ, онъ не могъ запримѣтить и полагаетъ, что его совсѣмъ засыпало землею отъ взрыва. Вторично сдѣланное дознаніе показало, что и

въ крайнемъ ложементѣ люди цѣлы; что послѣ взрыва ихъ дѣйствительно присыпало было землею и надало имъ работы расчищать свое закрытіе пригоршнями и шапками, но какъ только они немного оправились и примѣтили, что непріятельскіе стрѣлки бросились зинимать воронку, то начали выбивать ихъ оттуда усиленнымъ огнемъ и до сихъ поръ еще не допустили ни одного смѣльчака прочно тамъ усѣсться; но что у нихъ патроны уже на исходѣ. Тогда послали къ тремъ молодцамъ, такъ хорошо распоряжавшимся въ своемъ потрясенномъ и засыпанномъ закрытіи, подкрѣпленіе изъ четырехъ пластуновъ и патроны; исходъ былъ тотъ, что непріятельскіе стрѣлки, несмотря на всѣ ихъ усилія, не были допущены занять воронку и оставили въ ней кучу своихъ убитыхъ» . [7]).

Держась обыкновенно впереди батарей на самыхъ крайнихъ позиціяхъ и ложементахъ, участвуя въ секретахъ, дозорахъ и развѣдкахъ по осаднымъ работамъ союзниковъ, пластуны возвращались на бастіоны лишь для кратковременныхъ передышекъ; здѣсь же они находили иногда горячую пищу, которая готовилась въ городѣ и приносилась отсюда на бастіоны. Цѣлыя ночи дежурили затѣмъ казаки на самыхъ опасныхъ передовыхъ пунктахъ, зорко слѣдя за всѣмъ, что происходило на передовыхъ позиціяхъ непріятеля. По слуху, припавши ухомъ къ землѣ, они опредѣляли вновь начинавшіяся работы и направленіе, въ какомъ онѣ велись; а если

слуха оказывалось недостаточно, то ухитрялись подъ покровомъ ночи пробираться къ самому мѣсту работъ, наблюдали, какъ непріятель землю копалъ, куда онъ выносилъ ее, какъ устанавливалъ пушки и пр. Такимъ образомъ, ни одна батарея не устраивалась у союзниковъ, ни одна траншея не была у нихъ выкопана, ни одно поступальное движеніе въ этомъ отношеніи не укрывалось отъ бдительныхъ пластуновъ. Ползая на развѣдки, пластуны, не стѣсняясь, захватывали съ собою все, что плохо лежало у непріятеля. Однажды они взяли въ плѣнъ передовой непріятельскій постъ какъ разъ въ то время, когда непріятели сидѣли за горячимъ супомъ; пластуны при этомъ захватили не только весь постъ въ полномъ составѣ, но и два котла супу и потомъ дома «чужими пирогами своихъ родителей поминали», т. е. угощали плѣнниковъ ихъ же собственнымъ супомъ. Когда въ первое время осады Севастополя передовые караулы и редуты союзниковъ не позволяли видѣть расположеніе непріятельскихъ силъ и судить о намѣреніяхъ противниковъ, то пластунамъ поручено было проникнить въ непріятельскій станъ. Мелкими партіями пробрались они незамѣченными сквозь передовую цѣпь, затѣмъ также удачно прошли вторую линію болѣе усиленныхъ уже карауловъ, наконецъ, обошли даже резервы съ артиллеріею, и, высмотрѣвши хорошо расположеніе главныхъ силъ непріятеля, ихъ складовъ, парковъ, бараковъ, пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, пробрались затѣмъ назадъ

совершенно другими путями, потерявши только одного человѣка, но за то доставивши массу полезныхъ свѣдѣній. Когда около того же времени явилась нужда въ уничтоженіи сѣна, заготовленнаго севастопольцами, но попавшаго въ руки непріятеля; то пластуны, по предложенію главнокомандующаго, взялись сжечь эти запасы сѣна. Въ первую же благопріятную ночь, при благопріятномъ вѣтрѣ, двадцать казаковъ, подъ командою урядника Демьяненко, переправились чрезъ рѣчку Чорную и устроили здѣсь засаду, пославши трехъ пластуновъ къ сѣнному складу. Пробравшись ползкомъ между непріятельскими караулами, посланные пластуны проникли внутрь склада и, зажегши такимъ образомъ извнутри сѣно, поползли обратно и затѣмъ бросились бѣжать на глазахъ французовъ мимо засады. Французы въ свою очередь пустились преслѣдовать бѣглецовъ, но едва убѣгавшіе минули засаду, какъ раздался отсюда дружный залпъ, ошеломившій французовъ Пользуясь этимъ временнымъ замѣшательствомъ многочисленнаго непріятеля, пластуны во время успѣли безъ всякихъ потерь отступить, надѣвши на кусты свои шапки. Между тѣмъ, пока горѣло сѣно, въ французскомъ войскѣ поднялась тревога, выдвинуты были впередъ даже резервы и долго затѣмъ раздавались ружейные выстрѣлы по висѣвшимъ на кустахъ шапкамъ, пока непріятели не розобрали, въ чемъ было дѣло.

Чтобы судить вообще о характерѣ и особенностяхъ аванпостной пластунской службы при обо-

ронѣ Севастополя, не лишне будетъ привести слѣдующую сухую выдержку изъ послужнаго списка есаула Даниленко, пріобрѣвшаго во время севастопольской войны громкую извѣстность своими пластунскими дѣйствіями.

«Есаулъ Даниленко былъ командированъ съ 3 Октября 1854 года къ восьмому пѣшему баталіону, находившемуся въ городѣ Севастополѣ въ дѣйствующей арміи, гдѣ съ 5 Ноября поступилъ съ командою пластуновъ въ распоряженіе начальника четвертаго отдѣленія оборонительной линіи контръ-адмирала Истомина; 24 Ноября сдѣлалъ вылазку съ десятью пластунами на Сапунъ-гору, гдѣ захватилъ въ плѣнъ вооруженныхъ англичанъ шесть человѣкъ; 14 Декабря, за усиліемъ команды пластуновъ 55 штуцерниками, порученъ ему передовой постъ противъ хутора Флотскаго № 42 экипажа и Георгіевскаго пороховаго погреба, для воспрепятствованія непріятельскимъ работамъ, которыя дѣйствіями его команды остановлены, причемъ въ разное время захвачено пластунами въ плѣнъ англичанъ и французовъ четырнадцать человѣкъ; 17 Декабря, тамъ же, при обходѣ съ семнадцатью пластунами, встрѣчена была имъ непріятельская партія до ста человѣкъ зуавовъ, намѣревавшаяся захватить нашъ секретъ, которая была имъ отбита; за отличную храбрость назначенъ ему 17 Февраля 1855 года главнокомандующимъ южною арміею орденъ св. Владиміра 4 ст съ бантомъ, каковое назначеніе Высочайше утверждено; въ ночь съ 11

на 12 Февраля 1855 г., при нападеніи французскихъ войскъ на устраиваемый Волынскій редутъ, онъ съ командою пластуновъ открылъ первое движеніе непріятеля, участвовалъ въ отраженіи его и раненъ въ обѣ руки штыками; за отличіе въ семъ дѣлѣ Высочайшимъ приказомъ 28 Мая 1855 года произведенъ въ войсковые старшины, а отъ ихъ Императорскихъ Высочествъ великихъ князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича пожаловано ему сто рублей сереб.; съ 7 Марта 1855 года, поступивъ подъ начальство генералъ-лейтенанта Хрулева, онъ находился съ командою пластуновъ 10 Марта въ дѣлѣ съ непріятелемъ при отбитіи непріятельскихъ траншей противъ Камчатскаго укрѣпленія, и за отличіе въ семъ дѣлѣ назначена ему главнокомандующимъ арміею золотая шашка съ надписью «за храбрость», каковое назначеніе Высочайше утверждено; съ 10 же Марта находился онъ съ командою пластуновъ и охотниковъ на аванпостахъ впереди укрѣпленій Малахова Кургана и Камчатскаго; за труды и отличія назначено ему главнокомандующимъ арміею 150 руб. сер. изъ экстраординарной суммы, каковое назначеніе Высочайше утверждено и съ тѣмъ вмѣстѣ Всемилостивѣйше ему пожаловано еще 150 руб. изъ Государственнаго Казначейства; съ 1 Іюля, приказомъ генералъ-лейтенанта Хрущева, по лѣвой половинѣ оборонительной линіи, онъ назначенъ траншей-майоромъ, гдѣ съ командою пластуновъ и охотниковъ дѣлалъ вылазки 6-го Іюля на Зеле-

ную гору для срытія двухъ непріятельскихъ ложементовъ; 21 Іюля противъ штурмовой батареи, для уничтоженія ближайшихъ непріятельскихъ траншей, при чемъ захватилъ тридцать желѣзныхъ рогатокъ; 26 Іюля, въ стычкѣ съ непріятельскимъ секретомъ, взялъ въ плѣнъ англійскаго штабъ-офицера и одного рядоваго; 17 Августа, въ вылазкѣ противъ батареи Прокофьева, разорилъ непріятельскую траншею и забралъ шанцовый инструментъ; 19 Августа сдѣлалъ вылазку противъ батареи Жерве; 22 Августа имѣлъ аванпостную стычку предъ третьимъ отдѣленіемъ оборонительной линіи; за отличіе назначенъ ему главнокомандующимъ орденъ св. Анны 2-й ст. съ мечами, каковое назначеніе Высочайше утверждено. Во время усиленной бомбардировки, начавшейся съ 4-го Августа, онъ постоянно былъ съ командою въ назначенномъ мѣстѣ и 27-го того же мѣсяца участвовалъ въ отраженіи штурма отъ третьяго бастіона, а при отступленіи отъ онаго войскъ контуженъ отъ разрыва бомбы осколкомъ въ правое плечо и камнемъ въ животъ; по особому засвидѣтельствованію начальника 3-го, 4-го и 5-го отдѣленій оборонительной линіи города Севастополя генералъ-лейтенанта Хрулева, во всѣхъ случаяхъ онъ отличался мужествомъ, распорядительностью и самоотверженіемъ».

Нужно замѣтить, что въ этотъ краткій перечень одинадцатимѣсячной службы пластунскаго офицера вошли далеко не всѣ дѣянія и случаи, выпадавшіе на долю пластуновъ подъ Севастопо-

лемъ. Здѣсь каждый шагъ пластуна сопровождался такого рода мелочами, неукладывавшимися обыкновенно въ рамки послужныхъ списковъ, и зауряднostями, отъ которыхъ такъ и вѣютъ присутствіе духа, находчивость и самоотверженіе. Однажды, въ послѣднихъ числахъ Ноября 1854 г., командиръ 2-го пластунскаго баталіона Головинскій шелъ въ сопровожденіи казака станицы Екатеринодарской Степана Назаренко по бастіонной траншеѣ въ городъ. Замѣтивши полетъ бомбы, Головинскій мгновенно остановился и нагнулся, прислонившись къ траншейной стѣнкѣ; то же, по приказанію командира, сдѣлалъ и шедшій сзади его Назаренко. Бомба упала на откосъ траншеи, рядомъ съ Назаренкомъ, и скатилась ему на спину, не разорвавшись, такъ какъ фитиль ея еще не догорѣлъ. «Она уже на меня взлѣзла, ваше высокоблагородіе», раздался вдругъ за спиною Головинскаго голосъ его ординарца съ такимъ спокойнымъ и невозмутимымъ тономъ, которымъ онъ какъ бы спрашивалъ своего начальника, что же прикажетъ послѣдній дальше дѣлать съ бомбой. Головинскій, по его словамъ, почувствовалъ, что у него дыханіе захватило, и онъ едва могъ проговорить: «не шевелись». Казакъ въ точности исполнилъ это приказаніе командира, не измѣнилъ своего положенія, не шевелился, не дрогнулъ предъ лежавшею на спинѣ смертью,—а бомба, какъ бы желая отличить пластунское мужество и присутствіе духа, пошевелившись, свалилась со спины

на землю и не разорвалась, такъ какъ попала фителемъ въ лужу. Назаренко считался самымъ заурядным, ничѣмъ невыдававшимся изъ ряда другихъ пластуновъ. Еще болѣе поразительный случай былъ съ другимъ пластуномъ—урядникомъ 8-го баталіона станицы Пашковской Сампсономъ Полянскимъ. На одной изъ ночныхъ вылазокъ противъ непріятеля Полянскій былъ раненъ штыкомъ въ животъ и взятъ французами въ плѣнъ. Рана въ животъ производитъ обыкновенно самыя ужасныя страданія; при ней не бываетъ кровотеченія и снаружи рана такъ сильно засасывается, что ее трудно бываетъ замѣтить, но за то животъ вздувается и при малѣйшемъ движеніи раненный испытываетъ сильнѣйшія боли. Не смотря однако на такой характеръ раны, Полянскій не захотѣлъ идти въ госпиталь да еще «въ непріятельскій»; онъ даже не подалъ вида французамъ, что раненъ и, скрывая это, переносилъ жестокія страданія безъ стона и малѣйшаго обнаруженія боли, принуждалъ себя стоять или ходить въ такія минуты, когда даже лежать смирно было не по силамъ. По словамъ Полянскаго, онъ залѣпливалъ обыкновенно свою рану мякишемъ хлѣба на счетъ своего дневнаго пропитанія, стягивалъ животъ башлыкомъ и настолько вообще оправился при этомъ своеобразномъ леченіи, что впослѣдствіи отбылъ шестимѣсячныя крѣпостныя работы въ Тулонѣ. Это ужъ былъ героизмъ не минуты, хотя, разумѣется, и не безъ ложнаго представленія о чело-

вѣчности непріятеля, а можетъ быть, и въ силу малорусскаго пластунскаго упорства: «не хочу вашей помощи».

Такимъ образомъ, и подъ Севастополемъ служебная дѣятельность пластуновъ отличалась тѣмъ же партизанскимъ характеромъ, какой она носила на родной Кубани, въ борьбѣ съ черкескими племенами. Но здѣсь, въ виду сильныхъ и хорошо вооруженныхъ союзниковъ, пластунская служба была несравненно сложнѣе и многотруднѣе, чѣмъ на родинѣ; здѣсь пластуну приходилось продѣлывать подъ выстрѣлами непріятеля и часто буквально таки подъ самыми дулами непріятельскихъ пушекъ и ружей все то, что привыкъ онъ дѣлать на развѣдкахъ въ черкескихъ земляхъ при болѣе благопріятныхъ, хорошо знакомыхъ и привычныхъ условіяхъ. И пластунъ стойко и исправно несъ свою службу, выполняя наиболѣе рискованные планы и порученія начальства и съ одинаковымъ мужествомъ и искуствомъ сражаясь какъ въ одиночку, такъ и въ колонахъ, сплошною массою. Вотъ еще два весьма характерные случаи пластунской службы подъ Севастополемъ.

Четвертый бастіонъ, на которомъ служили пластуны, дальше другихъ укрѣпленій выдавался въ черту непріятельской осадной позиціи и, поэтому, несъ больше потерь, чѣмъ другія укрѣпленія. Особенно сильно вредила ему непріятельская мортирная батарея, устроенная въ землѣ на разстояніи всего на штуцерный выстрѣлъ отъ баталіона. 28 Но-

ября, когда было заключено на нѣсколько часовъ перемиріе между воюющими сторонами для уборки убитыхъ тѣлъ, главнокомандующій князь Меньшиковъ и начальникъ Севастопольскаго гарнизона графъ Сакенъ прибыли на четвертый бастіонъ. Возникъ вопросъ о причинахъ большихъ потерь на чѐтвертомъ бастіонѣ. Вице-адмиралъ Новосельскій указалъ на подземную непріятельскую батарею. Началось общее обсужденіе способовъ, съ помощію которыхъ можно было бы уничтожить батарею, но ничего подходящаго не было найдено. Тогда присутствовавшій при этомъ совѣщаніи начальникъ пластуновъ Головинскій замѣтилъ, что просто надо пойдти и взять батарею. «А съумѣете ли вы это сдѣлать съ вашими казаками?» спросилъ его графъ Сакенъ. Головинскій отвѣтилъ утвердительно. Вечеромъ того же дня составился отрядъ охотниковъ изъ 390 казаковъ, 50 моряковъ и около 100 человѣкъ солдатъ. Въ полночь пластуны, по приказанію Головинскаго, поползли по направленію къ непріятельскимъ траншеямъ и высмотрѣли расположеніе карауловъ. При глубокой тишинѣ и со всевозможными предосторожностями, они повели отрядъ въ обходъ непріятельскихъ карауловъ. Когда охотники подошли къ траншеѣ, то, послѣ дружнаго залпа по непріятельской цѣпи, бросились въ траншею, а затѣмъ и въ батарею. Пока поднялась тревога по ближайшимъ непріятельскимъ линіямъ, были заклепаны три большихъ мѣдныхъ мортиры. Замѣтивши это, урядникъ-пластунъ Иванъ Гера-

сименко, силачъ, имѣвшій болѣе аршина въ плечахъ, сказалъ: «жаль, братцы, такъ добро портить, возьмемъ лучше себѣ», и, поднявши одну изъ трехъ незаклепанныхъ еще мортиръ, выбросилъ ее на верхъ траншеи. Его примѣру послѣдовали и другіе. Такимъ образомъ, охотники, отступая на бастіонъ, захватили съ собою три мортиры; кромѣ того, были взяты 14 плѣнныхъ и въ числѣ ихъ одинъ полковникъ и одинъ поручикъ, а также ружья, одежда, ранцы и пр. Отрядъ быстро отступилъ на бастіонъ, выдержавши ужасный ружейный огонь уже у рва четвертаго бастіона. Казаки потеряли 8 человѣкъ убитыми и 5 раненными; изъ первыхъ три пластуна были убиты въ первой свалкѣ въ траншеѣ и тамъ остались. На другой день казаки однако замѣтили изъ ближайшаго къ непріятелямъ ложемента продѣлку со стороны своихъ цивилизованныхъ противниковъ, глубоко возмутившую пластуновъ. Къ траншейной стѣнкѣ былъ приставленъ спиною убитый наканунѣ въ свалкѣ пластунъ Ерофей Кобецъ съ такимъ расчетомъ, что казаки, стрѣляя по траншеѣ, по необходимости должны были разстрѣливать своего убитаго товарища. Между тѣмъ и вызволить убитаго не было никакой возможности, такъ какъ пули сыпались градомъ изъ непріятельской траншеи. Тогда пластуны дождались ночи и, привязавши молодому пластуну Порфирію Семаку къ поясу длинную веревку, велѣли ему ползти къ непріятельской траншеѣ и привязать ее къ ногамъ убитаго товарища; въ слѣдъ за Семакомъ былъ по-

ЦИНКОГРАФІЯ ТОВ. М. О. ВОЛЬФЪ

ФОТОГРАФИРОВАЛЪ К. Л. ФРЕЙМАНЪ

ДЖИГИТОВКА ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ КУБАНСКАГО КАЗАЧЬЯГО ЭСКАДРОНА СОБСТВЕННАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ ПОДЪ КОМАНДОЮ П. И. КРЮКОВА ВЪ 1861 ГОДУ

(СНЯТО СЪ НАТУРЫ)

сланъ другой пластунъ, на обязанности котораго лежало подтаскивать веревку и замѣнить Семака въ случаѣ, если бы этотъ послѣдній былъ убитъ. Къ счастію, Семакъ благополучно избѣжалъ непріятельскихъ выстрѣловъ и буквально таки подъ дулами непріятельскихъ штуцеровъ привязалъ къ ногамъ покойника веревку. Далеко за полночь возвратились обратно оба посланныхъ пластуна; затѣмъ осторожно, хотя и не безъ запинокъ, былъ притянутъ убитый и выставленный на позоръ сотоварищъ къ казачьему ложементу.

XII.

Колонизація линій и самоуправленіе у линейныхъ казаковъ.

Почти одновременно съ заселеніемъ Черноморіи шла колонизація той части нынѣшней Кубанской области, которая извѣстна подъ именемъ Старой Линіи. Но прежде, чѣмъ говорить о колонизаціи этой мѣстности, умѣстно будетъ сдѣлать нѣсколько краткихъ указаній о возникновеніи линейнаго казачества.

Первоначально это казачество было образовано въ видѣ не отдѣльнаго, самостоятельнаго войска на подобіе, напр., Черноморскаго, а просто въ формѣ полковъ—сначала Кубанскаго и чрезъ 10 лѣтъ потомъ Кавказскаго. Впослѣдствіи въ юговосточной части нынѣшней Кубанской области поселена была часть Хоперскаго полка изъ казаковъ Хоперскаго войска, возникшаго при Петрѣ 1-мъ

въ 1717 году и переселеннаго въ нынѣшнюю Ставропольскую губернію за 17 лѣтъ раньше кубанцевъ. Всѣ три полка находились въ распоряженіи командующихъ Кавказскою линіею до 1832 года, когда было образовано одно Кавказское линейное войско изъ разрозненныхъ отраслей казачества, занявшихъ сѣверныя части Кавказа отъ Каспійскаго моря до Устьлабинской крѣпости. Первымъ атаманомъ вновь образованнаго войска былъ назначенъ генералъ-майоръ Верзилинъ. Войско, существовавшее самостоятельно до 1860 года, имѣло затѣмъ еще четырехъ атамановъ—генераловъ Николаева, Круковскаго, Эристова и, наконецъ, послѣдняго Рудзевича, при которомъ Старая и Новая Линіи вошли въ составъ нынѣшняго Кубанскаго казачьяго войска.

Старая Линія, какъ показываетъ и самое ея названіе, служила первоначально чисто военною демаркаціонною линіею между русскими владѣніями и землями кавказскихъ горцевъ. Поэтому, и первыя поселенія линейцевъ нѣсколько отличались отъ поселеній черноморцевъ. Между тѣмъ какъ въ Черноморіи только весьма незначительная часть кореней примыкала къ военной границѣ, именно, три куреня находились при Кубани и три въ недалекомъ отъ нея разстояніи, а большинство ихъ было размѣщено внутри края,—на Старой Линіи всѣ станицы возникли на мѣстѣ бывшихъ укрѣпленій и редутовъ, вдоль Кубани и въ ближайшихъ къ ней стратегическихъ пунктахъ. Такимъ обра-

зомъ, линейныя станицы были болѣе военными и болѣе приспособленными къ постоянной защитѣ отъ кавказскихъ горцевъ, чѣмъ черноморскіе курени.

Заселеніе Старой Линіи станицами началось съ 1794 года. Въ этомъ году было основано, по мысли графа Гудовича, подъ руководствомъ генерала Фере, шесть станицъ, населенныхъ возмутившимися донскими казаками, подъ общимъ названіемъ Кубанскаго казачьяго полка. Двѣ изъ этихъ станицъ были поселены при Кавказской и Устьлабинской крѣпостяхъ, двѣ при Григориполискомъ и Прочноокопскомъ укрѣпленіяхъ, одна при Темнолѣскомъ ретраншементѣ и одна при Воровсколѣскомъ редутѣ, при чемъ каждая изъ станицъ получила имя того укрѣпленія, при которомъ она была поселена. Девять лѣтъ спустя, въ 1803 году, по ходатайству генерала Кнорринга, было основано и населено выходцами изъ слободской Украины четыре станицы—Темишбекская, Казанская, Ладожская и Тифлисская при редутахъ того же имени; затѣмъ въ слѣдующемъ 1804 году населена тѣми же выходцами еще одна станица—Воронежская. Всѣ эти станицы въ свою очередь получили одно общее названіе Кавказскаго полка. Впослѣдствіи, преимущественно въ 1825 году, было основано еще 8 станицъ въ районѣ между Баталпашинскомъ и Прочноокопской станицей. Наконецъ, для усиленія Линейнаго казачества, по распоряженію правительства, въ два пріема было обращено 17 крестьянскихъ селеній въ казачьи станицы,

именно: 13 въ 1833 году и 4 въ 1848 году, и присоединены къ бывшему Кавказскому Линейному войску, въ составъ котораго входила тогда и Старая Линія.

И такъ, слѣдовательно, къ концу сороковыхъ годовъ въ составѣ нынѣшней Старой Линіи числилось всего 36 станицъ.

Что касается затѣмъ другихъ поселочныхъ формъ—хуторовъ, то возникновеніе и распространеніе ихъ шло, надо полагать, какъ и въ Черноморіи, рука объ руку съ колонизаціей края. Такъ, по словамъ генерала Дебу, станица Темишбекская завела свои хутора на сѣверъ отъ Кубани по р. Разшеваткѣ; казаки Кавказскаго полка имѣли также на сѣверъ отъ Кубани, на разстояніи 20 и 40 верстъ, хутора при болотныхъ рѣчкахъ. Но то обстоятельство, что, съ одной стороны, лежавшія ближе къ Кубани станицы находились въ крайне невыгодныхъ, благодаря войнѣ съ горцами, условіяхъ, а съ другой, станицы болѣе удаленныя отъ этой рѣки, бывшія раньше крестьянскими поселеніями, занимались издавна больше земледѣліемъ, чѣмъ скотоводствомъ, позволяетъ заключить, что на Старой Линіи хутора не были такими многочисленными и повсемѣстно разбросанными формами, какъ въ Черноморіи. Это же отчасти подтверждается по аналогіи и современнымъ состояніемъ поселочныхъ формъ на Черноморіи и Старой Линіи, изъ которыхъ въ первой хутора и теперь составляютъ подавляющее количество сравнительно со второй.

Наконецъ, со стороны этническаго состава Старая Линія также представляетъ нѣкоторыя особенности. Какъ и въ Черноморіи, основнымъ элементомъ въ ней явилось казачество; какъ и въ Черноморіи, притокъ бѣглецовъ въ ней былъ довольно обычнымъ, хотя и не въ такой мѣрѣ интенсивнымъ явленіемъ. Въ 1829 году состоялось даже особое Высочайшее повелѣніе объ опредѣленіи бродягъ, зашедшихъ въ Кавказскую область, въ работники поселеннымъ на Кавказской линіи казакамъ. Мѣра общая по тому времени для всей Кавказской области и имѣвшая въ частности ближайшее отношеніе къ населенію Старой Линіи. Но между тѣмъ какъ въ Черноморіи колонизующимъ элементомъ всегда были малороссы, на Старой Линіи перевѣсъ былъ за великороссами. Въ Черноморіи населеніе представляло въ этомъ отношеніи однообразную компактную группу, на Старой Линіи въ составъ войска вошли довольно разнообразные элементы, связующимъ звеномъ для которыхъ послужилъ великороссъ. Тутъ были и донцы, и хоперцы, и казаки бывшаго Екатеринославскаго войска, и отставные солдаты, и великорускіе, и малорусскіе крестьяне. Тѣмъ не менѣе, экономическая жизнь, вылившись въ казачьи формы, получила яркую великорусскую окраску, съ сильнымъ общиннымъ духомъ, большими семьями и преобладающимъ значеніемъ земледѣлія.

Заселеніе затѣмъ Новой Линіи, т. е. равнины между Кубанью и Лабой, началось съ 1841 года.

Проэктъ объ этомъ, возникнувшій по мысли генерала Засса и разработанный потомъ генераломъ Вельяминовымъ и барономъ Розеномъ, былъ утвержденъ правительствомъ еще въ 1839 году. Первоначально предполагалось основать всего только 14 станицъ; но обстоятельства заставили потомъ раздвинуть значительно шире предположеннаго колонизацію Новой Линіи. Заселеніе края шло постепенно въ теченіе двадцати лѣтъ, пополняясь чрезъ извѣстные промежутки времени все новыми и новыми станицами. Такимъ образомъ, въ 1841 году было основано 4 станицы: Лабинская, Чамлыкская, Вознесенская и Урупская, послужившія какъ бы главными операціонными точками, отъ которыхъ пошло дальнѣйшее заселеніе края по разнымъ направленіямъ. Въ теченіе слѣдующихъ затѣмъ восьми лѣтъ, съ 1841 по 1849 годъ, было основано еще 7 станицъ, съ 1852 по 1860 г.—13 станицъ и, наконецъ, въ этомъ послѣднемъ году двѣ станицы.

Итого, слѣдовательно, въ теченіе двадцати лѣтъ было основано на Новой Линіи 32 станицы.

Главнымъ колонизующимъ элементомъ въ этомъ случаѣ послужили казаки старыхъ станицъ бывшаго Кавказскаго Линейнаго войска, т. е. нынѣшней Старой Линіи, а также нѣкоторыхъ станицъ теперешняго Терскаго войска и селъ Ставропольской губерніи. Только въ 1849 г. было поселено здѣсь 250 семействъ изъ числа малороссійскихъ переселенцевъ, назначенныхъ на поселеніе во Владикавказскомъ полку нынѣшняго Терскаго войска,

да въ разное потомъ время было водворено нѣсколько десятковъ семействъ съ Дона и изъ другихъ внутреннихъ губерній. Наконецъ, сюда же нужно отнести нѣкоторое количество бѣглыхъ и безпаспортныхъ, которыми тогда былъ богатъ весь сѣверный Кавказъ. Такимъ образомъ, въ общемъ результатѣ колонизація Новой Линіи была почти исключительнымъ дѣломъ старолинейныхъ казаковъ. Приглашенные военнымъ начальствомъ сначала въ качествѣ охотниковъ заселить Лабинскій край, они отнеслись довольно индефферентно къ этому приглашенію. Тогда начальство принудило ихъ выслать переселенцевъ по жребію, и станичныя общества въ этомъ затруднительномъ случаѣ придумали нанимать изъ среды себя охотниковъ, съ платою отъ 200 до 400 руб. на семью. Мѣра эта, по замѣчанію І. В. Бентковскаго, и дала главный контингентъ переселенцевъ для заселенія неспокойнаго Лабинскаго края.

Отличительная черта колонизаціи Новой Линіи заключалась въ полнѣйшемъ приспособленіи поселочныхъ формъ исключительно къ военнымъ цѣлямъ. Вновь поселенныя станицы были выдвинуты въ самую территорію горскихъ племенъ. Въ дѣлѣ военной колонизаціи Новая Линія пошла поэтому дальше Старой. Военное начальство тутъ не только назначило мѣста для поселеній, но, благодаря безпрерывнымъ столкновеніямъ съ горскими племенами, принуждено было до мельчайшихъ подробностей регламентировать даже экономическую жизнь.

Оно издавало приказанія, какъ ставить плетни и приспособлять терновникъ, «чтобы непріятель не могъ ни повалить плетня, ни перелѣзть черезъ верхъ». Оно же совѣтывало, какъ обращаться съ огнемъ, спрашивало о количествѣ необходимаго сѣна и давало наставленіе какъ косить его, складывать въ стога и т. п., «чтобы оградить отъ нападенія хищниковъ», «отъ ихъ зажигательства».

Понятно, что при такихъ исключительныхъ условіяхъ, когда казакъ и пахалъ, и косилъ, и убиралъ хлѣбъ, и возилъ дрова или лѣсъ, по командѣ и подъ прикрытіемъ военной силы, станица на Новой Линіи являлась единственною поселочною формою. Хуторъ не могъ тутъ существовать или въ крайнемъ случаѣ могъ быть лишь исключеніемъ. Только съ 1864 года, т. е. со времени покоренія Западнаго Кавказа, на Новой Линіи начинаются быстро и широко распространяться хуторскія формы.

Такимъ образомъ, не смотря на разновременность колонизаціи, обѣ части бывшаго Кавказскаго Линейнаго войска, вошедшія въ составъ нынѣшней Кубанской области, были заселены по одному и тому же плану и въ зависимости отъ однихъ и тѣхъ же требованій военнаго характера. Такое же сходство выразилось и въ развитіи внутреннихъ распорядковъ въ казачьихъ общинахъ обѣихъ Линій. Съ самаго возникновенія этихъ общинъ въ жизни ихъ играло чрезвычайно важную роль военное начало. Тутъ не было такой широкой органической связи съ прошлымъ казачества, какая чув-

ствовалась на каждомъ шагу въ Черноморскомъ войскѣ. Управленіе здѣсь отличалось своего рода простотою, но это была простота военной дисциплины. Общинная жизнь долго тлѣла подъ покровомъ военнаго приказа и всецѣло подчинялась ему. Поэтому, и исторія здѣшняго самоуправленія не отличается ни характерными эпизодами самостоятельнаго развитія, ни сложностью послѣдняго.

Ядро казачьихъ общинъ на Линіи составили донцы. Они попали сюда въ 1794 году, какъ ослушники начальству и, слѣдовательно, по отношенію къ организаціи самоуправленія на новой родинѣ оказались еще въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ черноморцы. Правда, линейцы могли перенести съ собою на Кубань изъ стараго мѣстожительства вполнѣ выработанные и сложившіеся уже порядки самоуправленія донскихъ казаковъ. Но, во первыхъ, на Кубани были условія не тѣ, что на Дону, а во вторыхъ, переселенцы были водворены на Линіи, какъ мятежники. Размѣщенные въ шести станицахъ, основанныхъ на мѣстѣ бывшихъ до того военныхъ укрѣпленій, они составили Кубанскій полкъ и, какъ пограничный полкъ, получили строго военную организацію. Во главѣ всѣхъ станицъ стоялъ полковой командиръ, отъ котораго зависѣла казачья старшина, командовавшая и распоряжавшаяся вмѣстѣ съ командиромъ станицами. Собственно же станичное самоуправленіе связано было съ мелочами обыденной жизни и держалось на обычаѣ, при посредствѣ станичныхъ круговъ или сходовъ.

Чрезъ 10 лѣтъ, въ 1803 и 1804 годахъ, на Кубани было основано еще пять станицъ. Казаками тутъ были уже не донцы, а переселенцы изъ Слободской Украйны, входившіе раньше въ составъ Екатеринославскаго войска. Получивъ такую же военную организацію, какая дана была ихъ предшественникамъ донцамъ, эти новые переселенцы образовали особый Кавказскій полкъ. Согласно указу военной коллегіи отъ 11 Іюля 1803 г., въ военномъ отношеніи полкъ этотъ долженъ былъ состоять изъ полковаго командира, 5 есауловъ, 5 сотниковъ, 5 хорунжихъ, одного квартирмейстера, одного полковаго писаря и 500 казаковъ. Но такъ какъ въ наличности не оказалось полнаго количества казачьей старшины, то инспектору кавказской инспекціи генералу Кнорррингу было предписано, «чтобы онъ отрядилъ въ станицы надежнѣйшаго штабъ-офицера и приказалъ бы въ присутствіи его учинить выборъ: во первыхъ, въ войсковые старшины двухъ или трехъ кандидатовъ, достойныхъ и заслуженныхъ чиновниковъ, а потомъ въ есаулы, сотники и хорунжіе». Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ казачеству было предоставлено одно изъ тѣхъ правъ, которое составляло существенную черту стариннаго казачьяго самоуправленія. Это впрочемъ была лишь временная мѣра. Казаки, получивъ полковую организацію, въ отношеніи самоуправленія были поставлены въ общія съ донскими выходцами условія.

Полковое устройство надолго потомъ осталось

у линейцевъ господствующею формою управленія. За нимъ какъ-то стушевалось самоуправленіе станицъ, тѣмъ болѣе что эти послѣднія всецѣло были подчинены станичнымъ начальникамъ (атаманамъ), которые назначались военною администраціею изъ чиновныхъ казаковъ, а не выбирались станичными обществами, какъ это велось на Черноморіи. Въ 1832 году изъ упомянутыхъ линейныхъ полковъ и изъ казаковъ, жившихъ въ области р. Терека, образовано одно Кавказское Линейное казачье войско, получившее, какъ и другія казачьи войска, своего особаго атамана. Преобразованіе это не имѣло, собственно говоря, никакого вліянія на самоуправленіе линейныхъ казаковъ. Ихъ станичныя общины остались въ этомъ отношеніи тѣми же малозначущими единицами, какими были и прежде. Но въ высшемъ казачьемъ управленіи произошла значительная перемѣна: разрозненные до того казачьи полки получили объединеніе подъ властью одного общаго начальника. Точно также и дальнѣйшее расширеніе войска не имѣло никакого вліянія на самый характеръ самоуправленія линейцевъ. Дѣло сводилось только къ увеличенію казачьихъ полковъ, организованныхъ по разъ принятому шаблону. Такъ, одновременно съ образованіемъ Кавказскаго Линейнаго войска, въ казачество былъ зачисленъ цѣлый рядъ крестьянскихъ, смежныхъ съ казачьими, поселеній, и въ этихъ крестьянскихъ поселеніяхъ опять таки было установлено тоже военное управленіе. Та-

кимъ же путемъ, въ формѣ полковъ, занята была впослѣдствіи Новая или Лабинская Линія, въ которой военное управленіе, какъ мы видѣли выше, выразилось еще въ болѣе рѣзкихъ формахъ.

Надобно вообще замѣтить, что по отношенію къ организаціи Линейнаго казачества центральнымъ правительствомъ на первыхъ порахъ не было издано ни жалованныхъ грамотъ, ни соотвѣтствующихъ имъ общихъ регламентирующихъ законовъ. Исторія самоуправленія линейныхъ казаковъ въ этомъ отношеніи значительно разнится отъ исторіи самоуправленія черноморцевъ. Линейный казакъ всегда жилъ болѣе военною, дисциплинированною жизнію, чѣмъ черноморецъ. Приказы начальства замѣняли ему законъ центральнаго правительства, и это, разумѣется, находилось въ ближайшей связи съ тою ролью, которая лежала на линейцѣ, какъ пограничномъ воинѣ. Однако, не смотря на то, что военный режимъ сдерживалъ казака въ границахъ возложенныхъ на него обязанностей и что у домашняго очага казакъ находилъ свои обычные порядки, свой судъ и расправу, необходимость въ общемъ, объединяющемъ все казачье управленіе, законѣ должна была чувствоваться по мѣрѣ расширенія войска, съ каждымъ годомъ, все сильнѣе и сильнѣе. Такой законъ дѣйствительно былъ выработанъ впослѣдствіи въ формѣ «Положенія о Кавказскомъ казачьемъ Линейномъ войскѣ» отъ 16 Февраля 1845 года.

Въ силу Положенія 1845 года, войско было

раздѣлено на 17 полковыхъ округовъ, а управленіе его разграничено на военное и гражданское. Вообще же мѣстное управленіе составляли: 1) войсковой наказный атаманъ, 2) войсковое дежурство, 3) войсковое правленіе, 4) бригадныя управленія, 5) временныя военно-судныя коммиссіи, 6) полковыя и станичныя управленія и 7) торговый словесный судъ. Въ хозяйственномъ отношеніи для войска имѣло большое значеніе войсковое правленіе; по отношенію же собственно къ гражданскому управленію существенную роль играли, съ одной стороны, бригадныя и полковыя управленія, а съ другой, станичныя. Всѣ эти учрежденія были связаны между собою въ порядкѣ восходящихъ инстанцій; низшую инстанцію составляли станичныя управленія, а высшую—бригадныя. Бригадныя управленія состояли изъ командира и его канцеляріи, которою заправлялъ бригадный адъютантъ. Въ составъ же полковыхъ управленій входили предсѣдатель, которымъ былъ полковой командиръ, и четыре или три засѣдателя, назначавшіеся исключительно изъ отставныхъ чиновниковъ. Наконецъ, станичныя управленія представляли собою собственно уже органы казачьяго самоуправленія.

Такимъ образомъ, старинный казачій строй линейцевъ, державшійся на дѣленіи войска на полки, остался неизмѣннымъ и по Положенію 1845 г. Были лишь расширены рамки высшаго казачьяго управленія, при чемъ военное начало, какъ регулирующій факторъ, по прежнему легло въ основу

всѣхъ казачьихъ распорядковъ. Это ярко отразилось на станичной общинѣ.

Станичное самоуправленіе линейцевъ значительно отличалось отъ такого же самоуправленія у донскихъ и черноморскихъ казаковъ. Существенное отличіе линейныхъ общинъ въ этомъ отношеніи составляла организація станичнымъ управленій. Въ составъ этихъ учрежденій входили станичный начальникъ и двое судей, но выборными лицами были лишь послѣдніе. Въ силу параграфа 289 Положенія, станичные начальники назначались войсковою администраціею и притомъ исключительно изъ войсковыхъ офицеровъ или чиновниковъ. Исключеніе составлялъ одинъ Владикавказскій полкъ, да и то не въ пользу казачьяго самоуправленія. Во Владикавказскомъ полку, за отсутствіемъ казачьихъ офицеровъ, дозволялось даже назначать станичными начальниками офицеровъ регулярныхъ войскъ. Наконецъ, самое опредѣленіе станичныхъ начальниковъ производилось войсковымъ наказнымъ атаманомъ по представленію бригадныхъ командировъ.

Такое положеніе станичнаго начальника, какъ независимаго во всѣхъ отношеніяхъ отъ общины лица, обусловливалось чисто военными обстоятельствами. Вѣдая гражданское управленіе станицы, станичный начальникъ былъ по преимуществу военнымъ командиромъ. Такъ, на немъ лежали обязанности принимать въ чрезвычайныхъ случаяхъ «всѣ мѣры къ предупрежденію и отраженію вне-

запныхъ нападеній на станицу горцевъ»; онъ долженъ былъ слѣдить за караулами станицы; станичный начальникъ «наблюдалъ, чтобы жители станицы тамъ, гдѣ это по мѣстности необходимо, выходя на полевыя работы или сѣнокосы, имѣли при себѣ оружіе на случай внезапнаго нападенія хищниковъ»; на станичномъ же начальникѣ лежали заботы по обученію строевой службѣ малолѣтковъ. Такимъ образомъ, одинъ уже этотъ перечень обязанностей станичнаго начальника указываетъ на ту роль, какую играло это лице въ станичномъ самоуправленіи: послѣднее всецѣло было подчинено станичному начальнику.

Та же печать военной субъординаціи лежала на отношеніяхъ общины даже къ своимъ выборнымъ лицамъ. Судьи выбирались обыкновенно общинами на три года, но, по занимаемому ими положенію, они отличались отъ станичныхъ судей Черноморскаго войска. Въ послѣднемъ судьею былъ рядовой казакъ и самое его положеніе, помимо лежавшихъ на немъ обязанностей, не давало ему никакихъ исключительныхъ правъ на мѣсто въ войсковой чиновной іерархіи. На Линіи же судья, если онъ даже не былъ офицеромъ, пользовался правами послѣдняго по Положенію 1845 года.

Вообще періодъ заправленія станицами со стороны станичныхъ начальниковъ по назначенію памятенъ для линейца, какъ періодъ его безправія и своеволія чиновнаго люда. Производили давленіе

на общину и казака въ это время не одни станичные начальники, а и вся вообще чиновная старшина. Конечно, и тогда, какъ теперь, было не безъ добрыхъ и честныхъ людей. Но, при узкихъ рамкахъ станичнаго самоуправленія, съ одной стороны, и при давленіи чиповнаго казака, съ другой, станичное населеніе терпѣло больше обидъ и несправедливостей, чѣмъ въ настоящее время.

Нѣтъ сомнѣнія, что на отмѣченную роль чиновнаго казачества въ станичныхъ общинахъ въ сильнѣйшей степени вліяло то обстоятельство, что общины эти носили всесословный характеръ. Какъ и черноморцы, линейные офицеры вышли главнымъ образомъ изъ среды рядоваго казачества. Какъ и въ Черноморіи, въ старолинейныхъ общинахъ офицеръ имѣлъ права рядоваго казака плюсъ преимущества привиллегированнаго члена общины Неудивительно, поэтому, что въ дѣлахъ общины онъ могъ творить, что хотѣлъ, слѣдуя правилу: большому кораблю—большое и плаваніе. Это было для него тѣмъ удобнѣе, что самъ онъ являлся въ такихъ случаяхъ и судьею, и подсудимымъ. Бригадный, полковой, члены военно-судныхъ коммиссій, засѣдатели, адъютанты, станичные начальники и пр., пр.—все это были свои люди, люди чиновные, облеченные властью и склонные, какъ всѣ люди, не забывать себя и своихъ интересовъ. Тѣмъ не менѣе даже при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ самоуправленіе не было мертвою буквою для станичныхъ обществъ. Да иначе и не могло

быть, пока земля была общественною, пока живы были казачьи круги, обычаи, традиціи....

XIII.

Землевладѣніе, экономическій бытъ, національныя черты и первые зачатки школьнаго дѣла у линейцевъ.

Хотя исторія землевладѣнія у линейныхъ казаковъ также сложилась нѣсколько иначе, чѣмъ у черноморцевъ, но основныя понятія о земельной собственности у этихъ казаковъ ничѣмъ существенно не разнились и не разнятся отъ такихъ же понятій у черноморцевъ. Тѣ же въ теоріи воззрѣнія на землю, какъ общеказачью собственность, таже на практикѣ борьба права индивидуальнаго съ правомъ общиннымъ, что и у черноморцевъ. Да иначе не могло и быть, потому что у обоихъ видовъ казачества были одинаковыя въ этомъ отношеніи тенденціи. Но были иныя, чисто детальныя различія, придавшія съ самаго начала заселенія края особый характеръ землевладѣнію линейныхъ казаковъ. Дѣло въ томъ, что линейцы не представляли собою такого однороднаго и компактнаго цѣлаго, какимъ было Черноморское войско. Они дѣлились на полки и каждый полкъ былъ до извѣстной степени обособленъ въ земельномъ отношеніи отъ другаго.

Піонерами при заселеніи Старой Линіи, какъ мы знаемъ уже, были донцы, люди, принадлежавшіе и раньше къ казачеству, и притомъ донцы, высе-

ленные на Кубань въ наказанье за слишкомъ рьяное отстаиванье именно своихъ казачьихъ вольностей. Вполнѣ естественно, поэтому, что эти піонеры занесли съ собою на новое мѣстожительство и свои обычныя, традиціонныя отношенія къ земельной собственности. Старинные порядки донскаго казачества тутъ имѣли такое же значеніе, какое имѣли у черноморцевъ порядки запорожскіе. Типъ казачьяго «земельнаго уряда» у линейцевъ надо искать на Дону, и это будетъ тѣмъ резоннѣе, что между соціальнымъ положеніемъ линейныхъ казаковъ и донцовъ не существовало даже такого различія, какое было между запорожцами и черноморцами, благодаря семейному началу. А на Донщинѣ между тѣмъ, во время заселенія Кубанской линіи возмутившимися донцами, всецѣло царили понятія о войсковой землѣ, какъ о коллективной казачьей собственности. Впослѣдствіи къ донцамъ были присоединены выходцы изъ Слободской Украйны, также бывшіе казаки и вообще люди, которымъ были дороги формы казачьей жизни, какъ на это указываетъ тотъ фактъ, что, будучи обращены изъ казаковъ бывшаго Екатеринославскаго войска въ однодворцевъ, они предпочли добровольно переселиться на неспокойный въ то время Кавказъ, чтобы остаться казаками. Понятно, что и этимъ выходцамъ также были близки казачьи воззрѣнія на земельную собственность. Еще позже были передвинуты въ часть вновь возникшихъ (около 1825 года) станицъ хоперцы, а это

были также выходцы изъ Донщины, считавшіе свое старшинство съ 1717 года. Наконецъ, присоединенныя къ войску крестьянскія поселенія образовались изъ однодворцевъ и отставныхъ солдатъ. Пользуясь до того землею на общинномъ правѣ, имѣя близкое соприкосновеніе съ казачествомъ и сдѣлавшись въ концѣ концовъ сами казаками, и эти поселенцы также легко могли усвоить казачьи воззрѣнія на землю, какъ на достояніе войска, общую собственность всего казачества.

Итакъ, слѣдовательно, Линейное войско организовано было изъ такихъ элементовъ, которые легко могли воспринять общеказачье понятіе о войсковой землѣ и большинству которыхъ это понятіе было не новостью. Тому же способствовала и значительная неопредѣленность казачьихъ земельныхъ владѣній, бывшая въ дѣйствительности. Не будь этой неопредѣленности, получи каждая часть войска особо свои земли, съ рѣзко очерченными границами, между линейными казаками, быть можетъ, и не было бы въ земельномъ отношеніи той связи, какая на самомъ дѣлѣ чувствовалась между ними. Каждая казачья община, каждый казачій полкъ знали, что имъ должны были принадлежать извѣстныя земли, но въ какихъ именно предѣлахъ— это терялось въ общихъ границахъ всей казачьей, войсковой земли. Такъ, относительно выходцевъ изъ Слободской Украины, составившихъ Кавказскій полкъ, Дебу говоритъ: «казаки Кавказскаго

поселеннаго полка, во избѣжаніе разныхъ неудобностей и для лучшаго хозяйственнаго распоряженія, пользуются, по повелѣнію начальства, съ самаго ихъ водворенія, отведеннымъ для нихъ не малымъ пространствомъ земли, занимающей отъ 20 до 40 верстъ отъ р. Кубани». Фразу «не малымъ пространствомъ земли» можно было приложить и къ другимъ полкамъ Линейнаго войска. Такая неопредѣленность территоріальныхъ границъ проникла потомъ даже въ самое Положеніе о Кавказскомъ Линейномъ войскѣ 1845 года. Въ параграфѣ 1 этого Положенія говорится: «Кавказское Линейное казачье войско занимаетъ земли, всемилостивѣйше ему пожалованныя въ Кавказской области, отъ границъ Черноморскаго войска до Каспійскаго моря», и въ параграфѣ 4 затѣмъ: «границы Кавказскаго Линейнаго войска вообще и каждаго полковаго округа въ особенности, на основаніи Высочайшихъ указаній, утвердятся особою, учрежденною въ войскѣ межевою комиссіею». Такимъ образомъ, тутъ de jure формулировано то, что существовало на самомъ дѣлѣ, de facto. При неопредѣленности территоріальныхъ очертаній, земля тѣмъ не менѣе считалась общею казачьею или войсковою собственностью, границы которой на этомъ основаніи можно было передвигать между отдѣльными частями войска. Такое передвиженіе границъ между отдѣльными станичными общинами сдѣлано на Старой Линіи уже въ наше время, и сдѣлано именно въ силу существованія ин-

ститута войсковой земельной собственности: вся территорія Старой Линіи признана коллективною собственностью всего бывшаго Старолинейнаго войска—отсюда уже вытекали и земельныя уравненія между отдѣльными станичными общинами

И такъ, законодательная власть придерживалась въ этомъ отношеніи обычныхъ воззрѣній на землю, какъ сложились они вообще у казачества. Войсковая земельная собственность и юридически, и фактически является у линейныхъ казаковъ тѣмъ основнымъ элементомъ, который силою внѣшнихъ обстоятельствъ раздробился потомъ на другіе—на частныя, владѣльческія земли и юрты.

Самый процессъ выдѣленія этихъ видовъ земельной собственности совершался на Старой Линіи точно такимъ же образомъ, какъ и на Черноморіи. Правда, онъ не отличался здѣсь такою шириною и интенсивностью, какъ на Черноморіи, потому что не имѣлъ столь благопріятной почвы и условій, какъ на этой послѣдней. У линейцевъ не было такого многочисленнаго и могущественнаго офицерскаго сословія, какъ у черноморцевъ; военно-стратегическое положеніе очень многихъ станицъ, мѣшавшее свободному теченію экономической жизни и широкому развитію хуторскаго хозяйства, сложившіеся уже земельные порядки въ бывшихъ крестьянскихъ поселеніяхъ и пр., также должны были ослаблять силу и размѣры названнаго процесса. Но процессъ этотъ былъ во всякомъ случаѣ хотя и слабымъ, но несомнѣннымъ выраженіемъ борьбы

права индивидуальнаго съ правомъ общиннымъ, которая такъ ярко выразилась въ Черноморскомъ войскѣ. Съ одной стороны, хуторъ, стремленія отдѣльныхъ хозяевъ захватить въ исключительное пользованіе побольше земли и угодій, а съ другой — община, попытки регулировать интересы единичныхъ предпринимателей благомъ общественнымъ,— таковы тѣ противоположныя теченія, изъ которыхъ слагались за это время земельныя отношенія въ средѣ казачества. Личныя воспоминанія теперешняго населенія, слѣды упомянутой борьбы въ архивныхъ документахъ станичныхъ правленій—все это свидѣтельствуетъ затѣмъ о томъ, что въ основѣ индивидуалистическихъ стремленій лежали тенденціи къ образованію частныхъ владѣній и что представители такихъ тенденцій были чиновныя лица и богачи. Писанные законы, давъ формулировку этимъ фактамъ, выразили ихъ потомъ окончательно въ той формѣ, какую они приняли въ Черноморскомъ войскѣ. Въ Положеніи 1845 года земля была назначена офицерамъ въ пожизненное пользованіе, а Положеніемъ 1870 года эти пожизненныя офицерскія владѣнія обращены въ потомственныя. Впослѣдствіи, когда только намѣчены еще были временными признаками офицерскіе участки, т. е. могли быть переданы владѣльцамъ въ такомъ видѣ, но могли быть отведены въ дѣйствительности въ другомъ видѣ и на другихъ даже мѣстахъ, нѣкоторые изъ этихъ участковъ уже были куплены у казаковъ-владѣльцевъ лицами неказачьяго сосло-

вія. Здѣсь произошло, слѣдовательно, то же самое, что и на Черноморіи.

Что касается характера землевладѣнія на Новой Линіи, то такъ какъ заселеніе этого края производилось выходцами изъ Старой Линіи, то само собою разумѣется, что землевладѣніе должно было носить здѣсь тотъ же самый характеръ, какимъ оно отличалось на прежнемъ мѣстожительствѣ поселенцевъ. Возникшія здѣсь формы земельной собственности были лишь воспроизведеніемъ такихъ же формъ, существовавшихъ на Старой Линіи, и это сходство было тѣмъ естественнѣе, что Новая и Старая Линіи составляли одно цѣлое въ административномъ, военномъ и гражданскомъ отношеніяхъ.

Такъ какъ по своимъ естественнымъ особенностямъ Старая Линія во многомъ не походила на Черноморію; то у линейныхъ казаковъ, отличавшихся къ тому же отъ черноморцевъ и въ національномъ отношеніи, экономическая жизнь приняла свой особый складъ. Здѣсь не было ни приморскихъ рыболовныхъ, ни солепромышленныхъ угодій; меньше было воды, болотъ, камышей и пр.,; при степномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе лѣсистомъ характерѣ мѣстности, послѣдняя была годнѣе для земледѣлія, чѣмъ скотоводства. Тому же способствовали и формы поселеній у линейцевъ. Въ видахъ чисто военныхъ цѣлей, линейцы, какъ мы видѣли уже, были поселены крупными станицами, хуторовъ почти не было, и земледѣліе естественно должно было занять первенствующее мѣсто въ экономической жизни ка-

зака; тѣмъ болѣе что и полевыя работы приходилось вести подъ прикрытіемъ военной силы. Съ другой стороны, станицы наиболѣе удаленныя отъ Кубани, будучи прежде крестьянскими поселеніями, успѣли развить земледѣльческое хозяйство раньше, чѣмъ были обращены крестьяне въ казаковъ. И дѣйствительно, линейныя станицы издавна славились хорошею постановкою земледѣльческаго хозяйства. Генералъ Дебу, характеризуя экономическій бытъ линейцевъ въ періодъ съ 1816 по 1826 г., говоритъ, что въ станицахъ Кубанскаго полка «земледѣліе составляло главнѣйшій доходъ жителей, снабжавшихъ хлѣбомъ Черноморію». Еще рѣзче Дебу подчеркиваетъ удовлетворительное состояніе казачьяго хозяйства въ станицахъ Кавказскаго полка. «Трудолюбіе и радѣніе къ домоводству, по этому свидѣтельству, отличало кавказскихъ казаковъ отъ прочихъ. Скотоводство у нихъ въ изобиліи, хлѣбопашество въ цвѣтущемъ состояніи; въ лѣсахъ нѣтъ недостатка, и сверхъ выгодъ, коими они пользуются наравнѣ съ казаками Кубанскаго полка, имѣютъ отличное рыболовство по рѣкѣ Кубани, которое могло бы принести значущій доходъ, если бы находилось въ лучшемъ устройствѣ, и въ коемъ вѣроятно не успѣваютъ отъ безпрестаннаго ихъ нахожденія на службѣ». [9]) Преобладающее значеніе земледѣльческихъ занятій въ экономической жизни казака составило затѣмъ характерную черту и станицъ, водворенныхъ на Новой Линіи. Тутъ дѣйствовали тѣ же причины, что и на Старой Ли-

ніи, причемъ военныя условія требовали еще большей скученности населенія въ крупныхъ пунктахъ, а земли мѣстами представляли такой глубокій и тучный черноземъ, какого не было на Старой Линіи. Послѣдующая жизнь казачества, при другихъ уже совершенно благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, вполнѣ оправдала важное хозяйственное значеніе земледѣлія для обѣихъ Линій. Старая и Новая Линіи продолжаютъ оставаться наиболѣе земледѣльческими мѣстностями въ Кубанской области.

Составившись изъ двухъ національностей—великорусской и малорусской, съ господствующимъ преобладаніемъ первой, линейное казачество получило однако одну общую и весьма опредѣленную физіономію въ сословномъ отношеніи. Здѣсь не было даже той сословной дифференцировки, какая проявилась въ Черноморскомъ войскѣ съ первыхъ шаговъ его самостоятельнаго существованія. Казачья старшина вышла хотя и изъ среды своихъ же казаковъ, но была значительно малочисленнѣе Черноморской. Линейные казаки не имѣли затѣмъ ни своего казачьяго духовенства, ни торговаго сословія. Тѣмъ не менѣе, не смотря на все это, между линейцами какъ прежде, такъ и теперь замѣчалась и замѣчается своего рода раздвоенность. Это видно прежде всего на религіозныхъ вѣрованіяхъ казаковъ. Очень многіе казаки-великороссы оказались послѣдователями старовѣрія, между тѣмъ какъ другая часть тѣхъ же казаковъ и въ особенности казаки-малороссы явились представителя-

ми православія. Этнографическія особенности обѣихъ національностей въ свою очередь наложили рѣзкій отпечатокъ на разныя части населенія. Въ нѣкоторыхъ станицахъ, какъ напр., въ Воронежской, до сихъ еще повидимому идетъ борьба двухъ этнографическихъ началъ—великорусскаго и малорусскаго, и само населеніе, подъ вліяніемъ этой борьбы, получило смѣшанную, двойную окраску; образовались нѣчто среднее между великороссами и малороссами; языкъ, бытовая обстановка, нѣкоторые обычаи и пр. носятъ такой именно двойственный характеръ. На ряду съ этимъ, какъ на Старой, такъ и на Новой Линіяхъ часто въ одной и той же станицѣ можно одинаково встрѣтить и типичнаго великоросса, и «завзятаго хохла». Племенная разношерстность казачьяго населенія сказывается такимъ образомъ очень рѣзко еще и теперь. Будущему, слѣдовательно, предстоитъ еще многое переработать, сгладить, унивелировать, объединить, такъ какъ смѣшанное и безъ того населеніе съ каждымъ годомъ мѣшается все больше и больше, благодаря бракамъ между малороссами и великороссами, одновременному измѣненію нѣкоторыхъ экономическихъ условій и быта, общему росту культурныхъ потребностей и т. п.

Что касается народнаго образованія, то линейное казачество дало въ этомъ отношеніи далеко меньше, чѣмъ черноморское. Въ первое время существованія казачества школъ совсѣмъ не было. Только съ конца тридцатыхъ годовъ появились

первыя попытки въ этомъ родѣ. Такъ, въ 1833 году были открыты двѣ школы—Новомарьевская и Сенгилѣевская. Дальнѣйшее открытіе школъ подвигалось очень туго. Впослѣдствіи образовались такъ называемыя бригадныя и полковыя училища; возникло также нѣсколько школъ на станичныя средства. Но многія изъ этихъ попытокъ не шли дальше канцелярщины и формализма. Школьное дѣло повидимому не имѣло надлежащей точки опоры и не шло путемъ прогрессивнаго развитія; линейные казаки не сдѣлали ни одного шага въ этомъ направленіи, не попытавшись завести среднеобразовательныхъ учебныхъ заведеній. Правда, несомнѣнно, что въ средѣ населенія тлѣла, какъ искра, потребность въ грамотѣ. Весьма возможно также, что, помимо общеизвѣстныхъ оффиціальныхъ школъ, у населенія были свои частныя школы, о существованіи которыхъ не знало начальство. По крайней мѣрѣ старообрядцы были прямо заинтересованы въ этомъ, и, безъ всякаго сомнѣнія, могли имѣть свои особыя школы, какъ это всегда и всюду практиковалось у представителей «древняго благочестія». Но при всемъ томъ ни рядовое казачество, ни даже его чиновные представители не выказали того стремленія къ просвѣщенію, какимъ заявили себя черноморцы. Между тѣмъ какъ у послѣднихъ, кромѣ начальныхъ школъ, въ 1826 году уже была основана гимназія, у первыхъ въ то время не существовало еще никакихъ школъ. Да и вообще школьное дѣло утвердилось окончательно

въ линейныхъ станицахъ лишь съ присоединеніемъ Линейнаго войска къ Черноморскому.

XIV.

Особенности пограничной службы линейцевъ и линейные пластуны.

Будучи поселены рядомъ съ черноморцами, линейные казаки являлись пограничною стражею на Кавказской линіи вдоль верхней части Кубани и по направленію къ Тереку. Слѣдовательно, старолинейные полки (Кубанскій, Кавказскій и Хоперскій) занимали въ этомъ отношеніи только промежуточное звѣно, начиная отъ Воронежской станицы и оканчивая верховьями Кумы до Бекешевской и Суворовской станицъ. Позже была выдвинута по Лабѣ, почти въ перпендикулярномъ направленіи къ Кубани, новая, Лабинская линія, занятая также линейными казаками. Въ общемъ линейнымъ казакамъ приходилось сторожить границы отъ горцевъ на такомъ же приблизительно протяженіи, какъ и черноморцамъ. Но характеръ пограничной мѣстности у Линейнаго войска былъ уже не тотъ, что въ Черноморіи. Кубань здѣсь текла одинокимъ русломъ и чѣмъ ближе къ Эльбрусу, тѣмъ болѣе узкимъ и удобопереходимымъ; обширныхъ болотъ, лимановъ и плавней, какъ въ нижнемъ теченіи Кубани, здѣсь совсѣмъ не было; такимъ образомъ мѣстность тутъ носила совершенно открытый и удобный для нападенія большими скопищами на линію характеръ.

Это естественно должно было отразиться на самой организаціи военной защиты Линіи. Казаки не только сконцентрированнѣе селились, но и сконцентрированнѣе должны были дѣйствовать противъ горцевъ; отъ линейцевъ требовались вообще быстрота и подвижиость, чѣмъ отличались набѣги горцевъ; линеецъ, при указанныхъ обстоятельствахъ, долженъ былъ усвоить качества противника, чтобы быть умѣлымъ соперникомъ горца. По той же причинѣ, Линейное войско состояло исключительно изъ однихъ конныхъ казаковъ; пѣхоты, подобно тому какъ это велось у черноморцевъ, здѣсь совсѣмъ не было; хорошій конь и хорошій наѣздникъ стояли на первомъ планѣ въ силу необходимости, условій борьбы. Вотъ какое различіе проводитъ въ этомъ отношеніи между черноморцами и линейцами казакъ-писатель:

«Совокупность всѣхъ главныхъ родовъ оружія, а особенно неутомимость, стойкость и отличная стрѣльба пѣхоты сообщаютъ Черноморскому войску въ войнѣ съ горцами значительную самостоятельность: оно въ состояніи содержать полевыя укрѣпленія въ самомъ сердцѣ непокореннаго населенія горъ, и дѣлать легкія экспедиціи въ горы безъ поддержки другими войсками. На всемъ протяженіи линіи отъ Анапы до Усть-Лабы по нѣскольку лѣтъ сряду не бываетъ регулярныхъ войскъ. Отдавая должную справедливость пѣхотѣ этого боеваго и трудоваго войска, слѣдуетъ замѣтить, что конный черноморскій казакъ уступаетъ пальму пре-

восходства своему сосѣду и сподвижнику—кавказскому линейному казаку. Отчего?—Вотъ вопросъ, на который нельзя отвѣчать въ немногихъ словахъ. Ограничимся указаніемъ на обстоятельства болѣе очевидныя. Отличительныя ли черты мѣстности, или первобытные распорядки и привычки внесли разницу въ образъ содержанія одной и той же линіи кавказскими и черноморскими казаками. У первыхъ сжатость, подвижность и налетъ, а оттуда сила удара, если противникъ подъ него подвернулся, если жъ увернулся—промахъ; у послѣднихъ—растянутость, раздробленность и неподвижное выжиданіе непріятельскаго нападенія на всѣхъ пунктахъ, гдѣ только оно признается возможнымъ и вѣроятнымъ. Тамъ гонка за звѣремъ, вышедшимъ на чистое мѣсто, а здѣсь облава, въ закрытомъ мѣстѣ, на звѣря еще неподнятаго. У кавказцевъ входъ черкесу подчасъ широкъ да выходъ тѣсенъ, а у черноморцевъ наоборотъ. Лучшій судья—опытъ, обнаруживаетъ недостатки и той и другой системы. Была темная ночь или былъ туманный день: *кавказцы* (линейцы) поздновато замѣтили непріятеля и налетѣли, когда ужъ слѣдъ его простылъ,—а поспѣй они во время—не сдобровать бы хищнику; черноморцы рано замѣтили, нащупали на самой переправѣ и слѣдили непріятеля да ничего ему не доказали. Вообще же, если Кавказская линія часто пропускаетъ хищниковъ въ широкія ворота между своими сильными «лезертами», то еще чаще накрываетъ и поражаетъ или, по принятому

въ кордонныхъ донесеніяхъ выраженію, «наказываетъ» ихъ: а Черноморская линія, съ густой, но тонкой цѣпью своихъ бикетовъ и залогъ, только замѣчаетъ, останавливаетъ и заставляетъ воротиться безъ успѣха, но не наказываетъ хищниковъ. Изъ двухъ горцевъ, возвратившихся въ одно время съ кавказской и черноморской линіи, одинъ говоритъ: «благодареніе Аллаху, едва-едва убрался», а другой: «неудалось—надо еще отправиться». [10]).

И такъ, говоря короче, война черноморцевъ съ горцами была человѣчнѣе войны линейцевъ съ тѣми же горцами. Первые больше сторожили, чѣмъ дрались, а вторые, наоборотъ, больше дрались, чѣмъ сторожили,—и это различіе въ образѣ дѣйствій зависѣло отъ различныхъ системъ обороны пограничной линіи.

Тѣмъ не менѣе линейцы, какъ и черноморцы, придерживались одного и того же характера укрѣпленій линіи. Кардонъ и пикетъ играли здѣсь свою обычную роль. Служба на этихъ укрѣпленіяхъ дополнялась службою въ разъѣздахъ и на залогахъ. Наряду съ этимъ, въ военныхъ дѣйствіяхъ Линейнаго войска всегда принимали видное участіе регулярныя войска. И при защитѣ станицъ или укрѣпленій и при наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ вмѣстѣ съ линейцами несли ту же службу и солдаты; начальниками линіи были большею частію не казачьи офицеры, а представители регулярной арміи; пѣхота всегда состояла исключительно изъ однихъ солдатъ; артиллерія и

кавалерія регулярной арміи также входила въ составъ отрядовъ, охранявшихъ Кавказскую пограничную линію. Все это только еще рѣзче выдѣляло спеціальную службу Линейнаго казачества, какъ легкой и вмѣстѣ сильной, стремительной кавалеріи, которая не только могла поспорить въ наѣздничествѣ съ горцами, но и всегда имѣла надъ ними на дѣлѣ преимущество. Линейцы были въ этомъ отношеніи учениками горцевъ, но, благодаря русской арміи, оружію и средствамъ за своей спиной, пошли значительно дальше своихъ учителей.... Основные пріемы партизанской войны, одежу, кавалерійскую выправку, даже характеръ вооруженія—все это линеецъ перенялъ у горца. Однимъ словомъ, линеецъ былъ тотъ же черкесъ, но только русской національности.

Какъ и у черноморцевъ, у линейныхъ казаковъ были свои пластуны, но, подобно остальнымъ казакамъ, они служили также на лошадяхъ и представляли собою едва ли не самыхъ выдающихся наѣздниковъ, хорошо знакомыхъ къ тому же со всѣми тонкостями разъѣздной и развѣдочной службы. Ихъ розыски за Кубанью и способы веденія развѣдокъ замѣтно опять таки разнились отъ розысковъ и развѣдокъ черноморскихъ пластуновъ. Пластунъ-линеецъ практиковалъ всѣ тѣ пріемы, что и черноморецъ, но при этомъ имѣлъ много и своего собственнаго. Такъ, пластунъ-линеецъ ухитрялся пробираться за Кубань на лошади, заводилъ здѣсь знакомства и «кунаковъ» (пріятелей)

между горцами и не брезгалъ подкупомъ тамъ, гдѣ представлялась къ тому возможность. Чтобы охарактеризовать дѣятельность линейнаго пластуна съ этой стороны, нелишне будетъ привести здѣсь два-три примѣра изъ военной жизни этого рода казаковъ, переданныхъ въ печати казачьимъ офицеромъ Апполономъ Шпаковскимъ.

Однажды, разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ стараго казака» этотъ офицеръ, три пластуна—Зимовинъ, Коротковъ и Мамоковъ пробрались для развѣдокъ въ верховья Лабы, въ тамовскіе и баговскіе аулы. Въ Боговскомъ аулѣ у Короткова былъ «кунакъ», къ которому Коротковъ отправился одинъ, безъ товарищей. Но кунакъ на этотъ разъ измѣнилъ и выдалъ аулу пластуна. Короткова горцы захватили спящимъ въ саклѣ пріятеля и посадили въ черкесскую тюрьму, т. е. въ глубокую яму, на цѣпь, намѣреваясь впослѣдствіи отдать его на судъ Магометъ-Амина. Но здѣсь нелишне будетъ сдѣлать небольшое отступленіе. Упомянувши разъ имя Магометъ-Амина, нельзя не остановиться на этой личности, игравшей въ теченіе 10 лѣтъ весьма важную роль въ борьбѣ казаковъ съ горцами. Магометъ-Аминъ родился въ Дагестанѣ около 1818 года; 11 лѣтъ онъ лишился отца, а 17 поступилъ въ число мюридовъ извѣстнаго Шамиля. Шамиль сначала не придавалъ значенія молодому мюриду. Когда горцы западнаго Кавказа просили имама дать имъ особаго наиба и когда наиболѣе видные изъ сподви-

жниковъ имама отказались отъ такой чести, Шамиль назначилъ наибомъ западнаго Кавказа Магометъ-Амина, предложившаго имаму свои услуги. Событія однако показали, что Магометъ-Аминъ былъ далеко незаурядною личностью. Уступая по таланту Шамилю и не отличаясь военными способностями, Магометъ-Аминъ представлялъ собою тѣмъ не менѣе виднаго политическаго дѣятеля. Два раза онъ съумѣлъ объединить подъ своею властью всѣхъ горцевъ западнаго Кавказа, неоднократно привлекалъ на свою сторону мирныхъ горцевъ и, уклоняясь вообще отъ столкновеній съ русскими войсками, сильно тормозилъ покореніе западнаго Кавказа.... Продолжимъ теперь далѣе разсказъ Шпаковскаго о похожденіяхъ пластуновъ. Товарищи, что называется, «потеряли слѣды» Короткова и не знали, что съ нимъ сталось. Случайно имъ удалось подслушать разговоръ двухъ горцевъ объ участи Короткова. Пластуны порѣшили во что бы то ни стало выручить товарища изъ неволи. Ночью они «прокрались» къ аулу, въ которомъ находился Коротковъ, и начали «подавать голосъ» узнику условленнымъ заранѣе «пугу-пугу», подражая крику филина. Коротковъ въ свою очередь отвѣтилъ, но такъ громко закричалъ и загремѣлъ цѣпями на радости, что разбудилъ спавшаго горца-сторожа. Раздраженный горецъ, не разобравши, въ чемъ дѣло, съ сердцемъ ударилъ Короткова прикладомъ ружья въ отместу за нарушенный сонъ.... Между тѣмъ крики филина зву-

чали все ближе и ближе къ ямѣ. Коротковъ притаился и боялся малѣйшимъ движеніемъ выдать себя, такъ какъ сторожъ-горецъ могъ догадаться о причинѣ крика и поднять тревогу, а тогда плохо пришлось бы не только ему, но и товарищамъ. Къ счастью для пластуновъ, горецъ вылѣзъ изъ ямы и отправился въ саклю за смѣною. Въ это время пластуны подобрались къ самой ямѣ и, въ отвѣтъ на «пугу-пугу», услышали, что товарищъ ихъ въ ямѣ и что лѣстница въ яму расположена съ лѣвой ея стороны. Пластуны забрались немедленно къ товарищу и начали освобождать его отъ цѣпей. Скоро однако послышались шаги, а затѣмъ и голоса двухъ горцевъ. Пока горцы раздраженно бранились, пластуны приготовились къ встрѣчѣ и стали у лѣстницы. Но вотъ одинъ изъ горцевъ началъ спускаться въ яму на обычное мѣсто сторожа. Пластуны, выждавши моментъ, поразили его сразу двумя кинжалами; горецъ не смогъ даже крикнуть и со стономъ свалился на дно ямы. Оставшійся на верху сторожъ, услышавши шумъ и предположивши, что товарищъ его оступился и упалъ, освѣдомился, что случилось съ нимъ. Пластунъ Мамоковъ, отлично говорившій на мѣстномъ горскомъ нарѣчіи, съ бранью звалъ его къ себѣ но помощь, объясняя, что оборвавшись съ бревна, онъ ушибъ себѣ ногу и не можетъ подняться. Обманутый, благодаря царившему въ глубокой четырехсаженной ямѣ шуму, горецъ полѣзъ къ товарищу и также поплатился жизнью. Тогда пласту-

ны освободили товарища отъ цѣпей и, захвативши оружіе убитыхъ горцевъ, поспѣшили выбраться изъ ямы. Но освобожденный Коротковъ не захотѣлъ ограничиться смертью двухъ горцевъ; онъ уговорилъ товарищей отмстить измѣннику-кунаку. Пластуны подожгли саклю кунака. Пожаръ однако сталъ распространяться и на другія сакли и строенія. «Поднялась тревога въ загорѣвшемся аулѣ.... Никто изъ горцевъ не обращалъ вниманія на казаковъ, считая ихъ по костюму за своихъ; каждый хозяинъ старался отстоять и спасти свое имущество. Изъ подожженной сакли, пылавшей въ развалъ, вдругъ выскочилъ полузадохшійся горецъ— и, вмѣсто огня и дыма, нашелъ смерть за измѣну отъ кинжала кунака.... Все это такъ быстро совершилось, что пластуны, незамѣченные никѣмъ, поживясь въ суматохѣ, успѣли выбраться за аулъ, откуда и пустились «задковать» по лѣсу. Поравнявшись съ аульнымъ кладбищемъ, поросшимъ густымъ кустарникомъ, они заслышали конскій топотъ. Пластуны тотчасъ же залегли въ кусты, откуда вскорѣ увидѣли ѣдущаго на встрѣчу горца, ведшаго трехъ лошадей въ заводу». Мамоковъ кинжаломъ на повалъ убилъ горца. Пластуны усѣлись на лошадей и пустились домой. «Около полудня, они были уже въ Надеждинскомъ укрѣпленіи (на мѣстѣ нынѣшней Сторожевой станицы). Здѣсь они явились къ начальнику зеленчугской линіи—полковнику Попандопулло, которому Коротковъ, разсказавъ свое приключеніе, доложилъ, что

дня два назадъ въ аулъ пріѣзжалъ тамовскій старшина Багиръ, который, не подозрѣвая, а главное не опасаясь плѣнника, знавшаго отлично горскія нарѣчія, разговаривалъ съ аульными стариками и звалъ изъ аула джигитовъ для набѣга на Зеленчугскую линію. Къ этому Коротковъ присоединилъ, что уже болѣе 2000 горцевъ готовы сѣсть на коня, а не менѣе этого числа пѣшихъ, что пошли къ Надежинскому, чтобы обложить его, пока соберутся всѣ для совмѣстной «атаковки». Свѣдѣнія эти, хотя и не столь опредѣлительно, уже были сообщены горскими лазутчиками полковнику, почему онъ, поблагодаривъ пластуновъ, угостивъ ихъ и щедро наградивши, приказалъ имъ поспѣшить на свою линію и доставить бумаги нашему начальнику линіи. Запили пластуны въ папахъ данныя имъ «грамотки», потомъ, продавъ на фуштатѣ укрѣпленія одного коня, они купили два сѣдла, позапаслись чѣмъ слѣдовало, и отправились въ путь. На свѣту, пробираясь Псеменскимъ лѣсомъ, они столкнулись съ пластунами Демоновымъ, Мезенцовымъ и Левченко, которые приготовились было изъ засады угостить друзей, принявъ ихъ за «татарву», да скоро «спознали» другъ друга. И вотъ, помѣнявшись и доброй чаркой «горилки» (водки), и своими свѣдѣніями, всѣ вмѣстѣ поѣхали на линію». [11]).

Этотъ сказочный и вмѣстѣ дерзскій случай съ пластунами, разсказанный лицомъ, которому не довѣрять никакъ нельзя, на столько характеренъ

самъ по себѣ, что не требуетъ никакихъ поясненій и дополненій. А вотъ другой случай, дѣйствующимъ лицомъ въ которомъ былъ уже самъ Шпаковскій.

Въ другое время, разсказываетъ этотъ чиновный пластунъ, посланные на развѣдку пластуны не принесли никакихъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ у горцевъ. Между тѣмъ кажущееся спокойствіе горцевъ было повидимому зловѣщимъ признакомъ. Магометъ-Аминъ несомнѣнно держалъ въ секретѣ даже отъ горцевъ свои намѣренія. «Прошло около двухъ недѣль, а на линіи ни одного происшествія, ни одного появленія даже мелкой партіи... Начальникъ линіи В—въ (вѣроятно, генералъ-майоръ Волковъ) во время обѣда, разговорясь объ этой тишинѣ и о такъ сильно его озабочивавшемъ спокойствіи горцевъ, обратился ко мнѣ не съ приказаніемъ начальника, а какъ къ боевому помощнику, на котораго не разъ полагался.— «Тишина меня тревожитъ; она не даромъ.... Съѣзди ты самъ на развѣдку со своими Мандруйкой и Запорожцемъ—вы трое стоите добраго десятка пластуновъ».—Этотъ лестный отзывъ не могъ попасть лучше въ цѣль.... И въ тотъ же вечеръ мы втроемъ были уже за Лабой. За трое сутокъ не мало мы вымотали коней. Побывали въ долинахъ и въ ущельяхъ Черныхъ горъ, среди которыхъ находились большею частію ставки шейха; побывали мы и на Теректли-мектепъ (на рѣкѣ Бѣлой, главное мѣсто судилища и сбора вліятельныхъ лицъ для

секретныхъ совѣщаній); повидались тайкомъ, по условнымъ знакамъ, съ кунаками-лазутчиками; но мало узнали толковаго, а тѣмъ болѣе положительнаго о намѣреніяхъ Амина, сильно вліявшаго на умы горцевъ.... Я рѣшился послать Мандруйку пѣшимъ въ аулъ къ султану Ерыкову. Султанъ—давнишній плутяга, для котораго «бакшишь» или «пекшешь», т. е. подарокъ деньгами или вещью, были главными двигателями. Онъ нѣсколько разъ былъ прощаемъ и награждаемъ чинами отъ нашего правительства, и въ послѣдній разъ, до побѣга въ горы, былъ штабъ-ротмистромъ, прикомандированнымъ къ нашей бригадѣ, и даже командовалъ сотнею. Онъ меня любилъ и уважалъ по своему, и я рѣшился положиться на него и разузнать о положеніи дѣла, какъ отъ личности вполнѣ вліятельной въ горахъ и конкурировавшей съ шейхомъ. Султанъ былъ истый прототипъ, подъ который подходятъ всѣ люди подобнаго характера. Въ этомъ атлетѣ соединялись природный умъ, удивительная смѣтливость, безумная отвага, безпримѣрная самонадѣянность, чисто горская удаль, отсутствіе всякихъ, какъ говорятъ французы, scrupules de conscience, инстинктивная доброта сердца дикаря, который свирѣпѣетъ и готовъ на все, если его раздражить, и сейчасъ же забываетъ зло, если не видитъ сопротивленія (кстати замѣтить, что онъ воспитывался въ одномъ изъ нашихъ кадетскихъ корпусовъ, и потому былъ болѣе развитъ сравнительно съ его земляками..). Къ свѣ-

ту вернулся Мандруйко (его лично и хорошо зналъ султанъ), и сказалъ, что Ерыковъ принялъ съ благодарностью посланные ему отъ имени В—ва часы, и увидится со мною ночью съ глазу на глазъ въ Уракаевскомъ ущельѣ, близъ Пшедаха (священное дерево). Мѣсто было знакомое и опасаться засады было бы смѣшно послѣ моего обращенія къ личности здѣсь обрисованной. Оставивъ товарищей пластуновъ съ лошадьми въ лѣсу, я пробрался версты полторы кустами и густой травой и притаился у ствола вѣковаго пшедаха. Ночь была чернѣе тюрьмы; порывистый вѣтеръ гналъ валуны тучъ, нависшихъ свинцовыми слоями и бросавшихъ мелкія дождевыя капли, проникавшія до костей, отъ которыхъ намокшая бурка немного спадала.... Въ темнотѣ слухъ, а не глазъ, больше на сторожѣ, и, невольно сжимая рукоять кинжала, я ждалъ этого tête à tête.... Около полуночи защекотала горная курочка и затѣмъ три раза крикнулъ горный беркутъ: это были условные сигналы нашей встрѣчи. Подвылъ я шакаломъ въ отвѣтъ и такъ жалобно, что самому стало смѣшно. Вскорѣ зашелестѣла трава подъ осторожной, но твердой походкой, и султанъ дружески пожалъ мнѣ руку со словами: «ты все такой же, мой Апполонъ, такой же джигитъ, очертя голову, и такой же неизмѣнный товарищъ! Что тебѣ хочется знать, спрашивай; для тебя и В—ва у меня нѣтъ завѣтнаго, нѣтъ тайнъ, да и что мнѣ наши шакалы и кроты, когда я уже обрусѣлъ» .... Болѣе часу бесѣдовали мы, какъ ста-

рые друзья, и много узналъ я сокровенныхъ тайнъ, ненавистнаго душѣ султана, Аминъ-Магомета съ его клевретами. Тишина была недаромъ предвѣстницей того урагана, который едва не разразился на линіи 14 мая 1851 года». [12]) Не смотря на то, что незадолго передъ тѣмъ русскіе разорили одинъ изъ ауловъ, принадлежавшихъ султану Ерыкову, ненависть послѣдняго къ Магометъ-Амину была такъ велика, что онъ безъ колебанія выдалъ Шпаковскому все, что зналъ о намѣреніяхъ шейха. Хотя Магометъ-Аминъ и не довѣрялъ султану, величая его заглазно «туарекъ», т. е. вѣроотступникъ, но окольными путями султану все таки удалось узнать, что Магометъ-Аминъ собиралъ тайкомъ, въ одиночку на Мектепъ всѣхъ вліятельныхъ личностей; здѣсь шли совѣщанія о семнадцати аулахъ бесленеевцевъ, водворившихся года три предъ тѣмъ на рѣкѣ Урупѣ въ чертѣ русскихъ владѣній, но завязавшихъ сношеніе съ Магометъ-Аминомъ чрезъ особыхъ агентовъ. Готовилось повидимому грозное нападеніе на линію въ связи съ возмущеніемъ бесленеевцевъ. Въ заключеніе Шпаковскій передалъ султану отъ имени В—ва десять тумановъ, т. е. полуимперіаловъ. «Дружески, говоритъ разсказчикъ, разстались мы, обѣщая другъ другу, при первой открытой встрѣчѣ, всадить ловко пулю или помѣряться шашкой, но тѣмъ не менѣе всегда оставаться, какъ были, друзьями.... Запасшись, насколько возможно было, разнородными свѣдѣніями отъ султана, такъ важными для линіи

по послѣдствіямъ, я рѣшился еще попытать счастья: не удастся ли перехватить кого-либо изъ старшинъ, князей или довѣренныхъ узденей, которыхъ личности хотя и были намъ незнакомы, но ихъ легко можно отличить по доброму коню, по богатому вооруженію и одеждѣ. Съ этою цѣлью мы отправились на поискъ и засаду по дорогѣ на Мектепъ. Цѣлыя сутки напраснаго ожиданія не отняли у насъ охоты поджидать и добыть языка, а какъ всему бываетъ конецъ, то и мы дождались въ награду терпѣнію» ..... [13]) Утромъ казаки замѣтили четырехъ всадниковъ и рѣшились пристрѣлить ихъ. Казаковъ было хотя и трое, но каждый имѣлъ по два выстрѣла въ нарѣзной пластунской двустволкѣ. «Сверкнули выстрѣлы и трое изъ горцевъ свалились, какъ снопы; четвертый, ѣхавшій поодаль, хотя сильно покачнулся въ сѣдлѣ, но быстро справясь, полетѣлъ птицей».... Одинъ изъ пластуновъ бросился было догонять горца и уже совершенно было настигъ его, но въ это время упала лошадь подъ пластуномъ—и горецъ ускользнулъ отъ преслѣдованія. Между тѣмъ Шпаковскій съ другимъ пластуномъ, стащивши убитыхъ съ дороги въ кусты и забравши лошадей и лучшее оружіе, отправились въ слѣдъ за погоней. Версты чрезъ четыре отъ мѣста происшествія они нашли товарища «съ запекшейся отъ крови рыжей бородой и съ подбитымъ глазомъ, слѣдствіемъ паденія съ лошадью». Между тѣмъ и положеніе пластуновъ было критическое; съ минуты на минуту они

должны были ждать погони со стороны черкесъ и вѣрной смерти въ случаѣ удачи горцевъ. Нужно было скрыть слѣды («сакму»). Пластуны, посовѣтовавшись, рѣшили переплыть за р. Бѣлую и по устью притока Ендрюкъ проѣхали водой до «шавдона», т. е. большаго топкаго болота, чтобы горскія охотничьи собаки, пріученныя къ отысканію слѣдовъ, сбились съ толку. До наступленія ночи пластуны ловко избѣгали горской погони, зорко слѣдя съ деревьевъ и кручъ за черкесами, благодаря хорошему знакомству пластуна Мандруйко съ мѣстностью. Бѣглецы приблизились къ Майкопскому ущелью, но здѣсь ихъ ждала бѣда. При лунномъ свѣтѣ, пластуны замѣтили нѣсколько темныхъ тѣней возлѣ скалъ ущелья, въ самой срединѣ дороги, по которой предстояло проѣзжать казакамъ. Тогда Мандруйко свернулъ направо въ долину и привелъ товарищей къ знакомому ему полуразрушенному кошу. Здѣсь пластуны остановились. Чтобы лошади не выдали бѣглецовъ ржаніемъ, послѣдніе стянули имъ верхнія губы ремешками и коротко привязали къ деревьямъ. Пока пластуны выясняли свое положеніе, Шпаковскій, облокотясь на сукъ дерева, не почувствовалъ даже, какъ вздремнулъ, утомленный долгой безсонницей. Мандруйко разбудилъ своего начальника и предложилъ ему объѣхать ущелье. Но едва они проѣхали около 200 шаговъ отъ коша, какъ раздался выстрѣлъ и просвистѣла пуля. По предложенію Майндруйка, казаки поскакали зигзагами, чтобы

лучше избѣжать выстрѣловъ, которые могли посылать засѣвшіе горцы «по слуху» на топотъ лошадей. Выстрѣлы дѣйствительно, хоть и не частые, время отъ времени повторялись. Одна изъ лошадей, бывшая въ поводу у Майндруйки, была убита. Пальба между тѣмъ учащалась и Мандруйко, высказавши предположеніе о томъ, что горцы окружили казаковъ со всѣхъ сторонъ, предложилъ идти на проломъ. Казаки двинулись впередъ. Однако выстрѣлы по прежнему продолжались и на одномъ изъ кошей залаяла собака. Положеніе становилось безвыходнымъ; даже Мандруйко спасовалъ. «Но Запорожецъ, до сей поры непроронившій почти ни одного словечка, и, какъ видно, вполнѣ одобрявшій всѣ распоряженія Мандруйки, разрѣшилъ задачу. Онъ своими рысьями глазами разсмотрѣлъ близость густаго лѣса». Указавши на это обстоятельство, онъ пустился вскачь въ лѣсъ, а за нимъ послѣдовали Шпаковскій и Мандруйко. Раздалось еще нѣсколько неудачныхъ выстрѣловъ, но пластуны благополучно успѣли укрыться въ лѣсу. «Больше часу,—говоритъ Шпаковскій, или намъ такъ показалось,—мы пробирались по трущобамъ, переѣхали какіе-то два протока, и блестящій утренній свѣтъ осѣнилъ насъ на высотѣ, окруженной густымъ лѣсомъ. Осмотрѣлся Мандруйко, немного сконфуженный и молчавшій все время нашего бѣгства, хотя и не славнаго, да за то здороваго, и сказалъ:— «Толку будетъ мало, если мы еще останемся въ горахъ. Мы открыты

и «языка» не достанемъ, а пожалуй поплатимся головами. Надо вернуться домой, и если вы согласны, то къ ночи мы дома». Противъ этой логики возражать было бы нелѣпо. Кони наши притупѣли за шесть дней, не выходя изъ подъ сѣдла, голодая и нерѣдко цѣлый день оставаясь безъ воды. Да и мы, питаясь почти одной «пастромой», т. е. вяленымъ мясомъ, да чаркой-другой «горилки», почти безъ сна, тоже крѣпко повыбились изъ силъ. Рѣшили: возвратиться на линію» [14]).

Таковы были похожденія линейныхъ пластуновъ за Кубанью, ихъ передовая, развѣдочная служба, со всѣми ея ужасами и неподкрашенною дѣйствительностью. Если допустить, что въ приведенныхъ выше разсказахъ мѣстами очень сгущены краски и подробности отдаются утрировкою; то, при несомнѣнной откровенности и даже наивности этихъ разсказовъ, въ нихъ во всякомъ случаѣ заключается много характернаго и знаменательнаго. Безумная отвага, желѣзные нервы, удивительная находчивость, быстрая, кровавая расправа съ противникомъ, собственное самопожертвованіе спорятъ и соперничаютъ въ дѣйствіяхъ линейнаго пластуна. Пластунъ былъ безпощаднымъ, жестокимъ воиномъ, именемъ котораго горцы пугали своихъ дѣтей, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый шагъ своей разрушительной дѣятельности онъ совершалъ съ рискомъ собственной жизни. Не всегда похожденія пластуновъ сходили такъ благополучно, какъ въ приведенныхъ случаяхъ; и пластунскую кровь про-

ливали горцы, какъ проливали черкескую пластуны. То была война съ ея безчеловѣчіемъ и кровавыми жертвами, въ которой линейный пластунъ участвовалъ въ роли развѣдчика, застрѣльщика, передоваго бойца. То была тяжелая и съ точки зрѣнія мирной гражданской жизни преступная дѣятельность, но, благодаря этой кровавой дѣятельности, часто сохранялись жизнь и спокойствіе многихъ и многихъ существъ, причастныхъ и непричастныхъ войнѣ. Таковы, однимъ словомъ, были велѣнія суровой дѣйствительности.

XV.

Линейныя залоги и характерные эпизоды борьбы линейцевъ съ горцами.

Подъ вліяніемъ той же суровой дѣйствительности, передовая служба и остальныхъ казаковъ была здѣсь тяжелѣе, чѣмъ у черноморцевъ. Открытыя мѣста требовали большой сторожкости. Такъ какъ горцы нападали на линію болѣе или менѣе значительными шайками и скопищами, то казакамъ весьма важно было во время узнать о движеніи непріятеля и прослѣдить то направленіе, которое онъ намѣренъ былъ принять,—и вотъ эта именно задача и возлагалась на «разъѣзды», «секреты» и «залоги». Разъѣзды представляли собою дневные патрули, секреты составляли на кавказской линіи тоже, что залога на черноморской, т. е. ночные караулы и засады у самой линіи, и,

наконецъ, залогою называлась нѣчто въ родѣ рекогносцировочной партіи. Вотъ какъ характеризуетъ этотъ видъ разъѣздной службы Шпаковскій. «Залога» или «конная засада» —это одна изъ трудныхъ и опасныхъ службъ на пограничной линіи съ непріятелемъ. На залогу выбирались преимущественно старые и опытные казаки, имѣвшіе сильныхъ и рѣзвыхъ коней. Залога высылалась лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда неизвѣстно было, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ непріятель намѣревался пройдти пограничную линію. Обязанность залоги состояла въ томъ, чтобы скрытно и зорко слѣдить за появленіемъ врага. Здѣсь первую роль играла мѣстность: и она-то указываетъ способъ укрытія отъ зоркости непріятеля. Для этой цѣли выбирались переправы на рѣкахъ и вообще на мѣстностяхъ, представлявшихъ естественную или искуственную преграду. Пропустить появившагося врага въ наши предѣлы, слѣдить скрытно за всѣми его движеніями, высмотрѣть его силу и численность и, наблюдая направленіе пути, давать знать на ближайшій пунктъ посылкою одного или двухъ казаковъ до тѣхъ поръ, пока обрисуется принятое непріятелемъ направленіе—таковы были обязанности залоги. Очевидно, что она требовала отъ казаковъ большой смѣтливости и отличнаго знанія мѣстности». [15]).

Здѣсь нелишне будетъ иллюстрировать эту характеристику казачьей службы на залогахъ слѣдующимъ случаемъ. Въ концѣ апрѣля 1847 года

начальнику лабинской линіи полковнику Волкову было сообщено, что Магометъ-Аминъ собиралъ значительныя партіи горцевъ, чтобы пробраться за Кубань. Шейхъ имѣлъ въ виду лично стать во главѣ всего скопища, и поэтому держалъ въ секретѣ какъ мѣсто переправы чрезъ Лабу, такъ и пунктъ общаго сборища послѣ переправы. Въ виду этого по Лабинской линіи требовалась особенно сильная осторожность и осмотрительность. Начальникъ линіи приказалъ запереть станицы, посты и укрѣпленія, прекратить на время полевыя работы, остановить движеніе колонъ, усилить дневные разъѣзды, выставить залоги и посылать на ночь сильные секреты, располагая ихъ непрерывною цѣпью. Одна изъ залогъ, состоявшая изъ 20 казаковъ подъ командою стараго и опытнаго урядника Солодухина, была назначена занять урочище «Дубки», близъ устья р. Ходзъ. Это было очень важное для наблюденія мѣсто. Закрытая мѣстность, густой лѣсъ и множество длинныхъ косъ по Лабѣ съ сплошными зарослями представляли здѣсь удобства одинаково какъ для наблюденія за непріятелемъ, такъ и для того, чтобы хорошо скрыться этому послѣднему. Двое сутокъ залога Солодухина стояла на Дубкахъ; днемъ казаки сторожили свой постъ спѣшенными, держа лошадей въ поводу, а ночью напролетъ проводили въ сѣдлѣ. На третій день подъ вечеръ одинъ изъ казаковъ замѣтилъ горцевъ. Солодухинъ немедленно послалъ донесеніе начальнику линіи, а самъ, взявши съ собою

четырехъ казаковъ и оставивши остальныхъ на мѣстѣ, отправился выслѣживать непріятеля. Пока заходило солнце, Солодухинъ успѣлъ высмотрѣть горцевъ и даже опредѣлить приблизительно численность партіи въ 200 человѣкъ. Оставивши на этомъ новомъ мѣстѣ наблюденія двухъ казаковъ для надзора за врагомъ, урядникъ воротился къ командѣ, послалъ еще одного гонца къ генералу Волкову съ добытыми свѣдѣніями и переправился съ командою за Лабу. Расположивши команду въ скрытномъ мѣстѣ, самъ урядникъ съ двумя казаками сталъ слѣдить сзади за непріятельскимъ отрядомъ, переправился вмѣстѣ съ нимъ черезъ воду и скрылся въ лѣсу. Хорошее знаніе черкескаго языка помогло Солодухину узнать изъ долетавшихъ къ нему разговоровъ горцевъ, что въ ту же ночь другая партія горцевъ должна была переправиться чрезъ Лабу выше Ахметъ-горскаго укрѣпленія. Съ этими вѣстями былъ снова посланъ казакъ къ начальнику линіи. Поручивъ шести казакамъ слѣдить за открытой партіей, Солодухинъ съ командою остался на броду. Передъ свѣтомъ туманъ до того сгустился, что всадники съ трудомъ могли различать головы собственныхъ лошадей. Между тѣмъ по всплеску воды въ рѣкѣ казаки слышали, что началась переправа черезъ Лабу еще какой-то новой партіи. Со стороны казаковъ требовалась большая ловкость, чтобы опредѣлить силы непріятеля, не наткнувшись на него въ туманѣ. «Четыре казака и Солодухинъ поползли,

какъ змѣи, и притаились за камнями и за пнями у въѣзда. Они насчитали еще до 50 всадниковъ съ однимъ большимъ значкомъ, почему Солодухинъ заключилъ, что это ѣхалъ или самъ Магометъ-Аминъ, или кто-нибудь изъ князей, старшинъ, или первостатейныхъ вожаковъ». [16]) Пославши новое извѣстіе въ станицу, Солодухинъ назначилъ пятерыхъ казаковъ слѣдить и за этой партіей, а самъ съ остальною частью команды остался на броду до разсвѣта. Казаки прекрасно прослѣдили движеніе обоихъ партій до самой Кубани. Какъ эти партіи, такъ и четыре другихъ, переправившихся чрезъ Лабу въ иныхъ мѣстахъ, соединились всѣ вмѣстѣ на переправѣ чрезъ Кубань близъ Николаевской станицы и образовали отрядъ въ 2000 человѣкъ. Горцы въ такомъ числѣ нарочито были пропущены внутрь казачьихъ владѣній верстъ за 100 отъ Лабинской линіи. Всѣмъ скопищемъ никѣмъ нетронутые черкесы напали на станицу Сенгилѣевскую, лежащую въ 25 верстахъ отъ г. Ставрополя; но здѣсь они были встрѣчены заранѣе подготовленными войсками, разбиты и преслѣдуемы за Кубань до Тегеней.

Собственно боевая служба линейнаго казачества слагалась, какъ и у черноморцевъ, съ отраженія горцевъ и походовъ въ горы. Трудно сказать, на что больше тратились силы казачества. Набѣги горцевъ, походы русскихъ войскъ въ горы и вообще взаимныя столкновенія между казаками и горцами были очень часты и повсемѣстны. И не всегда

счастіе сопутствовало казака. Хотя и не часто, но горцамъ удавалось наносить существенные уроны казачьему населенію. Особенно сильно страдали станицы и селенія, прилегавшія къ г. Ставрополю. Такъ, въ 1807 г. партія горцевъ въ 200 человѣкъ напала на Сенгилѣевку, бывшую тогда еще крестьянскимъ селеніемъ. Село было разграблено, 34 человѣка изъ жителей были убиты, утоплены и сожжены живыми, 24 ранены и 102 взято въ плѣнъ; болѣе двухъ тысячъ головъ рогатаго скота и лошадей также стали добычею горцевъ. Не прошло и мѣсяца послѣ этого случая, какъ новая партія горцевъ напала на Воровсколѣскую станицу и увела въ плѣнъ болѣе 200 казаковъ. Осенью горцы угнали болѣе тысячи лошадей, захваченныхъ по р. Егорлыку и нанесли значительный уронъ донцамъ, пытавшимся отбить лошадей. Вскорѣ затѣмъ (7 Ноября) еще одна особенно многочисленная партія горцевъ, соединившись съ кабардинцами, пробралась въ Ставропольскій уѣздъ и совершенно разрушила богатое селеніе Каменнобродское, также небывшее еще тогда казачьей станицей. Горцы произвели страшную рѣзню въ церкви, куда укрылась часть жителей; около 130 душъ обоего пола оказалось убитыми въ селѣ, 350 человѣкъ было уведено въ плѣнъ, весь скотъ угнанъ, хутора сожжены, озимые посѣвы вытоптаны. Впослѣдствіи, по мѣрѣ того какъ усиливалось линейное казачество, такіе рѣзкіе случаи набѣговъ и грабежи менѣе удавались горцамъ. Однако горцы

не переставали тревожить передовыя станицы вплоть до покоренія западнаго Кавказа въ 1864 году. Чѣмъ дальше внутрь горъ отъ Кубани и Лабы распространялась казачья колонизація, тѣмъ все въ лучшія и лучшія условія становились старыя станицы; тяжесть разбойничьихъ набѣговъ падала на вновь устраившіяся станицы. Горцы угоняли скотъ, брали въ плѣнъ населеніе, нападали на казачьи станицы, безпокоили караулы и отряды и вообще съ ожесточеніемъ уступали каждую пядь своихъ владѣній, мстя колонизаторамъ края при всякомъ случаѣ. Шпаковскій, какъ очевидецъ и ближайшій участникъ въ этой безпрерывной борьбѣ казаковъ съ горцами, передаетъ въ своихъ запискахъ нѣсколько очень характерныхъ для описываемаго времени случаевъ.

Однажды во вновь устраивавшейся станицѣ Урупской четырнадцатилѣтній сынъ войсковаго старшины Склярова былъ посланъ послѣднимъ на двухъ подводахъ съ «драбантомъ», т. е. казакомъ-деньщикомъ, за нарубленнымъ для построекъ лѣсомъ. Лѣсъ былъ вблизи станицы. Пока драбантъ возился съ бревнами, мальчикъ Скляровъ сидѣлъ у повозокъ и наигривалъ на гармоникѣ. Онъ такъ углубился въ свою игру, что не замѣтилъ, какъ приблизились къ нему человѣкъ десять горцевъ. Захвативши пару воловъ и привязавши рядомъ съ ними Склярова, горцы направились вверхъ по р. Урупу. Къ вечеру партія съ плѣнникомъ пробралась далеко вглубь горъ отъ станицы, внѣ возможности

преслѣдовать ее, и остановилась на ночлегъ. Уставшему и измученному мальчику были развязаны руки и предложены «чуреки» (лепешки) и жаренное просо. Поѣвши, горцы пробовали поиграть на гармоникѣ, но такъ какъ игра выходила очень плохою, то Скляровъ взялъ гармонику и началъ играть лезгинку. Горцамъ такъ понравилась игра, что они пустились плясать. До полуночи мальчикъ потѣшалъ своей игрой джигитовъ, пѣлъ имъ пѣсни, передразнивалъ армянъ и грузинъ, показывая, какъ коверкаютъ они русскія и горскія слова. Горцы хохотали и стали обращаться съ плѣнникомъ, какъ съ пріятелемъ; ложась спать, они оставили его не связаннымъ въ награду за то удовольствіе, которое онъ имъ доставилъ. Мальчикъ въ свою очередь легъ и притворился крѣпко спящимъ, а самъ зорко слѣдилъ за караульнымъ, сидѣвшимъ у костра спиной къ нему. Выбравши удобную минуту, Скляровъ тихонько вытащилъ кинжалъ изъ ноженъ спавшаго близъ него бейгуша, т. е. бѣдняка, осторожно подползъ къ караульному и, поднявшись на колѣна, сильнымъ ударомъ кинжала въ спину убилъ на повалъ горца. Захвативши затѣмъ оружіе, плѣнникъ скрылся въ лѣсную чащу; на другой день вечеромъ онъ былъ дома.

Въ другое время жители станицы Зассовской, подъ прикрытіемъ одной пѣхотной роты и сотни казаковъ, рубили лѣсъ. Воспользовавшись этимъ, поручикъ милиціи Али-бей, служившій въ качествѣ развѣдчика русскихъ войскъ, привелъ партію гор-

цевъ въ 500 человѣкъ, которые напали на жителей и команду въ расплохъ. Благодаря однако своевременно оказанной помощи Шпаковскимъ съ пластунами горцы были разбиты, при чемъ перебѣжчикъ Али-бей пробовалъ было застрѣлить Шпаковскаго въ отмщеніе за скорую помощь, но, промахнувшись, самъ палъ отъ пули пластуна. Дѣло это однако обошлось русскимъ въ 50 человѣкъ убитыхъ и 70 раненыхъ.

Еще печальнѣе по своимъ послѣдствіямъ было дѣло подъ Шалохомъ 4 Мая 1850 года. Незначительный отрядъ подъ командою донскаго полковника Ягодина былъ окруженъ скопищемъ горцевъ въ 5000 человѣкъ въ глубокой балкѣ, извѣстной подъ именемъ «чортоваго мѣшка», между Шалохомъ и Ахметъ-горскимъ укрѣпленіемъ. Занявши высоты, непріятель, подъ защитою густаго кустарника, сильно поражалъ ружейными выстрѣлами русскій отрядъ и не выпускалъ его изъ котловины. Сбить горцевъ картечью съ этой позиціи не было возможности. Не смотря на то, что орудія наводились подъ самымъ крайнимъ угломъ, выстрѣлы все таки были неудачные; ружейной пальбѣ мѣшали камни, кустарникъ и густая трава, прикрывавшіе горцевъ. Четыре раза русскія войска бросались на проломъ, стараясь взобраться на кручи и пробить себѣ дорогу чрезъ пустую толпу непріятелей штыками, пиками и шашками; но всякій разъ градъ камней и дружный залпъ горскихъ винтовокъ отбрасывалъ храбрецовъ съ большимъ уономъ въ

котловину. Пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ, горцы видимо готовились броситься въ шашки на отрядъ. Но въ это время двѣ сотни четвертой Ставропольской бригады, услышавши выстрѣлы на привалѣ, бросились по направленію къ сраженію. Горцы однако послали противъ нихъ скрытнымъ путемъ засаду человѣкъ въ тысячу. «Не ожидая, говоритъ Шпаковскій, встрѣтить на пути засады, сотни на скаку растянулись; казаки перегоняли другъ друга. Сосредоточивъ все свое вниманіе на выстрѣлы у «чортоваго мѣшка», бѣдняги вдругъ были встрѣчены залпомъ трехъ или четырехъ сотъ винтовокъ и дробью выстрѣловъ по протяженію балки. Оба офицера были убиты наповалъ; большая часть казаковъ убиты или перераненны, остальные смѣшались, оторопѣли: кто спѣшился, а кто поворотилъ коня въ гору; но другой залпъ—и выскакавшіе изъ балки горцы положили шашками остальныхъ людей. Намъ все это было видно, какъ на ладони; но ни предупредить, ни выручить своихъ не было никакой возможности: мы сами были на шагъ отъ той-же участи. Гарнизоны укрѣпленія Ахметъ-Горскаго и поста Шалоховскаго видя истребленіе ставропольскихъ сотенъ съ своихъ вышекъ, поспѣшили къ намъ на выручку. Едва раздались орудійные выстрѣлы, встревожившіе атакующихъ насъ горцевъ, Ягодинъ, съ шашкой на голо, бросился впередъ, и мы прорвали густыя массы непріятеля, не взирая на градъ пуль, буквально насъ осыпавшихъ. Не удержали и кручи от-

чаяннаго прорыва. Орудія были вынесены почти на рукахъ, и едва были установлены на окраинѣ котловины, какъ запрыгала картечь по кучамъ сбившагося непріятеля, попавшаго въ перекрестный артиллерійскій огонь. Отхлынула масса, насъ давившая, и мы примкнули къ ротѣ изъ Ахмета и полуротѣ изъ Шалоха при двухъ орудіяхъ подвижной гарнизонной артиллеріи, соединившихся надъ «Чортовымъ мѣшкомъ». Храбрый Ягодинъ не далъ опомниться скопищу. Живо были направлены орудія на главную массу съ фронта и въ то же время пѣхота и казаки, послѣ дружнаго залпа, бросились съ обоихъ фланговъ, опрокинувши сборище въ Лабу. Горцы, неожидавшіе такого оборота дѣла, до того смѣшались, что кучились и толпились по плаву, какъ атара барановъ, и много, много унесла Лаба труповъ джигитовъ ихъ и коней. Жажда мести одушевляла весь отрядъ; едва можно было удержать солдатъ и казаковъ не бросаться въ воду для преслѣдованія». [17]) Дорого обошлось это сраженіе обѣимъ сторонамъ. Достаточно сказать, что изъ двухъ ставропольскихъ сотенъ оказался живымъ только одинъ молодой казакъ, весь порубленный и впослѣдствіи ослѣпшій отъ ранъ, но и этотъ казакъ потерялъ въ бою отца и двухъ братьевъ.

Ровно чрезъ годъ, 14 мая 1851 года, между горцами и казаками вновь произошло одно изъ тѣхъ ужасныхъ столкновеній, которыми не богата даже исторія кавказскихъ войнъ. Громаднѣйшее скопище, подъ предводительствомъ все того же Магометъ-

Амина перешло черезъ Лабу и Урупъ въ мирные бесленеевскіе аулы и, захвативши ихъ жителей съ имуществомъ, двинулось съ ними вверхъ по р. Урупу въ горы. Русскія войска подъ личнымъ начальствомъ начальника Лабинской линіи полковника Волкова шли въ виду горцевъ по другой сторонѣ рѣки. Въ одномъ мѣстѣ горцы однако переправились черезъ Урупъ и, пользуясь подавляющимъ численнымъ превосходствомъ, бросились на русскія войска. Завязалась ожесточенная борьба. Девять разъ горцы отчаянно кидались на лѣвый флангъ русскаго отряда, угрожая въ то же время центру и правому флангу и, не обращая вниманія на усиленный картечный и ружейный огонь, врубались въ ряды солдатъ и казаковъ, но каждый разъ были отбрасываемы штыками и шашками назадъ. Такъ дѣло шло съ пяти часовъ утра до полудня. Затѣмъ отступивши всей массой и показывая видъ, что они намѣрены снова переправиться на другую сторону Урупа къ оставленнымъ тамъ на арбахъ бесленеевцамъ, горцы неожиданно и дружно бросились на правый флангъ. Ударъ былъ такъ неожиданъ и стремителенъ, что составлявшіе правый флангъ донцы дрогнули и поворотили коней назадъ. Но въ то же время остальная часть войскъ употребила всѣ усилія, чтобы выдержать этотъ новый натискъ. Пока линейные казаки и донцы, поведенные снова въ атаку лично Волковымъ, удерживали натискъ горцевъ,—артиллерія произвела такое опустошеніе картечными выстрѣлами въ рядахъ непріятеля, что

послѣдній не выдержалъ и показалъ тылъ. Тогда казаки, не давши опомниться горцамъ, погнали ихъ чрезъ Урупъ, такъ что разбитые горцы бросили на произволъ даже бесленеевцевъ. Но въ свою очередь и побѣдители были не въ состояніи преслѣдовать непріятеля какъ по своей малочисленности сравнительно съ убѣгавшими горцами, такъ и вслѣдствіе крайняго утомленія; къ тому же артиллерійскія лошади были большею частію перебиты, а заряды почти всѣ вышли. Русскій отрядъ ограничился только тѣмъ, что снова захватилъ переселявшихся бесленеевцевъ. Когда были приведены въ извѣстность результаты этой побѣды, то оказалось, что у русскихъ изъ 1750 человѣкъ, бывшихъ въ бою, убито и ранено до 600 человѣкъ и что непріятельскихъ тѣлъ, найденныхъ только на мѣстѣ боя и брошенныхъ при бѣгствѣ, насчитано было болѣе полутора тысячи.

Въ такой-то военной школѣ воспитывались линейные казаки. Вѣчная борьба, безпрерывныя тревоги и многочисленныя кровавыя столкновенія съ горцами выработали изъ этихъ казаковъ тѣхъ воиновъ, подвиги которыхъ носятъ просто какой-то легендарный характеръ и всегда высоко цѣнились въ военномъ мірѣ.

XVI.

Колонизація Закубанья и внутреннія разселенія.

Въ 1860 году было произведено существенное измѣненіе въ казачьихъ войскахъ на сѣвер-

номъ Кавказѣ. Въ замѣнъ двухъ существовавшихъ войскъ—Черноморскаго и Кавказскаго линейнаго, были образованы также два новыя войска—Кубанское и Терское, но при этомъ къ первому войску отошла значительная часть бывшаго Кавказскаго казачества, именно: Старая и Новая Линіи. Съ образованіемъ Кубанской области въ нынѣшнихъ ея границахъ, колонизація края не только не пріостановилась, а напротивъ, была ведена еще съ большею энергіею и поспѣшностью. Это былъ послѣдній актъ правительственной колонизаціи. Въ короткое время, среди самыхъ неблагопріятныхъ военныхъ условій, предгорья Кубанской области были покрыты цѣлою сѣтью казачьихъ станицъ на значительномъ пространствѣ и въ небываломъ до того количествѣ. Въ сущности колонизація этой мѣстности была громаднѣйшимъ заключительнымъ сраженіемъ, которымъ окончилась семидесятилѣтняя борьба кубанскихъ казаковъ съ кавказскими горцами. Горцы проиграли это сраженіе, но и казакамъ оно не легко далось. Одни изъ нихъ должны были бросить насиженныя, обогрѣтыя и обезпеченныя мѣста своихъ отцовъ и предковъ, чтобы идти въ чужой край и насадить здѣсь новую жизнь подъ давленіемъ непривычныхъ естественныхъ условій и непреоборимыхъ трудностей; другимъ суждено полечь костьми прежде, чѣмъ они успѣли не только начать насажденіе этой новой жизни, но и даже стать сколько-нибудь прочно ногою на тѣхъ мѣстахъ, которыя вынужденъ былъ уступить имъ

сложившій наконецъ оружіе горецъ. Народъ поэтически выразилъ этотъ видъ колонизаціи въ слѣдующей пѣсни:

Молодецъ дѣвку исподманывалъ,
Исподманывалъ, подговаривалъ:
«Ты пойдемъ, дѣвка,
Къ намъ на Линію жить;
У насъ да на Линіи
Что Куржупъ (Курджипсъ) да рѣка
Виномъ протекла,
А рѣка-то Лаба
Медомъ протекла;
По горамъ-то у насъ, горамъ
Лежатъ камушки драгоцѣнные,
Драгоцѣнные, неоцѣненные».
— «Молодецъ! Дѣвку не исподманывай!
Я сама тамъ была
И сама-то видѣла,
Про все слышала:
Что Куржупъ-то рѣка
Кровью протекла,
А рѣка-то Лаба
Горячей слезой,
По горамъ-то, горамъ
Лежатъ головы,
Все казацкія,
Молодецкія!»

Дѣйствительно, въ описываемое время не только мужчины и молодцы, но и женщины, дѣвушки, даже дѣти, однимъ словомъ, все населеніе воочію

ЦИНКОГРАФІЯ ТОВ. М. О. ВОЛЬФЪ

СЪ ФОТОГРАФІИ К. Д. ФЕЛИЦЫНА

ПАМЯТНИКЪ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II, СООРУЖЕННЫЙ ВЪ ОЗНАМЕНОВАНІЕ ПОКОРЕНІЯ КАВКАЗА ВЪ УРОЧИЩѢ МАМРЮКЪ-ОГОЙ, ВЪ 3 ВЕРСТАХЪ КЪ Ю.-В. ОТЪ СТАНИЦЫ ЦАРСКОЙ, МАЙКОПСКАГО УѢЗДА, КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ

видѣло, какъ подъ градомъ пуль и при потокахъ крови колонизовались предгорья сѣвернаго Кавказа.

Опираясь на опытъ прошедшаго, имѣвшій мѣсто на Новой Линіи, съ одной стороны, и на военныя требованія, съ другой, руководившіе колонизаціей Закубанья заняли и основали въ теченіе 14 лѣтъ, подъ прикрытіемъ военной силы, въ связи съ дѣйствіями военныхъ отрядовъ, 83 пункта для крупныхъ поселеній. Колонизація началась съ восточной стороны Кубанскихъ предгорій и, попавши въ крайне неумѣлыя руки главнаго распорядителя графа Евдокимова, на первыхъ же порахъ встрѣтила серьезныя препятствія со стороны того населенія, которымъ предположено было колонизовать Закубанскій край. Съ непростительною поспѣшностью, игнорируя хозяйственныя соображенія и разсчеты, графъ Евдокимовъ предположилъ первоначально переселить на Кубань шесть станицъ изъ 5-й и 6-й бригадъ Кубанскаго казачьяго войска и двѣ изъ Черноморіи. По этому проэкту шесть первыхъ станицъ должны были сразу переселить изъ 1653 семействъ всего населенія 1397 семействъ, т. е. почти 90%, оставивъ временно на мѣстѣ 256 семействъ, а двумъ черноморскимъ станицамъ предстояло дать 770 семействъ. На новомъ мѣстожительствѣ, среди враждебныхъ народностей, эти поселенцы должны были образовать цѣлыхъ 17 станицъ въ неудобныхъ мѣстахъ и при непривычныхъ естественныхъ условіяхъ. И все это имѣлось въ виду совершить въ теченіе года! Понятно, что

такая невѣроятная ломка могла въ конецъ разорить казаковъ, скопившихъ трудомъ и потомъ небольшія хозяйственныя обзаведенія на старомъ мѣстожительствѣ. Застигнутые въ расплохъ казаки, по обычаю русскаго народа, вошли съ прошеніями и ходатайствами по начальству. Графъ Евдокимовъ настаивалъ на приведеніи въ исполненіе проэктированныхъ имъ мѣръ. Дѣло обострилось и едва не разрѣшилось кровавою развязкою. Казаки не хотѣли слушать распоряженій начальства, и только благодаря личному участію Государя Императора Александра Николаевича неповиновеніе казаковъ не было поставлено имъ въ вину и была измѣнена система колонизаціи. Въ концѣ концовъ графу Евдокимову пришлось самому же исправить собственную свою ошибку. Неудачная попытка колонизаціи Закубанскаго края цѣлыми станицами по принужденію была замѣнена системою вызова охотниковъ, съ опредѣленнымъ денежнымъ вспомоществованіемъ, и порядкомъ назначенія станичными обществами извѣстнаго количества своихъ членовъ по жребію.

Новыя мѣры, по словамъ І. В. Бентковскаго, много потрудившагося надъ группировкою матеріаловъ о колонизаціи всей вообще Кубанской области, дали и новые результаты. Въ 1861 же году было поселено въ два пріема 1736 семействъ въ 11 станицахъ, расположенныхъ въ верховьяхъ Кубани и ея главнѣйшихъ притоковъ по направленію къ г. Майкопу. Въ слѣдующемъ 1862 году

колонизація приняла еще болѣе широкіе размѣры: въ этомъ году было основано уже 28 станицъ въ разныхъ мѣстахъ Закубанскаго края и въ нихъ водворено 4387 семействъ переселенцевъ. Въ этомъ же году было утверждено положеніе о заселеніи предгорій Западной части Сѣвернаго Кавказа. Такъ какъ положеніемъ этимъ предоставлялось казакамъ-поселенцамъ, кромѣ извѣстнаго денежнаго пособія и надѣла общинными землями, полученіе земель въ частную собственность; то мѣра эта привлекла не мало охотниковъ, желавшихъ поселиться въ Закубанскомъ краѣ какъ изъ среды Кубанскаго казачества, такъ и изъ войскъ Донскаго, Оренбургскаго, Уральскаго и Терскаго. Въ числѣ другихъ казаковъ переселились на Кубань и Азовскіе казаки, потомки тѣхъ самыхъ запорожцевъ, которые бѣжали въ Турцію въ 1775 году при разрушеніи Запорожской Сичи, и которые въ 1828 году ушли снова изъ Турціи въ Россію и были поселены въ Екатеринославской губерніи. Такимъ образомъ, въ 1863 г. вновь было основано 20 станицъ, съ населеніемъ въ 3541 семейство, и наконецъ въ 1864 г. 17 станицъ и 7 поселковъ, съ населеніемъ въ 4417 семействъ. Въ теченіе же всего четырехъ-лѣтняго періода было основано, слѣдовательно, 83 крупныхъ казачьихъ поселеній и въ нихъ поселено 14081 семейство.

Самое расположеніе станицъ находилось конечно въ тѣсной связи съ военными соображеніями. Руководившіе колонизаціей смотрѣли на закубан-

скую станицу прежде всего, какъ на стратегическій пунктъ, какъ на опорную точку при вытѣсненіи горцевъ изъ самыхъ крайнихъ и неприступныхъ уголковъ ихъ мѣстожительства. Поэтому, одни изъ станицъ, какъ Хамкетинская, Бѣлорѣченская, Новодмитріевская, Абинская и пр., возникли на мѣстахъ бывшихъ уже здѣсь укрѣпленій; при расположеніи другихъ стратегическимъ соображеніямъ часто отдавалось преимущество предъ выгодами и разсчетами экономическими. Точно также и самый составъ переселенцевъ, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовалъ все тѣмъ же военнымъ цѣлямъ. Казаки и вообще служило-военные элементы составили подавляющее большинство. Такъ изъ общей массы переселенцевъ 58,9% приходилось на долю Кубанскихъ казаковъ, 25,3% на долю казаковъ изъ другихъ войскъ и отставныхъ солдатъ и только 15,8% на долю государственныхъ крестьянъ и другихъ сословій. Однимъ словомъ, и на тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ производилась колонизація Закубанскаго края, и на расположеніи станицъ, и на самомъ составѣ переселенцевъ одинаково лежало вліяніе военныхъ требованій. Экономическіе промахи и недосмотры при такой колонизаціи неизбѣжны. И дѣйствительно, какъ видно изъ изслѣдованій Е. Д. Фелицына, очень многія станицы, напр., Псеменская, Мингрельская, Навагинская, Тубинская, Хребтовая, Сохрайская и др. впослѣдствіи были совсѣмъ снесены и разселены, другія и теперь еще испытываютъ серьезныя эко-

номическія стѣсненія, явившіяся слѣдствіемъ военной колонизаціи.

Занятіемъ западныхъ предгорій Кавказа и оканчивается собственно колонизація Кубанской области въ смыслѣ расширенія границъ казачьей территоріи. Большинство сложившихъ оружіе горцевъ эмигрировало въ Турцію, принявшіе русское подданство были переселены съ предгорій на плоскости, ближе къ Кубани. Казаки такимъ образомъ прочно укрѣпились на всѣхъ пунктахъ когда-то враждебнаго имъ края и казачьи станицы обширнѣйшею сѣтью охватили всю Кубанскую область. Дальнѣйшее затѣмъ заселеніе края было исключительно дѣломъ разселенія, результатомъ внутренней переработки и распредѣленія наличныхъ колонизаціонныхъ элементовъ. Правда, притокъ переселенцевъ въ Кубанскую область по прежнему продолжался извнѣ, въ нѣкоторые годы онъ принялъ даже необычайные размѣры, но онъ не носилъ уже прежняго характера. Казачество, какъ войско, закрыло доступъ въ свою среду переселенцамъ. Оно само раздробилось на массу отдѣльныхъ станичныхъ общинъ и станичная община уже самостоятельно начала абсорбировать пришлые и чуждые ей элементы, разумѣется, въ тѣхъ случаяхъ, когда она находила это нужнымъ.

На первыхъ порахъ этой внутренней колонизаціи слѣды общихъ административныхъ мѣропріятій даютъ еще себя чувствовать казаку, нѣкоторыя станицы еще возникаютъ по предначертанію

и указаніямъ войсковаго начальства. Такъ, въ 1865 и 1866 годахъ были основаны Славянская, Георгіе-Афипская, Мингрельская, Троицкая, Анастасіевская и Курчанская станицы; въ 1871 г. Копанская и Ясенская. Мѣста для этихъ станицъ были избраны и назначены администраціей, а населеніе взято изъ существовавшихъ уже казачьихъ поселеній, въ которыхъ оно особенно сильно возросло. Съ теченіемъ времени даже эта черта принудительнаго разселенія теряется въ казачьихъ общинахъ. Возникновеніе новыхъ поселеній и признаніе самостоятельности за возникшими уже въ формѣ хуторовъ становятся дѣломъ иниціативы и усмотрѣнія станичныхъ общинъ. Администрація только даетъ въ такихъ случаяхъ свою санкцію. Такимъ образомъ возникло нѣсколько поселковъ на дополнительныхъ станичныхъ участкахъ и на мѣстахъ занятыхъ группами хуторовъ, какъ Албашскій, Ахтарскій, Широчанскій, Черноерковскій, Кармалинскій и многіе другіе. Но въ это же время въ Кубанскую область начинается особенно сильный притокъ другаго рода переселенцевъ, такъ называемыхъ иногородныхъ или, по выраженію черноморцевъ, «городовиковъ», т. е. крестьянъ арендаторовъ и ремесленниковъ, выселившихся въ Кубанскую область изъ внутреннихъ губерній Россіи.

Примѣры колонизаціи Кубанской области, помимо казачьихъ, другими элементами имѣли мѣсто еще до покоренія Западнаго Кавказа, но это были лишь единичныя и малозначущія попытки. Такъ

въ 1834 г. возникло селеніе Армавиръ, населенное горскими армянами, и основаны въ Черноморіи двѣ нѣмецкія колоніи Михельсталь и Александровская. Одновременно съ занятіемъ предгорій и непосредственно затѣмъ эти единичныя попытки начинаютъ принимать болѣе общій характеръ. Греки, нѣмцы, молдоване, болгары и русскіе крестьяне образовали въ это время въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько крупныхъ поселеній. Такимъ образомъ, возникли селенія Витязевское, Греческое, Мерчанское, Молдованское и Русское въ Темрюкскомъ уѣздѣ, колоніи Александрфельдская, Розенфельдская и Эйнфельдская въ Кавказскомъ уѣздѣ, селенія Богословское, Казьминское, Ольгинское и Успенское въ Баталпашинскомъ уѣздѣ и др. Тѣмъ не менѣе всѣ эти неказачьи поселенія дали относительно незначительную цифру переселенцевъ сравнительно съ тѣмъ количествомъ ихъ, которое приходится на долю иногородныхъ или «городовиковъ». Этимъ послѣднимъ суждено было внести въ жизнь казачества болѣе сильную экономическую струю, чѣмъ ихъ счастливымъ предшественникамъ, и въ нѣкоторой степени видоизмѣнить даже самый характеръ поселочныхъ формъ Кубанской области.

Особенно сильный притокъ иногородныхъ въ Кубанскую область начинается со времени изданія въ 1868 году закона, дозволившаго лицамъ невойсковаго сословія пріобрѣтать въ собственность усадебныя строенія на казачьихъ земляхъ. Получивъ возможность жить осѣдло въ Кубанской области,

крестьяне преимущественно южнорусскихъ губерній двинулись цѣлыми тысячами на Кубань, и въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ общее ихъ количество въ области возросло до 250,000 душъ, что составитъ 25% казачьяго населенія. Вся эта масса взялась главнымъ образомъ за земледѣліе, арендуя войсковыя, общинныя и частныя земли. Размѣстившись большею частію по станицамъ, изрѣдка въ поселкахъ и хуторахъ, они образовали цѣлыя хуторскія поселенія собственно на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Часть переселенцевъ кромѣ того была принята станичными обществами въ число своихъ членовъ; въ нѣкоторыхъ станицахъ, каковы глухія станицы Закубанья, продолжается пріемъ и по сію пору.

Наконецъ, въ періодъ колонизаціи предгорій началось особенно усиленное выселеніе горцевъ изъ горныхъ ущелій и трущобъ ближе къ берегамъ Кубани.

XVII.

Самоуправленіе и измѣненія въ обычныхъ формахъ казачьяго землевладѣнія.

Соединеніе въ 1860 году Черноморскаго войска съ шестью бригадами бывшаго Кавказскаго линейнаго войска не имѣло никакого вліянія на измѣненія въ станичномъ управленіи составныхъ частей. Каждая часть вошла въ составъ, какъ самостоятельное цѣлое, и для Черноморскаго войска

оставлено было въ прежней силѣ положеніе 1842 г., а бывшіе линейцы должны были руководиться положеніемъ 1845 года. Измѣненія коснулись лишь положенія и правъ наказнаго атамана. Прежде наказный атаманъ зависѣлъ отъ командующаго войсками, который въ свою очередь находился въ подчиненіи у главнокомандующаго отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ. При образованіи Кубанской и Терской областей положено было званіе наказнаго атамана соединить съ обязанностями начальника области и командующаго войсками. Значитъ, положеніе наказнаго атамана сдѣлалось болѣе почетнымъ и значительнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ поставлено было «изъ статей, составлявшихъ доходъ бывшаго Кавказскаго Линейнаго войска, тѣ, которыя находились въ исключительномъ районѣ одного какого-либо полка или бригады (какъ напримѣръ: желтенникъ, нефть, рыболовство при устьяхъ Терека и т. п.) отчислить безъ раздѣленія въ то войско, куда поступаетъ часть, которой эта статья присвоена или въ районѣ которой находится. А войсковой капиталъ Терскаго войска положено было раздѣлить между обѣими—Кубанскою и Терскою частями, что и было произведено на основаніи распоряженія отъ 16 Сентября 1861 года, по разсчету 99708 душъ, отошедшихъ въ Кубанское войско и 54341 д.—въ Терское.

Точно также и при заселеніи Закубанья въ станичномъ самоуправленіи Кубанскихъ казаковъ не произошло никакихъ перемѣнъ. Вновь населен-

ныя станицы были разбиты на полки и бригады, а въ дѣлахъ управленія опредѣлено было руководиться положеніемъ 1845 года о бывшемъ Кавказскомъ Линейномъ войскѣ.

Такъ шли дѣла до 1870 года, когда было издано «Положеніе объ общественномъ управленіи въ казачьихъ войскахъ». Строго разграничивъ функціи станичныхъ обществъ и станичныхъ правленій, положеніе это совершенно выдѣлило станичный судъ, придавъ ему характеръ крестьянскаго волостнаго суда, и положило въ основу станичныхъ учрежденій выборное начало. Такимъ образомъ, красная нить казачьяго общиннаго самоуправленія не порвалась въ теченіе восьмидесятилѣтняго существованія казачьихъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ Кубанской области, а привела въ концѣ концовъ къ практикѣ нынѣшняго станичнаго самоуправленіи.

Но вмѣстѣ съ колонизаціей Закубанья, въ 1862 году, былъ изданъ особый актъ— «Положеніе о заселеніи предгорій западной части Кавказскаго хребта Кубанскими казаками и другими переселенцами изъ Россіи», актъ, не каснувшійся юридическихъ основъ казачьяго самоуправлепія, но сильно измѣнившій формы казачьяго землевладѣнія. Въ этомъ новомъ положеніи уже и помину нѣтъ о войсковой землѣ и вообще объ опредѣленной казачьей территоріи, какъ о коллективной собственности. Въ немъ говорится лишь о «границахъ пространства, назначаемаго для новыхъ казачьихъ

поселеній Кубанскаго войска», и затѣмъ каждое поселеніе разсматривается въ земельномъ отношеніи, какъ самостоятельное цѣлое, какъ отдѣльная, независимая отъ другихъ община. Каждая такая община должна была получить, одновременно съ водвореніемъ поселенія, «отъ 20 до 30 десятинъ на каждую душу мужскаго пола казачьяго семейства и по 200 дес. на каждое офицерское семейство удобной и неудобной земли» въ общемъ нераздѣльномъ юртѣ; но «изъ сего общаго количества» назначалось отъ 5 до 10 дес. на семейство рядовыхъ казаковъ-охотниковъ и отъ 25 до 50 дес. на семейство офицеровъ, добровольно переселившихся, въ частную, вѣчную и потомственную собственность.

Такимъ образомъ, рядомъ съ общинно-земельною собственностью въ упомянутомъ положеніи вводится впервые въ казачье землевладѣніе институтъ частной земельной собственности. Правда, это частное землевладѣніе носитъ по положенію особый характеръ, подчинено извѣстнымъ ограниченіямъ. Такъ, владѣльцы-охотники не имѣютъ права ни отчуждать своихъ земель, ни передавать по наслѣдству лицамъ неказачьяго сословія, ни даже лично пользоваться на случай выхода изъ казачьяго сословія; точно также эти земли не могли быть проданы «на уплату долговъ мѣстамъ и лицамъ, непринадлежащимъ Кубанскому войску». Но такой характеръ они должны носить только «впредь до особаго распоряженія».

Въ положеніи 1862 года «для развитія промышленности дозволяется купцамъ, фабрикантамъ и другимъ промышленникамъ, съ разрѣшенія войсковаго правленія, пріобрѣтать въ станицахъ участки усадебной земли и строить торговыя и фабричныя заведенія, съ правомъ владѣнія оными, какъ полною собственностью, но съ уплатою войску и общинамъ такъ называемой посаженной платы. Не смотря на то, что впослѣдствіи закономъ 1868 года нѣсколько измѣненъ характеръ этого постановленія, оно тѣмъ не менѣе и въ измѣненномъ видѣ является существеннымъ нововведеніемъ въ обычныя формы казачьяго землевладѣнія.

Наконецъ, въ положеніи о заселеніи предгорій страннымъ образомъ введены правила, измѣняющія характеръ казачьяго землевладѣнія даже на старыхъ мѣстожительствахъ кубанскихъ казаковъ. Такъ въ параграфѣ 118 положенія говорится: «войсковыя земли, оставшіяся свободными за надѣломъ станицъ и за удовлетвореніемъ общественныхъ надобностей, указанныхъ въ положеніяхъ о бывшихъ Черноморскомъ и Линейныхъ казачьихъ войскахъ, назначаются для продажи въ частную собственность и для отдачи въ оброчное содержаніе преимущественно лицамъ казачьяго сословія, а въ случаѣ недостатка ихъ—и всѣхъ другихъ сословій, съ обращеніемъ вырученныхъ денегъ въ войсковой капиталъ Кубанскаго казачьяго войска» .. Такимъ образомъ, этимъ параграфомъ въ извѣ-

стныхъ случаяхъ признается, такъ сказать, неумѣстность для казачьяго населенія самаго института войсковой земельной собственности, института, игравшаго такую важную роль въ историческомъ прошломъ Кубанскаго казачества.

Итакъ, положеніемъ 1862 года вводятся слѣдующія, весьма важныя юридическія измѣненія въ обычныя формы казачьяго землевладѣнія: 1) институтъ войсковой земельной собственности въ однихъ случаяхъ совершенно игнорируется, а въ другихъ упраздняется, какъ ненужный, 2) рядомъ съ общиннымъ землевладѣніемъ вводится землевладѣніе личное, потомственное и 3) въ частности усадебная осѣдлость изъемлется изъ обычной общинной юрисдикціи и подчиняется особому спеціальному закону, а все это вмѣстѣ измѣняетъ самый характеръ казачьяго землевладѣнія, какъ выразился онъ въ обычномъ правѣ казака.

Послѣдующимъ затѣмъ законодательствомъ въ однихъ случаяхъ какъ бы нѣсколько скрашиваются всѣ эти нововведенія, а въ другихъ къ нимъ прибавляются новыя, но основной смыслъ юридическихъ измѣненій остается при этомъ одинъ и тотъ же: замѣна войсковой собственности продолжается собственностью общинною и частною. Сюда нужно отнести законъ 1868 и 1870 годовъ «О дозволеніи лицамъ невойсковаго сословія пріобрѣтать недвижимую собственность въ казачьихъ земляхъ», правила 1869 и 1870 годовъ «О поземельномъ устройствѣ станицъ и о войсковыхъ

запасныхъ земляхъ» и положеніе 23 Апрѣля 1870 года.

По первому изъ этихъ законовъ «во всѣхъ безъ изъятія казачьихъ войскахъ русскіе подданные невойсковаго сословія имѣютъ право пріобрѣтать въ собственность существующіе на войсковыхъ, городскихъ и станичныхъ земляхъ дома и всякаго рода строенія, на общемъ основаніи, не спрашивая согласія ни войсковаго начальства, ни городскаго или станичнаго общества. При семъ земля подъ означенными строеніями, оставаясь собственностью войска или же городскаго или станичнаго общества, находится въ постоянномъ пользованіи пріобрѣтателя, со взносомъ ежегодно въ войсковыя, городскія или станичныя суммы установленной посаженной платы». Такимъ лицамъ въ станичныхъ общинахъ «предоставляется право пользованія общимъ выгономъ для собственнаго ихъ домашняго скота». Съ своей стороны лица эти должны нести повинности «постойную, подводную, а также по исправному содержанію дорогъ, мостовъ и переправъ». Такимъ образомъ, закономъ этимъ съуживаются даже обычные въ крестьянскихъ общинахъ предѣлы общинной автономіи въ земельнохозяйственномъ отношеніи. Община теряетъ право контроля надъ усадебною осѣдлостью и надъ пользованіемъ общинными выгонами. Въ число членовъ общины, съ извѣстными, ограниченными правами (участвовать въ сходахъ по дѣламъ касающихся этихъ лицъ), могутъ произвольно, не спрашивая на это

никакого согласія станичнаго общества, вступать лица, непринадлежавшія раньше къ общинѣ. Самая земля подъ усадьбами de jure считается общинною собственностью, a de facto носитъ уже характеръ частнаго владѣнія, при условіи «постояннаго пользованія».

Въ силу правилъ 1869 и 1870 годовъ, «земли, отведенныя станицамъ, состоятъ въ общинномъ владѣніи общества каждой станицы. Никакая часть земли и никакое угодье, въ чертѣ станичнаго юрта заключающіяся, не могутъ выходить изъ владѣнія станичнаго общества въ чью-либо личную собственность». Что же касается войсковой земельной собственности, то она признается только въ формѣ такъ называемыхъ войсковыхъ запасныхъ земель. Такія земли должны состоять «въ непосредственномъ завѣдываньи мѣстныхъ войсковыхъ управленій. Онѣ назначаются на дополненіе станичныхъ надѣловъ до узаконенной пропорціи и на разныя войсковыя надобности, опредѣленныя особыми положеніями». Но тутъ же, рядомъ съ такимъ назначеніемъ остатковъ войсковой земельной собственности, дѣлается общее неопредѣленное замѣчаніе о томъ, что «означенныя земли могутъ получить и другое назначеніе или по представленіямъ главнаго мѣстнаго начальства, съ утвержденія высшаго правительства, или же по указаніямъ самаго правительства». Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, если и нѣтъ такого категорическаго непризнанія института войсковой земельной собственности, какое встрѣчается въ положеніи о заселеніи предгорій, то

всетаки оказывается значительное измѣненіе основныхъ чертъ этого института: у войсковой собственности разомъ являются два хозяина и нѣтъ даже указанія на третьяго, которому всегда de facto принадлежала земля....

Послѣдній законодательный актъ—положеніе 1870 года, является тѣмъ общимъ основнымъ закономъ, которымъ, вмѣстѣ съ положеніемъ о заселеніи предгорій, придается окончательный характеръ существующимъ формамъ казачьяго землевладѣнія въ Кубанской области. По смыслу этого положенія, всѣ казачьи земли распадаются на три различныя формы казачьей собственности: войсковую, общинную и частную. Тамъ, гдѣ какъ на Черноморіи и Старой Линіи, войсковая земельная собственность существовала въ видѣ общей казачьей территоріи, она распалась на мелкоземельныя общины, на долю которыхъ пришлось такимъ образомъ наибольшее количество земли. Пожизненные офицерскіе надѣлы въ такихъ общинахъ были затѣмъ обращены въ частныя, потомственныя владѣнія, а оставшіяся за раздѣломъ войсковыя земли и угодья должны быть въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи всего войска. Но такъ какъ войсковыя земли не вездѣ встрѣчаются и такъ какъ даже встрѣчающіеся ихъ остатки должны съ теченіемъ времени получить иное назначеніе, то важнѣйшими формами казачьяго землевладѣнія нужно, слѣдовательно, считать общинныя земли или «юрты» и частныя владѣнія или «участки».

ЦИНКОГРАФІЯ ТОВ. М. О. ВОЛЬФЪ

ФОТОГРАФИРОВАЛЪ Е. Д. ФЕЛИЦЫНЪ

ГОРОДЪ ЕКАТЕРИНОДАРЪ.— КУБАНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ПРАВЛЕНІЕ

XVIII.

Періодъ внутренняго развитія Кубанскаго казачества.

Въ настоящее время, когда, впродолженіе почти двадцати-пяти-лѣтней мирной для казачьяго населенія жизни, борьба казаковъ съ горцами забыта, когда гнетущая дѣйствительность этой борьбы потеряла свой острый характеръ, когда длинный мартирологъ казачьихъ жертвъ давно уже занесенъ на бумаги, а самыя бумаги погребены подъ архивною пылью,—весьма трудно конечно представить всю тяжесть той исторической ноши, какую вынесъ на своихъ плечахъ кубанскій казакъ. Отдѣльныя черты казачьей боевой службы, отмѣченныя выше, слишкомъ отрывочны и блѣдны, чтобы дать хоть приблизительное понятіе о полной картинѣ былой военной жизни казака. А за военною службою казака, за безконечнымъ рядомъ его столкновеній съ горцами, шла вѣдь другая, мирная казачья жизнь, до которой хотя и доходили отголоски кровавой борьбы и мрачныя вѣсти о ея жертвахъ, но которая тѣмъ не менѣе обнимала всю сумму мелочей и требованій обыденнаго человѣческаго существованія. Въ то время, когда казаки «косили головы враговъ» или въ свою очередь жертвовали собою для блага родины, дома у нихъ были жены, братья и сестры, старики и дѣти, которые хотѣли жить, должны были ѣсть, стремились къ счастью, находились хозяйства, требовавшія заботъ, зеленѣли и

зрѣли поля, нуждавшіяся въ рабочихъ рукахъ. Все это конечно было, какъ и у другихъ людей, а теперь уже и быльемъ поросло; но тогда дѣйствительность носила свой особый характеръ: старики были большею частію калѣками и больными отъ ранъ и многотрудной службы, дѣти малы, молодежи недостаточно—и вся тяжесть мирной жизни ложилась на женщинъ. Казачка той поры представляла своего рода идеалъ человѣка, неподавшаго духомъ подъ самыми жестокими ударами суроваго казачьяго рока. Съ вѣчною тревогою въ сердцѣ за жизнь мужа, дѣтей, братьевъ, служившихъ на линіи, она, эта казачка, творила собственно экономическій бытъ, вела хозяйство, покоила стариковъ, руководила подростками, воспитывала дѣтей и вообще заботилась объ устроеніи того уютнаго уголка, который рисовался радужными и свѣтлыми красками въ мысляхъ казака среди военныхъ бурь и треволненій. Прошлое молчитъ о томъ, чего ей все это стоило, какимъ количествомъ вздоховъ сопровождала она каждый свой шагъ, сколько слезъ пролито ею при жизненныхъ неудачахъ и затрудненіяхъ, какую бездну горечи и гнетущихъ мыслей вынесла ея многострадальная грудь! Казачка работала, не покладая рукъ, брала въ руки косу или серпъ, пахала и сѣяла, «орудовала» топоромъ, не досыпала часто ночей, имѣя при этомъ помощниковъ въ лицѣ подростковъ и малолѣтнихъ дѣтей, которые хотя и не особенно много давали, но за то оживляли работы матери, придавали ей бодрости

ГОРОДЪ ЕКАТЕРИНОДАРЪ. — ВИДЪ КРАСНОЙ УЛИЦЫ ОТЪ ДОМА ПЛАТОНОВОЙ КЪ СѢВЕРУ

и одушевленія. И когда жестокая война на вѣки разлучала ее съ мужемъ, казачка опять таки не падала духомъ и «билась изъ силъ», пока «не становились на ноги» ея дѣти, будущіе казаки и будущій предметъ тревогъ для материнскаго сердца...

Но вотъ настала другая пора, на смѣну явились иныя жизненныя условія: горцы сложили оружіе, подчинившись всѣмъ требованіямъ побѣдителя. И—удивительное дѣло!—казакъ, не переставая быть казакомъ, сдѣлался образцовымъ хозяиномъ, точно между мечемъ и плугомъ для него не существовало никакой разницы.

Первымъ крупнымъ послѣдствіемъ этого новаго періода казачьей жизни были перемѣны экономическія: шире пошло земледѣльческое хозяйство на Старой и Новой Линіяхъ; обострившаяся борьба между хуторами и станицами въ Черноморіи постепенно клонилась на сторону послѣднихъ, результатомъ чего опять таки было упроченіе земледѣльческаго хозяйства. Измѣнились вообще формы производительности и увеличился вмѣстѣ съ тѣмъ средній достатокъ казачьей семьи. Прежде богатство было сосредоточено на хуторахъ, въ послѣдующее затѣмъ время центръ тяжести въ этомъ отношеніи передвинулся въ станицы. Съ особенною рѣзкостью это явленіе обнаружилось въ Черноморіи. Значительные хуторскіе табуны лошадей, стада рогатаго скота и атары овецъ частію сильно, до неузнаваемости порѣдѣли, а частію совершенно перевелись, исчезли. Но за то въ станицахъ общест-

венныя стада стали гуще и многочисленнѣе, рогатый скотъ и овцы распредѣлились съ большею равномѣрностью, между бо́льшимъ количествомъ хозяйствъ и лишь разведеніе лошадей, съ постепеннымъ ослабленіемъ степнаго хуторскаго хозяйства, всюду стало замѣтно ослабѣвать. Казаки вмѣстѣ съ тѣмъ начали хозяйственнѣе относиться къ пользованію общинно-земельною собственностью. Появились ограничительныя мѣры противъ царившаго въ этомъ отношеніи произвола. Мѣстами были разграничены угодья—отдѣлены пашни отъ сѣнокосовъ, установлены границы для выгоновъ; мѣстами развитіе земельныхъ порядковъ пошло дальше—были опредѣлены дни для сѣнокошенія, количество косарей и пр., нѣкоторыя общины установили среднюю норму на дворъ пахатной земли, другія обложили скотъ сверхъ положеннаго количества налогами въ пользу общественныхъ суммъ; мѣстами, наконецъ, всѣ эти посредствующіе ограничительные порядки перешли въ конечную свою форму—въ дѣлежъ земли на паи, въ распредѣленіе земли сообразно съ потребностями и правами на надѣлъ со стороны отдѣльныхъ хозяевъ. Однимъ словомъ, благодаря увеличенію населенія, привлеченію къ хозяйству большаго количества рабочихъ рукъ, отвлекавшихся раньше военною службою, и вообще расширенію производительности, земля получила бо́льшую цѣнность, стала нужнѣе для казака, а это въ свою очередь вызвало всѣ вышеупомянутые ограничительные порядки землепользованія. Наконецъ, рука объ руку

съ расширеніемъ земледѣльческой производительности, шло развитіе сельскохозяйетвенныхъ пріемовъ и техники. Старинные плуги-сабаны замѣнились плугами новѣйшей конструкціи, появились вѣялки, сортировки, жатвенныя машины и молотилки, улучшилась обработка земли и обдѣлка зерна. Кубанскіе казаки сдѣлали въ этомъ отношеніи такъ много, какъ, быть можетъ, трудно было даже предположить. Есть станицы, гдѣ усовершенствованный плугъ встрѣчается положительно въ каждомъ дворѣ, ведущемъ земледѣльческое хозяйство, и при этомъ замѣчательно то обстоятельство, что плугъ этотъ, очень близкій по конструкціи къ лучшимъ рансомовскимъ плугамъ для тяжелыхъ почвъ, но болѣе (втрое) дешевый, представляетъ чисто мѣстное усовершенствованіе. Такія орудія, какъ вѣялки и сортировки, насчитываются сотнями по станицамъ. Въ нѣкоторыхъ станицахъ Старой Линіи конныя молотилки пріобрѣтались почти половиною домохозяевъ. Позже конныя молотилки были вытѣснены паровыми, и есть станицы, напр., Новопокровская, Вознесенская и др., гдѣ паровыя молотилки встрѣчаются десятками. Меньшее, но все таки широкое распространеніе, получили жатвенныя машины. Вообще въ области земледѣльческой техники казаки сдѣлали замѣчательные успѣхи, хотя, надо замѣтить, и не безъ дѣятельнаго участія въ этомъ отношеніи иногородняго неказачьяго населенія.

Отмѣченныя перемѣны имѣли однако мѣсто только въ наиболѣе окрѣпшихъ, раньше населенныхъ частяхъ области—въ Черноморіи и на обѣ-

ихъ Линіяхъ. Въ большей части Закубанья экономическая жизнь не только не подвинулась впередъ, а, наоборотъ, сдѣлала значительный шагъ назадъ. И это опять таки весьма характерно и знаменательно для казачества. Въ станицахъ наиболѣе удаленныхъ въ горы казакъ пересталъ даже заниматься земледѣліемъ; въ цѣломъ рядѣ другихъ станицъ земледѣліе да и вообще сельское хозяйство находится въ жалкомъ положеніи; скотъ и овцы, выведенные изъ равнинъ въ горы, почти перевелись и населенію пришлось разводить мѣстныя породы; короче, казаки потеряли на новомъ мѣстожительствѣ многое изъ того, что раньше имѣли и съ чѣмъ перешли, и слово «закубанецъ» стало синонимомъ бѣдняка. И все это произошло здѣсь какъ-разъ въ то время, когда въ остальныхъ частяхъ Кубанской области развитіе экономической жизни шло широкимъ путемъ. Что же послужило въ этомъ отношеніи для закубанца тормозящею причиною? Очень многое. Во первыхъ, казакъ, привыкшій вести хозяйство въ равнинахъ, былъ поставленъ въ совершенно новыя, непривычныя естественныя условія среди горной природы, обнаженныхъ скалъ, каменистыхъ скатовъ, обилія влаги и вообще чуждыхъ почвенныхъ и климатическихъ особенностей. Во вторыхъ, уже сами по себѣ переселенія были разорительны, а къ этому затѣмъ прибавилось водвореніе переселенцевъ на мѣстахъ удобныхъ не столько въ хозяйственномъ, сколько въ военномъ отношеніи. Въ третьихъ, главная масса

переселенцевъ состояла изъ бѣдняковъ съ значительнымъ процентомъ порочныхъ членовъ. Въ четвертыхъ, наконецъ, то, въ чемъ наиболѣе нуждался казакъ, какъ переселенецъ и хозяинъ—свободное пользованіе земельною собственностью, было для закубанца запретнымъ плодомъ съ первыхъ же шаговъ его экономической жизни въ Закубаньѣ. Не смотря на то, что въ положеніи о заселеніи предгорій немедленное надѣленіе вновь поселенныхъ станицъ землею и обмежеваніе послѣдней было поставлено первымъ условіемъ заселенія края, на дѣлѣ это условіе было совершенно забыто и казаки въ отношеніи землепользованія очутились совершенно въ неопредѣленномъ положеніи. Большая часть земли, долженствовавшей поступить имъ въ надѣлъ, была подъ лѣсомъ, а между тѣмъ казакъ не имѣлъ права распорядиться десяткомъ полѣнъ безъ разрѣшенія лѣснаго вѣдомства, сильно стѣснявшаго и обременявшаго населеніе. Такимъ образомъ, благодаря этимъ главнымъ и массѣ другихъ второстепенныхъ причинъ, экономическая жизнь въ Закубаньѣ была стѣснена и парализована въ самомъ зародышѣ. Только въ послѣдніе годы, съ ослабленіемъ указанныхъ причинъ этотъ край будущаго началъ проявлять признаки сильнаго экономическаго роста.

Больше однообразія оказалось въ области измѣненій казачьей жизни въ другомъ отношеніи. Всюду въ казачествѣ одинаково интенсивно проявилось развитіе умственныхъ и вообще культурныхъ потребностей. Школьное дѣло въ это время сразу по-

двинулось впередъ быстро и рѣшительно. Въ 1863 г., т. е. въ заключительный моментъ окончательнаго покоренія западнаго Кавказа, наказный атаманъ графъ Сумароковъ-Эльстонъ въ своемъ циркулярѣ приглашалъ лицъ начальствующихъ и населеніе позаботиться объ открытіи станичныхъ школъ, а къ 1867 году, т. е. чрезъ четыре года, количество вновь открытыхъ школъ равнялоеь уже 100. Къ 1871 году общее количество станичныхъ школъ возросло до 179; съ 1871 по 1880 годъ было прибавлено еще 72 школы; а къ 1886 году въ области считалось 296 учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ 1 классическая гимназія, 2 реальныхъ училища, 1 учительская семинарія, 2 женскихъ гимназіи, 1 женская прогимназія, 11 низшихъ учебныхъ заведеній и 278 начальныхъ народныхъ училищъ. Въ настоящее время въ Кубанской области нѣтъ ни одной станицы или казачьяго поселка, въ которыхъ не было бы школы, а въ нѣкоторыхъ станицахъ существуетъ уже по два и даже по три училища. Кромѣ того, повсемѣстно въ области встрѣчаются частныя или домашнія казачьи школы, а также обыкновеніе учить дѣтей грамотѣ въ одиночку, при помощи кого-либо изъ членовъ семьи. Если прибавить къ этому, что, при поголовной военной службѣ, вновь поступающіе на службу казаки обучаются грамотѣ въ строю; то такимъ образомъ окажется, что Кубанское казачество представляетъ рѣдкій примѣръ широкаго развитія грамотности въ Россіи. И дѣйствитель-

ГОРОДЪ ЕКАТЕРИНОДАРЪ — ВИДЪ [illegible]

но, на развитіе и упроченіе школьнаго дѣла было положено здѣсь немало заботъ и матеріальныхъ затратъ. Такъ, въ 1872 году была открыта казачья учительская семинарія, о чемъ раньше еще ходатайствовалъ наказный атаманъ графъ Сумароковъ-Эльстонъ. Съ того же года были организованы учительскіе съѣзды при семинаріи, повторявшіеся подъ рядъ четыре года и ознакомившіе съ правильнымъ веденіемъ школьнаго преподаванія 76 лицъ. Плохое состояніе школьныхъ помѣщеній вызвало заботу о построеніи новыхъ нормальныхъ училищныхъ зданій еще въ 1872 году при наказномъ атаманѣ генералъ-лейтенантѣ Цакни. Но особенно много сдѣлано было въ этомъ отношеніи да и вообще по вопросу о матеріальной обстановкѣ и средствахъ училищъ слѣдующимъ затѣмъ наказнымъ атаманомъ генералъ-лейтенантомъ Кармалинымъ. Съ 1874 по 1880 годъ, благодаря заботливости Н. Н. Кармалина, было построено 136 образцовыхъ училищныхъ зданій стоимостью въ $^1/_2$ милліона рублей. Дальнѣйшее развитіе школьнаго дѣла продожалось также поступательно и безостановочно и при остальныхъ атаманахъ—генералъ-адъютантѣ С. А. Шереметевѣ и генералъ-лейтенантѣ Г. А. Леоновѣ. Съ своей стороны и станичныя общества, въ видахъ обезпеченія школъ постояннымъ источникомъ доходовъ, отвели только съ 1874 по 1880 годъ 81 училищный участокъ въ количествѣ 20863 десятинъ изъ «юртовыхъ» (общинныхъ) земель. Въ 1876 году былъ открытъ вой-

сковой книжный складъ. Въ свою очередь населеніе съ каждымъ годомъ стало требовать все больше и больше книгъ, чтеніе вошло въ привычку, грамота сдѣлалась неотъемлемою принадлежностью казачьей жизни.

Такимъ образомъ, въ короткое время кубанскіе казаки успѣли заявить себя также исправно и ревностно при насажденіи школьнаго образованія, какъ заявили себя раньше на поприщѣ военномъ.

Но школьнымъ образованіемъ не ограничилось дѣло. Измѣненія коснулись всего строя казачьей жизни: измѣнились семейный составъ, отношенія между членами семьи, взгляды на зависимость дѣтей отъ родителей и женщинъ отъ мужчинъ, претерпѣли, наконецъ, измѣненія домашняя обстановка казака, вкусы, костюмъ и пр. И во всемъ этомъ несомнѣнно выразилось культурное, прогрессивное развитіе казачества; царившіе до того семейный произволъ и грубые нравы начали постепенно уступать мѣсто личной самостоятельности и болѣе гуманнымъ отношеніямъ къ женщинѣ и дѣтямъ; почти исчезло также принудительное заключеніе браковъ; вообще въ семейномъ быту замѣтно стало развиваться личное начало, ярче стало обнаруживаться уваженіе къ личности; на сходахъ начали дѣятельнѣе участвовать молодые хозяева, интересъ къ общественнымъ вопросамъ возросъ, сходы стали многочисленнѣе, а дѣятельность ихъ шире и разностороннѣе. Развитіе личныхъ потребностей способствовало въ свою очередь перемѣнамъ въ до-

машней обстановкѣ. Такъ, весьма замѣтно усилилось потребленіе всякихъ вообще фабрикатовъ и лавочныхъ товаровъ; сукна и полотна замѣнились болѣе цѣнными фабричными произведеніями; холщевую рубаху казакъ замѣнилъ ситцевою, плохой балахонъ, бешметъ или черкеску—болѣе дорогими и доброкачественными; женскіе костюмы также стали дороже и щеголеватѣе; въ мебели появилось больше разнообразія и изящества; вошло въ обыкновеніе покупать самовары, пить чай; стали заводить болѣе дорогіе и цѣнные экипажи—дроги на желѣзныхъ осяхъ и дилижаны; постройки много выиграли по величинѣ, удобствамъ и отдѣлкѣ; всюду чрезвычайно увеличилось количество лавокъ и пунктовъ для сбыта сырья и покупки фабрикатовъ; казакъ, однимъ словомъ, сталъ жить чище и удовлетворять свои потребности многостороннѣе, интенсивнѣе. Въ послѣдніе годы двѣ желѣзнодорожныя линіи—Ростово-Владикавказская и Новороссійская, связавши край съ внутреннею Россіею, скоро дадутъ ему широкій выходъ въ Черное море и уже теперь приложеніе этихъ путей весьма замѣтно повліяло на измѣненія экономическаго характера. Такъ, цѣны на земельную собственность въ короткое время удвоились, арендная плата за землю возросла въ такой же степени.

Но какъ всюду и всегда, этотъ поступательный ходъ внутренней казачьей жизни не обошелся безъ отрицательныхъ сторонъ и явленій. Жизнь—вездѣ жизнь, и тѣ, кто не желаетъ знать ея уро-

ковъ, дѣлаютъ величайшія изъ человѣческихъ ошибокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что періодъ внутренняго развитія казачества, начавшійся съ покоренія Западнаго Кавказа, далъ такъ много казаку, какъ трудно было предположить: общее экономическое благосостояніе края повысилось въ небывалой степени, казакъ зажилъ свободнѣе, шире и при полномъ отсутствіи прежнихъ лишеній и тревогъ. Но когда стала осложняться эта новая жизнь, когда потребности казака пошли въ глубь и ширь, когда богатая кубанская природа начала, въ отвѣтъ на мирныя хозяйственныя занятія, сыпать свои дары на право и на лѣво; тогда, въ этотъ моментъ погони за обогащеніемъ, рука объ руку съ здоровыми жизненными началами стали развиваться худые привычки и инстинкты: ростъ экономическій началъ переходить въ самую безцеремонную и разнузданную наживу на счетъ природы и ея ближайшаго хозяина—казака. Едва ли найдется, кромѣ Кубанской области, другой уголокъ въ Россіи, въ которомъ получилось бы въ столь короткое время такое густое и причудливое сплетеніе положительнаго съ отрицательнымъ. Лишь только Кубанскій край освободился отъ военныхъ бурь и треволненій, какъ на него начала постепенно надвигаться масса пришлаго чуждаго ему люда. Самъ по себѣ этотъ фактъ, съ точки зрѣнія исторіи и науки, является признакомъ прогрессивной жизни. Такъ было вездѣ, гдѣ жизнь двигалась впередъ. Но бѣда въ томъ, что появленіе въ краѣ пришельцевъ вне-

И ПАМЯТНИКА КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ

сло многочисленныя затрудненія какъ для коренного населенія, такъ и для переселенцевъ. Масса, та масса, часть которой пролила такъ много крови за родную землю, а другая часть которой, въ видѣ бѣдняковъ-переселенцевъ, принесла рабочія руки для воздѣлыванья этой земли, осталась въ проигрышѣ. Въ густыхъ рядахъ пришлецовъ оказался значительный процентъ хищниковъ во всевозможныхъ видахъ, людей наживы, одинаково въ концѣ концовъ опутавшихъ и хозяина-казака, и переселенца-бѣдняка. Но это уже текущая дѣйствительность, разсмотрѣніе которой выходитъ изъ рамокъ историческаго очерка. Мы указываемъ на нее лишь потому, чтобы сказать, что, не смотря на несомнѣнные экономическіе успѣхи и развитіе внутренней жизни казачества въ послѣдніе 20 лѣтъ, та же жизнь выдвинула цѣлый рядъ новыхъ задачъ и требованій. Разрѣшеніе этихъ задачъ и требованій стоитъ на очереди. Рядъ мѣропріятій, предпринятыхъ войсковымъ начальнымъ атаманомъ Кавказскихъ казачьихъ войскъ княземъ М. А. Дондуковымъ-Корсаковымъ, при начальникахъ области генералъ-адъютантѣ С. А. Шереметевѣ и генералъ лейтенантѣ Г. А. Леоновѣ, и новое административное преобразованіе войска является уже актами текущей жизни Кубанскаго казачества.

Ф. Щербина.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Указанія къ цитатамъ въ текстѣ:

1) Н. И. Костомаровъ. «Южная Русь и казачество», стран. 39 и 40. 2) Максимовичъ. Собр. соч. т. I-й, стран. 837 и 838. 3) И. Д. Попко. «Черноморскіе казаки», стр. 78—82. 4) Тамъ же, стр. 223—225. 5) Тамъ же, стр. 242—244. 6) Короленко. «Черноморцы», стр. 153. 7) И. Д. Попко. «Истор. и біогр. очерки», стр. 99—101. 8) Тамъ же, стр. 93—95. 9) І. Дебу. «О Кавказской линіи» стр. 76. 10) И. Д. Попко. «Черноморскіе казаки», стр. 192—193. 11) Ап. Шпаковскій. «Записки стараго казака», гл. XIII стр. 347. 12) Тамъ же, стр. 118—119. 13) Тамъ же, стр. 120. 14) Тамъ же, стран. 124. 15) Тамъ же, глав. XXXV, стр. 430. 16) Тамъ же, стр. 432. 17) Тамъ же, глав. XXIV, стр. 150—151.

2) Источники:

Н. И. Костомаровъ. «Южная Русь и казачество».

Максимовичъ. Собраніе сочиненій, томъ I.

П. А. Кулишъ. Исторія возсоединенія Руси, т. I и II.

Н. Маркевичъ. Исторія Малороссіи, томъ I—V.

А. А. Скальковскій. Исторія Новой Сичи, ч. I—III.

Н. Марковинъ. Очеркъ исторіи Запор. казачества, изд. 1878 г.

Г. Ф. Миллеръ. О малороссійскомъ народѣ и Запорожцахъ. Чтен. въ обществѣ исторіи и древностей, № 3.

В. Броневскій. Описаніе Донской земли, ч. I—III.

А. Ригельманъ. Исторія или повѣствованіе о донскихъ казакахъ. Чтен. въ общ. исторіи и древн., № 3 и 4.

Н. Красновъ. Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Земля войска Донскаго, изд. 1863 г.

Н. Красновъ. Прошедшее и настоящее донскихъ казаковъ. Военный сборникъ за 1882 г.

М. Хорошхинъ. Военно-статистическій обзоръ казачьихъ войскъ. Военный сборникъ за 1881 г.

И. Д. Попко. Черноморскіе казаки.

Его же. Историческіе и біографич. очерки.

А. М. Туренко. Историческіе записки о войскѣ Черноморскомъ. Кіев. Старина, № 3—6. За 1887 г.

І. Дебу. О Кавказ. линіи и Черном. войскѣ, изд. 1826 г.

Короленко. Черноморцы.

І. В. Бентковскій. Матер. для истор. колон. Сѣверн. Кавказа.

Кубанскій Сборникъ. Т. I. 1883 г.

В. Потто. Кавказская война, т. I.

Ап. Шпаковскій. Записки стараго казака. Военный сборникъ за 1870 и 1871 г.

Ф. Щербина. 1) Бѣглые и крѣпостные въ Черноморіи. 2) Колонизація Кубанской области и 3) Самоуправленіе Кубанск. казаковъ. Кіевск. Старина за 1883 и 1884 г.

М. Хорошхинъ. Очеркъ казач. войскъ, изд. 1884 г.

А. А. Карасевъ и Х. И. Поповъ. Краткое историческое и статистическое описаніе войска Донскаго, изд. 1887 г.

Обзоръ Куб. обл. за 1886 г.

Е. Д. Фелицинъ. Краткій очеркъ заселенія Кубанской области. Извѣстія Кавк. отд. геогр. общества, т. VIII.

Его же. Статистич. свѣдѣнія о бывшемъ Черномор. войскѣ.

КОШЕВЫЕ, ВОЙСКОВЫЕ И НАКАЗНЫЕ

АТАМАНЫ

БЫВШИХЪ

Черноморскаго, Кавказскаго линейнаго и нынѣ Кубанскаго Казачьяго войскъ.

1788—1888 г.г.

КРАТКІЯ БІОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ СЪ ПОРТРЕТАМИ АТАМАНОВЪ.

Е. Д. Фелицына.

Дѣйствительнаго Члена Кубанскаго Областнаго Статистическаго Комитета.

КОШЕВЫЕ, ВОЙСКОВЫЕ И НАКАЗНЫЕ

АТАМАНЫ

БЫВШИХЪ

Черноморскаго, Кавказскаго линейнаго и нынѣ Кубанскаго казачьяго войска.

Кубанское войско, образовавшееся изъ самостоятельныхъ отраслей казачества, насчитываетъ въ настоящую пору болѣе двадцати атамановъ, управлявшихъ казаками въ разное время. Старѣйшее по времени колонизаціи области—Черноморское войско имѣло слѣдующихъ представителей: С. И. Бѣлаго, З. А. Чепѣгу, А. А. Головатаго, Т. Т. Котляревскаго, Ф. Я. Бурсака, Г. К. Матвѣева, А. Д. Безкровнаго, Н. С. Заводовскаго, Г. А. Рашпиля, Я. Г. Кухаренко, и, наконецъ, генераловъ, назначенныхъ изъ среды не Черноморскаго казачества, Филипсона и Кусакова. Бывшее Кавказское линейное войско существовало самостоятельно при атаманахъ—П. С. Верзилинѣ, С. С. Николаевѣ, Ф. А. Крюковскомъ, Г. Р. Эристовѣ и Н. А. Рудзевичѣ. Наконецъ, послѣ преобразованія двухъ упомянутыхъ войскъ въ одно Кубанское, съ отчисленіемъ большей части Кавказскаго войска въ Терскую

область, въ судьбахъ Кубанскаго казачества принимали дѣятельное участіе въ качествѣ его администраторовъ и вождей генералъ Ивановъ, графъ Сумароковъ-Эльстонъ, М. А. Цакни, Н. Н. Кармалинъ, С. А. Шереметевъ, Г. А. Леоновъ и князь М. А. Дондуковъ-Корсаковъ. Нижеслѣдующіе очерки представляютъ краткую характеристику служебной дѣятельности этихъ лицъ, положившихъ свои труды и попеченіе на пользу казачества при постепенномъ его развитіи и, поэтому, заслуживающихъ не только доброй памяти въ средѣ казачества, но и знакомства съ результатами изъ дѣятельности. Поучительное примѣры сошедшихъ со сцены дѣятелей должны служить лучшимъ наслѣдіемъ для потомства.

При составленіи настоящихъ очерковъ, кромѣ оффиціальныхъ документовъ, находящихся въ войсковомъ архивѣ Кубанскаго казачьяго войска, составитель пользовался также напечатанными и частію неизданными трудами И. Д. Попко, А. М. Туренко, П. П. Короленко, Ф. А. Щербины, И. С. Кравцова, І. В. Бентковскаго, М. О. Поночовнаго и П. О. Кирилова. Не смотря на самые тщательные поиски, намъ къ сожалѣнію не удалось отыскать портретовъ первыхъ атамановъ Черноморскаго войска до генерала Заводовскаго включительно и затѣмъ трехъ послѣдующихъ атамановъ—Филипсона, Кусакова и Иванова. По нѣкоторымъ даннымъ можно предполагать, что портретовъ первыхъ атамановъ не было вовсе.

Сидоръ Игнатьевичъ Бѣлый,

арміи подполковникъ, Кошевой Атаманъ „войска вѣрныхъ казаковъ“ съ 31 Января 1788 года по 11 Іюня 1788 года.

Въ образованномъ княземъ Потемкиномъ Таврическимъ «войскѣ вѣрныхъ казаковъ» за Бугомъ С. И. Бѣлый былъ первымъ кошевымъ атаманомъ. Судя по немногимъ отрывочнымъ указаніямъ исторіи казачества, этотъ кошевой принадлежалъ къ числу видныхъ и уважаемыхъ старшинъ послѣдней Запорожской Сичи. Еще въ 1774 году, столь роковомъ для Запорожья, Сидоръ Бѣлый, будучи есауломъ Запорожскаго войска, находился во главѣ казачьей депутаціи, посланный запорожцами въ Петербургъ съ ходатайствомъ о неприкосновенности правъ и владѣній Запорожья. Какъ извѣстно, въ то время, когда запорожская депутація дѣятельно хлопотала по этому поводу въ Петербургѣ и повидимому всюду встрѣчала поддержку, Запорожскій Кошъ былъ разрушенъ генераломъ Текеліемъ. Быть можетъ, это обстоятельство спасло Бѣлаго отъ участи, постигшей послѣдняго запорожскаго кошеваго атамана Калнишевскаго и нѣкоторыхъ другихъ старшинъ, бывшихъ въ моментъ разрушенія Сичи въ кошѣ и поплатившихся ссылкою въ качествѣ опальныхъ и опасныхъ представителей вольнолюбиваго казачества. Впослѣдствіи, какъ только прошла первая гроза надъ разсѣянными запорожцами, Сидоръ Бѣлый началъ ревностно хлопотать вмѣстѣ

съ другими старшинами о возрожденіи запорожскаго казачества. Воспользовавшись въ 1787 г. пребываніемъ Императрицы Екатерины II въ Екатеринославскомъ Намѣстничествѣ, Бѣлый и его сотоварищи представились Императрицѣ въ Кременчугѣ и поднесли ей отъ имени Запорожскаго войска адрессъ, выразивъ въ немъ вѣрноподданическія чувства и искреннее желаніе служить Россіи. На этотъ разъ ходатайство Бѣлаго увѣнчалось нѣкоторымъ успѣхомъ. Въ томъ же году Потемкинъ обратился къ запорожцамъ съ предложеніемъ принять участіе въ войнѣ съ Турціей. Вновь возникшее такимъ образомъ войско получило названіе «вѣрныхъ казаковъ» въ отличіе отъ запорожцевъ, ушедшихъ въ Турцію, и первымъ кошевымъ атаманомъ его, согласно желанію казаковъ, былъ назначенъ Сидоръ Игнатьевичъ Бѣлый. Въ этомъ званіи Бѣлый былъ утвержденъ 31 Января 1788 года особымъ ордеромъ главнокомандующаго Екатеринославскою арміею князя Потемкина. Передавая этотъ ордеръ войску, знаменитый Суворовъ препроводилъ кромѣ того большое бѣлое и малыя куренныя казачьи знамена, атаманскую булаву и перначи; пожелавши съ своей стороны, чтобы «сколь сіи отличности для войска знамениты», столько же «умножило бы свою ревность къ службѣ и оказало бы храбрость въ военныхъ подвигахъ» вновь образованное войско. Впослѣдствіи выслана была потомъ Бѣлому печать съ надписью «Коша вѣрныхъ казаковъ».

Первымъ дѣломъ вновь назначеннаго кошевого атамана было основаніе войсковаго коша близъ устья р. Буга въ урочищѣ Васильковѣ. Слѣдуя въ этомъ отношеніи запорожскимъ традиціямъ, Бѣлый организовалъ кошевое управленіе на тѣхъ же началахъ, на какихъ оно существовало раньше у Запорожскихъ казаковъ. Сичевые обычаи были еще у всѣхъ на памяти, а Бѣлый ктому же былъ однимъ изъ ревностныхъ сичевиковъ. Но казакамъ некогда было заботиться о внутреннемъ гражданскомъ устроеніи своей общины. Войску и атаману предстояли нелегкія обязанности аванпостной службы въ войнѣ съ турками. «Общественнѣ съ коша старшинъ», и «извѣстному старой службы товариществу», такъ приказывалъ Бѣлый въ своемъ ордерѣ отъ 27 Мая 1788 года, «явиться: коннымъ въ конницу полководца г. маіора Чепѣги», а пѣшимъ «въ урочище Василькове на лиманъ въ лодки». Кошевой атаманъ вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ, чтобы каждый, кому будетъ прочтенъ ордеръ, отвѣтилъ: «будетъ или не будетъ въ походѣ», дабы, «съ возвратомъ ордера въ кошъ», все могло быть взвѣшено «спокойнымъ въ кошѣ всѣхъ старшинъ мнѣніемъ». Такъ сказались традиціи Запорожья даже въ этомъ первомъ письменномъ документѣ перваго атамана Черноморскаго войска.

Не долго однако пришлось руководить молодымъ казачествомъ Бѣлому. 21 Мая 1788 года

турки пытались было атаковать козачій кошъ, открывши усиленную пальбу съ судовъ, но безуспѣшно. Казаки, согласно распоряженію Бѣлаго, съ своей стороны ограничились простымъ наблюденіемъ за непріятельскою флотиліею, немогшею нанести существеннаго вреда кошу, благодаря дальнему разстоянію коша отъ турецкихъ судовъ. Вскорѣ потомъ Сидоръ Бѣлый былъ назначенъ съ казачьей флотиліей въ русскую эскадру подъ команду принца Нассау-Зигенъ. Согласно распоряженію принца, казаки 11 Іюля выдержали на своихъ мелкихъ судахъ первый бой съ турецкими кораблями. Не смотря на неравенство силъ, казаки жестоко поразили турецкій флотъ, дерзко сцѣпившись съ турецкими кораблями и храбро сражаясь въ рукопашную съ непріятелемъ на ихъ бортахъ. Но эта славная битва была роковою для войска и атамана. Послѣдній былъ смертельно раненъ въ бою и умеръ отъ ранъ.

Такъ закончилъ свою короткую служебную дѣятельность первый кошевой атаманъ Черноморскаго войска! Исторія не сохранила ни портрета, ни сколько нибудь обстоятельныхъ матеріаловъ объ этомъ казачьемъ вождѣ, но достаточно того, что онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ виновниковъ возникновенія войска и почтенъ первымъ атаманомъ со стороны этого послѣдняго, чтобы объ немъ съ уваженіемъ и благодарностью вспоминали и современные казаки.

Захарій Алексѣевичъ Чепѣга,

арміи бригадиръ, Кошевой Атаманъ войска вѣрныхъ казаковъ Черноморскихъ съ 3 Іюля 1778 года по 15 Января 1797 года.

З. А. Чепѣга былъ однимъ изъ тѣхъ запорожскихъ старшинъ, которымъ вмѣстѣ съ Бѣлымъ Черноморское войско было обязано своимъ возникновеніемъ. Геройская смерть Бѣлаго доставила званіе кошевого атамана Чепѣгѣ, пользовавшагося между казаками репутаціею опытнаго и храбраго воина. При Чепѣгѣ Черноморское войско окончательно организовалось и окрѣпло. Подъ руководствомъ Чепѣги казаки устроились первоначально за Бугомъ, подъ командою этого атамана казачья конница выдержала цѣлый рядъ сраженій и стычекъ съ турками, подъ главенствомъ того же Чепѣги казаки основались затѣмъ въ Черноморіи, т. е. въ сѣверо-западной части нынѣшней Кубанской области.

Во время второй турецкой войны, какъ видно изъ предыдущаго очерка, Чепѣга командовалъ запорожскою конницею. Эти обязанности остались за нимъ и тогда, когда онъ былъ избранъ казаками и назначенъ Потемкинымъ на мѣсто кошевого атамана. Командуя конницей, Чепѣга участвовалъ почти во всѣхъ сколько-нибудь важныхъ сраженіяхъ, выказывая во всѣхъ случаяхъ замѣчательную храбрость, опытность и распорядительность. На сколько цѣнились эти качества казачьяго атамана, вид-

но изъ того обстоятельства, что, при взятіи Измаила, Суворовъ поручилъ Чепѣгѣ вести на крѣпость вторую штурмовую колону. Въ 1791 году Чепѣга разбилъ за Дунаемъ передовой турецкій отрядъ и уничтожилъ ханскую засаду на Бабадагской дорогѣ. За эти и другіе свои подвиги Чепѣга былъ въ разное время награжденъ орденами Св. Георгія III и IV кл., Св. Владиміра III ст. и получилъ чинъ бригадира.

Послѣ турецкой войны, когда со смертію Потемкина для Черноморскаго войска снова настала пора невзгодъ, Чепѣга вмѣстѣ съ старшиною и казачествомъ рѣшили переселиться на Кубань. Посланная съ этою цѣлію отъ войска депутація къ Императрицѣ Екатеринѣ исхлопотала грамоту 1792 года на вновь пожалованныя казачеству земли на р. Кубани. Въ томъ же 1792 году начинается переселеніе Черноморскаго войска на Кубань, при дѣятельномъ руководствѣ Чепѣги и въ особенности его главнаго помощника по устроенію войска судьи Антона Головатаго. Переселеніе черноморцевъ, не успѣвшихъ окрѣпнуть экономичести на прежнемъ мѣстожительствѣ, не обошлось понятно безъ лишеній и невзгодъ. Болѣзни и недостатокъ матеріальныхъ средствъ такъ подѣйствовали на нѣкоторыхъ казаковъ, что многіе изъ нихъ рѣшились было возвратиться назадъ; но, благодаря личному примѣру кошевого атамана и его умѣлымъ распоряженіямъ, недовольные мирились съ своею участью и войско въ полномъ составѣ поселилось на новой родинѣ.

Не успѣли еще черноморцы устроиться сколько-нибудь сносно на своемъ новомъ мѣстожительствѣ, какъ кошевой атаманъ съ двумя полками былъ назначенъ въ Польшу. 14 Іюня 1794 г. полки выступили въ походъ, а 6 Іюля Чепѣга уже былъ въ Петербургѣ, представлялся Государынѣ и удостоился приглашенія къ царскому столу. «Государыня, по словамъ П. П. Короленко, лаская стараго и суроваго воина, сама угощала его на обѣдѣ виномъ, виноградомъ и персиками». По прибытіи въ русскую армію Чепѣга съ казаками былъ назначенъ главнокомандующимъ арміею графомъ Суворовымъ въ корпусъ генералъ-поручика Дерфельдена. За участіе въ разныхъ сраженіяхъ во время польской компаніи Чепѣга былъ произведенъ въ чинъ генерала и получилъ кромѣ того орденъ Владиміра II степ. за храбрость при штурмѣ Праги.

Походомъ въ Польшу Чепѣга закончилъ свою военную дѣятельность въ русской арміи. Въ концѣ 1795 года казаки возвратились изъ Польши домой. Слѣдующій годъ прожилъ затѣмъ атаманъ въ средѣ казачества, а 15 Января 1797 года онъ умеръ вслѣдствіе старости и разстроеннаго походами и военными трудами здоровья.

О Чепѣгѣ у черноморскихъ казаковъ сохранилось больше воспиминаній, чѣмъ о его предшественникѣ Бѣломъ. По словамъ Короленко, ему разсказывали, что «Чепѣга былъ низкаго роста, съ широкими плечами, большимъ чубомъ и усами» и вообще представлялъ собою типъ суроваго

запорожца. Онъ жилъ простою, незатѣйливою жизнью казака и умеръ въ скромной хаткѣ, выстроенной въ дубовой рощѣ, надъ р. Карасуномъ. Чепѣга умеръ холостякомъ, «сиромой». На предложеніе одного генерала, своего пріятеля, жениться на его дочери, Чепѣга отвѣчалъ въ письмѣ: «благодарствую вамъ, пусть (ваша дочь) будетъ здорова и премноголѣтня», и затѣмъ распространился о походѣ въ Польшу и о посѣщеніи имъ матери пріятеля. Разсказываютъ также, что какой то художникъ хотѣлъ снять портретъ съ Чепѣги, но атаманъ отказался отъ этой чести, коротко замѣтивши: «тілько богівъ малюють».

Такимъ образомъ, З. А. Чепѣга по справедливости можетъ быть названъ «батькомъ» Черноморскаго казачества въ казачьемъ смыслѣ. Хотя первымъ кошевымъ и былъ Бѣлый, но собственно при Чепѣгѣ войско окрѣпло, организовалось и основалось на собственной землѣ. Правда, при устроеніи войска Чепѣга имѣлъ двухъ видныхъ помощниковъ въ лицѣ судьи Головатаго и писаря Котляревскаго; но главный голосъ во всѣхъ дѣлахъ все таки былъ за атаманомъ, пользовавшемся къ тому же широкою извѣстностью опытнаго и храбраго воина, а это особенно цѣнилось казачествомъ. Какъ бы въ напоминаніе объ этомъ нынѣшнему казачеству, Чепѣга оставилъ послѣ себя завѣтный для казака подарокъ—золотую саблю, пожалованную ему Императрицей и хранящуюся и до сихъ поръ въ одной старинной казачьей семьѣ.

Антонъ Андреевичъ Головатый,

арміи бригадиръ, Войсковой Судья и впослѣдствіи Кошевой Атаманъ Черноморскаго казачьяго войска съ 1757 по 29 Января 1797 года.

Кошевымъ атаманомъ Черноморскаго войска А. А. Головатый фактически собственно не былъ; смерть его похитила прежде, чѣмъ онъ успѣлъ получить вѣсть объ избраніи и утвержденіи его атаманомъ. Но сорокалѣтняя служба въ рядахъ казачества—сначала Запорожскаго, а затѣмъ Черноморскаго, положеніе уважаемаго казачьяго старшины и въ особенности блестящая административная дѣятельность по устроенію Черноморскаго казачества даютъ ему самое почтенное мѣсто на страницахъ исторіи этого казачества.

Антонъ Андреевичъ былъ сыномъ малороссійскаго казачьяго старшины и учился въ Кіевской академіи. Наскучила ли Головатому схоластическая наука, или же молодой бурсакъ-паничъ слишкомъ проникнулся царившими въ его время идеалами вольной казачьей жизни,—но въ одно время онъ бѣжалъ изъ бурсы въ Запорожскую Сичь. Благодаря своему образованію, личной храбрости и природному уму, онъ сразу же здѣсь занялъ довольно видное мѣсто, и затѣмъ въ теченіе сорока лѣтъ онъ несъ неустанно казачью службу то въ качествѣ воина, то администратора, выказывая въ обоихъ случаяхъ далеко незаурядныя способности. Поступивши въ Сичь въ 1757 году, Головатый

въ 1762 г. былъ избранъ уже куреннымъ атаманомъ, т. е. чрезъ пять лѣтъ получилъ самое почетное мѣсто у запорожцевъ—званіе, которое многими пріобрѣталось лишь вмѣстѣ съ сѣдинами на головѣ. Въ 1764 г. въ званіи полковаго старшины и во главѣ тысячнаго казачьяго отряда онъ усмирялъ «ханово бунтовство» при р. Бердѣ. Съ 1769 по 1773 годъ Головатый принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ съ турками и въ частности при взятіи крѣпостей Очаковской и Кинбургской. Въ 1774 г. Антонъ Андреевичъ въ качествѣ депутата вмѣстѣ съ Сидоромъ Бѣлымъ и др. ходатайствовалъ въ Петербургѣ объ упроченіи правъ Запорожскаго войска и владѣній за казаками, и также, какъ Бѣлый, быть можетъ, благодаря простой случайности, не попалъ въ ссылку въ числѣ опальныхъ старшинъ. Вѣсть объ уничтоженіи Сичи довела Головатаго и Бѣлаго до такого отчаянія, что на возвратномъ пути изъ Петербурга они рѣшились было покончить жизнь самоубійствомъ; одумавшись, однако, они пришли къ мысли о необходимости возрожденія разсѣяннаго казачества. Съ этихъ поръ, можно сказать, Головатый съ замѣчательною энергіею и ловкостью начинаетъ приводить въ исполненіе свою завѣтную мысль.

Когда въ 1780 году Потемкинъ прибылъ въ Новороссійскій край, Головатый вмѣстѣ съ другими казачьями старшинами предложилъ князю услуги разсѣяннаго казачества въ качествѣ военной силы. Потемкинъ, въ силу обстоятельствъ, восполь-

зовался этимъ предложеніемъ впослѣдствіи, при покореніи Крыма въ 1783 году. Съ согласія Потемкина, Головатый набралъ во время этой войны тысячную команду запорожцевъ. Въ 1787 году, узнавши о проѣздѣ Императрицы Екатерины по Екатеринославскому намѣстничеству, Головатый выхлопоталъ у Потемкина разрѣшеніе конвоировать Государыню. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, Головатый вмѣстѣ съ Сидоромъ Бѣлымъ и др. запорожцами поднесъ, какъ объ этомъ было сказано и выше, адрессъ Императрицѣ, съ выраженіемъ готовности запорожцевъ служить Россіи. Результатомъ всего этого, какъ мы уже знаемъ изъ предыдущаго, было образованіе Черноморскаго войска.

Съ 1787 по 1791 годъ, во время второй турецкой войны, Головатый, назначенный послѣ смерти кошевого Бѣлаго командовать пѣшими казаками и казачьей флотиліей, является однимъ изъ видныхъ партизанскихъ героевъ. Такъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ томъ самомъ пораженіи турецкаго флота, которое лишило казаковъ перваго ихъ кошевого атамана, въ битвѣ подъ Очаковомъ и пр. Особенно почетное мѣсто на страницахъ военной исторіи Головатому даетъ взятіе имъ съ казаками сильно укрѣпленнаго острова Березани. За это дѣло морякъ-запорожецъ былъ награжденъ офицерскимъ орденомъ св. Георгія. Кромѣ того, вообще за храбрость и распорядительность Головатый былъ произведенъ въ полковники и на-

значенъ командиромъ Черноморской гребной флотиліи, участвовавшей во взятіи Аккермана, Браилова и Измаила. При предварительномъ штурмѣ послѣдняго особенно отличился Головатый съ казаками, участвуя въ истребленіи турецкаго флота, находившагося подъ стѣнами крѣпости, причемъ было сожжено до 90 различныхъ турецкихъ судовъ.

Но главная заслуга Головатаго предъ казачествомъ состояла въ постоянныхъ заботахъ объ упроченіи войска. Головатый былъ однимъ изъ дѣятельныхъ виновниковъ возникновенія этого войска; Головатому же болѣе, чѣмъ кому-либо изъ казачьихъ старшинъ, войско обязано своимъ гражданскимъ устроеніемъ, пріобрѣтеніемъ жалованныхъ земель и организаціей самоуправленія. Въ этомъ отношеніи Головатый почти не имѣлъ себѣ соперниковъ и, будучи войсковымъ судьей, т. е. первымъ помощникомъ кошевого атамана, фактически былъ главнымъ руководителемъ казачества на первыхъ шагахъ его самостоятельной жизни въ Кубанскомъ краѣ. Вообще, рядъ административныхъ мѣропріятій и въ особенности разныхъ ходатайствъ Головатаго по нуждамъ войска предъ правительствомъ характеризуетъ этого судью-казака, какъ очень умѣлаго и довольно виднаго дѣятеля. Можно безъ преувеличенія сказать, что ни одно начинаніе казаковъ въ этомъ отношеніи не обошлось безъ дѣятельнаго и вмѣстѣ руководящаго вліянія Головатаго. Когда умеръ Потемкинъ-Таврическій и войско, желая сохранить свою самостоятельность,

задумало переселиться на Кубань, Головатый былъ поставленъ во главѣ депутаціи, посланной съ этою цѣлью въ Петербургъ. И войско не могло дать лучшаго представителя по столь важному дѣлу. Головатый успѣлъ выполнить свои порученія съ такою точностью, что его инструкціи почти дословно вошли въ жалованныя грамоты. Ему много помогло въ этомъ отношеніи знакомство съ людьми сильными, хорошее знаніе вообще людей и тактъ, свойственный виднымъ практическимъ дѣятелямъ, къ числу которыхъ онъ несомнѣнно принадлежалъ. Разыгрывая роль простоватаго необразованнаго казака въ кругу екатерининскихъ вельможъ, приглашавшихъ запорожца на свои вечера въ качествѣ диковинки, Головатый однихъ дивилъ своимъ чудачествомъ, другимъ разсказывалъ казачьи анекдоты, третьихъ пытался растрогать и вызвать сочувствіе къ положенію казачества пѣніемъ пѣсень и игрою на бандурѣ, у четвертыхъ просто просилъ содѣйствія. И вотъ, когда, благодаря всему этому, Головатому удалось, наконецъ, получить жалованныя грамоты на землю и права Черноморскаго казачества, и когда по этому поводу Головатый былъ представленъ Императрицѣ,—къ удивленію гордыхъ вельможъ, неотесанный казакъ-запорожецъ вдругъ произнесъ предъ Государыней блестящую по тому времени рѣчь. Это, разумѣется, только еще больше упрочило за Головатымъ репутацію замѣчательнаго казака въ глазахъ его чиновныхъ петербургскихъ покровителей.

При водвореніи черноморцевъ на вновь пожалованныхъ земляхъ, при разселеніи ихъ въ краѣ куренями, при устроеніи Екатеринодара, при выработкѣ основныхъ началъ и частностей казачьяго самоуправленія и т. п., Головатому, безъ всякаго сомнѣнія, также принадлежала руководящая роль. По крайней мѣрѣ въ выработкѣ такъ называемаго «Порядка общественной пользы», основнаго юридическаго акта, которымъ санкціонировались установившіяся въ войскѣ взаимоотношенія, Головатый несомнѣнно былъ главнымъ творцемъ этого своеобразнаго документа, какъ объ этомъ можно судить на основаніи нѣкоторыхъ обстоятельствъ и указаній. Во время пребыванія кошевого атамана Чепѣги въ Польшѣ, Головатый остался полнымъ хозяиномъ края, въ качествѣ войсковаго судьи, а это была самая горячая пора устроенія Черноморскаго войска.

По возвращеніи Чепѣги изъ Польши, Головатый былъ назначенъ съ двумя пѣшими полками въ Персію. Командировка эта была послѣднимъ актомъ продолжительной и многосторонней дѣятельности А. А. Головатаго. 29 Января 1797 года Антонъ Андреевичъ умеръ на 65 году жизни въ чинѣ бригадира и временнымъ командиромъ Каспійской флотиліи, вдали отъ родины. Пока достигла вѣсть о смерти Головатаго до Екатеринодара, казаки успѣли выбрать кошевымъ атаманомъ своего уважаемаго судью. 21 Марта 1797 года, рескриптомъ Императора Павла А. А. Головатый,

болѣе мѣсяца лежавшій уже въ могилѣ, былъ утвержденъ въ этомъ званіи. Такимъ образомъ былъ почтенъ уже послѣ смерти званіемъ кошевого атамана одинъ изъ тѣхъ казачьихъ старшинъ, которому по справедливости должно было присвоено это званіе и еще болѣе почетное титло «устроителя» Черноморскаго войска.

А. А. Головатый, какъ и два первые кошевые, не оставилъ послѣ себя портрета. По словамъ П. П. Короленко, онъ видѣлъ у генеральши Зинченковой изображеніе Головатаго, сдѣланное столь неумѣлою рукою, что изображеніе это не давало никакого представленія о физіономіи судьи. Головатый, какъ значится въ старыхъ архивныхъ бумагахъ, былъ высокаго роста, тученъ, имѣлъ большую голову постоянно бритую, съ толстымъ «оселедцемъ» и красное, рябоватое лицо съ огромными усами. Наружность повидимому не вполнѣ гармонировавшая съ внутренними качествами ея обладателя. Головатый былъ не только замѣчательно умнымъ и по своему времени очень образованнымъ казакомъ, но весьма религіознымъ человѣкомъ и народнымъ поэтомъ. Онъ былъ самымъ ревностнымъ устроителемъ церквей во вновь заселяемомъ краѣ и виновникомъ образованія своего казачьяго духовенства. Онъ же передалъ въ пѣсняхъ тѣ чувства, которыя волновали черноморцевъ въ несчастьяхъ и при удачѣ, пѣсни, ставшія съ теченіемъ времени народными.

Тимофей Терентьевичъ Котляревскій,

генералъ-маіоръ, Войсковый Писарь, а впослѣдствіи Войсковый Атаманъ Черноморскаго казачьяго войска съ 2 Іюля 1790 года по 15 Ноября 1799 года.

Въ то время, когда Черноморское казачество оплакивало двойную потерю войска--смерть атамана Чепѣги и судьи Головатаго, умершихъ почти одновременно, одинъ въ Екатеринодарѣ, а другой на Персидской границѣ,—въ Москвѣ, въ качествѣ старшаго отъ войска представителя, на коронаціи Императора Павла находился войсковый писарь Т. Т. Котляревскій. Положеніе главнаго старшины въ войскѣ какъ бы само собою открыло Котляревскому доступъ къ атаманской булавѣ. Въ уваженіе къ этому положенію и къ личнымъ качествамъ Котляревскаго, Императоръ Павелъ назначилъ 27 Іюня 1797 года послѣдняго войсковымъ атаманомъ. Такимъ образомъ, Котляревскій былъ первымъ атаманомъ, избраннымъ не казаками, а назначеннымъ свыше. Порядокъ навсегда затѣмъ установившійся въ Черноморскомъ войскѣ.

Котляревскій принадлежалъ къ числу запорожцевъ послѣдней Сичи, въ которую онъ поступилъ въ 1760 году. Послѣ уничтоженія Запорожскаго Коша онъ служилъ на административныхъ должностяхъ и въ 1777 году состоялъ въ Самарскомъ земскомъ правленіи. Въ 1783 году онъ былъ въ распоряженіи генералъ-губернатора Азовской губерніи Черткова. Въ продолженіи Турецкой войны

Котляревскій участвовалъ наравнѣ съ другими казаками во всѣхъ важнѣйшихъ сраженіяхъ русскихъ войскъ съ турецкими—при взятіи Очакова, Гаджибея, Аккермана и Бендеръ, подъ Киліей, при истребленіи турецкаго флота подъ Измаиломъ и при штурмѣ этой крѣпости. За послѣднее дѣло онъ произведенъ былъ въ чинъ подполковника. Въ 1791 году онъ сражался въ рядахъ русской арміи, нанесшей нѣсколько сильныхъ пораженій туркамъ, за Дунаемъ. Въ 1794 году Котляревскій былъ награжденъ орденомъ Владиміра 4-й ст.

Неся военныя обязанности, Т. Т. Котляревскій въ тоже время состоялъ войсковымъ писаремъ. Въ это званіе онъ былъ избранъ казаками еще за Бугомъ въ 1789 году и утвержденъ княземъ Потемкинымъ 2 Іюля 1790 года. Съ этого времени и до 1797 года онъ безсмѣнно служилъ войску въ должности писаря, перешелъ въ этомъ званіи вмѣстѣ съ черноморцами изъ за Буга на Кубань, былъ дѣятельнымъ помощникомъ Чепѣги и Головатаго и въ томъ же званіи явился представителемъ отъ войска на коронацію Императора Павла, которымъ, какъ объ этомъ упомянуто выше, и былъ возведенъ въ званіе войсковаго атамана. Весьма возможно, что и безъ этого случайнаго обстоятельства Котляревскій былъ бы избранъ самими черноморцами войсковымъ атаманомъ; но казачество, высоко цѣнившее свое традиціонное право выбора атамановъ, повидимому отнеслось несочувственно къ назначенію своего же старшины. По

крайней мѣрѣ это было поставлено на видъ новому атаману казаками, возвратившимися съ персидской границы и требовавшими отъ атамана удовлетворенія нѣкоторыхъ своихъ претензій. Дѣло произошло слѣдующимъ образомъ.

Такъ какъ возвратившимся изъ Персіи казакамъ не было выдано ихъ ближайшими начальниками жалованье, а казаки окончательно обѣднѣли и многіе не имѣли даже одежи; то, въ этихъ крутыхъ обстоятельствахъ, черноморцы, по своему старому казачьему обычаю, обратились къ батькуатаману съ жалобами и просьбою о матеріальной помощи. Между тѣмъ Котляревскій отказался помочь казакамъ, сославшись на то, что виновны въ этомъ были не онъ, а ихъ прежніе начальники, да и принялъ вообще раздраженныхъ просителей сурово, слишкомъ по начальнически. Это пришлось не по сердцу старымъ казакамъ, которые хорошо еще помнили сичевые порядки. Вспыхнулъ бунтъ; на домъ атамана было сдѣлано нападеніе и самъ атаманъ избѣжалъ смерти только потому, что догадался во время скрыться отъ бунтовщиковъ; казаки потребовали выбора новаго кошевого.... Пока одумались взбунтовавшіеся черноморцы и рѣшили отправить къ Царю депутацію съ жалобами на начальство и повинною въ сдѣланномъ проступкѣ,— Котляревскій лично отправился въ Петербургъ, чтобы доложить Императору о случившемся. Въ результатѣ явилось слѣдствіе и судъ, хотя, впрочемъ, графъ Марковъ, разслѣдовавшій дѣло и на-

шелъ вину казаковъ маловажною, объяснивши все нетактичностью казачьяго начальства.

По всей вѣроятности недружелюбное отношеніе части рядового казачества къ Котляревскому было причиною того обстоятельства, что атаманъ, отправившись въ Петербургъ, долго потомъ не возвращался въ войско. Въ это время горцы открыли враждебныя дѣйствія противъ казаковъ и причинили имъ не мало бѣдъ. Не смотря на это, Котляревскій продолжалъ жить въ Петербургѣ, и лишь на бумагѣ громилъ безпорядки, господствовавшіе, по его мнѣнію, въ войскѣ. Въ это же время Котляревскій былъ произведенъ сначала въ полковники, а затѣмъ въ генералъ-маіоры. Къ чести войскового атамана нужно однако сказать, что, живя въ Петербургѣ, онъ все время дѣятельно хлопоталъ о нуждахъ войска. Объ этой дѣятельности Котляревскаго остался одинъ весьма важный историческій документъ, бросающій нѣкоторый свѣтъ на отношенія атамана къ казачеству. По тону этого документа, написаннаго Котляревскимъ въ видѣ просьбы Государю, видно, что Котляревскій не любилъ брататься съ рядовою чернью, какъ это велось въ Сичи; но что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прекрасно понималъ основныя начала казачьяго самоуправленія и необходимость гарантіи этого послѣдняго законодательнымъ путемъ. Справедливо обвиняя своихъ предшественниковъ въ захватахъ войсковой земельной собственности, въ стремленіи подчинить общественные интересы своимъ личнымъ

выгодамъ,—Котляревскій въ тоже время просилъ Императора возвратить нѣкоторыя старинныя права казачеству. По собственному объясненію атамана, онъ уничтожилъ безпорядки и злоупотребленія, допущенныя его предшественниками при пользованіи землей, винною привиллегіею и пр., но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находилъ нужнымъ поддержать въ казачьемъ самоуправленіи сичевой строй....

Нѣтъ сомнѣнія, что личность Т. Т. Котляревскаго какъ-то блѣднѣетъ и стушевывается за мощными фигурами трехъ первыхъ атамановъ; но письменные документы въ тоже время свидѣтельствуютъ, что, по своимъ воззрѣніямъ на внутреннее упорядоченіе войска, Тимофей Терентьевичъ несомнѣнно принадлежалъ къ разряду первостепенныхъ, дальновидныхъ и глубоко понимавшихъ лучшія стороны казачьей жизни администраторовъ. Быть можетъ, вся вина, ложащаяся на Котляревскаго въ его столкновеніи съ казаками, заключалась въ томъ, что на его долю выпала печальная необходимость считаться съ недовольными за грѣхи его предшественниковъ и второстепенныхъ старшинъ. Тимофея Терентьевича можно обвинить въ суровости, сухости и гордости, но во всякомъ случаѣ не въ честолюбіи чрезмѣрномъ или въ отсутствіи желанія сдѣлать лучшее съ его точки зрѣнія для войска. Это онъ засвидѣтельствовалъ послѣднимъ актомъ своей атаманской дѣятельности: чувствуя себя старымъ и больнымъ, онъ добровольно сложилъ съ себя высокое званіе войсковаго атамана.

Федоръ Яковлевичъ Бурсакъ,

генералъ-маіоръ, Войсковый Атаманъ Черноморскаго казачьяго войска съ 22 Декабря 1799 года по 1816 годъ.

Ф. Я. Бурсакъ былъ назначенъ атаманомъ по указанію Котляревскаго, и это былъ безспорно очень удачный выборъ со стороны послѣдняго. Бурсакъ совмѣщалъ въ себѣ всѣ необходимыя качества для того, чтобы быть полезнымъ дѣятелемъ въ войскѣ: онъ былъ прекраснымъ офицеромъ и разумнымъ администраторомъ.

По своему происхожденію, какъ показываетъ и самое названіе, Бурсакъ принадлежалъ не къ казачьему сословію; онъ былъ сыномъ священника. Но въ этомъ поповичѣ несомнѣнно жилъ сильный казачій духъ. Поступивши въ Запорожскую Сичь въ 1764 году и сложивши съ себя званіе атамана въ 1816 году, Бурсакъ прослужилъ такимъ образомъ казачеству 56 лѣтъ. Въ теченіе этого времени онъ успѣлъ пережить все то, что обрушилось въ видѣ несчастья на Запорожье и милостей на Черноморское войско: былъ свидѣтелемъ разрушенія Запорожской Сичи, участвовалъ въ организаціи Черноморскаго войска, въ войнѣ съ турками и, выполняя обязанности войсковаго атамана, нанесъ цѣлый рядъ пораженій неспокойнымъ и вѣроломнымъ сосѣдямъ казаковъ—черкесамъ.

Свою военную подготовку, надо полагать, Бурсакъ получилъ во время двухъ турецкихъ войнъ, въ которыхъ онъ участвовалъ. Такъ, съ

1769 по 1774 годъ, онъ находился между прочимъ въ дѣлахъ подъ Очаковымъ и Гаджибеемъ, а также при усмиреніи взбунтовавшихся крымскихъ татаръ. Во время второй турецкой войны, въ 1788 году, Бурсакъ участвовалъ во взятіи урочища Аджигола и при штурмѣ Очакова. Въ этомъ году онъ былъ произведенъ въ поручики. Въ 1789 году Бурсакъ сражался въ рядахъ арміи, разбившей турецкія войска при Каушанахъ, и затѣмъ былъ при взятіи Аккермана и Бендеръ; въ 1790 году участвовалъ въ дѣлѣ подъ Киліей и при штурмѣ Измаила; въ 1791 году — въ пораженіи турецкой арміи подъ Бабадагомъ и Мачиномъ. Въ этомъ послѣднемъ году Бурсакъ получилъ чинъ капитана.

Послѣ перехода Черноморскаго войска изъ-за Буга на Кубань, Ф. Я. Бурсакъ былъ избранъ въ 1794 г. казаками въ должность войсковаго казначея и несъ эти обязанности до 1799 года. Въ томъ же 1794 году Федоръ Яковлевичъ произведенъ былъ въ маіоры; въ 1796 году командированъ по дѣламъ войска въ Петербургъ; въ 1797 г., вмѣстѣ съ Котляревскимъ въ качествѣ войсковаго депутата присутствовалъ на коронаціи Императора Павла, а съ 16 Декабря того же года, по опредѣленію войсковаго правительства, состоялъ ассесоромъ въ коммиссіи военнаго суда. Наконецъ, Высочайшимъ рескриптомъ отъ 22 Декабря 1799 года и согласно желанію своего предшественника,

Ф. Я. Бурсакъ былъ назначенъ войсковымъ атаманомъ Черноморскаго казачьяго войска.

Этотъ краткій перечень выдающихся чертъ изъ предшествующей жизни Бурсака даетъ уже нѣкоторое представленіе о томъ, чего вправѣ было ожидать войско отъ новаго атамана. Бурсакъ былъ однимъ изъ видныхъ представителей послѣдней Запорожской Сичи и попалъ въ атаманы какъ разъ въ ту пору, когда войско нуждалось въ энергичномъ и умѣломъ военномъ начальникѣ. Черкесы въ это время сильно безпокоили казаковъ и безнаказанно производили набѣги на Черноморію, такъ какъ черноморцы съ своей стороны не могли платить тѣмъ же своимъ безпокойнымъ сосѣдямъ и должны были испрашивать Высочайшее разрѣшеніе на каждую экспедицію противъ горцевъ. Къ тому же въ интересахъ добрыхъ отношеній съ Турціей, подъ покровительствомъ которой состояли черкесы, русское правительство съ крайнею неохотою давало такія разрѣшенія. Бурсакъ съ первыхъ же шаговъ своей атаманской службы сталъ энергично хлопотать у правительства о разрѣшеніи чинить военныя реквизиціи на собственныхъ земляхъ вѣроломныхъ сосѣдей и, добившись этого разрѣшенія, навелъ впослѣдствіи такую панику на горцевъ, что они тщательно старались избѣгать военныхъ столкновеній съ казаками. Когда въ 1800 году черкесы сдѣлали нападеніе на такъ называемый Копыльскій кардонъ, Бурсакъ, испросивши предварительно Высочайшее разрѣшеніе, въ

свою очередь перешелъ съ казаками на земли черкесовъ, разбилъ послѣднихъ и истребилъ нѣсколько ауловъ. Это заставило на время присмирѣть горцевъ. Въ 1802 году черкесы, пользуясь удобствами мѣстности и малочисленностью казаковъ, захватили плывшій изъ Бугаза въ Екатеринодаръ по р. Кубани байдакъ съ пушкою и 400 пуд. пороху, убивши при этомъ 2 офицеровъ и 14 казаковъ. Тогда Бурсакъ снова перешелъ съ 6000 казаковъ на черкесскія земли. Произошло нѣсколько кровавыхъ стычекъ; черкесы были разбиты, часть ауловъ ихъ была разрушена, при чемъ взято въ плѣнъ 532 души, реквизированъ весь скотъ и имущество. Черкесы волею неволею должны были смириться. За эти дѣла съ горцами Бурсакъ былъ произведенъ въ чинъ полковника, обезпечивши вмѣстѣ съ тѣмъ черноморское населеніе отъ дерзкихъ набѣговъ черкесовъ. Но когда въ 1807 г. Турція объявила войну Россіи, горцы естественно примкнули къ войскамъ своей покровительницы. Вскорѣ нѣсколько тысячъ черкесовъ, перейдя кордонную линію, произвели нападеніе на Черноморію. Бурсакъ съ своей стороны собралъ подъ ружье всѣ наличныя силы войска и вызвалъ на границу льготныя строевыя части казаковъ. Перейдя черезъ Кубань, казаки подъ предводительствомъ своего атамана разбили сборища горцевъ и разорили ихъ аулы. Это новое возмездіе страшнаго для горцевъ атамана заставило ихъ на время покинуть мысль о набѣгахъ на Черноморію, а самъ побѣдитель

былъ произведенъ въ чинъ генералъ-маіора Высочайшимъ приказомъ отъ 17 Февраля 1808 года. Продолжая чинить военныя реквизиціи, Ф. Я. Бурсакъ въ 1809 году съ отрядомъ казаковъ разбилъ шапсугскія полчища на собственныхъ ихъ земляхъ и опустошилъ шапсугскіе аулы, въ 1810 году поступилъ точно также съ абадзехами, зимою того же 1810 года наказалъ натухайцевъ, а въ Январѣ 1811 года снова шапсуговъ. За всѣ эти походы Бурсакъ получилъ въ награду орденъ Св. Анны I степ. Нѣсколько другихъ походовъ въ горы, совершенныхъ затѣмъ Бурсакомъ съ казаками, заставили горцевъ совершенно смириться предъ казачьимъ оружіемъ и силою.

При Бурсакѣ Черноморское войско, окрѣпшее и упрочившееся на пожалованныхъ земляхъ, благодаря цѣлесообразнымъ мѣрамъ своего энергичнаго атамана, получило новое подтвержденіе своихъ казачьихъ правъ въ грамотѣ отъ 16 Февраля 1801 года, пожалованной Императоромъ Павломъ вмѣстѣ съ большимъ знаменемъ и 14 прапорами, т. е. малыми знаменами. Такая же грамота съ 6 знаменами для черноморскихъ полковъ была пожалована потомъ войску Александромъ Благословеннымъ 31 Мая 1803 года. Въ 1805 году, по представленію генерала отъ инфантеріи и кавалеріи Розенберга, инспектировавшаго Черноморское войско, уже лично Бурсакъ былъ награжденъ алмазнымъ крестомъ Св. Анны II ст. за образцо-

вый порядокъ и благоустройство въ войскѣ и за успѣшныя отраженія горцевъ, а въ Маѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года, по докладу генералъ-лейтенанта Дюкъ-де-Ришелье, осматривавшаго войско, атаману было выражено Монаршее благоволеніе въ особомъ рескриптѣ.

Успѣшно справляясь съ горцами, Ф. Я. Бурсакъ относился съ особеннымъ вниманіемъ и заботливостью къ нуждамъ казачества. При этомъ атаманѣ малочисленное войско было пополнено переселеніемъ въ Черноморію малороссійскихъ казаковъ. Въ то же время Ф. Я. дѣятельно заботился объ образованіи населенія и развитіи промышленности въ краѣ. При Бурсакѣ, 14 Декабря 1806 г., было открыто въ Екатеринодарѣ первое училище для казачьихъ дѣтей. Благодаря Бурсаку же, была заведена войсковая суконная фабрика и устроены конскіе и овчарные заводы.

Но, среди столь усиленной и полезной для края дѣятельности войсковаго атамана, годы брали свое. Въ 1815 году старикъ-атаманъ, желая сложить съ себя многотрудныя атаманскія обязанности, просилъ Государя Александра Павловича уволить его въ отставку, чтобы воспользоваться отдыхомъ на закатѣ своихъ дней. Государь благосклонно принялъ просьбу и приказалъ атаману назначить себѣ пріемника. Этимъ избранникомъ Ф. Я. Бурсака оказался подполковникъ Матвѣевъ.

Григорій Кондратьевичъ Матвѣевъ,

полковникъ, Войсковый Атаманъ Черноморскаго казачьяго войска съ 23 Марта 1816 года по 30 Сентября 1827 года.

До назначенія войсковымъ атаманомъ Г. К. Матвѣевъ занималъ должность непремѣннаго члена войсковой канцеляріи и состоялъ въ чинѣ подполковника. И по лѣтамъ, и по служебнымъ преимуществамъ онъ уступалъ многимъ изъ казачьихъ старшинъ, и поэтому его назначеніе атаманомъ было для казаковъ своего рода неожиданностью.

Существуетъ указаніе, что Матвѣевъ былъ крѣпостнымъ графа Разумовскаго, отъ котораго бѣжалъ къ черноморцамъ во время второй турецкой войны. Здѣсь онъ, благодаря частію своимъ личнымъ качествамъ, а частію благопріятно сложившимся обстоятельствамъ, скоро сталъ виднымъ членомъ казачьяго товарищества. Въ 1787 году онъ участвовалъ вмѣстѣ съ другими казаками въ пораженіи турецкаго флота подъ Очаковымъ, во взятіи Березани и въ штурмѣ Очакова, въ 1789 г.—во взятіи Бендеръ, въ 1790—въ истребленіи непріятельскаго флота подъ Измаиломъ и во взятіи штурмомъ самаго Измаила. Въ этомъ году Матвѣевъ былъ произведенъ въ полковые хорунжіе, а въ слѣдующемъ 1791 году, за взятіе батареи противъ Браилова,—въ прапорщики. Съ переходомъ Черноморскаго войска на Кубань, Матвѣевъ попалъ въ отрядъ Антона Головатаго при походѣ въ Персію,

гдѣ и произведенъ былъ въ есаулы. Въ 1807 году, во время турецкой войны, будущій атаманъ числился въ составѣ Черноморскаго пѣшаго сборнаго полка за Дунаемъ и, когда командиръ этого полка полковникъ Паливода былъ убитъ непріятелемъ, занялъ мѣсто своего начальника, будучи въ это время уже войсковымъ старшиною. Съ этого времени судьба повидимому стала особенно благопріятствовать Матвѣеву; онъ быстро получаетъ награду за наградой: 22 Мая 1810 года за храбрость при взятіи Силистріи Матвѣевъ награжденъ орденомъ св. Анны IV ст., 4 Іюня того же года онъ получилъ орденъ св. Георгія IV степ., храбро прорвавшись съ казаками, подъ сильнымъ непріятельскимъ перекрестнымъ огнемъ, съ праваго фланга арміи на лѣвый между Рущукомъ и Журжею, затѣмъ 2 Іюля, выказавши особую храбрость при пораженіи выше Рущука турецкой флотиліи съ десантомъ, онъ произведенъ былъ въ подполковники, наконецъ, 26 Августа награжденъ снова орденомъ св. Владиміра IV степени за участіе въ пораженіи турецкой арміи подъ мѣстечкомъ Батакъ. 22 Августа 1816 года, послѣ пораженія турецкой флотиліи подъ городомъ Ломпаланкою, Матвѣевъ получилъ за храбрость орденъ св. Анны II степени. По окончаніи турецкой войны, Григорій Кондратьевичъ, сдавши полкъ, возвратился въ Черноморію, гдѣ и занялъ должность непремѣннаго члена войсковой канцеляріи, пока не былъ назначенъ 12 Марта 1816 года войсковымъ атаманомъ.

Однако послѣдующія затѣмъ обстоятельства сложились далеко не въ пользу Матвѣева. Прежде всего черноморскіе старшины отнеслись недружелюбно къ новому атаману, и считали его назначеніе несправедливымъ. Существуетъ два предположенія. По одному изъ нихъ, назначеніе атаманомъ Матвѣева было дѣломъ каприза Бурсака, желавшаго какъ говорится «насолить» своимъ недругамъ—казачьей аристократіи; по второму болѣе вѣроятному, Бурсакъ намѣтилъ Матвѣева въ числѣ двухъ другихъ кандидатовъ, но Матвѣевъ былъ утвержденъ атаманомъ, благодаря покровительству графа Ланжерона, которому онъ спасъ жизнь въ одномъ изъ сраженій во время турецкой войны. Какъ бы тамъ ни было, а въ средѣ чиновныхъ казаковъ Матвѣевъ не пользовался популярностью. Такъ какъ при этомъ и внѣшнія обстоятельства сложились далеко не въ пользу новаго атамана; то всѣ бѣды, постигшія въ эту пору черноморское казачество, черноморскіе паны относили на счетъ неумѣлости и слабости атаманскаго режима. Дѣйствительно періодъ управленія войскомъ Матвѣева былъ наиболѣе богатъ набѣгами горскихъ племенъ на Черноморію. Такъ, въ 1818 году горцы ограбили Копанскую почтовую станцію. Матвѣевъ усилилъ кордонную линію, но недостаточно, и горцы стали производить набѣгъ за набѣгомъ на Черноморію. Пока Матвѣевъ ждалъ помощи отъ графа Ланжерона, котораго онъ просилъ прислать часть регулярныхъ войскъ, и не предпринималъ ничего рѣ-

шительнаго—черкесы разоряли край, грабили имущество, убивали населеніе и уводили въ плѣнъ. Народъ сталъ роптать. Дѣло кончилось тѣмъ, что въ Черноморію было прислано особое лице—генералъ-маіоръ Власовъ, которому былъ подчиненъ Матвѣевъ и который впослѣдствіи своими пораженіями черкесовъ снова заставилъ смириться ихъ предъ русскимъ оружіемъ.

Такимъ образомъ, въ то время, когда Г. К. Матвѣевъ достигъ самаго высокаго положенія, судьба какъ бы нарочно отвернулась отъ него, что-бы еще болѣе осложнить его жизнь, богатую случайностями и приключеніями. П. П. Короленко, со словъ одного стараго и уважаемаго черноморца-офицера, хорошо знавшаго Матвѣева, передаетъ очень любопытныя подробности изъ прошлаго этого атамана. Когда Матвѣевъ стоялъ съ полкомъ черноморцевъ на Прутѣ, рядомъ съ казаками былъ расположенъ драгунскій эскадронъ. Одинъ изъ офицеровъ, состоявшихъ въ полкѣ Матвѣева, обратилъ вниманіе на поразительное сходство замѣченное имъ между своимъ начальникомъ и молодымъ унтеръ-офицеромъ сосѣдняго эскадрона. Офицеръ полюбопытствовалъ узнать, откуда былъ родомъ унтеръ-офицеръ. Послѣдній разсказалъ ему, что его фамилія Матвѣевъ, что онъ бывшій крестьянинъ графа Разумовскаго, что у него былъ старшій братъ Григорій, служившій лакеемъ у графа и убѣжавшій куда-то, и что, благодаря этому обстоятельству, его семья и въ особенности мать

много вынесли горя отъ графа. Вскорѣ послѣ этого разговора командиръ полка праздновалъ день своего рожденія. И вотъ когда общество было на веселѣ, упомянутый офицеръ, выпивая чарку «горілки» за командира, обратился къ послѣднему съ предложеніемъ преподнести ему такой подарокъ, который и во снѣ командиру не снился. Присутствовавшіе и Матвѣевъ были живо заинтересованы такимъ предложеніемъ. Тогда офицеръ ввелъ въ палатку драгунскаго унтеръ-офицера и сказалъ своему командиру: «цілуй, батьку, Грицьку, цего молодця, бо це твій братъ!» ... Всѣ были поражены такимъ оборотомъ дѣла, а братья просто остолбенѣли. Командиръ не выдержалъ и заплакалъ, обнимая роднаго брата... На другой день была жаркая перестрѣлка между турками и русскими войсками, и молодой унтеръ-офицеръ былъ произведенъ за отличіе въ корнеты... Въ то время, когда Г. К. Матвѣевъ состоялъ уже войсковымъ атаманомъ, мать его была еще жива. Напрасно Матвѣевъ, предлагалъ графинѣ Разумовской крупный выкупъ за старуху; озлобленная графиня не согласилась на выкупъ и мать умерла крѣпостною крестьянкою....

Такова-то была судьба графскаго лакея. Несомнѣнно, что это былъ не баловень только фортуны и что не одно слѣпое счастіе покровительствовало ему при достиженіи того положенія, которое онъ занялъ въ Черноморскомъ войскѣ. Матвѣевъ былъ если и не выдающимъ лицомъ въ войскѣ, то во всякомъ случаѣ человѣкомъ не безъ

ума и не безъ личныхъ качествъ, характеризующихъ его, какъ дѣятеля честнаго и преданнаго интересамъ казачества. Въ военныхъ дѣйствіяхъ онъ отличался храбростью и беззавѣтною отвагою, на поприщѣ атаманской дѣятельности мягкостью, которая ставилась ему въ вину современниками, и постоянною готовностью помочь младшему брату-казаку. Когда въ 1820 году въ Черноморію было переселено 25 тысячь малороссійскихъ казаковъ, Матвѣевъ принялъ самое горячее участіе въ судьбѣ переселенцевъ, оказалъ помощь изъ войсковыхъ средствъ, дѣлалъ добровольныя подписки между кореннымъ населеніемъ, жертвовалъ собственныя средства и т. д. Исторія сохранила кромѣ того одинъ очень интересный поступокъ Матвѣева, указывающій на то, что при случаѣ этотъ мягкій, добродушный и податливый человѣкъ могъ быть очень стойкимъ и рѣшительнымъ. Такъ, когда въ 1817 году великій князь Михаилъ Павловичъ, посѣтивши Черноморію, пожелалъ видѣть горцевъ и когда эти послѣдніе стали приглашать князя въ гости къ себѣ за Кубань, на что и получили согласіе августѣйшаго посѣтителя; то Матвѣевъ смѣло и рѣшительно заявилъ, что онъ не позволитъ Его Высочеству ѣхать къ такому вѣроломному народу, какъ черкесы, такъ какъ на немъ лежитъ отвѣтственность предъ Государемъ за жизнь и спокойствіе Великаго князя. Михаилъ Павловичъ вспылилъ, но убѣжденный доводами графа Ланжерона подчинился рѣшенію непреклоннаго атамана....

Г. К. Матвѣевъ умеръ въ 1827 г. атаманомъ.

Алексѣй Даниловичъ Безкровный,

генералъ-маіоръ, Войсковый Атаманъ Черноморскаго казачьяго войска съ 30 Сентября 1827 года по 11 Ноября 1830 года.

Алексѣй Даниловичъ Безкровный рѣзко выдѣлялся между всѣми черноморскими атаманами по своимъ военнымъ способностямъ. На службу онъ поступилъ казакомъ въ 1800 г. Обладая необыкновенной физической силой, ловкостью, рѣдкой храбростью и проницательнымъ умомъ, Алексѣй Даниловичъ въ своей 28 лѣтней боевой жизни участвовалъ въ 13 кампаніяхъ и въ 100 сраженіяхъ; вотъ перечень его военныхъ подвиговъ. Въ 1802 г. Безкровный участвовалъ въ походахъ противъ закубанскихъ горцевъ и въ сраженіи съ ними на р. Плезесъ. Въ 1803 г. произведенъ въ сотенные есаулы; въ 1804 г.—находился на р.р. Абинъ, Афипсъ, Абукъ; въ 1807 г.—во владѣніяхъ натхокаджей, на р.р. Хосъ, Хатокъ, Кеифъ, Табинсъ, Суга, Чукупсъ, Пибевсъ, Кудако, Агальте, Гасипсъ, Земесъ, Тавгоши и Карвинды. Въ 1808 г. произведенъ въ хорунжіе. Въ 1810 году Февраля 18 участвовалъ въ дѣлахъ на р.р. Супъ и Кудако, а 11 Марта на р. Ильедеркъ, гдѣ раненъ пулею въ лѣвое плечо навылетъ, съ поврежденіемъ костей; за оказанную здѣсь храбрость Безкровный удостоился получить Монаршее благоволеніе. Съ 16 Декабря по 29 Января 1811 г. онъ находился въ сраженіяхъ на рѣчкахъ: Ант-

хирѣ, Богундырѣ, Абинъ, Кейфъ, Піетъ, Адагумъ, Пшепсъ, Завкижъ, Хабль, Азипсъ и Иль, и за храбрость выказанную въ бывшихъ здѣсь дѣлахъ съ горцами снова получилъ Монаршее благоволеніе. При поступленіи въ лейбъ-гвардейскую Черноморскую сотню во всю прошедшую французскую компанію Безкровный былъ въ слѣдующихъ сраженіяхъ: 26 Августа 1812 г. въ генеральномъ подъ Бородино на правомъ флангѣ сраженіи; при атакѣ здѣсь непріятеля подъ Безкровнымъ была убита картечью лошадь и самъ отъ картечи получилъ контузію въ лѣвую ногу, но тѣмъ не менѣе взялъ въ плѣнъ кавалерійскаго полковника, артиллерійскаго офицера и 9 человѣкъ нижнихъ чиновъ,— почему за отличіе былъ представленъ генералъ-адъютантомъ графомъ Орловымъ-Денисовымъ въ слѣдующій чинъ; 28 Августа Алексѣй Даниловичъ участвовалъ въ дѣлѣ при отступленіи русскихъ отъ Можайска къ Москвѣ, препятствуя непріятелю занять выгодную позицію; затѣмъ былъ высланъ съ черноморскою сотнею въ цѣпь стрѣлковъ и удерживалъ стремленіе непріятельскихъ стрѣлковъ отъ 3 до 7 часовъ пополудни. За оказанную здѣсь отличную храбрость и за всѣ бывшія прежде сего авангардныя дѣла Безкровный былъ награжденъ, по представленію графа Орлова-Денисова, золотой саблей, съ надписью за храбрость. Далѣе въ отрядѣ подъ командою генералъ-адъютанта Голенищева-Кутузова Безкровный былъ отряженъ авангарднымъ командиромъ съ коман-

думою имъ тогда черноморскою гвардейскою сотнею, разбилъ непріятельскій отрядъ, занимавшій г. Юрсбургъ; при чемъ взялъ въ плѣнъ двухъ штабъ-офицеровъ, 3 оберъ-офицеровъ и 270 нижнихъ чиновъ, отбилъ 5000 четв. овса и разнаго хлѣба и французскія бараки; Декабря 4 посланъ былъ открыть движеніе корпуса маршала Макдональда, разбилъ передовой отрядъ непріятеля, взялъ въ плѣнъ двухъ оберъ-офицеровъ, 116 нижнихъ чиновъ и отбилъ заготовленный для войскъ французскихъ магазинъ, за что былъ представленъ генералъ-адъютантомъ Голенищевымъ-Кутузовымъ въ чинъ сотника, а въ 1813 г. переименованъ въ поручики. Съ Января по 1 Сентября 1813 г., состоя въ конвоѣ Его Императорскаго Величества, Безкровный участвовалъ Мая 8 и 9 въ сраженіяхъ подъ Бауценомъ. Потомъ прикомандированъ къ черноморскому полку, состоявшему въ корпусѣ генерала-отъ-кавалеріи графа Платова, съ которымъ находился въ сраженіяхъ: 16 Сентября при полномъ пораженіи непріятельскаго корпуса у г. Альтербурга; 22—при отраженіи непріятельскаго наступленія на г. Хемницъ; Октября 4, будучи въ генеральномъ сраженіи подъ г. Лейпцигомъ, Безкровный раненъ, при атакѣ непріятельской кавалеріи, пистолетною пулею въ грудь на вылетъ съ поврежденіемъ реберъ.

На лѣвомъ берегу Рейна, состоя въ корпусѣ генерала Платова, Безкровный участвовалъ въ сраженіяхъ: 30 Декабря при Эпеналѣ и при слѣдо-

ваніи до Шарма, 1814 г. Января 23—при Сансѣ, 25 Января—при Вильневрета; 3 Февраля—при взятіи штурмомъ Немура,; 7 Февраля--у деревни Супъ; 9 Февраля—при Вильневрета; 22 Февраля при взятіи Арсиса и Седана; 2 Марта—при разбитіи непріятельской кавалеріи у Седана; 6 Марта при г. Фершампенуазѣ; 7 и 8 Марта—при г. Арсисѣ; 17 Марта—при Провенѣ; 23 и 24 Марта –при занятіи штурмомъ Омельона. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ Безкровный служилъ примѣромъ для нижнихъ чиновъ, за что получилъ орденъ Св. Владиміра съ бантомъ. Въ 1816 г. произведенъ въ штабъ-ротмистры, а въ 1817—въ ротмистры. Впослѣдствіи въ 1818 году по представленію графа Платова, за оказанную храбрость въ дѣлѣ 26 Августа 1812 г. подъ Бородиномъ Безкровный Всемилостивѣйше пожалованъ чиномъ полковника. Въ 1822 г. Февраля 3 находился въ отрядѣ за Кубанью, подъ командою генералъ-маіора Власова, у р.р. Пшецизъ, Кукъ и Бугундырь, гдѣ закубанскіе хищники были примѣрно наказаны, при чемъ взято у нихъ до 700 головъ рогатаго скота и 400 овецъ. Въ 1823 г. Марта 4 участвовалъ въ экспедиціи противъ горцевъ на р. Тихенькой, гдѣ непріятель былъ совершенно разбитъ, а жилища сожжены, при чемъ взято въ плѣнъ 143 плѣнныхъ обоего пола. Въ награду за отличное усердіе къ службѣ, Императоръ, по представленію генерала-отъ-инфантеріи Ермолова, пожаловалъ Безкровному пять тысячъ рублей, а за отличную храбрость,

оказанную при неоднократныхъ сраженіяхъ съ закубанскими горцами 4 Марта 1823 года наградилъ бриліантовымъ перстнемъ въ тысячу рублей. Командуя 9 черноморскимъ казачьимъ коннымъ полкомъ въ 1821 г., Безкровный содержалъ пограничный караулъ въ 3части черноморскаго кардона. Командуя отрядами, занимавшимися въ зимы 1822 и 1823 годовъ рубкою лѣса на лѣвомъ берегу р Кубани для жилищъ новыхъ переселенцевъ, водворявшихся на землѣ Черноморскаго войска, онъ отражалъ съ пораженіями нападенія на отрядъ закубанцевъ. Съ 30 Мая по 3 Октября 1823 г. былъ съ черноморскимъ 3 коннымъ полкомъ на границѣ царства Польскаго, по 18 Ноября 1826 г. на границѣ Пруссіи, а въ 1827 г. Марта 21 возвратился въ войско Черноморское. За отличное усердіе по службѣ, по представленію Наслѣдника Цесаревича, Безкровный былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 2-й ст. 22 Августа 1826 г. Съ 22 Августа 1827 г. онъ командовалъ всѣмъ черноморскимъ кардономъ и исправлялъ должность командующаго въ войскѣ. Наконецъ, Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату, Алексѣй Даниловичъ былъ назначенъ войсковымъ атаманомъ съ 27 Сентября 1827 г., а приказомъ отъ 2 Октября того же года, по случаю назначенія, по Высочайшему повелѣнію, Августѣйшимъ атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, переименованъ изъ войсковаго въ наказные атаманы.

Безкровный вступилъ въ управленіе краемъ въ мирное время съ черкесами, но при войнѣ Россіи съ Персіей и Турціей въ 1827, 1828 и 1829 г. Горцы вновь стали во враждебныя отношенія къ русскимъ. Въ 1828 г. Безкровный, принявши начальство надъ Таманскимъ отрядомъ, дѣйствовалъ подъ Анапой. 28 Апрѣля, ночью, переправясь черезъ Бугазскій проливъ, съ нѣсколькими казаками, онъ внезапно напалъ на турокъ и черкесовъ, наблюдавшихъ съ противоположной стороны за движеніемъ нашихъ войскъ, взялъ 12 человѣкъ въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ; 29 Апрѣля, расположивъ на Бугазской косѣ секретные караулы, онъ поймалъ еще 4 турокъ, посланныхъ непріятелемъ изъ Анапы ко взятымъ наканунѣ товарищамъ за вѣстями о движеніи нашихъ войскъ. Чтобы предупредить занятіе непріятелемъ Бугазской косы и Джимитейскихъ высотъ, что могло препятствовать переправѣ нашихъ войскъ, Безкровный съ авангардомъ изъ 650 ч. пѣхоты и кавалеріи съ четырьмя орудіями поспѣшилъ переправиться чрезъ Бугазскій проливъ, 30 Апрѣля онъ занялъ высоты и, устроивъ редутъ, открылъ безпрепятственный проходъ нашимъ войскамъ чрезъ узкую Джимитейскую косу. Съ 3 Мая по 12 Іюня Безкровный былъ при осадѣ крѣпости Анапы, подъ начальствомъ командира осадныхъ войскъ генералъ-адъютанта вице-адмирала князя Меньшикова. Со дня осады по день сдачи крѣпости, кромѣ командованія Таманскимъ отрядомъ, Алексѣй Даниловичъ

завѣдывалъ передовою цѣпью и лично наблюдалъ день и ночь за успѣшнымъ производствомъ осадныхъ работъ, участвуя 3, 4, 5 и 6 Мая въ сраженіяхъ съ турками, дѣлавшими вылазки,—и черкесами, нападавшими на лагерь и передовую цѣпь, при чемъ 6 числа, во время сильнаго натиска непріятеля, усилившагося сбить стрѣлковъ, подъ Безкровнымъ была ранена лошадь; 9 Мая Безкровный принималъ участіе въ перестрѣлкѣ съ черкесами; 12 Мая, послѣ предварительной сильнѣйшей перестрѣлки съ черкесами, атаковавшими лѣвый флангъ лагеря съ частью турокъ и полевымъ орудіемъ, онъ разбилъ этотъ отрядъ; 14 Мая, ночью, безъ выстрѣловъ Безкровный съ казаками напалъ на турецкіе шанцы, перекололъ находившихся тамъ турокъ и 14 человѣкъ взялъ въ плѣнъ; 17 Мая участвовалъ въ жаркомъ сраженіи съ черкесами, нападавшими въ значительныхъ силахъ на передовую цѣпь, и турками, дѣлавшими вылазки изъ крѣпости. 18 Мая въ сраженіи съ черкесами и турками, дѣлавшими вылазку съ полевыми орудіями отбилъ полевое орудіе съ лошадьми; 19 Мая выбилъ турокъ изъ окоповъ и занялъ полѣдніе; 20 Мая былъ въ перестрѣлкѣ съ черкесами; 28 Мая отразилъ многочисленную партію горцевъ подъ предводительствомъ главныхъ ихъ князей и дворянъ. Въ жаркомъ сраженіи съ турецкимъ гарнизономъ, сдѣлавшимъ изъ крѣпости вылазку въ числѣ 1500 ч. съ полевымъ орудіемъ, не смотря на то, что турки дѣйствовали подъ при-

крытіемъ выстрѣловъ изъ крѣпостныхъ орудій, Безкровный съ 310 человѣками регулярной пѣхоты и казаковъ отрѣзалъ ихъ отъ крѣпости и, подъ перекрестнымъ огнемъ, стремительно бросился на нихъ съ холоднымъ оружіемъ въ рукахъ, сбросилъ съ высокаго утеса на морской берегъ, гдѣ болѣе 700 человѣкъ остались на мѣстѣ убитыми и ранеными; при чемъ отбиты полевое орудіе и зарядный ящикъ съ снарядами и лошадьми. 29 Іюня Безкровный отразилъ черкесъ, нападавшихъ на передовую цѣпь, перешелъ за Кубань и сжегъ ихъ жилища; 30 Мая производилъ поиски непріятеля по горамъ; 1 и 2 Іюня—находился въ перестрѣлкѣ съ черкесами, нападавшими на передовую цѣпь; 4 Іюня, наблюдая за производствомъ осадныхъ работъ, раненъ картечью въ кисть лѣвой руки. За отличную храбрость во всѣхъ этихъ дѣлахъ и благоразумныя распоряженія Алексѣй Даниловичъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 класса. Съ 9 Августа 1828 г. Безкровный сдѣлалъ затѣмъ еще двѣ экспедиціи въ земли натухайцевъ, при чемъ сжегъ 6 ауловъ, взялъ въ плѣнъ 23 черкеса и захватилъ много рогатаго скота и овецъ.

Таковы были тѣ военныя дѣянія, А. Д. Безкровнаго, которыя по справедливости давали ему полное право на положеніе, занятое имъ въ рядахъ черноморской казачьей старшины въ качествѣ войсковаго атамана. Не долго однако пришлось

Безкровному занимать это заслуженное имъ положеніе. Не братаясь съ казачьей старшиной и строго преслѣдуя виновныхъ по службѣ въ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ казачьихъ офицеровъ, Алексѣй Даниловичъ вызвалъ тѣмъ самымъ вражду въ средѣ казачьей старшины. Количество его враговъ постоянно росло, а вмѣстѣ съ тѣмъ росло и желаніе вооружить чѣмъ нибудь начальство противъ гордаго и строгаго атамана. Враги въ этомъ случаѣ избрали то самое средство, которое примѣнялъ Безкровный къ виновной старшинѣ, на первыхъ порахъ своей атаманской дѣятельности. Въ 1830 году, во время проѣзда и инспекціи войскъ графомъ Паскевичемъ, недовольные на атамана черноморцы обвинили послѣдняго во взяточничествѣ предъ главнокомандующимъ, при чемъ фактической подкладкой послужило обыкновеніе черноморцевъ дарить при попойкахъ другъ друга скотомъ и др подарками, каковымъ обычаемъ не пренебрегалъ и Безкровный, человѣкъ богатый и самъ никогда нежалѣвшій средствъ на подарки и угощенія. Козни недовольныхъ дали желательные результаты. Безкровный былъ удаленъ. Паскевичемъ отъ должности наказнаго атамана. Вскорѣ затѣмъ больной и нравственно измученный казачій генералъ и со всѣмъ разстался съ жизнію; но умирая, онъ въ послѣдній разъ далъ своимъ врагамъ примѣръ достойный подражанія: все свое имущество Алексѣй Даниловичъ завѣщалъ на церкви и на богадѣльню въ пользу бѣдныхъ.

Николай Степановичъ Заводовскій,

генералъ-отъ-кавалеріи, Наказный Атаманъ Черноморскаго казачьяго войска и командовавшій войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи съ 11 Ноября 1830 года по 9 Ноября 1853 года.

Какъ и предшествующій атаманъ, Н. С. Заводовскій былъ по преимуществу боевымъ генераломъ, военнымъ дѣятелемъ, вся служебная дѣятельность котораго протекла въ походахъ, войнахъ и сраженіяхъ съ непріятелемъ.

Заводовскій родился въ 1789 году, а въ 1800 году двѣнадцати лѣтъ отъ роду поступилъ уже на службу казакомъ; въ 1812 году онъ произведенъ былъ въ первый офицерскій чинъ, въ томъ-же году—въ сотники, въ 1813 году—въ поручики; въ 1817—въ штабъ-ротмистры, въ 1818 году—въ ротмистры, въ 1819 году въ чинъ полковника, въ 1828 году въ генералъ-маіоры, въ 1840 году въ генералъ-лейтенанты и, наконецъ, въ 1852 году въ генералы-отъ-кавалеріи.

Само собою понятно, что это постепенное восхожденіе по служебной лѣстницѣ генерала Заводовскаго было плодомъ его личныхъ усилій и служебныхъ отличій. Николай Степановичъ прошелъ въ этомъ отношеніи многотрудную школу, будучи участникомъ во всѣхъ войнахъ съ 1812 года. Такъ, въ 1800, 1807 и 1810 годахъ онъ былъ въ походахъ и дѣлахъ противъ горцевъ; во время отечественной войны въ 1812 году участвовалъ

ЦИНКОГРАФІЯ ТОВ М. О. ВОЛЬФЪ

СЪ ФОТОГРАФІИ Г. ЛЕ ФЕ АТЕ

НАКАЗНОЙ АТАМАНЪ ЧЕРНОМОРСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА, КОМАНДОВАВШІЙ ВОЙСКАМИ НА КАВКАЗСКОЙ ЛИНІИ И ВЪ ЧЕРНОМОРІИ

ГЕНЕРАЛЬ-ОТЪ КАВАЛЕРІИ

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧЪ ЗАВОДОВСКІЙ

(Съ 12 ноября 1830 года по 8 ноября 1853 года)

между прочимъ въ сраженіяхъ при Трокахъ, подъ Вильною, при корчмѣ Сорѣ, при Повиверкахъ, при Кочержискахъ, при деревнѣ Свѣчѣ, у мѣстечка Башинкевичъ, при Двинѣ, подъ Витебскомъ, при Тарутинѣ, подъ Дрезденомъ и подъ Кульмомъ. Находясь всегда въ передовыхъ рядахъ арміи, Заводовскій два раза былъ раненъ ружейными пулями въ лѣвую руку. Въ 1828 году, во время турецкой войны, Заводовскій командовалъ черноморскими полками, участвовалъ въ осадѣ крѣпости Карса, въ нѣсколькихъ стычкахъ подъ нимъ и во взятіи его штурмомъ, а также въ походѣ изъ Карса въ Ардаганъ и во взятіи этого послѣдняго. Въ 1830 году Заводовскій снова является въ экспедиціи противъ горцевъ, предпринятой подъ личнымъ командованіемъ главнокомандующаго Кавказскимъ корпусомъ графа Паскевича и участвуетъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ противъ непріятеля. Въ 1836, 1837, 1838, 1839, 1840, 1841 и 1842 годахъ былъ совершенъ рядъ экспедицій противъ различныхъ горскихъ племенъ уже подъ командою самого Заводовскаго, экспедицій, изобиловавшихъ мелкими стычками, крупными сраженіями и кровавыми дѣлами русскихъ войскъ съ черкескими полчищами. Затѣмъ, въ продолженіе всей остальной своей служебной карьеры, Заводовскій ведетъ упорную, безконечную борьбу русскихъ войскъ съ черкесами въ роли наказнаго атамана и командовавшаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи.

Поглощенный исключительно военными заня-

тіями, Заводовскій, помимо обязанностей наказнаго атамана Черноморскаго казачьяго войска, состоялъ управляющимъ гражданскою частію въ Ставропольской губреніи съ 1844 года и на этомъ, считавшемся въ свое время скользскимъ, посту онъ удержался, по словамъ генерала И. Д. Попко, долѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ. При немъ же было выработано и введено въ войскѣ казачье положеніе 1842 года.

Такая долгая и продолжительная служба Николая Степановича была справедливо цѣнима военнымъ начальствомъ. Помимо чиновъ, Заводовскій награжденъ былъ за свои заслуги орденами и денежными наградами. Такъ, онъ состоялъ кавалеромъ орденовъ: св. благовѣрнаго и великаго князя Александра Невскаго, алмазами украшеннаго, Бѣлаго Орла, св. Владиміра 2 ст. большаго креста, св. Анны и св. Станислава 1-й степ., св. Георгія 4-й степени за выслугу въ офицерскихъ чинахъ 25 лѣтъ; имѣлъ знакъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ и медали въ память отечественной войны 1812 года, за взятіе Парижа и за турецкую войну 1828 и 1829 годовъ; былъ Всемилостивѣйше награжденъ: въ 1814 году брилліантовымъ перстнемъ, въ 1826 году одной тысячью рублей ассигнаціями, въ 1827 г. тремя тысячами ассигн., въ 1842 году десятью тысячами рублей ассигн., въ 1849 г. пятнадцатью тысячами рублей серебромъ и въ 1852 году двадцатью тысячами рублей серебромъ.

Заслуженно пользуясь репутаціею опытнаго и энергичнаго боеваго генерала, Николай Степановичъ Заводовскій самою своею смертью еще болѣе укрѣпилъ за собою въ потомствѣ эту репутацію: онъ умеръ въ 1853 году въ походѣ противъ черкесскаго племени—шапсуговъ. Въ «Ставропольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за этотъ годъ напечатана очень интересная замѣтка о послѣднихъ дняхъ жизни Заводовскаго. Заболѣвши во время похода, генералъ,—не смотря на рѣшительный протестъ доктора, заявившаго атаману, что если онъ тронется съ отрядомъ съ мѣста, то докторъ не ручается за его жизнь даже на одинъ день,—приказалъ тѣмъ не менѣе войскамъ двигаться по намѣченному пути. Вотъ что передалъ потомъ по поводу этого печальнаго обстоятельства супругѣ генерала его довѣренный адъютантъ:

Собираясь отправиться съ войсками, генералъ приказалъ своему адъютанту убрать его бумаги и письма, а потомъ попросилъ его взять къ себѣ деньги, часы и др. цѣнныя вещи. «Къ приказаніямъ прибирать бумаги, разсказывалъ адъютантъ, я привыкъ; но приказаніе прибрать деньги и вещи было для меня ново и какъ-то болѣзненно подѣйствовало мнѣ на душу. Исполнивъ, однако, что было мнѣ сказано, я стоялъ, проникнутый мрачнымъ предчувствіемъ, и смотрѣлъ на генерала, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній. Онъ страдалъ. Страданія его были такъ жестоки, что я ощущалъ ихъ въ моемъ сердцѣ. Въ эти минуты онъ одѣ-

вался—уже въ другой разъ. Это мучило его. Одѣвшись въ первый разъ, онъ спохватился, что не надѣлъ себѣ на грудь своего завѣтнаго креста, которымъ, быть можетъ, благословила его умирающая мать,—и чтобъ надѣть его, больной не щадилъ себя для лишняго и, въ тѣ минуты тяжкаго ему, труда раздѣться и вновь одѣться. Наконецъ, прійдя въ спокойное положеніе, Николай Степановичъ началъ мнѣ говорить слабымъ, прерывающимся голосомъ, что онъ чувствуетъ себя такъ худо, какъ никогда еще не чувствовалъ; что, не смотря однакожъ на это, онъ никакъ не согласенъ оставаться на мѣстѣ, и что, наконецъ, если бы пришлось ему не пережить похода, то онъ препоручаетъ мнѣ приберечь все, что съ нимъ есть. Мнѣ сдѣлалось невыносимо грустно. Я перебилъ его, стараясь отвести его мысли на другіе предметы. Заговоривъ о положеніи дѣлъ въ горахъ, онъ высказалъ свое безпокойство за Абинское укрѣпленіе и приказалъ позвать къ себѣ воинскаго начальника. Когда воинскій начальникъ вошелъ генералъ, стоя на ногахъ, ясно и твердо отдавалъ ему приказанія, нисходя до самыхъ мелочныхъ подробностей, о приведеніи укрѣпленія въ наивозможно-исправнѣйшее оборонительное положеніе, и о неусыпной бдительности въ охраненіи его».

«Между тѣмъ наступилъ день. Генералу доложили, что для него экипажъ поданъ къ крыльцу. Онъ помолился Богу, вышелъ и сѣлъ въ экипажъ, съ докторомъ; а мнѣ приказалъ ѣхать верхомъ,

неотлучно съ боку экипажа. Проѣзжая мимо войскъ, Николай Степановичъ здоровался съ ними изъ экипажа; но какъ голосъ его былъ слишкомъ слабъ, то войска не могли его слышать и не отзывались на его военный привѣтъ, во всю его жизнь, какъ и въ послѣдній ея часъ, согрѣтый сердечнымъ доброжелательствомъ казаку. Когда мы выѣхали напередъ, отрядъ тронулся. Экипажъ генерала слѣдовалъ въ передней колоннѣ, которая не имѣла обоза и которая скоро оставила далеко назади себя колонну съ обозомъ. Несмотря на ненастье, казаки шли бодро и съ пѣснями. Они шли домой. Генералъ, повидимому, чувствовалъ себя лучше. Онъ слѣдилъ за движеніемъ колонны и часто отдавалъ приказанія; часто также подзывалъ къ себѣ отдѣльныхъ начальниковъ и благодарилъ ихъ за службу въ оконченной экспедиціи. Шапсуги насъ не безпокоили. Они вообще не охотники драться въ ненастную погоду. Былъ полдень. До р. Куниpса, гдѣ намъ надлежало сдѣлать привалъ, оставалось не болѣе четырехъ верстъ. Генералъ спросилъ меня: сколько еще верстъ до Куниpса?— Я сказалъ. И это были послѣднія, въ сей жизни, слова моего незабвеннаго начальника. Прошло послѣ этого съ четверть часа. По причинѣ терновника, росшаго около дороги, я отсталъ отъ экипажа на нѣсколько шаговъ. Вдругъ докторъ, громко и какъ бы съ испугомъ, назвалъ меня, остановивъ, въ то же время, экипажъ. Я подъѣхалъ и увидѣлъ— Боже милосердный!—то, что я увидѣлъ, не изгла-

дится изъ моего воображенія во всю мою жизнь. Докторъ, смущенный до крайности, держитъ на своихъ рукахъ умирающаго начальника. Лицо генерала покрыто блѣдностью, для опредѣленія которой, чрезъ сравненіе, я не нахожу цвѣта въ природѣ; глаза полузакрыты и недвижны,—еще въ нихъ теплится искра жизни и мысли, уста полуоткрыты, и на нихъ замираетъ недосказанное слово. Все же лицо въ совокупности выражаетъ неизъяснимую доброту, кротость и покорность непреложному и общему для всѣхъ насъ уставу природы. Я провелъ нѣсколько минутъ въ невольномъ и нѣмомъ созерцаніи этого лица, на которомъ скользилъ еще, угасая, послѣдній лучъ жизни. Потомъ, почти безъ сознанія, я сдѣлалъ доктору вопросъ: что же это значитъ?—Это конецъ, смерть, отвѣчалъ онъ».

«Вскорѣ экипажъ, такъ мгновенно и разительно превратившійся въ гробъ, былъ окруженъ многими офицерами, слѣдовавшими въ колоннѣ. Всѣ безъ словъ выражали свое скорбное изумленіе. По всему отряду пробѣжало одно ощущеніе, передать котораго я не умѣю, потому что оно и выразилось внезапнымъ, общимъ, глубокимъ молчаніемъ, и общимъ прекращеніемъ движенія, безъ команды. Я посмотрѣлъ на часы—было три четверти перваго. До Кунипса оставалось версты три. Убѣдившись въ кончинѣ своего начальника, окружавшіе экипажъ отъѣхали отъ него».

НАЧАЛЬНИКЪ ШТАБА, ИСПРАВЛЯВШИЙ ДОЛЖНОСТЬ НАКАЗНОГО АТАМАНА ЧЕРНОМОРСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА И КОМАНДОВАВШИЙ ЧЕРНОМОРСКОЙ КОРДОННОЙ ЛИНИЕЙ

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ ГРИГОРИЙ АНТОНОВИЧЪ РАШПИЛЬ

(Съ 8 апрѣля 1844 года по 19 октября 1852 года)

Григорій Антоновичъ Рашпиль,

генералъ-лейтенантъ, начальникъ войсковаго штаба, исправлявшій должность Наказнаго Атамана Черноморскаго казачьяго войска съ 26 Ноября 1842 года по 1 Октября 1852 года.

Между тѣмъ какъ наказный атаманъ Черноморскаго войска Н. С. Завадовскій былъ большею частію внѣ войска то управляя Ставропольской губерніею, въ которой имѣлъ постоянное мѣстопребываніе, то производя экспедиціи въ горахъ противъ черкесовъ въ качествѣ командующаго Кавказской линіей и въ Черноморіи,—фактически черноморскимъ атаманомъ былъ начальникъ штаба Г. А. Рашпиль.

Григорій Антоновичъ родился 26 Сентября 1801 года и происходилъ изъ дворянъ Черноморскаго войска. Получивъ домашнее воспитаніе, онъ поступилъ очень рано на службу рядовымъ казакомъ, именно въ 1814 году, т. е. тринадцати лѣтъ отъ роду; чрезъ четыре года онъ былъ зачисленъ юнкеромъ въ Черноморскій лейбъ-гвардейскій эскадронъ, въ 1821 году произведенъ въ корнеты, въ 1826 г.—въ поручики, въ 1827 г.—въ штабсъ-ротмистры, въ 1831 году въ ротмистры, а въ слѣдующемъ 1832 году въ полковники. Такимъ образомъ, Рашпиль въ 10 лѣтъ завершилъ свою офицерскую карьеру; еще чрезъ 10 лѣтъ, въ 1841 году онъ былъ произведенъ въ чинъ генералъ-маіора, въ томъ же году назначенъ исправляющимъ должность начальника штаба, а со введеніемъ въ

войскѣ положенія 1842 года утвержденъ въ этой должности. 4 Апрѣля 1844 года Рашпилю поручено было исполненіе должности наказнаго атамана и командующаго Черноморскою линіею. Наконецъ, 3 Апрѣля 1849 года Григорій Антоновичъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Сверхъ того Рашпиль состоялъ кавалеромъ орденовъ св. Владиміра 2-й ст. большаго креста, 3 и 4-й ст., послѣдній съ бантомъ, св. Анны I и II ст., св. Станислава I ст., св. Георгія 4-й степ. за выслугу въ офицерскихъ чинахъ 25 лѣтъ, знакъ отличія за 25 лѣтнюю безпорочную службу, имѣлъ медали за персидскую войну 1826—1828 годовъ, за взятіе приступомъ города Варшавы 25 и 26 Августа 1831 года, знакъ отличія польскаго ордена за военныя достоинства 4-й степени и крестъ за службу на Кавказѣ; получилъ въ потомственное владѣніе Высочайше пожалованныхъ 1500 дес. земли.

Собственно боевая военная служба Рашпиля началась съ 1826 года, походомъ въ Грузію. 1827 и 1828 годы проведены Григоріемъ Антоновичемъ въ походахъ въ Персіи, при чемъ онъ принималъ здѣсь участіе въ цѣломъ рядѣ сраженій и дѣлъ съ непріятелемъ и между прочимъ при осадѣ и взятіи крѣпостей Абасъ-Абада и Эривани. Въ 1831 году, по назначенію начальства, Рашпиль участвовалъ въ дѣйствіяхъ противъ польскихъ мятежниковъ. Затѣмъ въ 1841, 1844, 1845, 1846, 1847, 1848, 1849, 1850, 1851 и 1852 годахъ Григорій Антоновичъ совершилъ цѣлый рядъ экспе-

дицій противъ различныхъ горскихъ племенъ, начальствуя экспедиціонными отрядами. Въ этотъ длинный періодъ казачьихъ походовъ въ горы Рашпилю приходилось руководить войсками при неоднократныхъ стычкахъ и сраженіяхъ съ непріятелемъ, при работахъ по укрѣпленіямъ и положенію дорогъ, при атакахъ и взятіи черкесскихъ ауловъ и т. п.

Но особенно плодотворная дѣятельность Рашпиля заключалась въ разумныхъ административныхъ распоряженіяхъ по войску. Въ этомъ отношеніи Григорій Антоновичъ врядъ ли имѣлъ соперниковъ въ ряду своихъ предшественниковъ. Уступая, быть можетъ, по уму и такту Антону Андреевичу Головатому, Рашпиль стоялъ въ то же время выше этого послѣдняго по ширинѣ тѣхъ мѣропріятій, какими ознаменована его дѣятельность по войску. Этотъ черноморецъ-генералъ, не получившій никакого образованія, не прошедшій подъ чьимъ либо руководствомъ практической школы управленія, благодаря исключительно своимъ богатымъ способностямъ и природному уму, выработалъ замѣчательно полное, законченное и основательное міросозерцаніе на казачью жизнь и нужды. Это былъ не только передовой человѣкъ по своему времени, но и дѣятель, съумѣвшій соединить лучшія стремленія ума человѣческаго съ практическими мѣропріятіями. «Совпаденіе назначенія этой свѣтлой личности съ преобразованіемъ войска по новому положенію (1842 года), говоритъ генералъ

И. Д. Попко, лучшій знатокъ казачьяго быта и особенностей и сподвижникъ ктому же Рашпиля въ періодъ своей молодости, было благопріятнымъ для войсковой корпораціи событіемъ. Призванное къ обновленію своего военнаго и гражданскаго быта, войско должно было найдти въ самомъ себѣ потребныя для этой работы силы, такъ какъ иносословные дѣятели ни въ строевой составъ, ни во внутреннюю административную сферу этого маленькаго государства въ государствѣ, за самыми незначительными исключеніями, не допускались. Генералъ Рашпиль явился лучшимъ представителемъ своихъ сословныхъ силъ, разумнымъ истолкователемъ и сильнымъ поборникомъ новыхъ войсковыхъ порядковъ. Общества съ такимъ замкнутымъ учрежденіемъ, какими еще недавно были старыя казачьи войска, легко впадаютъ въ застой и усыпленіе, если продолжительное время не вызываются къ живому соприкосновенію съ окружающимъ ихъ міромъ. Тогда они дѣлаются забытыми, хотя и обитаемыми островами, настоящими terra incognita, гдѣ люди по одному закону съ растеніями, отцвѣтаютъ и разлагаются, не сдвигаясь съ своихъ корней. Войско Черноморское, до тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, посылало свои полки на внѣшнюю службу за тридевять земель, какъ напр., въ Царство Польское, и посредствомъ этихъ служебныхъ прогулокъ, время отъ врёмени, вдыхало свѣжій воздухъ извнѣ. Но когда домашняя Кавказская война потребовала прекращенія внѣш-

нихъ нарядовъ, войско затворилось мертвецки въ своихъ предѣлахъ и погрузилось въ пассивное содержаніе нижне-кубанской кордонной линіи, гдѣ, кромѣ камышей и горъ, ничего больше не было видно, гдѣ, по свойствамъ мѣстности, даже конные полки пускали коней въ табунъ и отбывали оборонительную службу на «вышкахъ» да въ пѣшихъ «залогахъ». О наѣздническомъ развитіи, о строевомъ образованіи и вообще объ изученіи разностороннихъ требованій службы рѣдко кто заботился и могъ заботиться. Въ офицеры производили потому, что штаты того требовали, и кто лучше переписывалъ бумаги дома или въ Тифлисѣ, тотъ скорѣе достигалъ производства. Но лишенія на этомъ поприщѣ выкупались по крайней мѣрѣ боевыми дѣлами, время отъ времени свидѣтельствовавшими о военныхъ качествахъ, присущихъ даже заглохшему казачеству. Не та картина рисовалась во внутреннемъ экономическомъ быту казачьяго общества. Отъ неопредѣленныхъ правъ землевладѣнія и по милости широкаго самоуправленія произошло крайнее нарушеніе равновѣсія въ пользованіи войсковою (общинною) землею между хуторами и станицами, другими словами—между патриціями и плебеями войсковаго населенія. Въ этомъ самобытномъ обществѣ, которому въ числѣ другихъ льготъ самоуправленія, предоставлено было устроить свою экономическую жизнь какъ оно само хотѣло, повторилось тоже явленіе,—если умѣстно привести здѣсь этотъ историческій примѣръ,—

которое когда-то въ Римѣ вызвало аграрный законъ, опредѣлявшій владѣть землею одному лицу не болѣе того, сколько можно запахать однимъ ярмомъ въ недѣлю. Притѣсненные станичники бѣднѣли, плохо снаряжались на службу, пускались въ конокрадство и, что всего несообразнѣе, относились къ своимъ чиновнымъ хуторянамъ съ такими чувствами, какимъ не слѣдуетъ быть между начальствующими и подчиненными. Затѣмъ, какъ бы результатомъ неурядицы въ матеріальномъ быту, явилось охлажденіе къ интересамъ умственнымъ, къ ученію и образованію, что уже исторически не шло народу, искони чуждому старовѣрства, раскольничества и тому подобныхъ оковъ, подавляющихъ свободу человѣческаго духа. Еще въ раннюю пору своей жизни войско Черноморское благоволило къ наукѣ, заводило, при помощи духовныхъ лицъ, школы, имѣло даже войсковую гимназію, которая угасла за недостаткомъ учащихся, и ко дню пришествія новаго войсковаго положенія тьма бысть по всей землѣ.... Пришедшій вмѣстѣ съ новымъ положеніемъ свѣжій дѣятель въ лицѣ Г. А. Рашпиля вѣрно понялъ существенные недостатки своего сословія и на первомъ планѣ своей общественной дѣятельности поставилъ три задачи: образованіе служебное, благоустройство земельное, просвѣщеніе умственное».

Разъ ставши на эту точку зрѣнія, генералъ Рашпиль настоятельно потребовалъ отъ офицеровъ служебныхъ знаній, долженствовавшихъ дать имъ

преимущественно предъ рядовыми казаками, а отъ послѣднихъ хорошей строевой подготовки. Съ этою цѣлью онъ учредилъ при г. Екатеринодарѣ «конную учебную часть» и самъ часто обучалъ здѣсь урядниковъ; наиболѣе способныхъ молодыхъ казаковъ онъ по собственному выбору отправлялъ въ образцовыя части. «Заѣхавъ одинъ разъ въ войсковой монастырь принять благословеніе преподобныхъ отцовъ, открылъ онъ между ними десятка два станичныхъ паробковъ, облекшихся въ послушническіе подрядники, рослыхъ, видныхъ, хорошо упитанныхъ, а вдобавокъ еще грамотныхъ, и, хотя былъ человѣкомъ искренно религіознымъ, не поколебался повернуть молодцовъ на пользу службы царской и украсить ими составъ гвардейскаго эскадрона». Чтобы дать примѣръ успѣшной борьбы казачьей конницы съ черкесами, Рашпиль бралъ съ собою гвардейскій эскадронъ, хорошо пріученный къ правильному боевому строю и долженствовавшій служить образцомъ для казачьихъ плохо подготовленныхъ полковъ. Разъ дошло до свѣдѣнія Рашпиля, «что кардонные начальники не пропускаютъ льготныхъ казаковъ прикубанскихъ станицъ за Кубань, на непріятельскую сторону охотиться за дикими кабанами; если же и пропускаютъ, то требуютъ «билетовъ съ завязкою», т. е. мѣшковъ съ ячменемъ или съ пшеномъ. Атаманъ поскакалъ на кардонъ и крѣпко наказалъ не задерживать вольныхъ охотниковъ, а вслѣдъ затѣмъ установилъ на этотъ случай пластунскіе билеты

(безъ завязки) и самъ выдавалъ ихъ, имѣя конечно въ виду открыть просторъ молодецкимъ пластунскимъ инстинктамъ. Распоряженіе это было рискованное, потому что въ то время шагъ за Кубанью значилъ шагъ въ непріятельскій лагерь. Но онъ, какъ видно, придерживался суворовскаго правила: «десять потеряю, а сто выучу». Однимъ словомъ, Рашпиль вникалъ во всѣ тонкости военной службы казака и личнымъ примѣромъ и вниманіемъ старался пріучить послѣдняго къ правильной строевой службѣ.

Къ сожалѣнію, добрыя начинанія Григорія Антоновича парализовались худыми инстинктами стараго заскорузлаго чиновнаго казачества. Когда дошло дѣло до введенія въ жизнь одной изъ важнѣйшихъ практическихъ мѣръ новаго казачьяго положенія—равномѣрнаго разверстанія земельныхъ угодій между высшимъ и низшимъ классами казачества,—Рашпиль встрѣтилъ дружное и упорное противодѣйствіе со стороны казачьей старшины, имѣвшей хутора и захватившей львиную часть войсковыхъ земель. «Патриціи войсковаго сената, какъ назвалъ мѣтко генералъ Попко противодѣйствовавшихъ старшинъ, успѣли на самыхъ первыхъ порахъ убѣдить главу войска (т. е. наказнаго атамана Заводовскаго), что межеваніе разрушитъ крупное скотоводство и коневодство (о людяхъ рѣчь была въ сторонѣ) и это отзовется весьма невыгодно въ глубокой Россіи, что межеваніе дастъ возможность распространиться по степи зем-

лепашеству, тогда какъ назначеніе степи совсѣмъ не земледѣльческое, а пастушеское, и что, наконецъ, это мужицкое землепашество, потѣснивъ конскіе табуны, оставитъ казаковъ безъ лошадей (хотя, правду сказать, крупные табуноводы всегда сбывали своихъ лошадей не казакамъ, а стороннимъ ремонтерамъ и промышленникамъ, которые лучше платили»). Сдѣланное Заводовскимъ представленіе въ такомъ смыслѣ было уважено въ Тифлисѣ, и только когда въ 1844 году Заводовскій былъ назначенъ главнокомандующимъ Кавказской линіи и въ Черноморіи и когда Рашпилю были такимъ образомъ развязаны руки, послѣдній не замедлилъ разрушить препятствія сторонниковъ скотоводства въ ущербъ интересамъ всего казачества.

Еще съ большимъ вниманіемъ относился Рашпиль къ народному образованію. Не довольствуясь возможностью помѣщать казачьихъ дѣтей на войсковыя стипендіи при кадетскихъ корпусахъ и существовавшими заведеніями, онъ добился учрежденія войсковой гимназіи. «Въ доказательство добраго сочувствія описываемаго дѣятеля къ умственному развитію народа, говоритъ генералъ Попко, слѣдуетъ сказать, что въ то время, когда еще и помина не было о народныхъ школахъ, онъ, бывая въ станицахъ, убѣждалъ станичниковъ заводить ихъ, причемъ собиралъ мальчиковъ, учившихся гдѣ попало по захолустьямъ, освѣдомлялся объ ихъ успѣхахъ и давалъ деньги на одежду тѣмъ изъ нихъ, у которыхъ на плечахъ, кромѣ

сорочки, ничего больше не было; а такихъ да и вообще бѣднаго люда въ тѣ поры много было по станицамъ. Онъ обращался къ церковнымъ причтамъ съ просьбами объ учительствѣ и встрѣчалъ выраженіе готовности по большей части отъ меньшей братіи—дьячковъ, особенно же отъ старыхъ дьячковъ, бривших бороду и носивших усы по казацки». Что касается женскаго образованія, то, при тогдашнихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, требовавшихъ отвлеченія мужскаго элемента на кордонную линію и тѣмъ крѣпче приковывавшихъ къ домашнему очагу женское населеніе, на воспитаніе женщины Рашпиль смотрѣлъ съ этой послѣдней точки зрѣнія. Въ виду этого, генералъ предположилъ открыть при женской обители училище для обученія грамотѣ и письму, рукодѣліямъ, домоводству, безъ внѣшняго лоска, преподаванія танцевъ, музыки и вообще такъ называемаго изысканнаго воспитанія.

Нельзя не отмѣтить также, въ ряду нѣкоторыхъ другихъ родовъ дѣятельности Г. А. Рашпиля, его замѣчательно гуманныхъ и истинно практическихъ отношеній къ сосѣдямъ казачества—горцамъ. «Кавказская война, говоритъ И. Д. Попко, была въ разгарѣ, но это не мѣшало Рашпилю въ особыхъ видахъ достигать того, что воюющіе абадзехи и шапсуги по временамъ складывали оружіе на кардонной линіи, отдавали его въ закладъ и сотнями аробъ провозили продукты своей промышленности на екатеринодарскія ярмарки для продажи и обмѣна. Этого нельзя было сдѣлать про-

сто и какъ-нибудь. Что же относится до мирныхъ хамышейцевъ и черченейцевъ, то онъ умѣлъ такъ упрочить на нихъ свое вліяніе и такъ выгодно поставить въ ихъ глазахъ свой авторитетъ, что князья и дворяне ежедневно почти пріѣзжали къ нему разбираться въ своихъ спорныхъ дѣлахъ и безусловно подчинялись его рѣшеніямъ, а простой народъ слушался его даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ болѣе бѣдныхъ людей посылалъ на заработки въ прикубанскія станицы, около которыхъ люди эти обыкновенно живились только хищничествомъ да разбоемъ. И все это было обставлено такими мѣрами и распоряженіями, что нарушеній общественной безопасности не происходило. Какъ на образчикъ тѣхъ средствъ, какія создавалъ онъ себѣ для нравственнаго дѣйствованія на закубанскихъ сосѣдей, слѣдуетъ указать на его трудъ по собранію возможно полныхъ данныхъ обычнаго закона горцевъ, называемаго адатъ. Изъ этого сборника онъ составилъ сводъ, которымъ и пользовался во многихъ случаяхъ».

Вообще Г. А. Рашпиль, говоритъ И. Д. Попко о своемъ атаманѣ, «любилъ родные обычаи и преданія, но не творилъ себѣ изъ нихъ кумира; онъ смѣло дотронулся до всего, что было ветхо и непригодно, и первый подготовилъ почву для послѣдовавшихъ въ войскѣ преобразованій и улучшеній. Правда, его стало не надолго, онъ не прошелъ всего стадія, указаннаго ему добрымъ его геніемъ, страшно сказать, подъ конецъ отъ него отступив-

шимъ; онъ выбылъ изъ строя прежде одержанія побѣды и неувѣнчанный лаврами. Но надобно вспомнить, что никто не былъ пророкомъ въ своемъ муравейникѣ. Рашпиль билъ молотомъ окаменѣлости своего общества, боролся живосиломъ и конечно мѣра огорченій, вынесенныхъ имъ изъ злой борьбы, переполнилась, если онъ, неожиданно для друзей и недруговъ и на перекоръ своей трезвой природѣ, сталъ искать утѣшенія въ мутномъ фіалѣ, отравившемъ не одно дарованіе, подорвавшемъ не одну силу на Руси съ тѣхъ поръ какъ сказано: «Руси есть веселіе пити». А можетъ быть, онъ просто утратилъ вѣру въ свои силы, отчаялся дойдти до правильнаго рѣшенія своей задачи, распутать гордіевъ узелъ современнаго устройства казачества. Какъ бы то ни было, но остальные годы его жизни, угасшей въ печальной обстановкѣ, были мертвы, ибо жизнь, какъ и вѣра, безъ дѣлъ мертва». Какъ бы тамъ ни было, прибавимъ мы съ своей стороны, а Григорій Антоновичъ Рашпиль сдѣлалъ такъ много полезнаго для казачества, оставилъ столь свѣтлые слѣды своей дѣятельности въ жизни Черноморскаго войска, что нравственный разладъ, отравившій личную жизнь этого честнаго и талантливаго дѣятеля, отзываясь горечью въ сердцѣ всякаго истинно преданнаго добру человѣка, не затемнитъ блестящихъ страницъ исторіи Черноморскаго казачества, созданныхъ рукою этого глубоко несчастнаго подъ конецъ своей жизни дѣятеля!...

... ДОЛЖНОСТЬ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА И НАКАЗНОГО АТАМАНА ЧЕРНОМОРСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА

ГЕНЕРАЛЪ-МАЙОРЪ ЯКОВЪ ГЕРАСИМОВИЧЪ КУХАРЕНКО

Съ 10 октября 1852 года по 30 іюня 1856 года)

Яковъ Герасимовичъ Кухаренко,

генералъ-маіоръ, начальникъ войсковаго штаба, исправлявшій должность Наказнаго Атамана Черноморскаго казачьяго войска съ 1 Октября 1852 года по 30 Іюля 1856 года.

Яковъ Герасимовичъ Кухаренко былъ сверстникомъ генерала Рашпиля, нѣсколько моложе по службѣ и старше по лѣтамъ. Родился онъ въ 1799 году, а поступилъ на службу въ 1814 году, т. е. 15 лѣтъ отъ роду.

Свою военную карьеру Кухаренко началъ сотеннымъ есауломъ, т. е. по нынѣшнему урядникомъ или унтеръ-офицеромъ, въ каковомъ чинѣ поступилъ на службу. Чрезъ девять лѣтъ, въ 1823 году, онъ былъ произведенъ въ хорунжіе, въ 1827 году—въ сотники, въ 1833 году—въ есаулы, въ 1836 году—въ войсковые старшины, въ 1838 году—въ подполковники, въ 1846 году—въ полковники и, наконецъ, въ 1853 г. въ генералъ-маіоры.

Кухаренко былъ кавалеромъ слѣдующихъ орденовъ: Св. Георгія IV класса за выслугу въ офицерскихъ чинахъ 25 лѣтъ, Св. Владиміра III и IV степеней, послѣдній съ бантомъ, Св. Анны II ст. и той-же степени съ Императорскою короною, Св. Станислава I и II ст. и той-же степени съ Императорскою короною, знакъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ, серебрянную медаль за турецкую войну 1828—1829 годовъ и свѣтлобронзовую въ память войны 1853—1856 годовъ установленную.

Свою служебную дѣятельность Яковъ Герасимовичъ провелъ частію въ командованіи разными частями войскъ, а частію въ административныхъ должностяхъ. Такъ, въ 1831 году онъ назначенъ былъ командиромъ пѣшей артиллерійской роты, въ 1834 году--командующимъ 9 коннымъ полкомъ и утвержденъ въ званіи полковаго командира въ 1836 году. Въ тоже время, съ 1833 по 1836 г.г., онъ состоялъ въ должности ассесора войсковой канцеляріи, въ какую должность былъ избранъ черноморскимъ дворянствомъ, и временно несъ обязанности прокурора и члена оспеннаго комитета; съ 1838 года заступилъ мѣсто непремѣннаго члена войсковой канцеляріи по экономической экспедиціи и избранъ дворянствомъ въ эту должность въ 1840 году. Съ преобразованіемъ войска по положенію 1842 года Кухаренко былъ назначенъ окружнымъ штабъ-офицеромъ Ейскаго военнаго округа. Въ 1851 году Яковъ Герасимовичъ удостоился назначенія членомъ общаго присутствія департамента военныхъ поселеній по дѣламъ казачьихъ иррегулярныхъ войскъ съ правомъ голоса и въ томъ же году Высочайшимъ приказомъ назначенъ исправляющимъ должность наказнаго атамана Азовскаго казачьяго войска. Чрезъ годъ, въ 1852 году, Кухаренко снова былъ переведенъ въ Черноморское войско исправляющимъ должность начальника штаба и наказнаго атамана Черноморскаго казачьяго войска. Кромѣ того, впослѣдствіи, съ 1861 года онъ состоялъ начальникомъ Нижне-

Кубанской кордонной линіи и былъ командированъ въ Петербургъ въ комитетъ для обсужденія мѣръ о заселеніи предгорій западнаго Кавказскаго хребта.

Наконецъ, свою строевую и боевую службу Кухаренко началъ вмѣстѣ съ поступленіемъ въ строй. Такъ, съ 1814 по 1821 годъ онъ постоянно находился на пограничной кордонной линіи, въ 1822 году участвовалъ въ походѣ отряда генералъ-маіора Власова противъ шапсуговъ, въ 1823 году—въ экспедиціи того же Власова противъ абадзеховъ, въ 1825 г.—въ новой экспедиціи противъ абадзеховъ и въ 1826 г.—противъ шапсуговъ. Во время турецкой войны, съ 1828 по 1829 годъ, Кухаренко находился въ отрядѣ при блокадѣ Анапы, участвовалъ здѣсь въ 14 различныхъ сраженіяхъ подъ Анапой и вблизи Анапы съ турками и черкесами. Затѣмъ 1830, 1838 и 1839 годы проведены были Яковомъ Герасимовичемъ въ походахъ и въ нѣсколькихъ сраженіяхъ съ черкесами, причемъ въ однихъ случаяхъ Кухаренко дѣйствовалъ какъ самостоятельный начальникъ, а въ другихъ подъ командою генераловъ Заводовскаго и Раевскаго. Съ 1852 по 1856 годъ включительно Кухаренко является независимымъ начальникомъ отряда, совершившаго нѣсколько движеній и съ успѣхомъ дѣйствовавшаго противъ непріятеля, за что Яковъ Герасимовичъ получилъ нѣсколько разъ благодарность главнокомандующаго отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ свѣтлѣйшаго князя Воронцова и награжденъ орденомъ Владиміра III степени.

Яковъ Герасимовичъ Кухаренко былъ послѣднимъ черноморскимъ генераломъ, который несъ обязанности наказнаго атамана въ своемъ войскѣ; послѣ него наказными атаманами Черноморскаго войска были назначаемы лица неказачьяго происхожденія. И судьба, какъ-бы въ ознаменованіе этого обстоятельства, распорядилась придать самой кончинѣ этого генерала особый трагическій характеръ. Въ половинѣ Сентября 1862 г. Я. Г. Кухаренко, проѣзжая по службѣ въ г. Ставрополь въ 11 часовъ ночи между Казанской и Кавказской станицами по такъ называемой старой кордонной линіи, внезапно подвергся нападенію партіи абадзеховъ. Генералъ ѣхалъ въ сопровожденіи только своего зятя капитана Іогансона и вѣстоваго казака, безъ конвоя, и попробовалъ защищаться сначала при помощи револьвера, но револьверъ на первомъ выстрѣлѣ осѣкся; а при второмъ взводѣ револьвера, изъ залпа со стороны непріятеля одна пуля попала подъ курокъ, которымъ разсѣкло генералу руку, а другая контузила въ бедро. Тогда генералъ выскочилъ изъ экипажа и обнажилъ шашку. Силы были однако на сторонѣ абадзеховъ. Кухаренко съ зятемъ были взяты въ плѣнъ, ямщикъ убитъ, а казакъ изрубленъ. Больной и израненный старикъ-генералъ на 7 днѣ плѣна умеръ въ горахъ у горцевъ, и только безжизненное тѣло его было потомъ перевезено въ Екатеринодаръ и чрезъ 11 дней послѣ смерти погребено здѣсь.

Григорій Ивановичъ Филипсонъ,

генералъ-лейтенантъ, командующій войсками праваго крыла Кавказской линіи и Наказный Атаманъ Черноморскаго казачьяго войска съ 6 Іюля 1855 года по 12 Сентября 1860 года.

Григорій Ивановичъ Филипсонъ происходилъ изъ дворянъ Казанской губерніи и родился въ 1805 г. На службу поступилъ подпрапорщикомъ въ Олонецкій пѣхотный полкъ 22 Мая 1823 года, въ 1826 году произведенъ въ прапорщики, въ слѣдующемъ 1827—въ подпоручики, въ 1829 г. въ поручики, 1 Апрѣля 1835 г. въ штабсъ-капитаны и 24 Ноября того же года въ капитаны, въ 1838 года въ подполковники, въ 1839 г. въ полковники, въ 1845 году въ генералъ-маіоры и въ 1857 году въ генералъ-лейтенанты.

Генералъ Филипсонъ состоялъ кавалеромъ орденовъ: св. Анны I ст. безъ короны и съ Императорскою короною и мечами, II степ. съ Императорскою короною, III ст. съ бантомъ и IV ст. съ надписью: «за храбрость», св. Владиміра II ст. съ мечами, III ст. и IV ст. съ бантомъ, св. Станислава I и II степ., св. Георгія IV класса за выслугу 25 лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ, Бѣлаго орла съ мечами и св. Александра Невскаго съ мечами; имѣлъ медаль за взятіе приступомъ города Варшавы 25 и 26 чиселъ Августа 1831 года, польскій знакъ отличія за военныя достоинства

IV степени, бронзовую медаль въ память войны 1853—1856 годовъ на андреевской лентѣ и знакъ отличія безпорочной службы за 20 лѣтъ. Кромѣ того, Григорій Ивановичъ неоднократно получалъ денежныя награды, Монаршее благоволеніе и въ 1858 году Монаршую благодарность за дѣла съ горцами Западнаго Кавказа.

Боевая служба Григорія Ивановича началась въ войнѣ съ польскими мятежниками, въ 1831 году. Участвуя въ двухъ компаніяхъ противъ поляковъ, Филипсонъ сражался съ непріятелемъ въ цѣломъ рядѣ стычекъ и въ трехъ генеральныхъ битвахъ—подъ Прагою на Гроховскихъ поляхъ 13 Февраля, подъ Остроленкою 14 Мая и у Варшавы 25 и 26 Августа. Большую затѣмъ часть своей долговременной и полезной службы Григорій Ивановичъ употребилъ на дѣла противъ кавказскихъ горцевъ. Такъ, въ 1837 году онъ участвовалъ въ экспедиціи генералъ-лейтенанта Вельяминова по восточному берегу Чернаго моря, въ 1838, 1839 и 1840 годахъ въ экспедиціяхъ генералъ-лейтенанта Раевскаго противъ тѣхъ же горцевъ Западнаго Кавказа, въ 1841 и 1842 годахъ въ экспедиціяхъ генералъ-адъютанта Анрепа также по восточному берегу Чернаго моря, выполнивши за все это время массу порученій и выдержавши длинный рядъ стычекъ и сраженій съ непріятелемъ въ качествѣ образцоваго офицера генеральнаго штаба. Въ 1856, 1857 и 1858 годахъ генералъ Филипсонъ дѣйствовалъ противъ горцевъ

Черноморскаго побережья въ качествѣ самостоятельнаго начальника.

Генералъ Филипсонъ принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ офицеровъ своего времени. Дѣятельно занимаясь самообразованіемъ, онъ въ 1833 году поступилъ въ военную академію генеральнаго штаба, по окончаніи курса въ которой былъ удостоенъ чина капитана и большой серебрянной медали, съ причисленіемъ къ генеральному штабу. Съ 1835 г. онъ назначенъ былъ состоять въ отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ и въ частности въ штабѣ войскъ Кавказской линіи и Черноморіи; 14 Февраля 1845 года назначенъ исправляющимъ должность начальника штаба тѣхъ же войскъ Болѣзнь заставила Григорія Ивановича выйдти въ 1850 году въ отставку, съ мундиромъ и полнымъ пансіономъ; но чрезъ пять лѣтъ, въ 1855 году, Филипсонъ, по Высочайшему приказу, снова былъ назначенъ на службу сначала въ распоряженіе наказнаго атамана Донскаго войска генералъ-адъютанта Хомутова, а затѣмъ 10 Іюня 1855 года ему порученъ былъ постъ наказнаго атамана Черноморскаго казачьяго войска, съ отчисленіемъ отъ генеральнаго штаба. Въ 1856 году, помимо обязанностей казачьяго атамана, на генерала Филипсона была возложена должность командира 1-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи. Съ 1860 года онъ, по Высочайшему приказу, исправлялъ должность начальника главнаго штаба кавказской арміи, а 23 Апрѣля 1861 года назначенъ членомъ

Военнаго Совѣта. Впослѣдствіи генералъ Филипсонъ несъ многотрудныя и крайне отвѣтственныя обязанности попечителя Петербургскаго учебнаго округа.

Солидное образованіе и высокія личныя качества Г. И. Филипсона отводятъ ему очень почтенное мѣсто въ рядахъ лучшихъ администраторовъ. Такъ, въ 1850 году онъ находился въ Петербургѣ для полученія личныхъ приказаній Государя Императора Николая Павловича относительно обращенія въ казачье сословіе государственныхъ крестьянъ Ставропольской губерніи и сформированія пѣшихъ батальоновъ при Кавказскомъ казачьемъ линейномъ войскѣ, каковыя порученія и выполнены были имъ съ особымъ умѣньемъ и распорядительностью. Будучи наказнымъ атаманомъ Черноморскаго казачьяго войска, онъ обращалъ большое вниманіе на внутренній бытъ и положеніе казачьяго населенія, выказалъ въ этомъ отношеніи много умѣнья и такта при защитѣ края отъ отдѣльныхъ отрядовъ союзной арміи въ 1855 году съ помощію казачьяго населенія и вообще оставилъ въ войскѣ память о себѣ, какъ объ одномъ изъ самыхъ образованнѣйшихъ и авторитетныхъ атамановъ, къ распоряженіямъ котораго съ особеннымъ уваженіемъ относилось казачество. Въ оставленныхъ Г. И. Филипсономъ запискахъ, напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1883 и 1884 годы, находится не мало автобіографическихъ чертъ, характеризующихъ съ этой стороны бывшаго наказнаго атамана Черноморскаго казачьяго войска.

Левъ Ивановичъ Кусаковъ 1-й,

генералъ-маіоръ, начальникъ штаба, исправлявшій должность Наказнаго Атамана Черноморскаго казачьяго войска съ 26 Іюля 1857 года по 5 Мая 1861 года.

Левъ Ивановичъ Кусаковъ происходилъ изъ дворянъ, Курской губерніи и родился въ 1803 году. Получивши домашнее образованіе, онъ поступилъ на службу унтеръ-офицеромъ во 2-й Карабинерскій полкъ въ 1818 году, а въ 1819 году за отличіе по службѣ былъ произведенъ въ прапорщики съ переводомъ въ Московскій пѣхотный полкъ. Въ 1820 году, по Высочайшему повелѣнію, поступилъ на военное поселеніе съ отдѣльнымъ 2 батальономъ Московскаго полка въ г. Чугуевъ. Здѣсь въ слѣдующемъ 1821 году онъ былъ произведенъ въ подпоручики, въ 1827 году въ поручики. Въ 1832 году Левъ Ивановичъ вышелъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ; но въ 1833 году вновь поступилъ на службу уже по кавалеріи, съ назначеніемъ состоять при командующемъ войсками Кавказской линіи и въ Черноморіи генералъ-лейтенантѣ Вельяминовѣ. Въ 1837 году онъ произведенъ былъ въ штабсъ-ротмистры и въ слѣдующемъ 1838 году переименованъ въ маіоры, съ назначеніемъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ штаба войскъ Кавказской линіи и въ Черноморіи; въ 1840 году получилъ чинъ подполковника, въ 1844 году—полковника и въ 1854 году—генералъ-маіора.

Генералъ Кусаковъ состоялъ кавалеромъ орденовъ: св. Станислава 1 ст., св. Георгія IV класса за выслугу 25 лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ, св. Анны II ст. съ короною, той же степени безъ короны, III степ., св. Владиміра III и IV степеней; имѣлъ знакъ отличія за XXX лѣтъ безпорочной службы и свѣтло-бронзовую медаль на андреевской лентѣ, установленную въ память войны 1853—1856 годовъ.

Свою боевую службу Л. И. Кусаковъ началъ во время польскаго мятежа въ 1831 году. Въ 1834 и въ 1837 годахъ онъ участвовалъ въ двухъ экспедиціяхъ противъ горцевъ Западнаго Кавказа подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Вельяминова, экспедиціяхъ, ознаменованныхъ многочисленными стычками и сраженіями съ горцами. За отличіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ во время первой изъ этихъ экспедицій Левъ Ивановичъ былъ произведенъ въ чинъ штабсъ-ротмистра.

Назначенный начальникомъ штаба Черноморскаго казачьяго войска въ 1857 году, генералъ Кусаковъ несъ эту обязанность до 1860 года, т. е. до времени оставленія генераломъ Филипсономъ должности наказнаго атамана того же войска, и затѣмъ исправлялъ эту послѣднюю должность до преобразованія Черноморскаго и Кавказскаго линейнаго войскъ въ 1861 году. Такимъ образомъ Левъ Ивановичъ Кусаковъ былъ послѣднимъ наказнымъ атаманомъ Черноморскаго казачьяго войска.

ПЕРВЫЙ АТАМАНЪ КАВКАЗСКАГО ЛИНЕЙНАГО ПОТОМ КУБАНСКОГО ВОЙСКА

ГЕНЕРАЛЪ-МАЙОРЪ ПЕТРЪ СЕМЕНОВИЧЪ ВЕРЗИЛИНЪ

(Съ 25 іюня 1832 года по 31 октября 1837 года)

Петръ Семеновичъ Верзилинъ,

генералъ-маіоръ, Наказный Атаманъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска съ 1832 года по 20 Октября 1837 года.

Въ 1832 году изъ казачьихъ полковъ, издавна поселившихся по р. Тереку, Гребенскаго, Терскосемейнаго, Кизлярскаго и Моздокскаго, а также изъ Горскаго и Волгскаго, изъ Хоперскаго, Кубанскаго и Кавказскаго было образовано Кавказское линейное войско. Первымъ атаманомъ этого войска былъ назначенъ генералъ-маіоръ П. С. Верзилинъ.

П. С. Верзилинъ родился въ 1791 году, а на службу поступилъ пятидесятникомъ въ 1807 году; въ 1808 г. онъ произведенъ былъ въ корнеты, въ Іюнѣ 1812 г.—въ поручики, въ Октябрѣ того же года—въ штабсъ-ротмистры, въ 1821 году въ капитаны, въ 1823 году въ маіоры, въ 1828 г. въ подполковники, въ 1829 г. въ полковники и, наконецъ, въ 1832 году въ генералъ-маіоры.

Генералъ Верзилинъ состоялъ кавалеромъ орденовъ: св. Станислава I, II, и III степ., съ алмазными знаками того же ордена II ст., св. Георгія IV класса, св. Владиміра III и IV ст., имѣлъ золотую саблю съ надписью за храбрость, золотую медаль на лентѣ св. Владиміра, серебрянныя медали: въ память 1812 года, за взятіе Парижа 1814 г., турецкую 1828 и 1829 годовъ, въ воспоминаніе покоренія г. Варшавы и принадлежащій царству Польскому знакъ отличія за военныя достоинства III степени.

Начавши службу въ Московской милиціи, П. С. Верзилинъ состоялъ затѣмъ въ Александрійскомъ гусарскомъ полку, съ 1820 г.—въ Нижегородскомъ драгунскомъ, въ 1821 году назначенъ былъ командиромъ Волгскаго казачьяго полка и въ 1829 г. переведенъ былъ на ту-же должность въ Горскій казачій полкъ.

П. С. Верзилинъ участвовалъ въ походахъ въ Австрію, Молдавію и Валахію въ 1809 году, въ сраженіи съ турками, при сдачѣ послѣдними Рущука, Журжи и Никополя, затѣмъ снова въ походѣ въ Валахію въ 1811 году; 1812 годъ проведенъ Верзилинымъ въ безпрерывныхъ стычкахъ и сраженіяхъ съ французами; въ 1813 и 1814 году Верзилинъ участвовалъ въ походахъ противъ французовъ, во взятіи Парижа и во многихъ битвахъ русскихъ войскъ съ французскими; въ 1815 году находился вторично въ походѣ во Францію. Съ 1822 года П. С. Верзилинъ состоялъ въ отрядѣ генерала Ермолова противъ горцевъ въ Кабардѣ, а въ 1823 г.—въ экспедиціи противъ горцевъ по р. Лабѣ подъ командою начальника корпуснаго штаба генералъ-маіора Вельяминова 3-го. Командуя Горскимъ казачьимъ полкомъ, Верзилинъ находился во время турецкой войны 1828 и 1829 годовъ въ составѣ войскъ, дѣйствовавшихъ подъ командою графа Паскевича-Эриванскаго, и былъ отмѣченъ особымъ вниманіемъ со стороны командующаго за свою храбрость и распорядительность. Когда вспы-

хнула, поэтому, польская война въ 1831 году, въ которой игралъ рѣшающую роль графъ Паскевичъ,— послѣдній снова призвалъ подъ свою команду тотъ же Горскій казачій полкъ съ его командиромъ Верзилинымъ. Во время этой войны Петръ Семеновичъ былъ произведенъ за отличіе въ чинъ генералъ-маіора и, по рекомендаціи фельдмаршала Паскевича, назначенъ наказнымъ атаманомъ Кавказскаго линейнаго войска, съ штабсъ-квартирою въ г. Пятигорскѣ.

Чрезъ 5 лѣтъ послѣ своего назначенія генералъ Верзилинъ былъ уволенъ отъ должности наказнаго атамана. Въ этомъ случаѣ Верзилинъ былъ жертвою распоряженій новаго командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи генерала Вельяминова, неблагосклонно относившагося ко всѣмъ лицамъ, назначеннымъ на мѣста его предшественникомъ графомъ Паскевичемъ. Такое мнѣніе по крайней мѣрѣ высказалъ генералъ Кравцовъ, давшій краткую характеристику наказныхъ атамановъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска. Существуетъ, впрочемъ, и другое предположеніе на этотъ счетъ. Увольненіе Верзилина отъ должности, по этому предположенію, было личнымъ распоряженіемъ Государя Императора Николая Павловича, отъ проницательнаго взгляда котораго вѣроятно не ускользнуло отсутствіе надлежащихъ административныхъ способностей для управленія войскомъ въ этомъ чисто боевомъ генералѣ.

Степанъ Степановичъ Николаевъ,

генералъ-лейтенантъ, Наказный Атаманъ Кавказскаго казачьяго линейнаго войска съ 31 Октября 1837 года по 18 Февраля 1848 года.

По своему происхожденію С. С. Николаевъ былъ донскимъ казакомъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей; родился онъ въ 1789 году, а поступилъ на службу въ 1803 году; въ томъ же году изъ казаковъ былъ произведенъ въ урядники, въ 1809 году—въ юнкера, въ 1810 году въ портупей-юнкера и въ 1811 году въ корнеты; чрезъ четыре затѣмъ года, въ 1814 году, получилъ чинъ поручика, въ 1816 году штабсъ-ротмистра, въ 1819 году ротмистра, въ 1823 году полковника, въ 1831 году генералъ-маіора и въ 1843 году генералъ-лейтенанта.

Въ разное время Степанъ Степановичъ Николаевъ былъ награжденъ слѣдующими орденами: св. Анны I ст. съ Императорскою короною, II ст. съ алмазами и IV ст., св. Георгія IV класса за двадцатипятилѣтнюю офицерскую службу, св. Владиміра III ст., св. Станислава I ст.; имѣлъ кромѣ того золотую саблю съ надписью за храбрость, серебряныя медали 1812 года, 1814 года, 1831 года, знакъ отличія польскаго ордена за военныя достоинства II ст. и знакъ отличія за безпорочную службу въ офицерскомъ званіи за 25 лѣтъ.

Большую часть своей службы С. С. Николаевъ провелъ въ рядахъ родпаго войска, состоя

НАКАЗНЫЙ АТАМАНЪ КАВКАЗСКАГО ЛИНЕЙНАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА

ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТЪ СТЕПАНЪ СТЕПАНОВИЧЪ НИКОЛАЕВЪ

(Съ 31 октября 1837 года по 19 февраля 1848 года.

сначала въ нижнихъ и офицерскихъ чинахъ въ Донскомъ лейбъ-гвардіи казачьемъ полку и командуя съ 1830 по 1836 годъ тѣмъ же полкомъ. Въ этомъ послѣднемъ году Николаевъ былъ назначенъ походнымъ атаманомъ донскихъ казачьихъ полковъ, расположенныхъ на Кавказской линіи и наконецъ, 31 Октября 1837 года на него были возложены обязанности наказнаго атамана Кавказскаго линейнаго казачьяго войска.

Собственно боевая служба С. С. Николаева была начата съ 1812 года. Степанъ Степановичъ участвовалъ въ очень многихъ сраженіяхъ съ французами въ теченіе этого года и между прочимъ 14 Іюня при г. Трокахъ, 16 Іюня подъ г. Вильною, 18 Іюня при корчмѣ Сорѣ, 19 Іюня при мѣстечкѣ Повиверкахъ, 20 Іюня при отступленіи къ мѣстечку Свинціаны, 23 Іюня при деревнѣ Кочержишкахъ, 16 Іюля подъ Витебскомъ, 4—5 Августа подъ Смоленскомъ, 7 Августа при деревнѣ Заболотьѣ, 26 Августа во время генеральнаго сраженія при дер. Бородино, 6 Октября при Тарутинѣ, 21 Октября близъ Вязьмы и 28 Октября по дорогѣ изъ Замостья къ Ляхову. Затѣмъ 1813 годъ провелъ за предѣлами отечества и закончилъ длинный рядъ своихъ боевыхъ отличій взятіемъ Парижа въ рядахъ русской арміи въ 1814 году. Во время мятежа въ Царствѣ Польскомъ въ 1831 году Николаевъ, командуя казачьимъ лейбъ-гвардейскимъ полкомъ, участвовалъ также въ

очень многихъ стычкахъ и сраженіяхъ съ непріятелемъ.

Съ назначеніемъ наказнымъ атаманомъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, С. С. Николаевъ перевелъ между прочимъ войсковой штабъ сначала въ ст. Михайловскую, а затѣмъ въ г. Ставрополь, гдѣ онъ и находился потомъ во все послѣдующее время самостоятельнаго существованія войска.

«Генералъ Николаевъ, по словамъ казачьяго генерала Кравцова, начавшаго свою службу при этомъ атаманѣ, отличался солиднымъ умомъ и дарованіями, имѣлъ репутацію отличнаго администратора, въ продолженіе 10-лѣтняго управленія войскомъ много потрудился на его благоустройство внутреннее и правильную строевую организацію дѣйствующихъ строевыхъ частей».

«Онъ зналъ основательно казачій бытъ и его потребности, входилъ всегда во всѣ подробности казачьихъ нуждъ и своею справедливостью, разумнымъ обхожденіемъ съ народомъ и заботливостью о его благосостояніи оставилъ по себѣ весьма добрую память на долгое время у всѣхъ знавшихъ его».

С. С. Николаевъ скончался 18 Февраля 1848 года въ г. Ставрополѣ въ чинѣ генералъ-лейтенанта. Согласно его завѣщанію, онъ погребенъ въ церкви станицы Михайловской, находившейся вблизи города Ставрополя и служившей ему при жизни любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ.

Литография Тов. М. О. Вольфъ

Фотографировалъ К. Д. Фелицынъ

НАКАЗНЫЙ АТАМАНЪ КАВКАЗСКАГО ЛИНЕЙНАГО (НЫНѢ КУБАНСКОЕ) ВОЙСКА

ГЕНЕРАЛЪ МАЙОРЪ ФЕЛИКСЪ АНТОНОВИЧЪ КРЮКОВСКОЙ

(Съ 18 февраля 1848 года по 19 января 1852 года)

Феликсъ Антоновичъ Круковскій,

генералъ-маіоръ, Наказный Атаманъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска съ 1848 по 1852 годъ.

Свою службу Ф. А. Круковскій началъ въ Рижскомъ драгунскомъ полку, изъ котораго въ 1840 году былъ переведенъ на Кавказскую линію и назначенъ командиромъ Горскаго казачьяго полка. Чрезъ два года потомъ Круковскому былъ порученъ Хоперскій казачій полкъ. Командуя этимъ полкомъ, Круковскій въ 1843 году, въ соединеніи съ отрядомъ Волгскаго полка, разбилъ при ст. Бекешевской толпу горцевъ до 5000 человѣкъ, за что былъ произведенъ въ полковники и награжденъ орденомъ св. Георгія IV степени. Въ 1846 году Феликсъ Антоновичъ былъ назначенъ командиромъ знаменитаго по своимъ боевымъ дѣламъ Нижегородскаго драгунскаго полка. Полкъ этотъ подъ командою Круковскаго былъ приведенъ въ самое блестящее состояніе. Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1848 года Круковскій назначенъ былъ наказнымъ атаманомъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска. Четыре года управленія этимъ войскомъ были для Круковскаго годами боевыхъ подвиговъ и внутренняго упорядоченія войска. Такъ, въ 1849 году осенью Круковскій вмѣстѣ съ генераломъ Заводовскимъ былъ въ походѣ противъ абадзеховъ по р. Бѣлой; въ 1850 и 1851 годахъ участвовалъ въ экспедиціи въ Чечнѣ подъ начальствомъ генерала Козловскаго; въ 1852 году, въ той же экспедиціи подъ

начальствомъ князя Барятинскаго, командуя лѣвымъ флангомъ въ званіи начальника кавалеріи, былъ убитъ въ стычкѣ съ чеченцами.

Круковскій пользовался громкою извѣстностью, какъ боевой генералъ. Когда въ 1850 году Кавказъ былъ посѣщенъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, Круковскій все время состоялъ при особѣ его Высочества. Покидая Кавказъ, Высочайшій Посѣтитель, при прощаніи съ атаманомъ Круковскимъ, въ знакъ своего особаго вниманія къ Кавказскому линейному войску и его атаману, пожаловалъ послѣднему казачью линейную шашку, бывшую на немъ во все время его путешествія по Кавказу. Шашка эта, завѣщанная Круковскимъ войску, и теперь хранится въ особомъ ящикѣ въ г. Владикавказѣ въ числѣ разныхъ войсковыхъ регалій.

Круковскій былъ родомъ изъ Литвы и принадлежалъ къ фамиліи, имѣвшей гербъ «Корвинъ». Онъ воспитывался въ іезуитскомъ коллегіумѣ. По описанію генерала Кравцова, Круковскій былъ «росту большаго, стройнаго сложенія, носилъ на головѣ короткіе черные волосы, имѣлъ лицо серьезное, выразительное, большіе черные бакенбарды и очень длинные усы,—словомъ, фигура его представляла типъ настоящаго кавалериста. Онъ былъ воздержанъ въ пищѣ, питьѣ и вообще высоконравственный и строго честный человѣкъ, чуждый всякихъ личныхъ выгодъ. Нерѣдко помогалъ, чѣмъ могъ, бѣднымъ, но дѣлалъ это тайно и запрещалъ гово-

рить объ этомъ. Вообще имѣлъ видъ внушительный, сосредоточенный въ самомъ себѣ, какъ-бы замкнутый. Это происходило конечно отъ вліянія іезуитскаго воспитанія. На самомъ дѣлѣ Круковскій былъ весьма добрый и сострадательной души человѣкъ».

Когда Филиксъ Антоновичъ не былъ въ походахъ, то всю свою дѣятельность посвящалъ на обозрѣніе войска во всѣхъ его отношеніяхъ: осматривалъ устраеваемыя станицы на передовыхъ линіяхъ, инспектировалъ войска, входилъ по станицамъ во всѣ тонкости административнаго управленія и пр. Такіе смотры «онъ дѣлалъ, по словамъ генерала Попко, безъ всякихъ приготовленій, въ расплохъ, не терпѣлъ встрѣчъ и проводовъ, совершалъ объѣзды за-просто и по большей части верхомъ, не пропускалъ осмотрѣть засѣянное поле и скошенный лугъ, сворачивалъ въ сторону, чтобъ взглянуть поближе на станичное стадо, и если въ станицѣ встрѣчалъ хату неприглядную, неподдержанную, заходилъ въ нее и распрашивалъ хозяина о житьѣ-бытьѣ. Чаще, разумѣется, представлялась ему хозяйка съ ребятишками малъ-мала меньше. На вопросъ: гдѣ же хозяинъ? слѣдовалъ отвѣтъ: да въ сотнѣ, мой кормилецъ, вотъ ужъ безперемѣнно четвертый годочекъ. Атаманъ находилъ, что кормилецъ слишкомъ ужъ тамъ замѣшкался и предлагалъ станичнымъ старикамъ послать ему смѣну, что исполнялось безпрепятственно при тогдашнемъ общинномъ отбываніи военной повинности въ станицахъ,

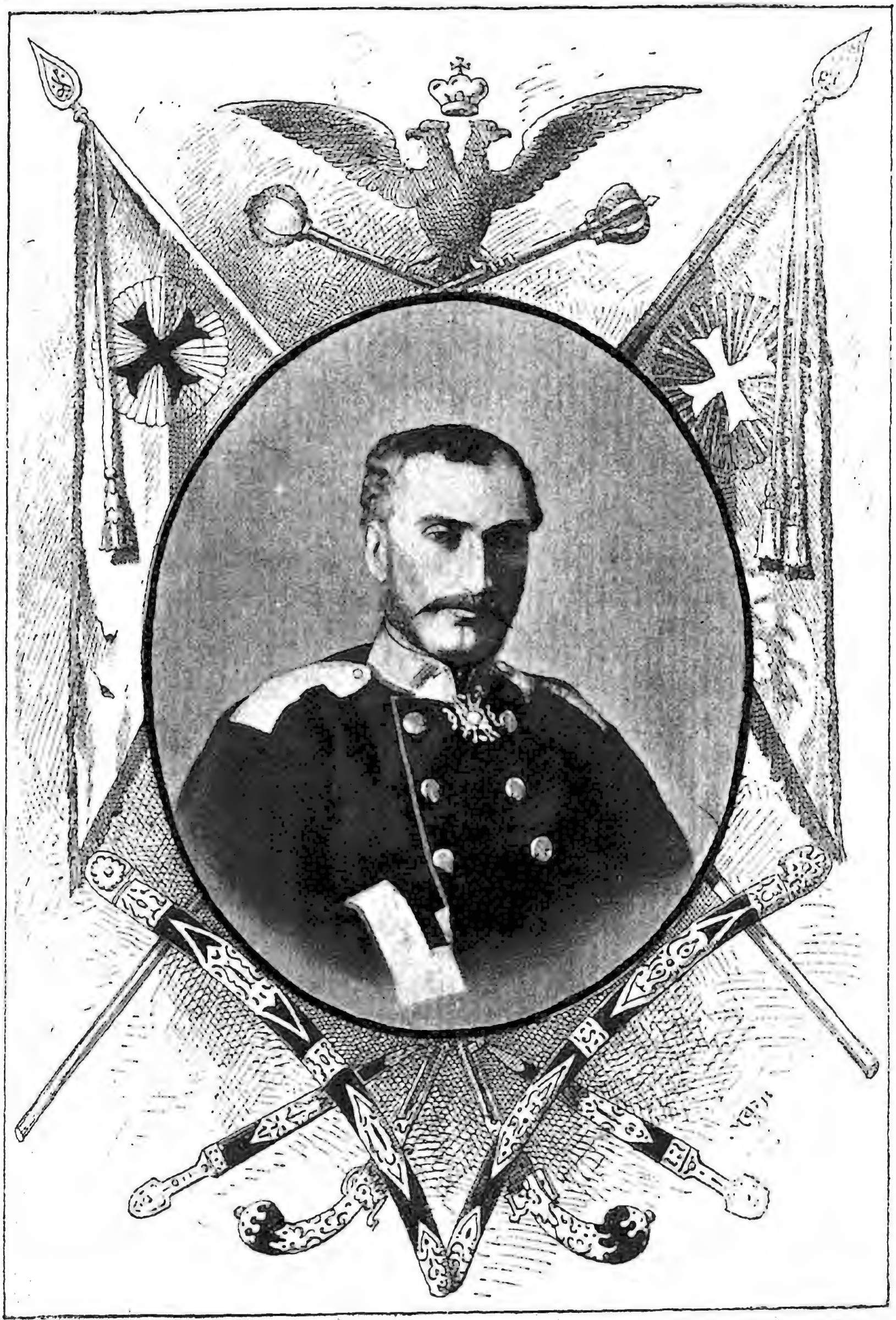
способныхъ отвѣчать на всѣ случайности бытовой жизни, неуловимыя для самой предусмотрительной регламентаціи».

Но особенно ревностнымъ и неустрашимымъ дѣятелемъ былъ генералъ Круковскій на военномъ полѣ и въ дѣлахъ. Вотъ какъ характеризуетъ его съ этой стороны И. Д. Попко. «Посты кордонной линіи, говоритъ этотъ послѣдній, Круковскій объѣзжалъ всегда верхомъ и въ сопровожденіи одного, а много-двухъ казаковъ. Въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, въ закрытыхъ и пересѣченныхъ захолустьяхъ линіи,—какъ напримѣръ, въ верховьяхъ Кубани, гдѣ отчаянно держались и каждый день грызлись посты Ямановскій, Хумаринскій и т. п.,—онъ не бралъ конвоя и собственной особой давалъ примѣръ, какъ казаку молодцу пробираться въ одиночку по такимъ мѣстамъ, гдѣ за каждымъ кустомъ сидитъ опасность. Если случалось ему запримѣтить хищническую партію, готовую заступить ему дорогу (а это случалось не разъ), онъ не измѣнялъ своего направленія, не прибавлялъ и не убавлялъ поводьевъ, приказывалъ ѣха́вшему за нимъ казаку держать дистанцію и, къ общему удивленію, невредимо достигалъ цѣли своего слѣдованія. По разсказамъ очевидцевъ, ни одна черта въ его лицѣ не измѣнялась въ подобныя минуты. То правда, должно быть, что для всякаго военнаго человѣка отмѣчена въ книгѣ судебъ послѣдняя страница, гдѣ написано: конецъ и Богу слава,—и пока не откроется эта послѣдняя страница, вся-

кая гроза и опасность—какъ съ гуся вода. Когда Круковскій командовалъ хоперцами, боевыхъ тревогъ на линіи было особенно много: тогда посланцы Шамиля поджигали закубанскихъ горцевъ, и даже мирныхъ поднимали противъ казачьихъ постовъ и станицъ, пуще всего имъ ненавистныхъ. Такъ, конечно, много опасностей пронеслось надъ головою Круковскаго, много разъ шелъ онъ на встрѣчу смерти,—и она отъ него сторонилась. Въ кордонной службѣ онъ былъ чрезвычайно подвиженъ,—не пропускалъ ни одной побѣжки на тревогу. У него было общее съ постовыми казаками правило: и день и ночь держать коня въ сѣдлѣ, гдѣ бы онъ ни находился. А какъ кавказскій непріятель никогда не говорилъ: «иду на васъ», то приходилось ему побывать и въ тѣхъ крайнихъ положеніяхъ, когда горсть казаковъ, поскакавъ ночью на неизвѣстнаго непріятеля, сталкивалась на разсвѣтѣ съ громаднымъ сборищемъ и, за неимѣніемъ другаго способа отступленія, кромѣ бѣгства, предпочитала спѣшиться и драться за какимъ-нибудь прикрытіемъ не на животъ—на смерть. Достовѣрные люди утверждаютъ, что въ подобныхъ случаяхъ Круковскій оставался въ сѣдлѣ, весь открытый непріятельскимъ пулямъ, и когда его убѣждали сойти съ коня, онъ говорилъ спокойно, что такъ ему виднѣе слѣдить за намѣреніями противниковъ. Такъ именно держалъ онъ себя въ достопамятномъ бою подъ станицею Бекешевскою, на которую, утромъ 2-го мая 1843 года, обрушилось трехты-

сячное сборище горцевъ. Онъ прискакалъ на выручку съ четырьмя сотнями хоперцевъ, сдѣлавъ переходъ въ темную и дождливую весеннюю ночь около сорока верстъ. Непріятель бросился на него, не допуская до станицы, отчаянно защищаемой стариками да хлопцами, и готовъ былъ задавить его своимъ многолюдствомъ. Онъ спѣшился и бился болѣе двухъ часовъ; когда же подоспѣла помощь и горцы пошли на утекъ, онъ, пылкимъ преслѣдованіемъ, навелъ на нихъ такую непонятную панику, что эти люди неробкаго десятка, лихіе закубанскіе наѣздники, сами помогали своему пораженію, малодушно убивая изъ пистолетовъ своихъ, опѣшившихъ въ бою, товарищей, которые хватались за хвосты ихъ лошадей и за стремена, чтобъ убѣжать отъ плѣна. Тогда была подобрана съ поля битвы не одна сотня убитыхъ и тяжело раненыхъ горцевъ, а казаки купили побѣду не слишкомъ дорого».

Личная храбрость и вообще выдающіяся военныя способности создали Ф А. Круковскому въ средѣ казаковъ и солдатъ репутацію отличнаго военнаго начальника. По станицамъ и теперь еще распѣваются казаками пѣсни про подвиги Круковскаго и въ особенности о геройской его смерти. По словамъ одной изъ этихъ пѣсень, Круковскій, «отъѣзжая отъ Старполи» въ «отрядъ чеченскій», все имѣніе свое раздарилъ, предчувствуя близкую смерть. Предчувствіе это сбылось такъ, какъ «будто Богъ съ нимъ говорилъ».



ЦИНКОГРАФІЯ ТОВ. М. О. ВОЛЬФЪ

ФОТОГРАФИРОВАЛЪ Е. Д. ФЕЛИЦЫНЪ

НАКАЗНЫЙ АТАМАНЪ КАВКАЗСКАГО ЛИНЕЙНАГО (НЫНѢ КУБАНСКОЕ ВОЙСКА

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ КНЯЗЬ ГРИГОРІЙ РОМАНОВИЧЪ ЭРИСТОВЪ

(Съ 18 февраля 1852 года по 15 мая 1855 года)

Князь Георгій Романовичъ Эристовъ 2-й,

генералъ-маіоръ, Наказный Атаманъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска съ 18 Февраля 1852 года по 15 Мая 1855 года.

Георгій Романовичъ Эристовъ происходилъ изъ рода грузинскихъ князей Тифлисской губерніи, родился 12 Февраля 1812 года и первоначальное образованіе получилъ въ благородномъ училищѣ въ г. Тифлисѣ, а дальнѣйшее въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ.

Въ службу вступилъ князь Эристовъ въ Финляндскій полкъ унтеръ-офицеромъ лейбъ-гвардіи въ 1829 году; еще до производства въ первый офицерскій чинъ князь Эристовъ участвовалъ въ различныхъ военныхъ дѣйствіяхъ и выказалъ достойное его званія мужество, за что и былъ награжденъ различными знаками отличія. Такъ, въ 1831 году, участвуя въ польскомъ походѣ, за отличіе въ дѣлахъ противъ мятежниковъ былъ награжденъ военнымъ орденомъ св. Георгія и вскорѣ затѣмъ въ томъ же году получилъ орденъ св. Анны 4 ст. съ надписью «за храбрость»; въ 1832 году за таковое же отличіе удостоился награжденія орденомъ св. Анны 3 ст. съ бантомъ и послѣ этого въ 1833 году произведенъ въ поручики и переведенъ въ Архангело-Городскій баталіонъ, изъ котораго въ 1835 году переведенъ въ Ахтырскій гусарскій полкъ и въ 1836 году произведенъ штабсъ-ротмистромъ. Въ 1840 году, отличившись въ дѣлахъ съ

горцами, удостоился ордена св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ, послѣ чего переименованъ капитаномъ и перевелся въ Нижегородскій драгунскій полкъ, въ 1842 году за усердную службу объявлено ему именное Высочайшее благоволеніе, въ томъ же году награжденъ орденомъ св. Станислава 2 ст. и назначенъ командующимъ Горскимъ линейнымъ казачьимъ полкомъ съ зачисленіемъ по кавалеріи; въ 1844 году произведенъ въ маіоры, въ 1845—въ подполковники; за отличіе противъ горцевъ награжденъ въ 1846 году орденомъ св. Анны 2 ст., въ слѣдующемъ году произведенъ въ полковники и въ 1848 году назначенъ начальникомъ центра Кавказской линіи, въ этомъ же году за отличіе противъ горцевъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 ст. Въ 1850 году Декабря 6 Георгій Романовичъ Эристовъ произведенъ въ генералъ-маіоры и въ 1851 году награжденъ орденомъ св. Станислава 1 ст.

Въ 1852 году 18 Февраля генералъ-маіоръ Эристовъ назначенъ наказнымъ атаманомъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска и въ Октябрѣ того года награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст. Въ 1858 году произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ Кутаисскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками въ краѣ, въ томъ же году Августа 22 награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ.

Въ 1858 году за принятіе рѣшительныхъ и благоразумныхъ мѣръ къ водворенію спокойствія

въ Сванетіи награжденъ орденомъ св. Владиміра 2 ст. съ мечами. Въ 1861 году назначенъ состоять при намѣстникѣ Кавказскомъ и главнокомандовавшемъ Кавказскою арміей съ оставленіемъ по армейской кавалеріи.

За отлично усердную службу награжденъ въ 1862 году орденомъ Бѣлаго орла.

Въ 1874 году Всемилостивѣйше пожалованъ бронзовою медалью въ память столѣтняго юбилея военнаго ордена св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія.

Въ 1881 году Высочайшимъ приказомъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи, а въ 1883 году награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго.

Военную дѣятельность князь Эристовъ началъ въ 1831 году во время войны въ Польшѣ, участвуя здѣсь между прочимъ въ сраженіи при г. Остроленкѣ, въ генеральномъ сраженіи подъ Варшавой и при взятіи самой Варшавы. Въ 1840, 1842, 1843 и 1844 годахъ князь Эристовъ участвовалъ въ походахъ противъ горцевъ Восточнаго Кавказа и выдержалъ за это время съ своею кавалеріею рядъ блестящихъ стычекъ и сраженій. Ему же принадлежала честь отраженія горцевъ, грабившихъ ст. Темнолѣскую, а также отъ ст. Луковской и Моздокскихъ хуторовъ. 1845 и 1846 годы князь Эристовъ провелъ въ экспедиціяхъ противъ чеченцевъ, а въ 1847 году—въ дѣйствіяхъ на р. Сунжѣ, въ 1850 году онъ находился на

Кисловодской линіи для защиты ея отъ Магометъ-Амина, скопища котораго онъ окончательно разсѣялъ послѣ пораженія ихъ полковникомъ Волковымъ на Урупѣ 14 Мая 1857 года.

Собственно наказнымъ атаманомъ Кавказскаго войска князь Эристовъ былъ не долго, но въ короткое управленіе его этимъ войскомъ были однако частію задуманы и частію осуществлены весьма важныя для края экономическія мѣропріятія. Будучи еще полковымъ командиромъ, князь Эристовъ занялся проведеніемъ большаго водопроводнаго канала по безводнымъ степямъ между р.р. Малкою и Курою. Каналъ этотъ, протянувшійся на разстояніи 100 верстъ и принесшій громаднѣйшую пользу мѣстному населенію, оконченъ былъ пріемникомъ Эристова новымъ командиромъ горскаго полка—княземъ Чавчавадзе. При князѣ Эристовѣ же былъ поднятъ очень важный для края вопросъ о проведеніи другаго канала уже изъ р. Кубани въ р. Егорлыкъ, по очень населенной, но очень бѣдствующей отъ безводья мѣстности. Проэктъ князя не былъ осуществленъ, но мысль князя Эристова до сихъ поръ жива и требуетъ осуществленія задуманной имъ мѣры. Если когда-нибудь осуществится эта весьма важная мѣра, въ чемъ врядъ ли можно сомнѣваться; то за княземъ Григоріемъ Романовичемъ Эристовымъ во всякомъ случаѣ останется честь перваго иниціатора въ этомъ дѣлѣ, долженствующемъ принести краю неисчислимыя выгоды въ экономическомъ отношеніи.

ЦИНКОГРАФІЯ ТОВ. М. О. ВОЛЬФЪ — СЪ ФОТОГРАФІИ ЛЕНИНГРАДА

НАКАЗНЫЙ АТАМАНЪ КАВКАЗСКАГО ЛИНЕЙНАГО (НЫНѢ КУБАНСКОЕ) ВОЙСКА

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ РУДЗЕВИЧЪ

(Съ 15 мая 1855 года по 1860 годъ)

Николай Александровичъ Рудзевичъ,

генералъ-лейтенантъ, Наказный Атаманъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска съ 1854 по 1860 годъ.

Когда въ концѣ прошлаго столѣтія Екатерина Великая посѣтила Новороссійскій край и была въ Екатеринославлѣ, въ числѣ другихъ лицъ къ ней явился на поклонъ знатный мурза Крымскаго хана съ десятилѣтнимъ мальчикомъ. Государыня уговорила мурзу отдать ей сына на воспитаніе, крестила затѣмъ мальчика и дала ему блестящее образованіе. Это былъ одинъ изъ будущихъ героевъ отечественной войны 1812 г.—генералъ Рудзевичъ, взявшій въ 1814 г. съ боя высоты Монмарта, результатомъ чего была немедленная сдача Парижа союзнымъ арміямъ. Н. А. Рудзевичъ, наказный атаманъ Кавказскаго войска, былъ сыномъ этого генерала-героя.

Н. А. Рудзевичъ родился въ 1810 году, воспитывался въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, откуда по окончаніи курса былъ выпущенъ гвардіи подпрапорщикомъ Въ 1818 году онъ былъ произведенъ въ прапорщики, въ 1831 году въ подпоручики, въ томъ же году въ поручики, въ 1833 году въ штабсъ-капитаны, въ 1839 году въ капитаны, въ 1844 году переименованъ въ подполковники, въ 1845 г. въ полковники, въ 1855 году въ генералъ-маіоры и, наконецъ, въ 1860 г. въ генералъ-лейтенанты.

Строевую службу Николай Александровичъ началъ въ Измайловскомъ лейбъ-гвардейскомъ пол-

ку; числясь по этому полку, онъ состоялъ адъютантомъ сначала при фельдмаршалѣ графѣ Дибичѣ Забалканскомъ, а затѣмъ при фельдмаршалѣ Паскевичѣ-Эриванскомъ. Въ 1844 году онъ былъ назначенъ командиромъ Варшавскаго жандармскаго дивизіона, а 27 Марта 1855 года наказнымъ атаманомъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска.

Генералъ Рудзевичъ состоялъ кавалеромъ орденовъ: св. Георгія IV класса за 25 лѣтъ офицерской службы, св. Владиміра III ст. и IV ст. съ бантомъ, св. Анны I ст. съ мечами, II ст. съ Императорскою короною и III ст. съ бантомъ, св. Станислава I ст. съ мечами и II ст. съ Иимператорскою короною, Австрійскаго ордена Желѣзной короны II ст., Прусскаго краснаго орла II ст., Датскаго кавалерственнаго креста Данеброга, Гессенъ-Дармштатскаго Людовика; имѣлъ также золотую саблю съ надписью «за храбрость», медали за турецкую войну и за взятіе Варшавы, польскій знакъ отличія за военныя достоинства IV ст., знакъ отличія безпорочной службы за 20 лѣтъ и бронзовую медаль на андреевской лентѣ въ память войны 1853—1856 годовъ.

Боевую службу Н. А. Рудзевичъ началъ въ 1828 году въ войнѣ съ турками. Въ 1831 году онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ борьбѣ съ польскими мятежниками и былъ между прочимъ въ генеральныхъ сраженіяхъ подъ г. Остроленкой, подъ Варшавой и при покореніи этой послѣдней. Въ 1856 и 1857 г. Рудзевичъ участвовалъ въ

экспедиціяхъ противъ горцевъ и между прочимъ въ походѣ князя Барятинскаго въ Дагестанъ и во взятіи въ плѣнъ Шамиля. За военныя отличія на Кавказѣ Рудзевичъ получилъ ордена св. Анны и св. Станислава I-й степени и чинъ генералъ-лейтенанта.

Но особенно плодотворною была дѣятельность генерала Рудзевича по внутреннему управленію казачьяго края. Первымъ дѣломъ новаго атамана было исходатайствованіе предъ высшимъ начальствомъ роспуска по домамъ съ кордонной линіи резервныхъ казачьихъ полковъ, безцѣльное содержаніе которыхъ стоило казнѣ болѣе милліона рублей. Возвратившіеся домой казаки понятно сильно подняли экономическій бытъ населенія, обѣднѣвшаго окончательно, благодаря отвлеченію всѣхъ рабочихъ рукъ на линію. Затѣмъ, по ходатайству Рудзевича, казачьи офицеры были уравнены въ служебныхъ правахъ и размѣрахъ содержанія съ армейскими офицерами, срокъ казачьей службы былъ сокращенъ съ 25 до 15 лѣтъ и было разрѣшено выдавать кавказскимъ казачьимъ полкамъ фуражировку на равнѣ съ донскими и драгунскими полками. Весьма важную поддержку оказалъ Рудзевичъ той части казачьяго населенія, которая переселялась напередовыя линіи. Онъ исхлопоталъ этимъ переселенцамъ значительныя денежныя пособія и охрану особыми отрядами устраивавшихся на новыхъ мѣстахъ казачьихъ семей.

Ежегодно Рудзевичъ объѣзжалъ край и вникалъ во всѣ мелочи казачьей жизни. «Его инспек-

торскіе смотры, говоритъ генералъ Кравцовъ, представлялись совершеннымъ праздникомъ для народонаселенія, потому что народъ очень любилъ его за простоту и ласку въ обхожденіи и за подробные распросы о житьѣ-бытьѣ» населенія. «Обыковенно все населеніе отъ мала до велика высыпало на станичныя площади въ праздничныхъ нарядахъ, чтобы посмотрѣть на своего любимаго атамана и услышать его ласковое слово. Часто послѣ смотра на площадяхъ устраивались общественные обѣды съ пѣсельниками, джигитовкой и пляской. Нерѣдко эти смотры сопровождались большими охотами», въ которыхъ участвовали всѣ записные охотники— офицеры, казаки и отставные старики-ветераны. Такою же популярностью пользовался Рудзевичъ и въ г. Ставрополѣ среди мѣщанъ, у которыхъ онъ крестилъ дѣтей, бывалъ на свадьбахъ и пр.

Когда возникло предположеніе объ образованіи изъ Кавказскаго и Черноморскаго войскъ двухъ новыхъ областей Кубанской и Терской, Рудзевичъ въ особой докладной запискѣ князю Барятинскому высказался противъ этого преобразованія, чѣмъ и заслужилъ холодность со стороны Барятинскаго. Послѣ преобразованія войска Рудзевичъ, поэтому, былъ назначенъ въ распоряженіе главнокомандующаго войсками въ царствѣ Польскомъ, былъ затѣмъ губернаторомъ въ Костромской губерніи въ теченіе шести лѣтъ, состоялъ при Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ и, наконецъ, удалился доживать свои послѣдніе дни въ г. Симферополь.

Книгографія Тов. М. О. Вольфъ — Фотографировалъ Р. Д. Фелицынъ

Гражданскій Атаманъ Кубанскаго Казачьяго Войска и Начальникъ Кубанской Области

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ НИКОЛАЙ АГАПОВИЧЪ ИВАНОВЪ (3-й)

(Съ 31 августа 1861 года по 23 августа 1863 года)

Николай Агаповичъ Ивановъ 13-й,

генералъ-маіоръ, Наказный Атаманъ Кубанскаго казачьяго войска и Начальникъ Кубанской Области съ 31 Августа 1861 года по 23 Августа 1863 года.

Н. А. Ивановъ былъ первымъ наказнымъ атаманомъ вновь образованнаго Кубанскаго казачьяго войска. Родился онъ въ 1813 году и происходилъ изъ дворянъ Рязанской губерніи; по окончаніи курса въ Павлоскомъ кадетскомъ корпусѣ, былъ зачисленъ въ 1830 году прапорщикомъ въ 10-ю артиллерійскую бригаду. Въ 1831 году Н. А. Ивановъ былъ произведенъ въ подпоручики, въ 1834 г. въ поручики, въ 1839 году въ штабсъ-капитаны, въ 1841 г. переименованъ въ капитаны, въ 1844 г. произведенъ въ маіоры, въ 1848 г. въ подполковники, въ 1852 г. въ полковники, въ 1858 году въ генералъ-маіоры и въ 1866 г. въ генералъ-лейтенанты.

Генералъ Ивановъ состоялъ кавалеромъ орденовъ: св. Георгія IV класса за 25 лѣтъ офицерской службы, св. Владиміра IV ст. съ бантомъ, св. Анны 1-й ст. съ Императорскою короною, такой же степени съ мечами и III ст., св. Станислава 1 ст.; имѣлъ польскій знакъ отличія за военныя достоинства IV ст., золотую саблю съ надписью «за храбрость», серебрянную медаль за взятіе штурмомъ замка Ахульго, знакъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ, свѣтлобронзовую медаль на андреевской лентѣ въ память войны 1853—1856 годовъ и крестъ за службу на Кавказѣ.

Въ разное время Н. А. Ивановъ несъ обязанности адъютанта въ управленіи начальника парковъ дѣйствующей арміи съ 1831 г; въ 1841 г. онъ былъ переведенъ въ строительный отрядъ путей сообщенія на Кавказѣ, въ 1843 году утвержденъ начальникомъ 1-й дистанціи отдѣленія VIII округа путей сообщенія, въ 1846 году назначенъ столоначальникомъ отдѣленія правленія того-же VIII округа, затѣмъ въ 1852 году переведенъ былъ въ корпусъ инженеровъ военныхъ поселеній и въ томъ же году назначенъ начальникомъ VIII округа корпуса инженеровъ военныхъ поселеній, въ 1855 году назначенъ исправляющимъ должность Кутаисскаго гражданскаго губернатора и въ 1858 г. утвержденъ въ этой должности, наконецъ, 15 Сентября 1861 г. на него были возложены обязанности наказнаго атамана Кубанскаго казачьяго войска.

Въ 1831 году Н. А. Ивановъ участвовалъ въ войнѣ съ польскими мятежниками, въ 1838 году въ экспедиціи въ Абхазію и вообще противъ горцевъ восточнаго берега Чернаго моря, въ 1839 г. въ походахъ по Дагестану, въ 1841 году въ движеніяхъ русскихъ войскъ противъ горцевъ по восточному берегу Чернаго моря, въ 1852 году въ экспедиціи на правомъ флангѣ Кавказской линіи.

Н. А. Ивановъ вступилъ въ должность наказнаго атамана Кубанскаго войска при преобразованіи этого войска и вынесъ на своихъ плечахъ, такъ сказать, черную работу по организаціи войсковаго управленія и упорядоченія разнаго рода частностей.

ЦИНКОГРАФІЯ ТОВ. М. О. ВОЛЬФЪ — ФОТОГРАФИРОВАЛЪ Н. Д. ФЕЛИЦЫНЪ

НАКАЗНЫЙ АТАМАНЪ КУБАНСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА И НАЧАЛЬНИКЪ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ, КОМАНДОВАВШІЙ РАСПОЛОЖЕННЫМИ ВЪ НЕЙ ВОЙСКАМИ

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ, ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ

ГРАФЪ ФЕЛИКСЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СУМАРОКОВЪ-ЭЛЬСТОНЪ

(Съ 23 марта 1863 года по 3 февраля 1869 года)

Графъ Феликсъ Николаевичъ Сумароковъ-Эльстонъ,

генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, Наказный Атаманъ Кубанскаго казачьяго войска, Начальникъ Кубанской Области и Командовавшій въ ней войсками съ 23 Марта 1863 года по 3 Февраля 1869 года.

Графъ Феликсъ Николаевичъ Сумароковъ-Эльстонъ родился 24 Января 1821 года и происходилъ изъ иностранныхъ дворянъ.

По окончаніи полнаго курса наукъ въ артиллерійской академіи, Феликсъ Николаевичъ былъ зачисленъ въ 1836 году фейерверкеромъ въ артиллерійское училище; въ 1839 году переименованъ въ фейерверки 1 класса; въ 1840 году произведенъ въ прапорщики съ зачисленіемъ по артиллеріи и съ оставленіемъ при артиллерійской академіи для продолженія курса высшихъ наукъ; въ 1842 и 1843 годахъ состоялъ въ лейбъ-гвардіи конной артиллеріи; въ 1844 году прикомандированъ къ штабу Его Императорскаго Высочества генералъ-фельдцейхмейстера; въ 1847 году произведенъ въ подпоручики; въ 1848 году отчисленъ отъ штаба въ легкую № 1-й батарею лейбъ-гвардіи конной артиллеріи; въ 1849 году произведенъ въ штабсъ-капитаны; въ 1852 году назначенъ адъютантомъ къ военному министру съ оставленіемъ по той же артиллеріи; въ 1854 году произведенъ въ капитаны; въ Январѣ 1856 года—въ полковники съ назначеніемъ къ военному министру для особыхъ порученій; въ Апрѣлѣ того же 1856 года назначенъ фли-

гель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству съ оставленіемъ въ лейбъ-гвардіи конной артиллеріи; въ 1857 году назначенъ вице-директоромъ канцеляріи военнаго министерства; въ 1858 г. опредѣленъ командиромъ 81 пѣхотнаго Апшеронскаго полка; въ 1860 году, за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ, произведенъ въ генералъ-маіоры, съ оставленіемъ въ той же должности и съ назначеніемъ въ свиту Его Величества; въ 1861 году назначенъ помощникомъ начальника Кавказской гренадерской дивизіи; въ 1863 году Марта 23 ему поручено было исправлять должность наказнаго атамана Кубанскаго казачьяго войска, въ каковой должности онъ былъ утвержденъ 23 Августа 1863 г.; въ томъ же 1863 году Августа 25-го онъ назначенъ былъ начальникомъ Джубгскаго отряда; въ 1864 году произведенъ въ чинъ генералъ-лейтенанта; 6 Января 1865 года назначенъ начальникомъ Кубанской Области и командующимъ войсками въ ней расположенными, наконецъ, 17 Апрѣля 1866 года—генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству съ оставленіемъ въ тѣхъ же должностяхъ.

Въ теченіе своей долголѣтней служебной дѣятельности графъ Феликсъ Николаевичъ Сумароковъ-Эльстонъ участвовалъ въ походахъ и сраженіяхъ противъ венгровъ въ 1849 году, противъ турокъ, французовъ и англичанъ въ 1854, 1855 и 1856 годахъ, и противъ кавказскихъ горцевъ въ 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863 и 1864 годахъ.

Графъ Ф. Н. Сумароковъ-Эльстонъ состоялъ кавалеромъ орденовъ: св. Анны 1 ст. съ Императорскою короною и мечами, 1 ст. безъ короны и мечей, II ст. съ Императорскою короною, III степ., св. Станислава I ст. съ мечами и II ст., св. Владиміра II ст. съ мечами, III ст. съ мечами и IV ст., иностранныхъ орденовъ: австрійскаго Леопольда, баварскаго св. Михаила и Гессенъ-Кассельскаго креста Вильгельма; имѣлъ золотую саблю съ надписью «за храбрость», бронзовую медаль въ память севастопольской войны, крестъ установленный за службу на Кавказѣ и получилъ разновременно нѣсколько монаршихъ благоволеній.

Графъ Феликсъ Николаевичъ вступилъ въ отправленіе обязанностей наказнаго атамана Кубанскаго казачьяго войска въ то время, когда завершалось дѣло покоренія западнаго Кавказа, когда, при раскатахъ грома русскихъ орудій и ожесточенныхъ схваткахъ побѣдителей съ побѣжденными, колонизовались горы когда-то недоступнаго Западнаго Кавказа, когда, вмѣстѣ съ преобразованіемъ края, населеніе Кубанской области начало быстро пополняться новыми казачьими элементами. Графъ Сумароковъ-Эльстонъ, поэтому, на первыхъ же порахъ своей атаманской дѣятельности обратилъ особое вниманіе на внутреннюю жизнь края, положивши въ основу всего народное образованіе, первоначальному развитію котораго онъ особенно много содѣйствовалъ.

Михаилъ Аргирьевичъ Цакни,

генералъ-лейтенантъ, Наказный Атаманъ Кубанскаго казачьяго войска и Начальникъ Кубанской области съ 3 Февраля 1869 года по 14 Іюня 1873 года.

Михаилъ Аргирьевичъ Цакни изъ дворянъ Таврической губерніи воспитывался въ частномъ учебномъ заведеніи и поступилъ на службу 9 Мая 1834 года унтеръ-офицеромъ въ бывшій Нашенбургскій пѣхотный полкъ. По расформированіи этого полка, М. А. перешелъ въ Черноморскій № 4 батальонъ 5 Іюня того же года и 15 Іюня былъ переименованъ въ подпрапорщики вслѣдствіе признанія за нимъ дворянскаго достоинства. Въ слѣдующемъ 1835 году онъ произведенъ былъ въ портупей-прапорщики, въ 1837 г. въ прапорщики, 17 Мая 1841 года въ подпоручики, Августа 22 того же года, за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ, въ поручики, въ 1843 г. въ штабсъ-капитаны, въ 1847—въ капитаны, въ 1852 году въ маіоры, въ 1856 году въ подполковники, въ 1858 году въ полковники, въ 1861 году въ генералъ-маіоры и въ 1864 году въ генералъ-лейтенанты.

Начавши службу, послѣ расформированія бывшаго Нашенбургскаго полка, въ Черноморскомъ № 4 батальонѣ, М. А. Цакни въ 1841 году перешелъ въ Черноморскій линейный № 11 батальонъ; въ слѣдующемъ году онъ былъ командированъ въ штабъ начальника Черноморской береговой линіи; въ 1843 году назначенъ старшимъ адъютантомъ

ЦИНКОГРАФІЯ ТОВ. Ж. О. ВОЛЬФЪ ФОТОГРАФИРОВАЛЪ Р. Д. ФЕЛИЦЫНЪ

НАКАЗНЫЙ АТАМАНЪ КУБАНСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА И НАЧАЛЬНИКЪ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ МИХАИЛЪ АРГИРЬЕВИЧЪ ЦАКНИ

Съ 3 февраля 1869 года по 14 іюня 1873 года)

въ штабѣ; въ 1845 году переведенъ въ Черноморскій линейный № 7 батальонъ, съ оставленіемъ въ той же должности; въ 1850 году назначенъ штабъ-офицеромъ для особыхъ порученій при начальникѣ Черноморской береговой линіи; въ 1856 году, по упраздненіи штаба начальника Черноморской береговой линіи, назначенъ въ распоряженіе наказнаго атамана Черноморскаго казачьяго войска; въ 1858 году дежурнымъ штабъ-офицеромъ штаба войскъ праваго крыла Кавказской линіи; въ 1861 году начальникомъ штаба Кубанскаго казачьяго войска; въ 1862 году—помощникомъ генералъ-интенданта Кавказской арміи; въ 1865 году—помощникомъ начальника Кубанской области; наконецъ, Высочайшимъ приказомъ 3 Февраля 1869 года назначенъ начальникомъ Кубанской Области и наказнымъ атаманомъ Кубанскаго казачьяго войска, съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи.

За свою служебную дѣятельность и отличія М. А. Цакни получилъ въ разное время слѣдующіе ордена и награды: св. Владиміра II, III и IV ст. съ бантомъ за выслугу 25 лѣтъ, св. Анны I ст. съ мечами, II ст. съ мечами и III ст. съ мечами и бантомъ, св. Станислава I ст. съ мечами, II ст. съ мечами, той же степени съ Императорскою короною и мечами и III ст., золотую саблю съ надписью «за храбрость», знакъ отличія безпорочной службы за 20 лѣтъ, свѣтло бронзовую медаль на георгіевской лентѣ въ память войны 1853—1856 годовъ, крестъ за службу на Кавказѣ, медаль за

покореніе Западнаго Кавказа, золотую медаль 1861 года, знакъ отличія 1863 года, за участіе въ составленіи положенія объ освобожденіи зависимыхъ сословій въ горскихъ обществахъ Кубанской области, нѣсколько монаршихъ благоволеній и 2500 дес. земли.

Какъ всю вообще службу, генералъ Цакни началъ на Кавказѣ и свою боевую дѣятельность, которая была проведена имъ почти исключительно въ военныхъ дѣйствіяхъ съ горцами Западнаго Кавказа и Восточнаго берега Чернаго моря. Такъ, онъ участвовалъ въ дѣлахъ съ горцами восточнаго берега Чернаго моря въ 1835 и въ 1838 годахъ, Февраля 29-го 1840 года находился при взятіи черкесами Вельяминовскаго форта и, не смотря на личную храбрость и мужественную защиту этого форта гарнизономъ, былъ взятъ въ плѣнъ горцами, гдѣ и пробылъ до 11 Мая того же года; въ 1841 г. находился въ дѣлѣ съ горцами при укрѣпленіи Тенгинскомъ и въ наступательномъ движеніи отряда контръ-адмирала Серебрякова; въ 1842 г. участвовалъ въ экспедиціи противъ натухайцевъ; а въ 1851, 1852 и 1853 годахъ въ движеніяхъ отряда вице-адмирала Серебрякова по верховьямъ ущелій Баканскаго, Худако, Псебепса, Гечепсина, Займеса и Адагума, въ земляхъ дальнихъ натухайцевъ, джегетовъ, по р. Адагуму, противъ скопищъ Магометъ-Амина и пр., пр.; въ тѣхъ же мѣстахъ, т. е. вблизи Геленджика, Новороссійска, Анапы, Раевскаго форта и др. проведена была бое-

вая дѣятельность Михаила Аргирьевича и въ теченіе войны 1853—1856 годовъ, причемъ онъ участвовалъ въ движеніи эскадры вице-адмирала Серебрякова къ Трапезонду; наконецъ, 1856, 1857, 1858 и 1860 годы также прошли для М. А. Цакни въ безпрестанныхъ экспедиціяхъ противъ горцевъ сѣверной части нынѣшняго Черноморскаго округа, южной части Темрюкскаго уѣзда и западной части бывшаго Закубанскаго. Большую часть своихъ наградъ и повышеній по службѣ Михаилъ Аргирьевичъ получилъ именно за свою боевую дѣятельность въ названныхъ мѣстахъ Западнаго Кавказа и Черноморскаго побережья.

Четыре слишкомъ года атаманской дѣятельности Михаила Аргирьевича Цакни въ Кубанскомъ войскѣ прошли въ заботахъ по внутреннему упорядоченію войска и края. Въ это время въ Кубанскомъ войскѣ было введено положеніе 1870 года и начаты первыя работы по размежеванію казачьихъ земель, т. е проведены въ жизнь казачества такіе два акта, которые существенно измѣнили прежній строй этой жизни. Первымъ изъ этихъ актовъ были ясно опредѣлены и отграничены права казачества въ станичномъ, общинномъ самоуправленіи; вторымъ окончательно установлены существующія нынѣ формы земельной собственности. На Михаилѣ Аргирьевичѣ, какъ наказномъ атаманѣ и начальникѣ области, лежала тяжелая ноша согласовать требованія новаго закона съ практикою и традиціями существовавшей до того дѣйствительности.

Николай Николаевичъ Кармалинъ,

генералъ-лейтенантъ, Наказный Атаманъ Кубанскаго казачьяго войска и Начальникъ Кубанской области съ 14 Іюня 1873 года по 23 Января 1883 года.

Николай Николаевичъ Кармалинъ происходитъ изъ дворянъ Рязанской губерніи; родился 25 Мая 1824 года; первоначальное воспитаніе получилъ въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, а высшее образованіе въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, гдѣ кончилъ полный курсъ наукъ по 1 разряду. Въ службу вступилъ прапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ Московскій полкъ въ 1842 году Августа 8, а 22 того-же мѣсяца 1844 года былъ произведенъ въ подпоручики. Въ 1847 году 25 Августа поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба и 6 Декабря того же года произведенъ въ поручики; въ 1849 году—по окончаніи курса наукъ выпущенъ изъ академіи и 19 Іюня причисленъ къ генеральному штабу. За отличные успѣхи въ наукахъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, произведенъ въ штабсъ-капитаны въ 1849 году Іюня 28. Въ томъ-же году во время войны противъ мятежныхъ венгровъ за оказанную храбрость и понесенные труды Н. Н. Кармалину 13 Августа объявлено Высочайшее благоволеніе. Рескриптомъ Его Величества Императора Австрійскаго къ генералъ-адъютанту Граббе, Николай Николаевичъ удостоился получить 18 Сентября 1849 г. живѣйшую признательность Его Величества

Фотографировалъ Е. Д. Фелицынъ

Наказный атаманъ Кубанскаго казачьяго войска и начальникъ Кубанской области,

ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ КАРМАЛИНЪ

(Съ 14/26 іюня 1873 года по 23 января 1882 года)

за строгій порядокъ и неутолимые труды въ Венгріи. За усмиреніе Венгріи и Трансильваніи награжденъ былъ серебрянною медалью. Въ 1850 г. 30 Января Н. Н. Кармалинъ былъ причисленъ къ гвардейскому штабу и въ слѣдующемъ назначенъ старшимъ адъютантомъ въ штабъ гвардейскаго пѣхотнаго корпуса по части генеральнаго штаба. Въ 1852 г. за усердную службу удостоился получить 5 Января благодарность Его Высочества Наслѣдника Цесаревича и въ томъ-же году произведенъ въ капитаны и назначенъ состоять при штабѣ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, главнокомандовавшаго гвардейскимъ и гренадерскими корпусами. За усердную службу въ томъ-же году 22 Декабря удостоился получить благодарность Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича. Въ 1853 г. за отличное исполненіе порученій по предмету чтенія лекцій тактики для старшихъ офицеровъ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ вновь удостоился получить благодарность Его Высочества и былъ назначенъ 28 Октября исправляющимъ должность адъюнктъ-профессора тактики въ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Въ 1854 г. во время войны съ англо-французами находился въ составѣ войскъ, охранявшихъ прибрежье С.-Петербургской губерніи, исполняя обязанности дивизіоннаго квартирмейстера 1 легкой гвардейской кавалерійской дивизіи. Въ 1855 году Н. Н. Кармалинъ произведенъ въ полковники и 19 Февраля при вступленіи на престолъ Государя Императора Александра

Николаевича ему объявлено, въ числѣ прочихъ, Высочайшее благоволеніе. Высочайшимъ приказомъ состоявшимся 14 Января 1856 года назначенъ исправляющимъ должность оберъ-квартирмейстера гвардейскаго пѣхотнаго корпуса и въ томъ-же году 26 Августа за отлично-усердную и ревностную службу Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ св. Станислава 2 ст. и пожалованъ бронзовой медалью въ память войны 1853—1856 г.г.; кромѣ того за смотры, маневры, ученья и парады въ присутствіи Государя Императора въ томъ-же году Н. Н. Кармалину объявлено Именное Высочайшее благоволеніе.

Въ 1857 году 1 Января Высочайшимъ приказомъ онъ назначенъ начальникомъ штаба 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и въ томъ-же году за отлично-усердную и ревностную службу Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ св. Станислава 2 ст. съ Императорскою короною. Въ 1858 году за смотры и парады объявлено именное Высочайшее благоволеніе. Высочайшимъ приказомъ 24 Января 1859 года назначенъ исправляющимъ должность начальника штаба 3-го армейскаго корпуса съ переводомъ въ генеральный штабъ и 22 Августа того-же года награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ.

Въ 1861 году Николай Николаевичъ Кармалинъ за отличіе по службѣ произведенъ въ генералъ-маіоры съ утвержденіемъ въ должности начальника штаба 3-го армейскаго корпуса. 5 Октября 1862 года съ Высочайшаго соизволенія наз-

ченъ состоять въ распоряженіи командовавшаго Кавказскою арміею и въ томъ-же году исправлялъ должность генералъ-квартирмейстера Кавказской арміи. Съ 29 Марта по 1 Декабря, 26 Января 1864 года Николаю Николаевичу поручено было временное командованіе войсками на лѣвомъ берегу р. Алазани расположенными и исправленіе должности начальника Верхняго Дагестана и въ томъ-же году на основаніи Высочайшаго указа награжденъ серебрянною медалью съ надписью «за покореніе Западнаго Кавказа въ 1859—1864 г.г.» и крестомъ за службу на Кавказѣ. 3 Ноября того-же года за отличіе въ дѣлахъ съ горцами награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 ст. съ мечами, а въ слѣдующемъ году 4 Апрѣля за отличіе по службѣ награжденъ орденомъ св. Станислава 1 ст. Въ 1865 году по упраздненіи бывшаго управленія Верхняго Дагестана назначенъ исправлять должность военнаго начальника Средняго Дагестана и 4 Сентября Высочайше утвержденъ въ этой должности. Въ 1867 году 8 Декабря за отлично усердную службу награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст. Въ 1869 году Высочайшимъ приказомъ назначенъ Эриванскимъ военнымъ губернаторомъ и управляющимъ гражданскою частью, съ оставленіемъ въ генеральномъ штабѣ. Высочайшимъ приказомъ 30 Августа 1869 года за отличіе по службѣ произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ оставленіемъ въ генеральномъ штабѣ. За участіе и приведеніе въ дѣйствіе положенія объ освобожденіи зависимыхъ сословій въ горскихъ обще-

ствахъ Дагестанской области, Всемилостивѣйше пожалованъ установленною въ 1861 и 1863 г.г. особою медалью и знакомъ отличія въ Іюнѣ 1870 года. За отлично-усердную службу Высочайшимъ приказомъ 24 Сентября 1871 года Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ св. Владиміра 2 ст.—Въ 1872 году 26 Мая Его Величество Султанъ Турецкій пожаловалъ Н. Н. Кармалину орденъ Меджидіе 1 ст., на принятіе коего послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе. Затѣмъ Высочайшимъ приказомъ отъ 17 Іюня 1873 г. Николай Николаевичъ назначенъ на должность начальника Кубанской области и наказнаго атамана войска Кубанскаго съ оставленіемъ въ генеральномъ штабѣ. Въ томъ же году Шахомъ Персидскимъ пожалованъ орденомъ Льва и Солнца. Въ 1874 г. за отлично-усердную службу Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла.

Высочайшимъ повелѣніемъ состоявшимся 3 Февраля 1877 г. зачисленъ съ потомствомъ въ число жителей ст. Полтавской Кубанскаго войска, съ присвоеніемъ ему лично званія почетнаго старика станицы; въ томъ-же году Мая 14 приказомъ по Кавказскому военному округу назначенъ командующимъ войсками, расположенными въ Кубанской области и Черноморскомъ Округѣ съ представленіемъ правъ корпуснаго командира.—За отлично-усердную и ревностную службу и особыя заслуги, оказанныя въ теченіи войны 1877—1878 г.г., Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго Апрѣля 16 1878 г.

23 Января 1882 года Николай Николаевичъ Кармалинъ назначенъ членомъ военнаго совѣта съ зачисленіемъ по Кубанскому казачьему войску, а 15 Мая 1883 года за отличіе по службѣ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи.

Въ 1838 г. вслѣдствіе просьбы общества жителей ст. Ключевой воспослѣдывало Высочайшее соизволеніе на принятіе Н. Н. Кармалину предложеннаго ему званья почетнаго старика ст. Ключевой.

Въ 1849 году Н. Н. Кармалинъ, по волѣ начальства, былъ командированъ въ дѣйствующую русскую армію въ Венгріи и находился при обложеніи крѣпости Каморина съ 26 Августа по 3 Сентября. Въ 1863 году онъ принималъ дѣятельное участіе въ двухъ отрядахъ—сначала въ Джубгскомъ и затѣмъ Адагумскомъ, дѣйствовавшихъ противъ горцевъ Кубанской области. Наконецъ, въ теченіе послѣдней войны съ Турціею въ 1877—1878 годахъ Николай Николаевичъ командовалъ войсками, расположенными въ Кубанской Области и въ Черноморскомъ округѣ.

Десятилѣтняя дѣятельность Николая Николаевича Кармалина въ должности наказнаго атамана Кубанскаго казачьяго войска и начальника Кубанской Области безспорно займетъ самое видное мѣсто въ исторіи этого войска. Имя этого наказнаго атамана всегда будетъ связано съ тѣмъ общимъ экономическимъ подъемомъ края и культурнымъ ростомъ его, какими сопровождалось управленіе Николая Николаевича кубанскими казаками и областью.

Николай Николаевичъ былъ не только выдающимся администраторомъ, но и высокообразованнымъ начальникомъ и рѣдкимъ для населенія человѣкомъ. Солидное образованіе, обширная эрудиція въ области экономическихъ и общественныхъ вопросовъ, широкое знакомство съ дѣломъ, простота въ обращеніи и глубокій интересъ къ нуждамъ края и казака—таковы тѣ основныя черты, которыми была проникнута отъ начала до конца дѣятельность Николая Николаевича въ Кубанской области. Экономическое развитіе края, земледѣліе, торговля, пути сообщенія, станичное самоуправленіе, казачьи общинно-земельные порядки, школьное дѣло, изученіе края и пр., пр.,—все это останавливало на себѣ вниманіе Николая Николаевича, ко всему этому онъ относился съ рѣдкимъ интересомъ и заботливостью. Въ вопросахъ внутренняго развитія Николай Николаевичъ не ограничивался узкими рамками одной окружающей дѣйствительности, но обращался къ примѣрамъ исторіи и къ широкому знакомству съ аналогичными явленіями изъ жизни Русскаго государства. Такъ, относясь съ особою заботливостью къ упорядоченію казачьяго общиннаго землепользованія,—въ основу своихъ распоряженій по этому предмету, циркуляровъ, личныхъ совѣтовъ и указаній казакамъ онъ клалъ, съ одной стороны, органическую связь развивавшихся въ казачьей общинѣ земельныхъ порядковъ съ историческимъ прошлымъ казачьяго землевладѣнія, а съ другой, указанія опыта въ Россіи вообще, и нужно замѣтить, что

съ этою цѣлью Николай Николаевичъ не пропускалъ ни одной статьи въ печати по вопросу о русской земельной общинѣ и знакомъ былъ съ предметомъ не хуже любаго спеціалиста. При такомъ отношеніи къ дѣлу, Николай Николаевичъ соединялъ простоту въ обращеніи съ рѣдкой терпимостью. Николай Николаевичъ любилъ выслушивать противорѣчія и воззраженія, чтобы лучше оцѣнить ту или другую задуманную имъ мѣру. Всѣмъ памятенъ циркуляръ его, напечатанный въ свое время въ «Кубанскихъ Вѣдомостяхъ», циркуляръ, въ которомъ онъ просилъ всѣхъ не стѣсняясь указывать на недостатки административнаго управленія въ краѣ. Къ Николаю Николаевичу имѣлъ доступъ всякій, и достаточно было двухъ-трехъ вопросовъ съ его стороны, какъ проситель или даже виновный въ какомъ-либо проступкѣ чувствовалъ, что найдетъ въ своемъ начальникѣ справедливый приговоръ и гуманную поддержку. Населеніе всегда умѣло цѣнить эти высокія качества въ своемъ атаманѣ и относилось къ нему съ рѣдкою довѣрчивостью для рядоваго казака. Въ средѣ кубанцевъ и теперь еще продолжаютъ теплиться чувсгва самой искренней и нелицепріятной привязанности къ своему бывшему начальнику, а широкое развитіе народнаго образованія, энергичная и разумная поддержка лучшихъ сторонъ казачьей общины и заботы объ экономическомъ ростѣ края на всегда останутся яркими фактами просвѣщенной дѣятельности Н. Н. Кармалина для будущей исторіи Кубанскаго края.

Сергѣй Алексѣевичъ Шереметевъ,

генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, Наказный Атаманъ Кубанскаго казачьяго войска и Начальникъ Кубанской области съ 29 Января 1882 года по 8 Февраля 1884 года.

Сергѣй Алексѣевичъ происходилъ отъ древняго боярскаго рода Шереметевыхъ, представители котораго во всѣ царствованія своими важными заслугами и присущими этой фамиліи высокими чертами благороднѣйшаго и рыцарски честнаго характера, выдвигались на высшія ступени государственной дѣятельности. Родился онъ 24 Марта 1837 года, воспитаніе получилъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ и вступилъ въ службу корнетомъ 13 Августа 1853 года въ гусарскій Его Императорскаго Высочества Великаго князя Константина Николаевича полкъ. Въ 1854 году 21 Ноября на вакансію произведенъ въ поручики, а 27 Декабря того же года по распоряженію начальства переведенъ въ Нижегородскій драгунскій Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго принца Виртембергскаго (нынѣ Его Величества Короля Виртембергскаго) полкъ. Вскорѣ по прибытіи въ полкъ, въ Мартѣ мѣсяцѣ 1855 года С. А. Шереметевъ назначенъ состоять при главнокомандовавшемъ отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ предѣлахъ Азіатской Турціи Сергѣй Алексѣевичъ, находясь въ распоряженіи главнокомандо-

ФОТОТИПІЯ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ — ФОТОГРАФИРОВАЛЪ Е. Д. ФЕЛИЦЫНЪ

НАКАЗНЫЙ АТАМАНЪ КУБАНСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА И НАЧАЛЬНИКЪ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ, ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ

СЕРГѢЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ

(Съ 23 января 1882 года по 8 февраля 1884 года)

вавшаго отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, участвовалъ въ слѣдующихъ дѣлахъ и движеніяхъ главнаго Александропольскаго отряда: 17 Сентября при штурмѣ частью нашихъ войскъ кр. Карса, причемъ изъ захваченныхъ 23 непріятельскихъ орудій, вывезено 4 и взято 14 знаменъ и значковъ; послѣ 5-часоваго упорнаго боя штурмовавшія войска отведены на прежнія позиціи и блокада кр. Карса возстановлена прежнимъ порядкомъ; 16 Ноября, при сдачѣ кр. Карса, гарнизонъ этой крѣпости, доведенный до крайности бдительною и неусыпною шестимѣсячною блокадою нашихъ войскъ и лишенный всякой возможности какъ въ подвозѣ жизненныхъ припасовъ, такъ и въ полученіи подкрѣпленій войсками, убѣдился въ невозможности держаться далѣе и потому предложилъ главнокомандовавшему Кавказскимъ корпусомъ, генералъ-адъютанту. Муравьеву сдаться на капитуляцію; по опредѣленіи условій сдачи, 16 Ноября въ 2 часа по полудни, кр. Карсъ съ полнымъ вооруженіемъ, около 130 орудій, до 26/т. ружей, штуцеровъ и карабиновъ, 12 полковыхъ, 18 другихъ частей знаменъ и всѣмъ вообще казеннымъ имуществомъ, сданы намъ; главнокомандовавшій турецкою арміею Муширъ-Васифъ-паша со своимъ штабомъ, 10 другихъ пашей, состоявшій при гарнизонѣ кр. Карса англійской службы генералъ-маіоръ Виліамсъ съ своимъ штабомъ, состоявшимъ изъ англійскихъ штабъ и оберъ-офицеровъ и чиновниковъ, и гарнизонъ крѣпости со всѣми штабъ и оберъ-офицера-

ми, сдались намъ военно-плѣнными. Паденіемъ Карса уничтожена окончательно анатолійская армія, состоявшая при открытіи компаніи 1855 года изъ 30/т. чел., изъ этого числа около 2/т. человѣкъ взято въ плѣнъ разновременно въ теченіи компаніи до сдачи крѣпости; до 3/т. чел. успѣло пробраться изъ крѣпости во время блокады, болѣе 8/т. погибло въ бою съ нами отъ холеры, голода и истощенія, до 8/т. человѣкъ регулярныхъ войскъ и до 7/т. безсрочно-отпускныхъ регулярныхъ же войскъ (редифы), баши-бузуковъ и лазовъ сдались военно-плѣнными, около 2/т. чел. оставлено турками больными въ Карсѣ при сдачѣ крѣпости. Въ слѣдъ затѣмъ, съ 25 Ноября до 10 Декабря, Сергѣй Алексѣевичъ Шереметевъ былъ при роспускѣ Александропольскаго отряда на зимнія квартиры, послѣ чего и возвратился въ Тифлисъ 13 Декабря.

22 Декабря 1856 года С. А. Шереметевъ отчисленъ отъ полка съ назначеніемъ состоять для особыхъ порученій при главнокомандовавшемъ Кавказскою арміей. Въ 1858 году съ 22 Іюня по 1 Сентября С. А. Шереметевъ находился въ экспедиціи лезгинскаго отряда въ непокорныя общества: Анцухъ-Капучу, Анцроссо, Ухнада, Богнада, Иланхеви и Дидо; причемъ были слѣдующія дѣла и перестрѣлки: 12 Іюня при взятіи заваловъ на ур. Зикари-Катъ, 15—на высотахъ Жеко; 16—взятіе штурмомъ сильныхъ непріятельскихъ укрѣпленій на высотахъ Гарухъ-Меоръ; 18—при взятіи Атцухской крѣпости Гетыны-Генъ, причемъ взято

2 орудія; 19—при переправѣ чрезъ р. Сара-Оръ и взятіи штурмомъ аула Токъ; 20 Іюля—при взятіи ауловъ: Колда, Мачара и Кабасида; 22—при движеніи отряда изъ Атцуха къ аулу Калаки, по ущелью р. Хвонъ-Оръ; 25—при движеніи части отряда отъ урочища Закари-Катъ на высоты Тинача; 1 Августа при взятіи заваловъ на высотахъ Чумакало; 2—при переправѣ чрезъ р. Черель-Оръ и занятіи Анурасскаго аула Тлафата; 5—при взятіи и разсѣяніи Богнадальскихъ ауловъ: Цикиль и Никаръ; 12—при совершенномъ пораженіи партіи наибовъ Багазскаго и Иланхезскаго на высотахъ Бала-Кури; 18—при взятіи и разсѣяніи Иланхевскихъ ауловъ: Эшитля и Генатля; 20 Августа при взятіи штурмомъ сильно укрѣпленнаго и упорно защищаемаго Иланхевскаго аула Китури. С. А. Шереметевъ, вызвавшись въ охотники съ 3-ею стрѣлковою ротою лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка для взятія штурмомъ башень и саклей, наиболѣе способствовавшихъ упорной оборонѣ и сильно защищаемыхъ горцами, не смотря на жестокій непріятельскій огонь, первымъ ворвался въ аулъ и принявъ послѣ убитаго прапорщика князя Микеладзе начальство надъ первымъ взводомъ 3-ей стрѣлковой роты, выбилъ горцевъ изъ нѣсколькихъ башень и саклей и тѣмъ далъ возможность занять и зажечь большую часть аула. За этотъ выдающійся подвигъ храбрости С. А. Шереметевъ Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. Въ 1859 году 24 Марта

за отличіе по службѣ онъ былъ произведенъ въ штабсъ-ротмистры, съ 21 Іюня по 26 Іюля находился въ отрядѣ въ Чечнѣ подъ личнымъ начальствомъ главнокомандовавшаго Кавказскою арміей; въ томъ же году 6 Августа С. А. Шереметевъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству и 9 Августа переведенъ лейбъ-гвардіи въ конно-гренадерскій полкъ съ переименованіемъ въ штабсъ-капитаны и съ оставленіемъ въ званіи флигель-адъютанта. Въ 1860 году военная дѣятельность С. А. Шереметева, произведеннаго въ капитаны, переносится на правый флангъ, въ предѣлы нынѣшней Кубанской области, гдѣ въ составѣ главнаго Шапсугскаго отряда, онъ участвовалъ въ слѣдующихъ дѣлахъ и перестрѣлкахъ. 20 Апрѣля на рекогносцировкѣ лѣваго нагорнаго берега Кубани въ направленіи на р. Иль; 21—въ балкѣ Катлямиджы при выборѣ мѣста для устройства промежуточнаго редута; 24—при передвиженіи отряда съ Кубани на р. Иль; 25—на рекогносцировкѣ между р.р. Илемъ и Азипсомъ; 27—въ перестрѣлкѣ при движеніи отряда по р. Иль и въ жаркомъ дѣлѣ при штурмѣ части аула Кабаницъ; 28—въ перестрѣлкѣ при прочисткѣ мѣста для лагеря; 29—на рубкѣ лѣса и разработкѣ дороги; 1 Мая въ жаркомъ дѣлѣ при занятіи остальной части аула Кабаницъ и движеніи двухъ колонъ въ глубь страны, для рубки просѣкъ; 2—въ перестрѣлкѣ при фуражировкѣ; 8—въ перестрѣлкѣ на рубкѣ лѣса по правому берегу р. Иль и на фу-

ражировкѣ; 9-при движеніи отряда къ аулу Эмпсихіако и при занятіи его; 12—въ перестрѣлкѣ на рубкѣ лѣса у передоваго редута и при уничтоженіи близъ лежащаго аула; 15—при рубкѣ просѣки въ направленіи на р. Убинъ и при движеніи легкой колонны на позицію у аула Кабаницъ; 16—при рубкѣ просѣки на р. Убинѣ; 17—на рубкѣ просѣки по Анапской дорогѣ; 18—въ дѣлѣ при рубкѣ лѣса на обѣихъ сторонахъ р. Убина и при взятіи съ боя ауловъ на этой же рѣкѣ; 20—въ перестрѣлкѣ при рубкѣ просѣки на р. Убинѣ. Затѣмъ—перейдя въ составъ средне-шапсугскаго отряда, С. А. Шереметевъ участвовалъ въ слѣдующихъ дѣлахъ и перестрѣлкахъ: 25 Мая—на рубкѣ лѣса по направленію отъ урочища Эмпсихіако на р. Азипсъ; 27—при отбитіи партіи горцевъ, бросившихся на мѣсто водопоя; 30—на рубкѣ просѣки въ направленіи на р. Азипсъ; 6 Іюля при уничтоженіи пластунами двухъ ауловъ во время рубки строеваго лѣса на р. Убинѣ и при фуражировкѣ на р. Азипсѣ; 9—при отступленіи пластуновъ отъ раззореннаго ими аула въ ущелья р. Иль и при возвращеніи колоны съ р. Кубани на урочищѣ Кабаницъ; 10—при занятіи ауловъ лежащихъ вправо отъ дороги, разработываемой на р. Убинѣ; 14—при уничтоженіи ауловъ вдоль р. Иль. Съ 15 Мая по 4 Іюня С. А. Шереметевъ участвовалъ во всѣхъ движеніяхъ колонъ, высылавшихся изъ отряда на фуражировки, рубку лѣса, и проч.; 5 Іюля онъ находился при истреб-

леніи ауловъ, лежащихъ близъ вновь проложенной дороги на р. Кубань; 10 Іюля участвовалъ въ дѣлѣ при отбитіи стада скота на р. Убинѣ; 11—въ жаркомъ дѣлѣ при истребленіи ауловъ: Кіябъ, Боргужъ и Кушо-Хабль; 16, 19 и 20 Іюля—въ перестрѣлкахъ на фуражировкахъ; 31—въ дѣлѣ при набѣгѣ части отряда въ долину между р.р. Азипсъ и Хабль, для уничтоженія собранныхъ горцами хлѣбныхъ запасовъ, отбитія скота и истребленія большаго аула Каразукъ; съ 23 по 30 Іюля въ незначительныхъ перестрѣлкахъ съ колонами, посылаемыми для рубки лѣса на фуражировки и для конвоированія на р. Кубань обоза; 6, 7, 11, 13, 14, 15, 18 и 19 Августа въ перестрѣлкахъ въ колонахъ, посылавшихся на фуражировки и на рубку хвороста и за дѣловымъ лѣсомъ на р. Кубань къ посту Великолагерному; 23 Сентября при отбитіи партіи, бросившейся на нашъ пикетъ; 25—при раззореніи двухъ большихъ ауловъ въ долинѣ р. Азипса; 7 Ноября—при набѣгѣ, для разоренія хуторовъ, лежащихъ по р. Убину; 30—при передвиженіи отряда отъ Ильскаго укрѣпленія на урочище Тучузъ-Маше; 1 Декабря при рекогносцировкѣ Анапской дороги и на фуражировкѣ въ долинѣ Богай; и 3—при уничтоженіи большаго аула Пшижіатукъ на р. Азипсѣ. 11 Іюля 1861 года Сергѣй Алексѣевичъ былъ переведенъ въ Кубанское казачье войско подполковникомъ съ оставленіемъ въ званіи флигель-адъютанта и въ томъ же году 13 Сентября за отличіе въ дѣлахъ съ горцами

награжденъ золотою шашкой съ надписью за «храбрость», за таковое же отличіе 28 Октября Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Станислава 2 ст. съ мечами, а 13 Ноября назначенъ командиромъ 13 полка Кубанскаго казачьяго войска.

Въ 1861 году съ 7 Февраля по 13 Октября С. А. Шереметевъ находился въ составѣ Абадзехскаго отряда, занимавшагося устройствомъ дороги между укр. Майкопскимъ, станиц. Лабинскою и укр. Хамкеты, устройствомъ Абадзехской кордонной линіи и постройкою станицъ Нижне-Фарской и Кужорской, и рубкою просѣки вверхъ по р. Фарсу.

Въ 1862 году 28 Апрѣля С. А. Шереметевъ зачисленъ по армейской кавалеріи съ оставленіемъ въ званіи флигель-адъютанта, а въ слѣдующемъ году 5 Декабря по Высочайшему повелѣнію назначенъ командующимъ Собственнымъ Его Величества конвоемъ. 10 Апрѣля 1864 года произведенъ въ полковники. Въ 1865 г. 30 Августа Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст., а въ 1866 году 28 Октября пожалованъ брилліантовымъ перстнемъ съ вензелевымъ изображеніемъ имени Его Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича. Въ 1867 году 30 Августа за отличіе по службѣ награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст. Въ 1869 году 24 Мая, по отчисленіи отъ должности командира Собственнаго Его Величества конвоя, зачисленъ по гвардейской кавалеріи и 30 Августа награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 степени.

Въ 1872 году 16 Апрѣля С. А. Шереметевъ

за отличіе по службѣ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту Его Величества. 21 Мая 1874 года Всемилостивѣйше пожалованъ бронзовою медалью въ память столѣтняго юбилея военнаго ордена св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, а въ слѣдующемъ году 28 Мая награжденъ участкомъ земли въ 300 десятинъ на Кавказѣ въ Черноморскомъ округѣ и въ этомъ же году 30 Августа за отличіе по службѣ пожалованъ орденомъ св. Станислава 1 ст. Въ 1876 году 12 Августа Сергѣй Алексѣевичъ былъ назначенъ командующимъ сводною Кавказскою казачьею дивизіею съ оставленіемъ въ свитѣ Его Величества. Приказомъ по Кавказскому военному округу 27 Ноября 1876 года назначенъ командующимъ 1-ю сводною Кавказскою кавалерійскою дивизіею, которая подъ его начальствомъ въ слѣдующемъ 1877 году поступила въ составъ дѣйствовавшаго корпуса на Кавказско-Турецкой границѣ. Во главѣ своей дивизіи С. А. Шереметевъ участвовалъ 12 Апрѣля при переходѣ чрезъ границу главныхъ силъ корпуса подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова и авангарда Ахалцыхскаго отряда подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Девеля, въ кавалерійской перестрѣлкѣ у Джелабъ-Кичута и Молла-Муса; 16 Апрѣля въ перестрѣлкѣ кавалеріи подъ Карсомъ, у Азатъ-Кева; 26 Апрѣля подъ начальствомъ С А. Шереметева была произведена кавалерійская рекогносцировка по с. з. сторону Карса; 1 Мая происходила усиленная рекогносци-

ровка Ардагана; 4 Мая—бомбардированіе Ардагана и штурмъ Гелявердинскихъ высотъ, рекогносцировка с.-в. фортовъ Карса и кавалерійское дѣло подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора князя Челокаева, впереди укр. Карадагъ; 5 Мая совершилось взятіе Ардагана войсками генералъ-лейтенантовъ Геймана и Девеля подъ личнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова. Съ 22 Мая началась устанавливаться блокада крѣпости Карса; 28 Мая произведена рекогносцировка сѣверныхъ фортовъ Карса лично Его Императорскимъ Высочествомъ главнокомандующимъ Кавказскою арміею, причемъ произошла вылазка турокъ изъ Карса и дѣло у Меликъ-Кея; 30 Мая войска, состоявшія подъ начальствомъ С. А. Шереметева, отразили вылазку войскъ Карскаго гарнизона съ сѣверныхъ фортовъ; 4 Іюня началось бомбардированіе сѣверо-восточныхъ фортовъ Карса: Араба, Карадага и Мухлиса; 10 Іюня С. А. Шереметевъ со ввѣренными ему войсками вторично отразилъ вылазку части Карскаго гарнизона передъ укр. Карадагомъ; 25 и 28 Іюня было прекращено бомбардированіе и снята блокада Карса; 6 Августа вновь начались военныя дѣйствія усиленной рекогносцировкой генералъ-адъютантомъ Лорисъ-Меликовымъ Аладжинской позиціи турокъ, причемъ произошелъ бой колоны полковника Комарова 4-го на горѣ большой Ягны. 20, 21 и 22 Сентября С. А. Шереметевъ участвовалъ въ знаменитомъ трехдневномъ сраженіи съ турецкою ар-

міею подъ Аладжинскими высотами и у горъ Большой и Малой Ягны, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова и подъ личнымъ руководствомъ Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго арміею. Затѣмъ послѣ цѣлаго ряда сраженій съ турками, въ которыхъ С. А. Шереметевъ принималъ дѣятельное участіе со ввѣренною ему дивизіею, 8 Октября крѣпость Карсъ была вторично обложена нашими войсками, а въ ночь съ 5 на 6 Ноября произведенъ штурмъ и взятіе крѣпости Карса войсками дѣйствующаго корпуса подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова и подъ непосредственнымъ руководствомъ Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго арміею.

Кромѣ чисто боевой дѣятельности въ рядахъ славной Кавказской арміи, С. А. Шереметевъ, облеченный высокимъ Царскимъ довѣріемъ неоднократно выполнялъ весьма серьозныя порученія. Такъ въ Ноябрѣ 1862 года по Высочайшему повелѣнію онъ былъ командированъ въ Москву для нахожденія при Государѣ Императорѣ во время Высочайшаго тамъ пребыванія, и оттуда посланъ съ порученіемъ къ генералъ-фельдмаршалу князю Барятинскому. Въ 1863 году въ Январѣ мѣсяцѣ тоже по Высочайшему повелѣнію онъ былъ командированъ въ Харьковскую губернію, для присутствованія при наборѣ рекрутъ, а въ Апрѣлѣ въ Смоленскую губернію для присутствованія при сборѣ безсрочноотпускныхъ чиновъ. 11 Августа 1864 года

С. А. Шереметевъ отправляется въ Москву для нахожденія при Государѣ Императорѣ, причемъ онъ имѣлъ счастье представить на Высочайшій смотръ слѣдовавшій съ Кавказа лейбъ-гвардіи 3-й Кавказскій казачій эскадронъ Собственнаго Его Величества конвоя. Затѣмъ въ Сентябрѣ 1865 года въ подмосковномъ имѣніи Ея Величества въ селѣ Ильинскомъ представлены имъ на Высочайшій смотръ слѣдовавшіе съ Кавказа молодые туземцы Кавказскаго и Закавказскаго края, выбранные на укомплектованіе лейбъ-гвардіи Кавказскаго эскадрона. Въ 1871 году въ Сентябрѣ мѣсяцѣ С. А. Шереметевъ командированъ въ г. Тифлисъ для нахожденія при Государѣ Императорѣ во время Высочайшаго тамъ пребыванія. Въ 1872 г. Іюня 2 для той же цѣли былъ посланъ въ Москву, въ 1875 г. Августа 25 въ г. Кіевъ. Наконецъ въ 1883 году съ 24 Апрѣля по 22 Іюня Сергѣй Алексѣевичъ находился въ г. Москвѣ для присутствованія при Священномъ Коронованіи Ихъ Императорскихъ Величествъ.

За отличіе оказанное 4 и 5 Мая 1877 года при взятіи кр. Ардагана, Всемилостивѣйше пожалованъ 20 Октября орденомъ св. Анны 1 ст. съ мечами, въ томъ же году приказомъ по Кавказской арміи и Кавказскому военному округу за 26 Сентября назначенъ начальникомъ 1-й сводной Кавказской кавалерійской дивизіи. За особое отличіе въ дѣлахъ противъ турокъ на Аладжинскихъ высотахъ Всемилостивѣйше пожалованъ 7 Декабря

1871 года орденомъ св. Владиміра 2 степени съ мечами. Въ слѣдующемъ году 5 Мая назначенъ начальникомъ Саракамышскаго отряда, а потомъ 10 Іюня начальникомъ Эрзерумскаго отряда. За отличіе въ дѣлахъ противъ турокъ 27 Іюля 1878 года произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ утвержденіемъ въ должности начальника сводной Кавказской казачьей дивизіи.

По окончаніи послѣдней турецкой войны 21 Января 1879 года Высочайшимъ приказомъ С. А. Шереметевъ назначенъ начальникомъ 2-й Кавказской кавалерійской дивизіи и въ томъ же году 21 Февраля генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству съ оставленіемъ въ занимаемой должности. Въ 1881 году съ разрѣшенія Военнаго Министра зачисленъ съ потомствомъ въ войсковое сословіе Терскаго казачьяго войска въ станицѣ Есентукской.

Въ 1882 г. Сергѣй Алексѣевичъ Шереметевъ Высочайшимъ приказомъ 23 Января назначенъ начальникомъ Кубанской области и наказнымъ атаманомъ Кубанскаго казачьяго войска съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта и по гвардейской кавалеріи. Въ 1883 году 1 Января награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла и въ томъ же году Высочайше повелѣно зачислить его въ войсковое сословіе Кубанскаго казачьяго войска по ст. Баталпашинской съ присвоеніемъ званія почетнаго старика. Въ 1884 г. 8 Февраля Сергѣй Алексѣевичъ назначенъ помощникомъ Главноначальст-

вующаго гражданскою частью на Кавказѣ и Командующаго войсками Кавказскаго военнаго округа.

Двухлѣтнее управленіе Кубанскимъ войскомъ С А. Шереметева оставило самыя свѣтлыя воспоминанія въ средѣ кубанцевъ. Сергѣй Алексѣевичъ обратилъ особое вниманіе на кубанскихъ казаковъ, какъ на чисто военное сословіе, много заботился объ улучшеніи положенія бѣднѣйшихъ закубанскихъ станицъ и былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ тѣхъ административныхъ преобразованій въ войскѣ, какія воспослѣдовали въ текущемъ 1888 году. Выходя изъ того взгляда, что кубанскій казакъ, является съ одной стороны, воиномъ, а съ другой, хозяиномъ тѣхъ земель, которыя были омыты кровью его предковъ,—Сергѣй Алексѣевичъ нашелъ крайне ненормальнымъ громадный наплывъ иногородныхъ элементовъ въ войско, по справедливости видя въ этомъ обстоятельствѣ одну изъ главныхъ причинъ, дѣйствовавшихъ разрушающимъ образомъ на казачью военную общину и традиціи. Отсюда естественно возникла мысль объ административномъ преобразованіи войска. Заботясь вообще объ экономическомъ положеніи края, о школьномъ дѣлѣ, объ исправномъ отбываніи казаками повинностей и о многихъ другихъ насущныхъ нуждахъ казака,—Сергѣй Алексѣевичъ находилъ во всѣхъ случаяхъ дѣятельную и усердную поддержку въ средѣ кубанцевъ, знавшихъ издавна своего атамана, благодаря его боевымъ подвигамъ на Кавказѣ и прежней службѣ въ казачьемъ войскѣ.

Георгій Алѳксѣевичъ Леоновъ,

генералъ-лейтенантъ, Наказный Атаманъ Кубанскаго казачьяго войска и Начальникъ Кубанской области съ 24 Марта 1884 года.

Георгій Алексѣевичъ Леоновъ происходитъ изъ дворянъ Войска Донскаго, родился Апрѣля 21 1831 года, по окончаніи курса въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ 26 Мая 1849 года поступилъ на службу въ лейбъ-гвардіи казачій Его Величества полкъ корнетомъ. Въ 1853 году 6 Декабря произведенъ въ поручики; въ 1855 г. Апрѣля 12 въ штабъ-ротмистры и 18 Мая того же года назначенъ командующимъ эскадрономъ. Въ 1826 году 26 Августа награжденъ орденомъ св. Станислава 3 ст. Въ 1857 г. 25 Августа командированъ на службу въ С.-Петербургъ съ зачисленіемъ во 2-й дивизіонъ лейбъ-гвардіи казачьяго полка, откуда возвратился на льготу въ 1858 году. 3 Апрѣля 1860 года Георгій Алексѣевичъ произведенъ въ ротмистры и 11 Ноября того же года по собственному желанію переведенъ изъ гвардіи въ войско подполковникомъ. Въ 1863 году 30 Мая назначенъ командиромъ Донскаго казачьяго № 32-й полка. За отличіе по службѣ произведенъ 16 Октября 1865 года въ полковники. Въ 1867 году Января 29 возвратился съ полкомъ № 32 на Донъ и 11 Мая того же года назначенъ командиромъ Донскаго учебнаго казачьяго полка; въ 1869 году 26 Февраля награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст. и Іюля 31

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР, АТАМАНЪ ЕКАТЕРИНОДАРСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА И НАЧАЛЬНИКЪ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ

(Съ 1884 года.)

того же года назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству съ оставленіемъ въ должности командира Донскаго учебнаго казачьяго полка. Затѣмъ въ 1870 году 19 Февраля Г. А. Леоновъ былъ исправляющимъ должность начальника штаба войска Донскаго съ оставленіемъ въ званіи флигель-адъютанта; въ томъ же году Мая 21 за отличіе по службѣ произведенъ въ генералъ-маіоры со старшинствомъ на основаніи Всемилостивѣйшаго Манифеста 18 Февраля 1762 года съ назначеніемъ въ Свиту Его Величества съ утвержденіемъ въ должности начальника штаба войска Донскаго. Въ 1872 г. 26 Февраля награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 ст., а въ 1874 г. 26 Февраля награжденъ орденомъ св. Станислава 1 ст. Въ 1876 г. Февраля 26 награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст. и за отлично-усердную службу и особые труды, понесенные при сформированіи призванныхъ въ минувшую восточную войну строевыхъ частей войска Донскаго, 7 Декабря 1878 года награжденъ орденомъ св. Владиміра 2 ст., въ 1883 г. 16 Апрѣля Г. А. Леоновъ былъ назначенъ командующимъ 2 кавказскою казачьею дивизіею съ оставленіемъ въ Свитѣ Его Величества; въ томъ же году Мая 10 зачисленъ по войску Донскому съ оставленіемъ въ настоящей должности и въ Свитѣ Его Величества; 3 Декабря того же года по распоряженію командующаго войсками Кавказскаго военнаго округа назначенъ предсѣдателемъ въ коммиссію по устройству Кубанскаго и Терскаго казачь-

ихъ войскъ Высочайшимъ приказомъ отъ 29 Марта 1884 г. назначенъ начальникомъ Кубанской области и наказнымъ атаманомъ Кубанскаго казачьяго войска съ оставленіемъ въ Свитѣ Его Величества и по войску Донскому. За отлично-усердную службу Георгій Алексѣевичъ 6 Мая 1884 г. удостоился получить Монаршее именное благоволеніе, а 30 Августа 1885 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

Въ лицѣ Георгія Алексѣевича кубанцы, послѣ почти 30-ти лѣтняго промежутка, вновь встрѣтили атамана-казака по происхожденію. Непосредственное знакомство съ бытомъ казака, долговременная служба въ рядахъ казачьяго войска и въ особенности широкая опытность, пріобрѣтенная Георгіемъ Алексѣевичемъ на очень важномъ посту начальника штаба Донскаго войска создали ему заранѣе репутацію такого атамана, отъ котораго Кубанское войско ожидало дѣятельной поддержки готовившихся преобразованій въ войскѣ. И дѣйствительно осуществленіе новой реформы, направленной на поддержаніе казачества, было совершено Георгіемъ Алексѣевичемъ при широкомъ содѣйствіи и сочувствіи казачества. Георгій Алексѣевичъ вообще пользуется любовью населенія за свою дѣятельность по разнымъ отраслямъ управленія въ области экономическихъ мѣропріятій, станичнаго самоуправленія, народнаго образованія, благоустройства и порядка въ строевыхъ частяхъ, за что казаки и сочли своею обязанностью избрать его почетнымъ старикомъ въ ст. Кореновской и Баталпашинской.

Типография тов. М. О. Вольфъ

Фотографировалъ К. Д. Фелицынъ

ВОЙСКОВОЙ НАКАЗНЫЙ АТАМАНЪ КАВКАЗСКИХЪ КАЗАЧЬИХЪ ВОЙСКЪ

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ, ГЕНЕРАЛЪ ОТЪ-КАВАЛЕРІИ

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ МИХАИЛОВИЧЪ ДОНДУКОВЪ-КОРСАКОВЪ

(Съ 1886 года)

Князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ,

*генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи, Войсковой Наказный Атаманъ Кавказскихъ казачьихъ войскъ, Командующій войсками Кавказскаго военнаго округа и Главноначальствующій гражданской частью на Кавказѣ *).*

Князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ родился въ 1820 году. Окончилъ курсъ наукъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ кандидатомъ правъ, князь вступилъ въ военную службу 12 Января 1841 г. и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ пропзведенъ въ корнеты лейбъ-гвардіи кирасирскаго Наслѣдника Цесаревича полка, а въ 1843 г. въ чинѣ поручика отправился служить на Кавказъ.

Въ 1844 г. князь Александръ Михайловичъ былъ назначенъ, на 24 году отъ роду, на должность чиновника особыхъ порученій при командирѣ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса генералъ-адъютантѣ Нейдгардтѣ, отъ котораго скоро перешелъ потомъ къ князю Воронцову Съ 26 Іюня 1846 г. до 29 Сентября 1852 г. князь Александръ Михайловичъ состоялъ при главнокомандующемъ адъютантомъ.

Много трудовъ выпало на долю Александра Михайловича въ продолженіи тринадцати лѣтней службы его на Кавказѣ. Десять лѣтъ почти онъ

---

*) Краткое извлеченіе изъ біографіи князя А. М. Дондукова-Корсакова, составленной Н. А. Волконскимъ.— Кавказскій Календарь на 1883 годъ.

не сходилъ съ боеваго коня и изъ нихъ шесть лѣтъ при князѣ Воронцовѣ (съ 1845 по 1851 годъ). Въ эти годы онъ перебывалъ въ разныхъ пунктахъ Дагестана, Чечни и нынѣшней Кубанской области.

Первымъ боевымъ подвигомъ князя Александра Михайловича было участіе его во взятіи Дарго 6 Іюня 1845 года. Подъ главнымъ начальствомъ князя Воронцова отряды наши соединились въ с. Гершме и 3 Іюня двинулись въ Андію. Отъ Гоцатля въ Дарго войска слѣдовали по узкому и глубокому ущелью верховьевъ Аксая покрытому лѣсомъ, трущобами и 29 завалами. Находясь въ передовой колонѣ, князь Александръ Михайловичъ съ отвагою бросился въ бой, но на третьемъ завалѣ былъ раненъ пулею въ лѣвую ногу ниже колѣна на вылетъ и выбылъ изъ строя. За отличіе въ этомъ дѣлѣ Александръ Михайловичъ награжденъ золотою саблею съ надписью «за храбрость». Въ апрѣлѣ 1846 года князь Александръ Михайловичъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Фрейтага, участвовалъ въ дѣлахъ противъ горцевъ, вторгшихся въ Кабарду подъ личнымъ предводительствомъ Шамиля. Съ 17 Іюня по 18 Сентября того же 1846 года князь Александръ Михайловичъ, состоя при особѣ главнокомандующаго уже въ должности адъютанта, въ которую былъ назначенъ съ переводомъ въ гусарскій Его Высочества Герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго полкъ, участвовалъ въ боевыхъ дѣйствіяхъ съ непріятелемъ въ Чечнѣ. Здѣсь князь произведенъ въ штабсъ-ротмистры 7 Августа 1846

года. Съ 8 по 23 Января 1847 года князь Александръ Михайловичъ участвуетъ во всѣхъ трудахъ и столкновеніяхъ съ горцами, предпринятыхъ княземъ Воронцовымъ въ Дагестанъ, въ Галашевское общество, къ р р. Алгусъ-Али, Кончи, Пфуты, Ассы и Фортангъ. Въ Февралѣ мѣсяцѣ князь былъ командированъ главнокомандующимъ для осмотра пограничныхъ кардоновъ на персидской и турецкой границахъ отъ Каспійскаго до Чернаго моря и инспектированія на постахъ донскихъ казачьихъ полковъ. По окончаніи этого порученія онъ находился на лезгинской линіи при начальникѣ отряда генералъ-лейтенантѣ Шварцѣ въ дѣлахъ съ горцами: 1 Мая при вторженіи султана Элисуйскаго въ Белоканскій округъ; 5 и 9 Мая въ бояхъ при сел. Катехи; 13 Мая при атакѣ сел. Чердахлы и 28 Мая при совершенномъ очищеніи округа отъ непріятеля. Къ 1 Іюня князь Александръ Михайловичъ былъ въ составѣ войскъ дагестанскаго отряда, дѣйствовавшаго противъ двухъ главныхъ гнѣздъ мюридизма—ауловъ Гергебиля и Салты.

Съ Мая и почти до Ноября мѣсяца, во все время дѣйствій нашихъ отрядовъ подъ Гергебилемъ и Салты, до роспуска ихъ по квартирамъ, князь Александръ Михайловичъ участвовалъ почти во всѣхъ бояхъ и схваткахъ съ непріятелемъ. 14 Сентября 1847 г., въ дѣлѣ штурма Салтинскаго укрѣпленія, князь увѣковѣчилъ свое имя въ числѣ другихъ офицеровъ при взятіи подземнаго убѣжища мюридовъ, пораженіи и разсѣяніи этихъ отчаянныхъ

фанатиковъ. Въ тотъ день много пострадало солдатъ и офицеровъ, въ числѣ коихъ былъ и князь, сильно ушибленный въ плечо камнемъ, брошеннымъ изъ сакли. Въ Декабрѣ 1847 г., оправившись отъ ушиба, князь вновь является въ бояхъ съ горцами на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Фрейтага, при истребленіи ауловъ на рѣкахъ Уайтѣ и Мартанѣ. За штурмъ Салты князь пожалованъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ, 19 Ноября 1847 г. Съ 1 Іюня по 1 Октября 1848 г. князь провелъ въ Чеченскихъ отрядахъ, участвуя въ столкновеніяхъ съ непріятелемъ во время сооруженія охранительной башни на правомъ берегу р. Аргуна и укрѣпленія Урусъ-Мартанскаго. За отличіе въ этой экспедиціи князь награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст. Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ онъ былъ командированъ съ особымъ порученіемъ въ Персію, гдѣ получилъ отъ Шаха орденъ Льва и Солнца 2 ст.

Въ 1849 и 1850 годахъ, когда главнымъ условіемъ нашихъ завоеваній было послѣдовательное углубленіе посредствомъ проложенія просѣкъ внутрь Большой Чечни, къ аулу Шали, князь Александръ Михайловичъ участвовалъ въ важномъ дѣлѣ 20 Января. За отличіе въ этомъ дѣлѣ награжденъ чиномъ ротмистра и мечами къ ордену св. Анны 2 ст. Кромѣ того, съ 23 Мая по 11 Іюня 1850 г. князь находился съ главнокомандующимъ въ отрядѣ и рекогносцировкахъ въ верховьяхъ Самура, при движеніи чрезъ с. Боржомъ и Рутулъ

къ с. Цахуръ и закладкѣ передоваго укрѣпленія Лучекъ. Въ томъ же году князь Александръ Михайловичъ, хорошо знакомый съ краемъ, его жизнью и исторіею, получилъ важное и лестное командированіе въ Крымъ для встрѣчи Наслѣдника Цесаревича, нынѣ въ Бозѣ почившаго Императора и сопровожденія Августѣйшаго Гостя во время объѣзда Его Императорскимъ Высочествомъ Кавказскаго края. За блестящее исполненіе возложеннаго на него порученія, вскорѣ по отъѣздѣ Августѣйшаго Посѣтителя, всемилостивѣйше удостоинъ производствомъ въ чинъ полковника. Получивъ высшій штабъ-офицерскій чинъ, князь принималъ уже участіе въ дѣйствіяхъ какъ болѣе или менѣе самостоятельное и отвѣтственное лицо. Въ 1851 г. онъ былъ въ отрядѣ на правомъ флангѣ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Заводовскаго при возведеніи укрѣпленія на р. Бѣлой, при разореніи непріятельскихъ поселеній по р.р. Бѣлой, за Лабою, по Псефиру, Фарсу, Пчасу и пр. Князь участвовалъ въ дѣйствіяхъ отряда съ Апрѣля по Ноябрь и между прочимъ 14 Мая въ сильномъ бою, при пораженіи скопищъ Магометъ-Амина на р. Тегенѣ; 22 Августа при разбитіи непріятельской партіи, нападавшей на передовой пикетъ, и 27 Августа въ новомъ бою и пораженіи горцевъ у станицы Темиргоевской.

Въ 1852 г., (29 Сентября) по ходатайству главнокомандующаго, князь Александръ Михайловичъ былъ переведенъ въ Нижегородскій драгунскій Наслѣдника Принца Вертембергскаго полкъ, съ

цѣлью пріобрѣсти болѣе полное знаніе подробностей строевой службы. Въ этой командировкѣ въ Петербургѣ князь находился съ 8 Ноября 1852 г. по 5 Сентября 1853 г. Возвратясь на Кавказъ, князь вновь вступилъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ и 6 Января 1854 г., когда война съ Турціей была въ разгарѣ, назначенъ былъ командующимъ вторымъ дивизіономъ этого полка.

Въ 1854 г. нашъ 18 т. отрядъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя В. О. Бебутова расположился на позиціи у Курюкъ-Дара противъ 60 т. турецкой арміи, которая дугою раскинулась отъ гор. Караялъ по направленію къ горѣ Ягны. Огромное протяженіе непріятельской линіи влекло за собою растянутость и нашего фронта, раздѣленнаго большими промежутками на три части. Нижегородскій драгунскій полкъ былъ назначенъ дѣйствовать противъ праваго фланга турецкаго расположенія. Князь Александръ Михайловичъ, командуя 3 и 4 дивизіонами Нижегородскаго драгунскаго полка, принималъ дѣятельное участіе въ пораженіи центра турецкой арміи, отбилъ, подъ сильнымъ штуцернымъ огнемъ, у непріятеля два нашихъ орудія; но прежде чѣмъ турки обратились въ бѣгство, былъ тяжело раненъ штуцерною пулею въ лѣвое предплечіе. За свой подвигъ подъ Кюрюкъ-Дара князь былъ пожалованъ орденомъ св. Георгія 4 класса.

По излѣченіи отъ тяжкой раны, князь Александръ Михайловичъ съ нижегородцами принималъ участіе въ наступальныхъ дѣйствіяхъ отряда ге-

нералъ-маіора графа Нпрода въ предѣлы азіатской Турціи. 2 Іюня 1855 г., къ сторонѣ Карса была произведена рекогносцировка, во время которой, при сел. Мацра, произошла схватка нижегородцевъ съ непріятельскою кавалеріею.

10 Іюня 1855 г. князь Александръ Михайловичъ назначенъ былъ командиромъ Нижегородскаго драгунскаго полка. Назначеніе это состоялось уже при генералъ-адъютантѣ Муравьевѣ, преемникѣ Воронцова. До 24 Іюня наши военныя дѣйствія происходили за Соганлугомъ, а затѣмъ войска возвратились на позицію у сел. Каны-Кей; для наблюденія за дорогами до Зевина, Меджингерта и для упроченія благопріятнаго для насъ вліянія среди жителей на Ханы-Чаѣ оставленъ былъ подъ начальствомъ князя Александра Михайловича особый отрядъ. Безпрестанными передвиженіями своего отряда князь искусно скрывалъ дѣйствительную малочисленность его и блестяще выполнить возложенное на него главнокомандующимъ словесное порученіе, собрать свѣдѣнія объ Эрзерумскомъ отрядѣ Вели-Паши. 26 Іюня при рекогносцировкѣ на сѣверномъ скатѣ Мелидюза князь съ летучимъ отрядомъ разбилъ партію въ 300 человѣкъ турокъ подъ начальствомъ Черкесъ-Хана; при чемъ въ нашихъ рукахъ остался одинъ значокъ, много оружія, лошадей, различныхъ вещей и 34 плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ оказались два офицера и секретарь Эрзерумскаго вали съ различными бумагами.

27 Іюня отрядъ вернулся въ Ханы-Чай, а но-

чью выступилъ обратно за Соганлугъ, 28 Іюня князь прибылъ къ Карсу въ главную квартиру, для личнаго доклада главнокомандующему объ исполненіи возложеннаго на него порученія. Собранныя свѣдѣнія и соображенія князя подали главнокомандующему смѣлую мысль разгромить Вели-Пашу и овладѣть Эрзерумомъ.

Для выясненія всѣхъ подробностей предположеннаго движенія къ начальнику Баязетскаго отряда генералъ-маіору Суслову главнокомандующій командировалъ князя Александра Михайловича. Князь съ летучимъ отрядомъ пробрался чрезъ хребетъ Ахъ-Булагъ къ Суслову и, по выполненіи приказаній генерала Муравьева, вернулся обратно въ с. Тикму. Немедленно было послано генералу Суслову приказаніе о наступленіи за Соганлугъ и для совокупныхъ дѣйствій съ Баязетскимъ отрядомъ подъ начальствомъ князя Александра Михайловича былъ посланъ авангардъ, въ составѣ 12 эскадроновъ драгунъ, $11^1/_2$ сотенъ казаковъ и милиціи, при 8 орудіяхъ и 8 ракетныхъ станкахъ. Перейдя Араксъ въ бродъ, князь завязалъ перестрѣлку съ башибузуками; съ приближеніемъ же пѣхоты Баязетскаго отряда, непріятель намѣрился бросить свою позицію. По мѣрѣ движенія кавалеріи впередъ, турки постепенно оставляли позицію. Вслѣдствіе нерѣшительности генерала Суслова турки ускользнули изъ нашихъ рукъ и 30 Іюня войска наши возвратились въ сел. Тикму.—Во время блокады Карса, князю былъ порученъ новый отрядъ изъ 8 эскадроновъ

Нижегородскаго драгунскаго полка, сборнаго линейнаго казачьяго № 2 полка, 2 сотенъ мусульманскаго № 1 полка и донской казачьей № 7 батареи. Отрядъ этотъ сначала расположился близъ с. Хопанлы, а потомъ, вслѣдствіе уменьшенія блокадной линіи, передвинулся къ дер. Бозгала. Карсъ былъ плотно окруженъ нашими войсками, и туркамъ оставалось единственное средство—выслать совсѣмъ изъ крѣпости кавалерію, такъ какъ фуражировки для кавалеріи въ окрестностяхъ Карса стали невозможными. Въ 10 часовъ вечера 22 Августа началось съ этою цѣлью движеніе турокъ чрезъ Самаватскую долину перевала Кизилъ-Гедука. Но, благодаря принятымъ заранѣе княземъ Александромъ Михайловичемъ мѣрамъ и дружному натиску русской кавалеріи, турки были отброшены назадъ, и та часть ихъ, которой не удалось укрыться за стѣнами Карса, была окончательно разсѣяна и разбита, оставивъ въ нашихъ рукахъ 206 плѣнными, изъ коихъ 2 штабсъ-офицера, 19 оберъ-офицеровъ; кромѣ того до 400 лошадей, 3 значка и много разнаго оружія.

Однако гарнизонъ Карса все таки не сдавался въ виду слуховъ, что въ сел. Пенякъ подвезены значительные запасы продовольствія и что сильный отрядъ, подъ командою Али-Паши, намѣренъ доставить, сквозь блокадную линію, транспорты въ Карсъ. Главнокомандующій рѣшился изслѣдовать справедливость доходящихъ слуховъ и въ ночь съ 28 на 29 Августа выслалъ отрядъ изъ пѣхоты, подъ начальствомъ генералъ-лейте-

нанта Ковалевскаго, и кавалеріи, ввѣренной князю Александру Михайловичу. Соединенныя силы пѣхоты и кавалеріи, совершивъ переходъ болѣе 50-ти верстъ, прибыли въ Агджакала; а оттуда, по горнымъ оврагамъ и перевалу Аллахъ-Экберъ, къ Пеняку; отрядъ прибылъ за два часа до сумерокъ. По убѣжденію князя Александра Михайловича, генералъ Ковалевскій согласился немедленно аттаковать непріятеля. Начался бой; турецкій отрядъ былъ совершенно разсѣянъ, потеря непріятеля состояла изъ плѣнныхъ: Али-паши, одного офицера и 48 нижнихъ чиновъ; убитыхъ было около 300 человѣкъ, было отбито также одно знамя, два эстандарта, 4 горныхъ орудія, 68 вьючныхъ зарядныхъ ящиковъ и 55 патронныхъ, весь лагерь, разные планы и бумаги, множество оружія, лошадей, скота и имущества. Съ этими трофеями соединенный отрядъ снова возвратился въ Бозгалы.

Вскорѣ по пріѣздѣ князя въ главный лагерь назначенъ былъ штурмъ Карса. По диспозиціи князь долженъ былъ соединиться съ колоною генерала Ковалевскаго у сел. Татлиджа Въ 12 часовъ ночи всѣмъ войскамъ предписано было двинуться на указанныя мѣста. Съ разсвѣтомъ 7 Сентября бой закипѣлъ по всей линіи. Съ самаго начала штурма на лѣвомъ флангѣ мы понесли большія потери: оба начальника колонъ, генералъ-лейтенантъ Ковалевскій и князь Гагаринъ, послѣ тяжкихъ ранъ, вынесены были изъ поля битвы, полковникъ Шликевичъ убитъ, Неѣловъ и полковникъ

Рудановскій ранены, всѣ баталіонные командиры и большая часть офицеровъ перебиты; войска были разстроены и всѣ части перемѣшаны. Въ этотъ критическій моментъ князь Александръ Михайловичъ принялъ начальство надъ колоной Ковалевскаго. Съ трудомъ князь собралъ разстроенныя части, привелъ ихъ въ нѣкоторый порядокъ и выстроилъ свои войска подъ защитою обсерваціонной горы. По приказанію главнокомандующаго вскорѣ три дивизіона драгунъ были передвинуты къ с. Шорахъ. Пока описанныя дѣйствія происходили на лѣвомъ нашемъ флангѣ, на правомъ кипѣлъ упорный бой. Наконецъ, нашимъ войскамъ приказано было отступать. Князю поручено было остаться послѣднимъ на позиціи и отступать чрезъ сел. Шорахъ къ Татлиджа, а оттуда въ Бозгалы, что онъ выполнилъ.

12 Ноября князь Александръ Михайловичъ былъ потребованъ къ главнокомандующему, который объявилъ ему о пріѣздѣ капитана Тизделя съ предложеніемъ о сдачѣ Карса. Главнокомандующій поручилъ полковнику фонъ-Кауфману и князю Александру Михайловичу составить проэктъ условій капитуляціи. 15 Ноября прибылъ въ главную квартиру муширъ турецкой арміи, Васифъ-паша и была подписана капитуляція Карса, а 16 Ноября наши войска вступили въ городъ и крѣпость.

За компанію 1853—1856 г.г. князь Александръ Михайловичъ пожалованъ слѣдующими наградами: за дѣло 23 Августа, около селенія Ахъ-

Комъ—орденомъ св. Владиміра 3 ст. съ мечами; 17 Сентября 1855 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, а за дѣло при сел. Пеняки получилъ Высочайшее благоволеніе.

Послѣ компаніи 1853—1856 г г. князь Александръ Михайловичъ, по возвращеніи съ полкомъ въ штабъ-квартиру, сперва въ Елисаветполь, а потомъ въ Царскіе-Колодцы, всѣ заботы употребилъ на улучшеніе своего «славнаго» полка, и справедливость требуетъ замѣтить, что никогда Нижегородскій полкъ не былъ въ столь цвѣтущемъ состояніи, а офицеры и солдаты такъ довольны своимъ командиромъ, какъ во время командованія ими князя Александра Михайловича!

Въ Декабрѣ 1856 г. князь участвовалъ съ своимъ полкомъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Большой Чечнѣ, при занятіи долины рѣки Мичика и за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 1 ст. 15 Февраля 1859 г. князь назначенъ въ распоряженіе наказнаго атамана Войска Донскаго. Отсюда начинается дальнѣйшее расширеніе его служебной карьеры то какъ военнаго администратора, то какъ гражданскаго дѣятеля. Во время пребыванія князя на Дону на долю его выпала главная часть трудовъ во время полной реорганизаціи во внутреннемъ быту казаковъ. Въ Маѣ мѣсяцѣ князь назначенъ и. д. начальника штаба Войска Донскаго, а 3 Апрѣля 1860 г. утвержденъ въ этой должности. Въ Маѣ, Іюнѣ и Іюлѣ того же года исправ-

лялъ должность наказнаго атамана. За услуги, оказанныя Донскому краю, князь награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст. и чиномъ генералъ-лейтенанта. 5 Октября 1863 г. князь уволенъ былъ для лѣченія отъ службы съ мундиромъ и съ пенсіономъ полнаго оклада. Значительно окрѣпнувъ, онъ вновь вступилъ на службу 9 Февраля 1867 года по армейской кавалеріи, съ причисленіемъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Въ томъ же году князь былъ назначенъ членомъ отъ министерства въ особую коммиссію для окончательныхъ соображеній по сокращенію размѣровъ процентнаго сбора въ западныхъ губерніяхъ; затѣмъ по Высочайшему повелѣнію, командированъ въ Смоленскую губернію для обзора работъ, предположенной между Смоленскомъ и Москвой желѣзной дороги; съ 24 Августа 1868 г. былъ предсѣдателемъ коммиссіи для пересмотра дѣйствующихъ узаконеній по переселенію крестьянъ и составленію болѣе подробныхъ по сему предмету правилъ; 24 Октября 1868 г. зачисленъ былъ въ Нижегородскій драгунскій короля Вертембергскаго полкъ; 15 Ноября того же года князь назначенъ былъ предсѣдателемъ коммиссіи для составленія проэкта объ упраздненіи мировыхъ посредниковъ и за свою полезную службу награжденъ орденомъ св. Владиміра 2 ст. 6 Января 1869 г. князь призванъ былъ на высокій постъ Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго генералъ-губернатора и въ томъ же году 26 Ноября пожалованъ въ званіе генералъ-адъютанта. Въ должности генералъ-губер-

натора князь былъ награжденъ орденами: Бѣлаго Орла, св. Александра Невскаго и зачисленъ въ сословіе Войска Донскаго по станицѣ Цымлянской.

Во время возникшей въ 1877 г. войны съ Турціей, по личному ходатайству князя Александра Михайловича, почившій Государь Императоръ изволилъ назначить его командиромъ 13 армейскаго корпуса, во главѣ котораго князь принималъ дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ за Дунаемъ съ 12 Октября 1877 г. по 14 Января 1878 г. По случаю отъѣзда изъ дѣйствующей арміи Наслѣдника Цесаревича князь Александръ Михайловичъ былъ назначенъ начальникомъ Рущукскаго отряда.

Послѣ заключенія Санъ-Стефанскаго договора, на князя Александра Михайловича выпала трудная и крайне щекотливая задача—внутренняго устроенія болгарскаго княжества.

Произведенный 16 Апрѣля 1878 г. въ генералъ-отъ-кавалеріи князь назначенъ былъ Россійскимъ Императорскимъ Коммиссаромъ въ Болгаріи.

Всѣмъ извѣстно съ какими препятствіями и затрудненіями приходилось бороться князю Александру Михайловичу для осуществленія предначертаній Царя-Освободителя—политическаго и гражданскаго устроенія Болгаріи. Но благодаря энергіи князя и его сотрудниковъ, его политическому такту и умѣнію привязать къ себѣ симпатію населенія, онъ вышелъ съ торжествомъ изъ этой трудной борьбы. Оказавъ народному дѣлу Болгаріи важныя заслуги, князь заслужилъ высоко-

милостивую благодарность своего Государя и любовь и уваженіе управляемаго имъ народа.

Послѣ избранія народными представителями въ болгарскіе князья принца Баттенберга князь Александръ Михайловичъ выѣхалъ въ началѣ Іюля 1879 г. въ Россію, всюду провожаемый восторженными и трогательными овaціями болгарскаго населенія.

За образцовую, многотрудную и полезную дѣятельность въ Болгаріи князь пожалованъ былъ орденомъ св. Владиміра 1 ст., Всемилостивѣйшимъ рескриптомъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Назначенный временно Харьковскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками Харьковскаго военнаго округа, а потомъ въ томъ же званіи въ Одессу, князь осчастливленъ былъ, двукратнымъ выраженіемъ Высочайшей благодарности—19 Августа 1880 г. и 28 Октября 1881 г.

Наконецъ, Высочайшимъ указомъ 1 Января 1882 года князь Александръ Михайловичъ былъ назначенъ на высокій постъ Главноначальствующаго гражданскою частію на Кавказѣ и Командующаго войсками Кавказскаго военнаго округа. Такимъ образомъ, князю снова пришлось продолжать свою дѣятельность тамъ, гдѣ она впервые была проявлена въ юношескихъ лѣтахъ.

Не касаясь многосторонней и полезной дѣятельности князя Александра Михайловича по управленію вообще Кавказскимъ краемъ, здѣсь необходимо отмѣтить, что, согласно проэкту князя, по-

данному Государю Императору въ 1883 году, относительно преобразованія административнаго устройства въ Кубанской и Терской областяхъ, это преобразованіе, имѣющее своею конечною задачею поддержаніе въ кавказскихъ казакахъ того духа, какимъ они отличались въ полувѣковую войну съ горцами, уже воспослѣдовало 1 Іюля текущаго 1888 года. Истые казаки всегда съ глубокою признательностью будутъ вспоминать объ этой отеческой заботѣ о нихъ князя-главноначальствующаго, а Государь Императоръ, въ воздаяніе особенныхъ трудовъ и заботливости князя, направленныхъ къ улучшенію нынѣшняго положенія кавказскихъ казачьихъ войскъ и къ поддержанію въ нихъ тѣхъ доблестныхъ качествъ, какими они отличались ранѣе во время войны съ горцами, осчастливилъ казачьи войска въ 1886 году представленіемъ князю Александру Михайловичу *лично* званія войскового наказнаго атамана Кавказскихъ казачьихъ войскъ. Съ своей стороны, и представители старѣйшаго въ Кубанскомъ войскѣ полка—Хоперскаго въ лицѣ жителей станицы Баталпашинской, желая выразить особую признательность князю-главноначальствующему за его заботы о войскѣ, въ настоящемъ году на полномъ сходѣ постановили приговоръ объ избраніи князя почетнымъ старикомъ ст. Баталпашинской, на что и испрашивается въ установленномъ порядкѣ Высочайшее соизволеніе.

Е. Фелицынъ.

ЗНАМЕНА, РЕГАЛІИ, ЗНАКИ ОТЛИЧІЯ

И

ПРОЧІЯ НАГРАДЫ

ВЫСОЧАЙШЕ ПОЖАЛОВАННЫЯ

БЫВШИМЪ

Черноморскому, Кавказскому линейному и
нынѣ Кубанскому казачьему войску.

ЦИНКОГРАФІЯ ТОВ. М. О. ВОЛЬФЪ 1 2 ФОТОГРАФИРОВАЛЪ С. Д. ФЕДЯЦКІЙ

1) БѢЛОЕ ВОЙСКОВОЕ ЗНАМЯ, ПОЖАЛОВАННОЕ ИМПЕРАТРИЦЕЮ ЕКАТЕРИНОЮ II «ВОЙСКУ ВѢРНЫХЪ КАЗАКОВЪ» 27 ФЕВРАЛЯ 1778 ГОДА, ВМѢСТѢ СЪ ДРУГИМИ РЕГАЛІЯМИ, ПРИНАДЛЕЖАВШИМИ УПРАЗДНЕННОМУ ВЪ 1775 ГОДУ ЗАПОРОЖСКОМУ ВОЙСКУ
2) БѢЛОЕ ГЕОРГІЕВСКОЕ ЗНАМЯ, ПОЖАЛОВАННОЕ ИМПЕРАТРИЦЕЮ ЕКАТЕРИНОЮ II ЧЕРНОМОРСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ ВОЙСКУ ПРИ ВЫСОЧАЙШЕЙ ГРАМОТѢ 30 ІЮНЯ 1792 Г. ПО ОКОНЧАНІИ ОТТОМАНСКОЙ ВОЙНЫ

Знамена, регаліи, знаки отличія и прочія награды Высочайше пожалованныя бывшимъ Черноморскому, Кавказскому линейному и нынѣ Кубанскому казачьему войску.

I. Пожалованныя Императрицею Екатериною II.

Знамя войсковое бѣлое большое; на одной сторонѣ изображенъ черный орелъ и въ серединѣ его крестъ съ сіяющимъ въ центрѣ солнцемъ, а на другой—въ звѣздѣ надпись ордена св. апостола Андрея Первозваннаго «за вѣру и вѣрность». Знамя это, пожалованное Императрицею Екатериною II, служило знакомъ Монаршаго благоволенія къ части войска Запорожскаго, которая, по упраздненіи Сичи въ 1775 г. осталась вѣрною Престолу и Отечеству, и въ началѣ 1778 г. приняла дѣятельное участіе въ войнѣ съ Турціею. Знамя это и при немъ другіе знаки отличія были переданы войску «вѣрныхъ казаковъ» графомъ Суворовымъ-Рымникскимъ, при ордерѣ его 27 Февраля 1778 года.

Знамя Георгіевское большое голубое выцвѣтшее, пожалованное войску Черноморскому по окончаніи Оттоманской войны въ 1792 г., при Высочайшей грамотѣ того же года Іюня 30, въ которой говорится: «въ воздаяніе усердной и ревностной службы войска Черноморскаго, доказанной въ теченіи благополучно оконченной войны съ Портою Оттоманскою, храбрыми и мужественными подвигами на сушѣ и водѣ». Этою гра-

мотою подтверждено употребленіе Андреевскаго знамени и прочихъ пожалованныхъ войску регалій.

Четыре свѣтло-розовыхъ малыхъ куренныхъ знамени съ бѣлымъ нашитымъ по серединѣ крестомъ, андреевскою звѣздою, солнцемъ и сіяніемъ и надписью «за вѣру и вѣрность».

Бѣлое атласное малое куренное знамя съ розовымъ крестомъ, голубою звѣздочкой, на которой нашитъ бѣлый крестъ.

Десять свѣтло-зеленыхъ полинявшихъ малыхъ куренныхъ знаменъ съ чернымъ крестомъ, андреевской звѣздою и надписью «за вѣру и вѣрность».

Пять темно-зеленыхъ вылинявшихъ малыхъ куренныхъ знаменъ, съ бѣлымъ крестомъ, середина котораго розоваго цвѣта.

Пять свѣтло-зеленыхъ малыхъ куренныхъ знаменъ съ голубымъ крестомъ по серединѣ.

Пять свѣтло-зеленыхъ малыхъ куренныхъ знаменъ съ розовымъ крестомъ по серединѣ.

Пять свѣтло-зеленыхъ малыхъ куренныхъ знаменъ съ бѣлымъ крестомъ, андреевскою звѣздою и надписью «за вѣру и вѣрность».

Всѣ эти тридцать пять малыхъ куренныхъ знаменъ были пожалованы войску единовременно съ большими бѣлыми войсковыми знаменами при ордерѣ графа Суворова къ атаману Бѣлому 27 Февраля 1788 года.

II. Пожалованныя Императоромъ Павломъ I.

Войсковое желтое знамя съ надписью «благодать оному», пожалованное Черноморскому войску при Высочайшей грамотѣ 16 Февраля 1801 года.

Четырнадцать бѣлыхъ полковыхъ знаменъ съ розовымъ въ серединѣ крестомъ, пожалованныхъ Черноморскому войску при Высочайшей грамотѣ 16 Февраля 1801 года.

1) ОДНО ИЗЪ ШЕСТИ ПОЖАЛОВАННЫХЪ ЗНАМЕНЪ, ПОЖАЛОВАННЫХЪ ИМПЕРАТРИЦЕЮ АЛЕКСАНДРОЮ I ЧЕТЫРНАДЦАТОМУ КАЗАЧЬЕМУ ВОЙСКУ ПРИ ВЫСОЧАЙШЕЙ ГРАМОТѢ 31 МАЯ 1803 ГОДА

2 ОДНО ИЗЪ ЧЕТЫРНАДЦАТИ ЗЕЛЕНЫХЪ ПОЖАЛОВАННЫХЪ ЗНАМЕНЪ, ПОЖАЛОВАННЫХЪ ЧЕРНОМОРСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ ВОЙСКУ ПРИ ВЫСОЧАЙШЕЙ ГРАМОТѢ 30 ФЕВРАЛЯ 1801 ГОДА

3 И 4) ДВА ИЗЪ ЧИСЛА 30 ЗЕЛЕНЫХЪ ЗНАМЕНЪ ЗАПОРОЖСКАГО ВОЙСКА, ПЕРЕДАННЫХЪ ЕМУ ИМПЕРАТРИЦЕЮ ЕКАТЕРИНОЮ II «ВОЙСКУ ВѢРНЫХЪ КАЗАКОВЪ» ВЪ 1788 ГОДУ

III. Пожалованныя Императоромъ Александромъ I.

Шесть зеленыхъ полковыхъ знаменъ съ розовымъ въ серединѣ крестомъ пожалованныхъ Черноморскому войску при Высочайшей грамотѣ 31 Мая 1803 года.

IV. Пожалованныя Императоромъ Николаемъ I.

Большое бѣлое войсковое знамя съ чернымъ орломъ и надписью «за храбрость при переправѣ въ 1828 году чрезъ р. Дунай», пожалованное Азовскому войску при Высочайшей грамотѣ 1 Іюля 1844 года.

Большое бѣлое Георгіевское войсковое знамя съ надписью: «за пятидесятилѣтнюю вѣрную, усердную и храбрыми подвигами ознаменованную службу», пожалованное Черноморскому войску при Высочайшей грамотѣ 10 Октября 1843 года.

Простое полковое знамя съ надписью: «за храбрость и усердіе, оказанныя при переправѣ 27 Мая 1828 года чрезъ р. Дунай», пожалованное Дунайскому казачьему полку при Высочайшей грамотѣ 6 Декабря 1831 года.

Простое полковое знамя голубое съ надписью: «за отличіе 29 Мая 1828 года при разбитіи Турецкой флотиліи подъ Браиловымъ», пожалованное 1-му пѣшему полку Черноморскаго казачьяго войска, при Высочайшей грамотѣ 6 Августа 1830 года.

Простое полковое знамя голубое съ надписью: «за отличіе при взятіи крѣпости Анапы въ 12 день Іюня 1828 года», пожалованное 9 конному полку Черноморскаго казачьяго войска, при Высочайшей грамотѣ 21 Сентября 1831 года.

Простое полковое знамя голубое съ надписью: «за отличіе при взятіи крѣпости Анапы въ 12 день Іюня 1828 года», пожалованное 5-му пѣшему полку Черноморскаго казачьяго войска, при Высочайшей грамотѣ 21 Сентября 1831 года.

Прóстое полковое знамя голубое съ надписью: «за отличіе при взятіи крѣпости Анапы 12 Іюня 1828 года», пожалованное 8-му пѣшему полку Черноморскаго казачьяго войска, при Высочайшей грамотѣ 21 Сентября 1831 года.

Простое голубое полковое знамя съ надписью: «за отличіе въ Персидскую и Турецкую войны въ 1827, 1828 и 1829 годахъ», пожалованное 1-му Конно-Черноморскому казачьему полку, при Высочайшей грамотѣ 21 Сентября 1831 года.

Простое полковое знамя съ надписью: «за отличіе въ Турецкую войну въ 1829 году», пожалованное 5-му конному полку Черноморскаго казачьяго войска, при Высочайшей грамотѣ 11 Ноября 1831 года.

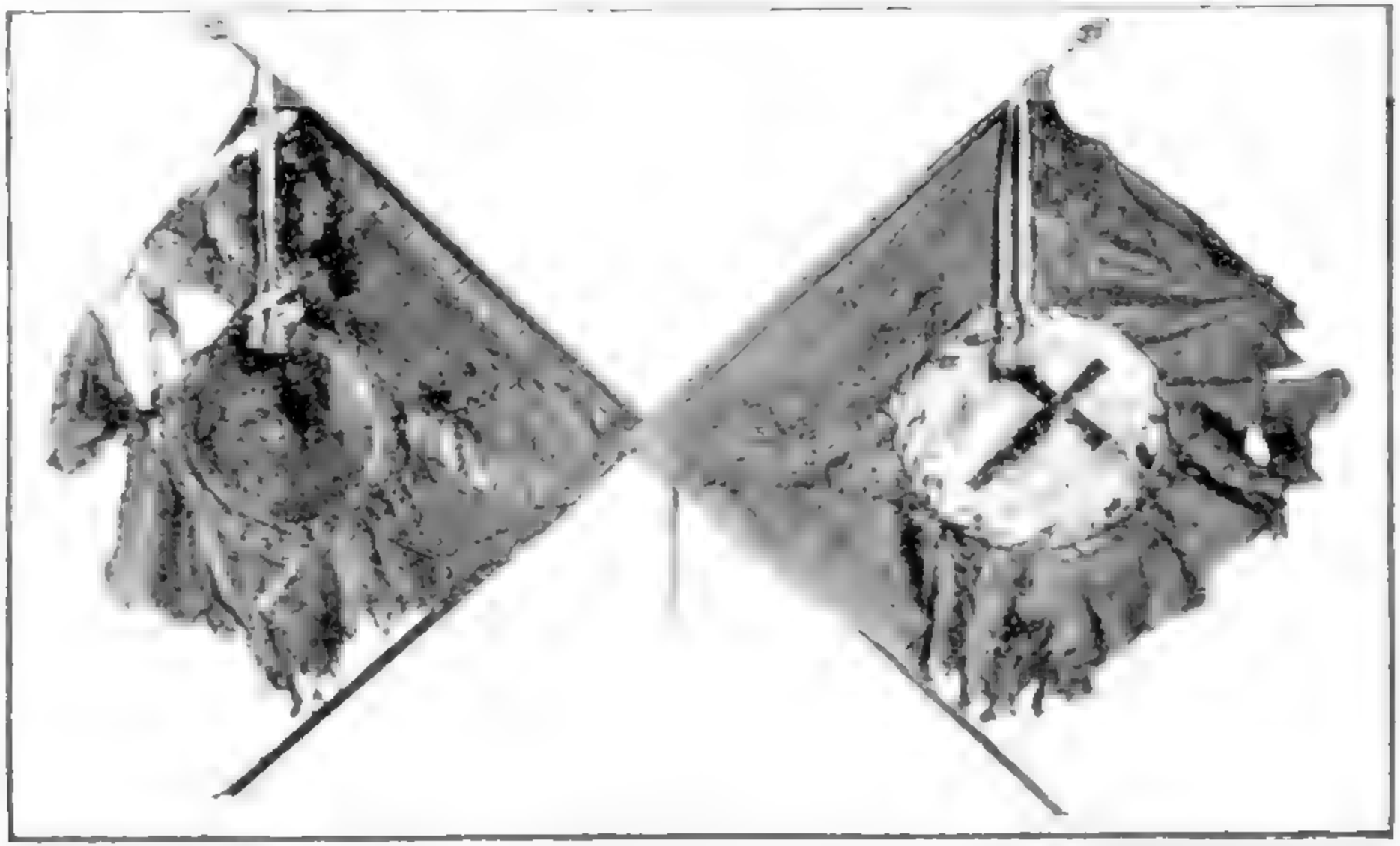
Простое знамя, выданное согласно положенію 1842 года о Черноморскомъ войскѣ 3-му пѣшему баталіону, при Высочайшей грамотѣ 14 Марта 1845 года.

V. Пожалованныя Императоромъ Александромъ II.

Георгіевское большое войсковое знамя, съ надписью: «за храбрость и примѣрную службу въ войну противъ Французовъ, Англичанъ и Турокъ 1853—1856 годовъ», пожалованное Черноморскому войску при Высочайшей грамотѣ 26 Августа 1856 года.

Георгіевское войсковое знамя съ надписью: «за храбрость и примѣрную службу въ войну противъ Французовъ, Англичанъ и Турокъ 1853—1856 годовъ», пожалованное Азовскому войску при Высочайшей грамотѣ 26 Августа 1856 года.

Георгіевское большое войсковое знамя съ надписью: «за Кавказскую войну», пожалованное Кубанскому казачьему войску при Высочайшей грамотѣ 25 Марта 1867 года.



Литография Тов. М. О. Вольфъ 1 2 Фотографировалъ К. Д. Фелицынъ

1 ПРОСТОЕ ЗНАМЯ СЪ НАДПИСЬЮ: «ЗА ОТЛИЧІЕ ПРИ РАЗБИТІИ ТУРЕЦКОЙ ФЛОТИЛИИ ПОДЪ ВРАИЛОВЫМЪ 29 МАЯ 1828 ГОДА», ПОЖАЛОВАННОЕ ИМПЕРАТОРОМЪ НИКОЛАЕМЪ I ВЪ 1830 ГОДУ I ПѢШЕМУ ПОЛКУ ЧЕРНОМОРСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА

2, ПРОСТОЕ ЗНАМЯ СЪ НАДПИСЬЮ: «ЗА ОТЛИЧІЕ ВЪ ПЕРСИДСКУЮ И ТУРЕЦКУЮ ВОЙНЫ ВЪ 1827, 1828 И 1829 ГОДАХЪ», ПОЖАЛОВАННОЕ ИМПЕРАТОРОМЪ НИКОЛАЕМЪ I ВЪ 1830 ГОДУ I-МУ КОННОМУ ПОЛКУ ЧЕРНОМОРСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА

Георгіевское войское знамя съ надписью: «за отличіе въ Турецкую войну 1877—1878 годовъ» и подъ орломъ: «1696—1880», пожалованное Кубанскому казачьему войску при Высочайшей грамотѣ 30 Августа 1880 года № 173.

Георгіевское полковое знамя съ надписью: «за отличіе при покореніи Западнаго Кавказа въ 1864 году», пожалованное 22-му конному полку Кубанскаго казачьяго войска при Высочайшей грамотѣ 12 Декабря 1867 года.

Простое полковое знамя, пожалованное въ 1868 году Псекупскому полку Кубанскало казачьяго войска.

Георгіевское полковое знамя съ надписью: «за отличіе въ Турецкую войну въ дѣлахъ противъ горцевъ въ 1828—1829 годахъ и при покореніи Западнаго Кавказа въ 1864 году», пожалованное 11-му конному полку Кубанскаго казачьяго войска въ 1868 году.

Всѣ вышепоименованныя знамена, находятся въ гор. Екатеринодарѣ, въ Кубанскомъ Областномъ Правленіи въ особомъ помѣщеніи, предназначенномъ для храненія войсковыхъ регалій.

Георгіевскій штандартъ Высочайшимъ приказомъ 30 Августа 1856 г., пожалованъ лейбъ-гвардіи Черноморскому казачьему дивизіону въ память участія гвардейскаго эскадрона Черноморскаго войска въ знаменитой атакѣ Донскихъ лейбъ-казаковъ на французскую кавалерію подъ Лейпцигомъ 4 Октября 1813 года, а равно и за походы 1813 и 1814 годовъ. Штандартъ этотъ переданъ въ 1-й эскадронъ Собственаго Его Императорскаго Величества конвоя.

Георгіевское знамя съ надписью: «За отличіе при взятіи крѣпости Анапы 12 Іюня 1828 г. и за примѣрное мужество при оборонѣ Севастополя въ 1854 и 1855 годахъ». Пожаловано при Высочайшей грамотѣ 14 Сен-

тября 1855 г. 8 пѣшему баталіону *) Черноморскаго казачьяго войска.

Георгіевское знамя съ надписью: «За примѣрное отличіе при оборонѣ Севастополя въ 1854 и 1855 г.» Пожаловано при Высочайшей грамотѣ, данной въ г. Николаевѣ 14 Сентября 1855 г., 2 баталіону Черноморскаго казачьяго войска.

Двѣнадцать Георгіевскилъ знаменъ. Всемилостивѣйше пожалованы 20 Іюля 1865 г. полкамъ Кубанскаго казачьяго войска за отличіе при покореніи Западнаго Кавказа, а нѣкоторымъ и за другія отличія. Знамена поступили въ слѣдующіи части: **)

Коннымъ полкамъ.

№ 10-му конному полку бывшему *первому Кавказскому;* на знамени надпись: «За отличіе при покореніи Западнаго Кавкава въ 1864 году».

№ 11-му конному полку, бывшему *второму Кавказскому;* на знамени надпись: «За отличіе въ Турецкую войну и въ дѣлахъ, бывшихъ противъ горцевъ въ 1828 и 1829 годахъ и при покореніи Западнаго Кавказа».

№ 12-му конному полку, бывшему *первому Кубанскому;* на знамени надпись: «За постоянное усердіе, храбрость и отличія, оказанныя во всѣхъ дѣлахъ съ горцами и особенно въ дѣлѣ 1 Ноября 1848 года подъ станицею Сенгилѣевскою и при покореніи Западнаго Кавказа въ 1864 г.»

№ 13-му конному полку, бывшему *второму Кубанскому;* на знамени надпись такая же какъ и на предыдущемъ.

---

*) Въ 1842 году пѣшіе полки переименовались въ баталіоны.

**) Такъ какъ составы и названіе полковъ и баталіоновъ Высочайшимъ положеніемъ 1861 года о Кубанскомъ казачьемъ войскѣ измѣнились, то считаемъ нужнымъ сдѣлать указаніе, какимъ именно полкамъ по прежнимъ составамъ и съ какими надписями пожалованы знамена.

ТИПОГРАФІЯ ТОВ. М. О. ВОЛЬФЪ 2 1 ФОТОГРАФИРОВАЛЪ Е. Д. ФЕЛИЦЫНЪ

1) ГОЛУБОЕ ЗНАМЯ СЪ НАДПИСЬЮ: «ЗА ОТЛИЧІЕ ПРИ ВЗЯТІИ КРѢПОСТИ АНАПЫ, 12 ІЮНЯ 1828 ГОДА», ПОЖАЛОВАННОЕ ИМПЕРАТОРОМЪ НИКОЛАЕМЪ I 8 МУ КОННОМУ ПОЛКУ ЧЕРНОМОРСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА, ПРИ ВЫСОЧАЙШЕЙ ГРАМАТѢ 21 СЕНТЯБРЯ 1830 ГОДА

2, ЗЕЛЕНОЕ ЗНАМЯ, ПОЖАЛОВАННОЕ ИМПЕРАТОРОМЪ НИКОЛАЕМЪ I ВЪ 1845 ГОДУ 3 ПѢШЕМУ БАТАЛЬОНУ ЧЕРНОМОРСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА

№ 14-му конному полку, бывшему *первому Ставропольскому;* на знамени надпись: «За отличіе при покоренін Западнаго Кавказа въ 1864 г.»

№ 15-му конному полку, бывшему *второму Ставропольскому*, съ такою же на знамени надписью какъ и 14 полку.

№ 16-му конному полку, бывшему *первому Хоперскому;* надпись на знамени такая же какъ и въ Ставропольскихъ полкахъ.

№ 17-му конному полку, бывшему *второму Хоперскому*; на знамени надпись: «За отличіе въ Турецкую войну и въ дѣлахъ, бывшихъ противъ горцевъ въ 1828 и 1829 годахъ и при покоренін Западнаго Кавказа въ 1864 году».

№ 18-му конному полку, бывшему *первому Урупскому;* на знамени надпись: «За отличіе при покоренін Западнаго Кавказа въ 1864 году»

№ 19-му конному полку, бывшему *второму Урупскому;* надпись на знамени такая же какъ 18 полку.

№ 20-му конному полку, бывшему *первому Лабинскому;* съ такою же надписью на знамени какъ и въ Урупскихъ полкахъ.

№ 21-му конному полку, бывшему *второму Лабинскому,* съ тою же надписью.

№ 22-му конному полку, знамя съ надписью: «За отличіе при покоренін Западнаго Кавказа въ 1864 г.»; по случаю его расформированія ни въ какую часть не поступило и находится въ Екатеринодарѣ въ Областномъ Правленіи.

Съ окончаніемъ покоренія Западнаго Кавказа, 21 Мая 1864 года, наступаетъ для Кубанскаго казачьяго войска эпоха мирной и трудовой жизни. Знамена, по-

жалованныя за отличіе и мужество кубанскихъ казаковъ, оставались при штабахъ своихъ частей до времени новыхъ преобразованій войска. Положеніемъ, Высочайше утвержденнымъ 1 Августа 1870 г., послѣдовало измѣненіе военнаго и гражданскаго строя кубанскихъ казаковъ. Согласно этому положенію, знамена и другія отличія распредѣлены войсковымъ штабомъ по коннымъ полкамъ и пѣшимъ баталіонамъ. Въ виду этого ниже помѣщены подробныя указанія, въ какія части и какія переданы знамена съ объясненіемъ мѣста храненія ихъ. Но такъ какъ надписи на этихъ знаменахъ сообщены выше, поэтому здѣсь приведены только указанія годовъ пожалованія знаменъ и названія частей, удостоившихся Высочайшаго награжденія.

Конные полки:

Хоперскому Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Анастасіи Михаиловны—Георгіевское знамя, пожалованное 20 Іюля 1865 г. № 17 полку; хранится при штабѣ полка.

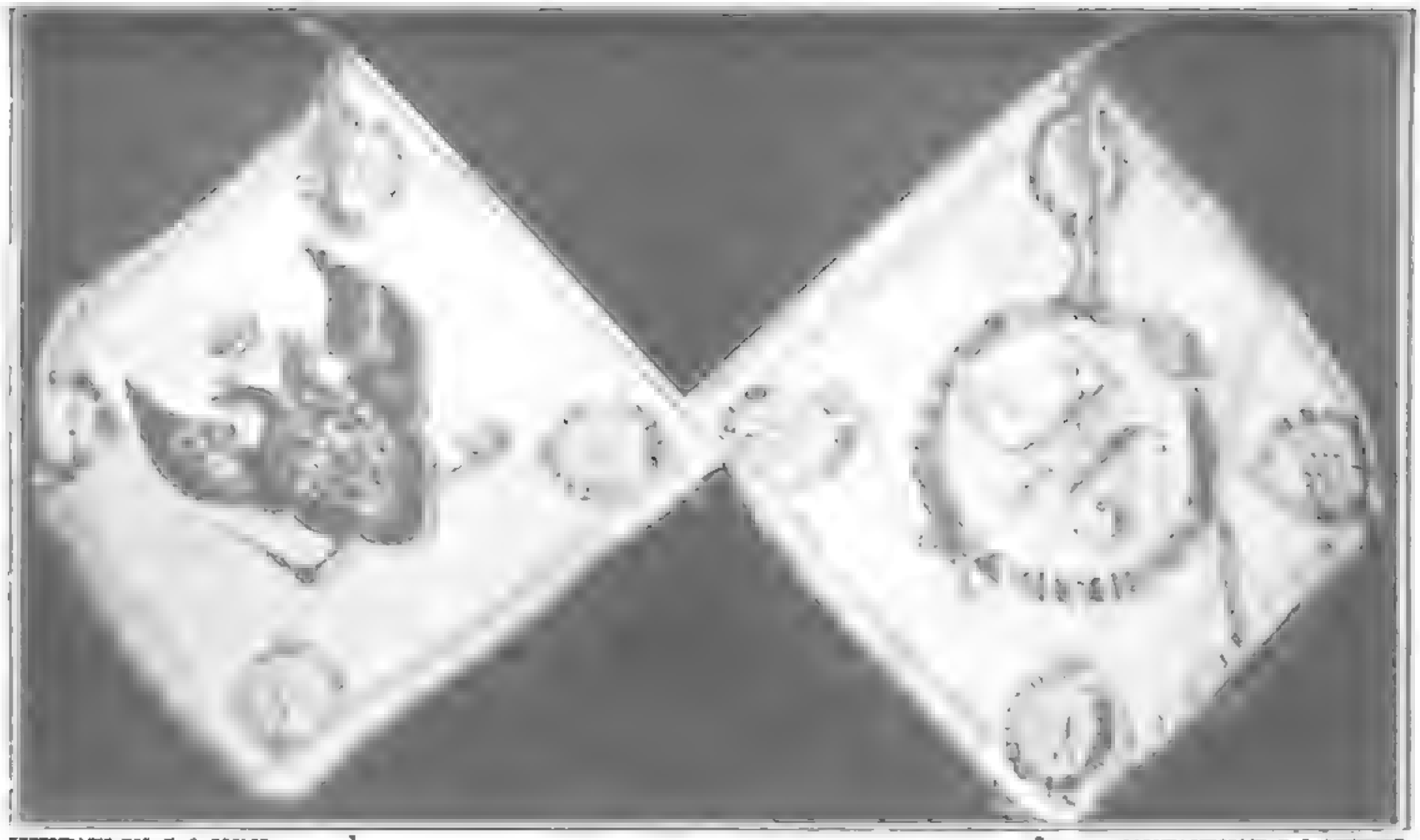
Того же полка второму комплекту.—Георгіевское знамя, пожалованное 20 Іюня 1865 г. № 18 полку; хранится въ церкви ст. Отрадной.

Того же полка третьему комплекту. Простое знамя, пожалованное 21 Сентября 1832 года № 17 полку; хранится въ церкви ст. Баталпашинской.

Кубанскому конному полку Георгіевское знамя, пожалованное 20 Іюля 1865 г., № 13 полку. Первой сотнѣ знаки отличія на папахи, пожалованные 30 Августа 1856 г.; знамя хранится при штабѣ полка.

Того же полка второму комплекту--Георгіевское знамя, пожалованное 20 Іюля 1865 г. № 12 полку; хранится въ церкви ст. Новотроицкой.

Того же полка третьему комплекту—простое зна-



Цинкография тов. М. О. Вольфъ 1 2 Фотографировалъ К. Д. Фелицынъ

1) Большое бѣлое георгіевское знамя съ надписью «Вѣрноподданному войску Черноморскому за 50-ти-лѣтнюю вѣрную, усердную и храбрыми подвигами ознаменованную службу», пожалованное Черноморскому казачьему войску Императоромъ Николаемъ I при высочайшей грамотѣ 10 октября 1843 года

2) Большое бѣлое знамя съ чернымъ орломъ по серединѣ и надписью: «За храбрость при переправѣ въ 1828 году черезъ рѣку Дунай», пожалованное Императоромъ Николаемъ I при высочайшей грамотѣ 1 іюля 1844 года Азовскому войску

мя, пожалованное 25 Іюля 1851 года № 15 полку *); хранится въ церкви ст. Николаевской.

Таманскому конному полку простое знамя, пожалованное 21 Сентября 1831 года № 1 полку, и знаки отличія на папахи, жалованные 20 Іюля 1865 г.; знамя хранится при штабѣ полка.

Того же полка второму комплекту—простое знамя, пожалованное 19 Февраля 1868 года Адагумскому полку; хранится въ церкви ст. Крымской.

Того же полка третьему комплекту—простое знамя, пожалованное 14 Марта 1845 г. № 4 пѣшему баталіону **); хранится въ церкви ст. Полтавской.

Полтавскому конному полку простое знамя, пожалованное 6 Августа 1830 г. 1 пѣшему баталіону, и знаки отличія на папахи, жалованные 20 Іюля 1865 г.; знамя хранится при штабѣ полка.

Того же полка второму комплекту—простое знамя, пожалованное 19 Февраля 1868 г. Абинскому полку; хранится въ церкви ст. Холмской.

Того же полка третьему комплекту—простое знамя, пожалованное 14 Марта 1845 г. 7 пѣшему баталіону; хранится въ церкви ст. Полтавской.

Ейскому конному полку простое знамя, пожалованное 21 Сентября 1831 года № 9 полку, и знаки отличія на папахи, жалованные 20 Іюля 1865 г.; знамя хранится при штабѣ полка.

Того же полка второму комплекту—простое знамя, пожалованное 14 Марта 1845 г. № 3 пѣшему баталіону; хранится въ церкви ст. Уманской.

Того же полка третьему комплекту—простое знамя, пожалованное 14 Марта 1845 г. № 6 пѣшему баталіону; хранится въ церкви ст. Уманской.

---

*) Это знамя не внесено въ число отличій, жалованныхъ Императоромъ Николаемъ I.

**) Всѣ знамена отъ 14 Марта 1845 года жалованы войску на основаніи положенія 1842 г.

Уманскому конному полку Георгіевское знамя, пожалованное 20 Іюля 1865 г. № 10 полку, и знаки отличія на папахи—первой полусотнѣ за 1854 г.; а остальнымъ $5^1/_2$ сотнямъ за 1864 г., жалованные 20 Іюля 1865 г.; знамя хранится при штабѣ полка.

Того же полка второму комплекту—простое знамя, пожалованное 11 Ноября 1831 г. № 6 полку.

Того же полка третьему комплекту—простое знамя, пожалованное 25 Іюня 1851 года № 10 полку; хранится въ церкви ст. Архангельской.

Кавказскому конному полку Георгіевское знамя, пожалованное 20 Іюля 1865 г. № 11 полку, и знаки отличія на папахи: первой полусотнѣ за 1854 г.; а остальнымъ $5^1/_2$ сотнямъ за 1864 г., жалованные 20 Іюля 1865 г.; знамя хранится при штабѣ полка.

Того же полка второму комплекту—простое знамя, пожалованное 21 Сентября 1831 г. № 8 пѣшему баталіону; хранится въ Екатеринодарѣ въ Областномъ Правленіи.

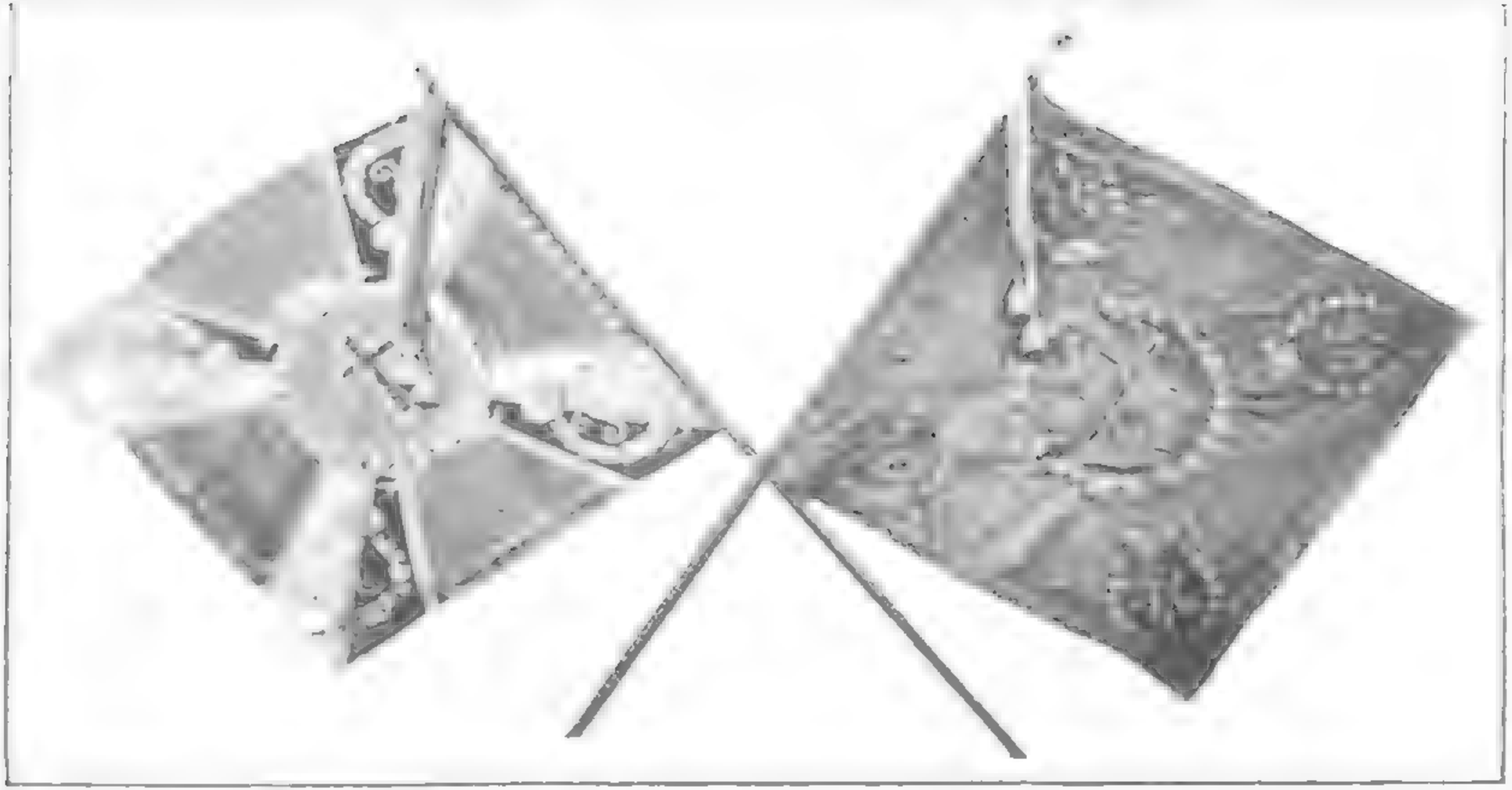
Того же полка третьему комплекту—простое знамя, пожалованное 22 Сентября 1830 года № 11 полку; хранится въ церкви ст. Ладожской.

Екатеринодарскому конному полку простое знамя, пажалованное 21 Сентября 1831 года, и знаки отличія на папахи, жалованные 20 Іюля 1865 г.; знамя хранится при штабѣ полка.

Того же полка второму комплекту—простое знамя, пожалованное 19 Февраля 1868 года Псекупскому полку; хранитси въ церкви ст. Ключевой.

Того же полка третьему комплекту—простое знамя, пожалованное 11 Ноября 1831 г. № 5 полку; хранится въ Екатеринодарскомъ Областномъ Правленіи.

Лабинскому конному полку Георгіевское знамя, пожалованное 20 Іюля 1865 г. № 20 полку; хранится при штабѣ полка.



ЦИНКОГРАФІЯ ТОВ. И. О. ВОЛЬФЪ 2 1 ФОТОГРАФИРОВАЛЪ Н. Д. ФЕЛИЦЫНЪ

1) ГОЛУБОЕ ГЕОРГІЕВСКОЕ ЗНАМЯ СЪ НАДПИСЬЮ «ЗА ОТЛИЧІЕ ПРИ ПОКОРЕНІИ ЗАПАДНАГО КАВКАЗА ВЪ 1804 ГОДУ», ПОЖАЛОВАННОЕ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ II 20 ІЮЛЯ 18[illegible] Г. 22 КОННОМУ ПОЛКУ КУБАНСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА

2) ГОЛУБОЕ ЗНАМЯ СЪ НАДПИСЬЮ «ЗА ХРАБРОСТЬ И УСЕРДІЕ, ОКАЗАННЫЯ ПРИ ПЕРЕПРАВѢ ЧЕРЕЗЪ ДУНАЙ 27 МАЯ 1827 ГОДА», ПОЖАЛОВАННОЕ ИМПЕРАТОРОМЪ НИКОЛАЕМЪ I ВЪ 1828 ГОДУ ДУНАЙСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ ПОЛКУ

Того же полка второму комплекту—Георгіевское знамя, пожалованное 20 Іюля 1865 г. № 21 полку; хранится въ церкви ст. Лабинской.

Того же полка третьему комплекту—простое знамя, пожалованное 19 Февраля 1868 г. № 23 полку; хранится въ церкви ст. Ханской, и

Урупскому конному полку—Георгіевское знамя, пожалованное 20 Іюля 1865 г. № 19 полку; хранится при штабѣ полка.

Того же полка второму комплекту: простое знамя, пожалованное 19 Февраля 1868 г. № 22 полку; хранится въ церкви ст. Царской.

Того же полка третьему комплекту: простое знамя, пожалованное 19 Февраля 1868 г. № 25 полку; хранится въ церкви ст. Хадыжинской.

Пѣшіе баталіоны:

№ 1-му пѣшему баталіону. Георгіевское знамя, пожалованное 14 Сентября 1885 г. № 8 пѣшему баталіону, и знаки отличія на папахи, жалованные 20 Іюля 1865 г.; знамя хранится при штабѣ баталіона.

Того же баталіона второму комплекту: простое знамя, пожалованное 19 Февраля 1868 г. № 24 полку; хранится въ церкви ст. Пшехской.

Того же баталіона третьему комплекту: простое знамя, пожалованное 14 Марта 1845 г. № (1) пѣшему баталіону; хранится въ церкви ст. Пашковской.

2-му пѣшему баталіону. Георгіевское знамя, пожалованное 14 Сентября 1855 г. № 2 пѣшему баталіону и знаки отличія на папахи, жалованные 20 Іюля 1865 г.; знамя хранится при штабѣ баталіона.

Того же баталіона второму комплекту: простое знамя, пожалованное 2 Іюня 1849 г. № 13 пѣшему баталіону; хранится въ церкви ст. Новопокровской.

Того же баталіона третьему комплекту: простое

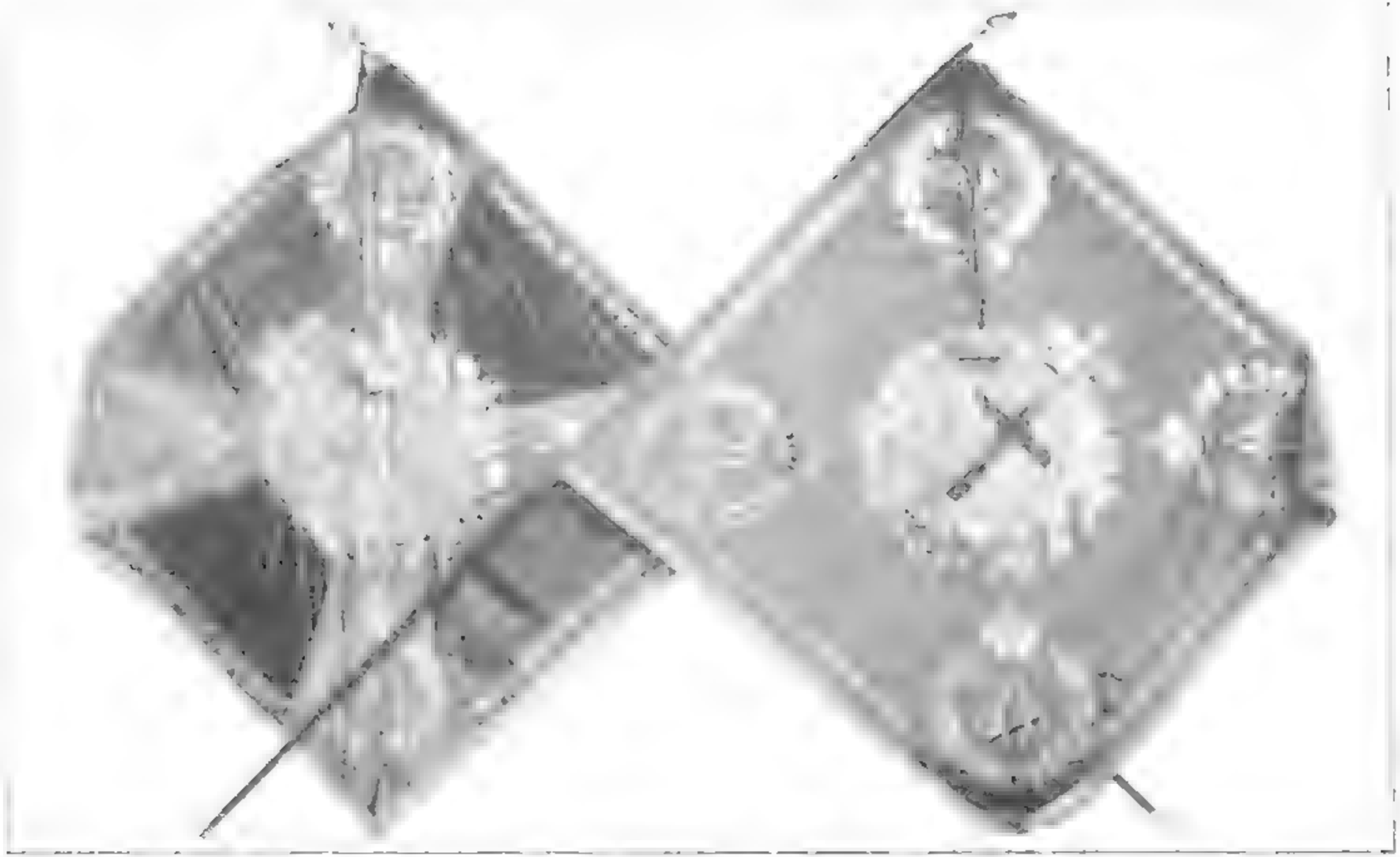
знамя, пожалованное 14 Марта 1845 г. № 9 пѣшему баталіону; хранится въ церкви ст. Уманской.

Высочайшимъ рескриптомъ 31 Декабря 1869 г., 12 станицъ Кубанскаго войска обращены въ гражданское вѣдомство Ставропольской губ., именно: Михайловская, Татарская, Надеженская, Старомарьевская, Бешпагирская, Спицевская, Сергіевская, Калиновская, Александровская, Саблинская, Сѣверная и Круглолѣсская. Жители этихъ станицъ, желая сохранить память и въ назиданіе потомству о боевой и вѣрной службѣ Царю и отечеству, испросили разрѣшеніе оставить у себя знамена, жалованныя имъ за отличіе и доблестные подвиги при покореніи Западнаго Кавказа. Разрѣшеніе послѣдовало и жителямъ названныхъ селеній переданы слѣдующія знамена.

1) Георгіевское—съ надписью «За отличіе при покореніи Западнаго Кавказа въ 1864 г.», пожалованное 20 Іюля 1865 г. № 14 конному полку и простое знамя, пожалованное 21 Іюня 1851 г. «За отлично-усердную службу» тому же полку; хранятся въ церкви селенія Михайловскаго.

2) Георгіевское—съ надписью: «За отличіе при покореніи Западнаго Кавказа въ 1864 году», пожалованное 20 Іюля 1865 г. № 16 конному полку и простое знамя, жалованное 21 Іюня 1851 года «За отлично-усердную службу» тому же полку; хранится въ церкви селенія Александровскаго.

Штандарты, георгіевскія трубы и другіе знаки отличія Всемилостивѣйше пожалованные строевымъ коннымъ полкамъ и пѣшимъ баталіонамъ за отличіе въ минувшей Русско-Турецкой компаніи 1877—1878 г.



1 2

1) Знаки отличія на папахи съ надписью: «За отличіе въ Турецкую войну 1877 и 1878 г.», пожалованные 17 Апрѣля 1878 г. Лейбъ-Гвардіи Собственнаго Его Величества конвоя 1 и 2 Кубанскимъ эскадронамъ и 2 Кубанскому конному полку; тѣ же отличія пожалованы 13 Октября того же года 2, 3, 4, 5 и 6 сотнямъ Кубанскаго коннаго полка.

2) Георгіевскіе серебряные сигнальные рожки съ надписью: «За оборону Шипки въ 1877 г.», пожалованные 10 Октября 1878 г. 1-й и 2-й сотнямъ 7-го пѣшаго пластунскаго баталіона.

3) Два георгіевскихъ штандарта; первый съ надписью: «За отличіе въ Турецкую войну въ дѣлахъ, бывшихъ противъ горцевъ въ 1828 и 1824 году, при покореніи Западнаго Кавказа въ 1864 г. и за отличіе въ сраженіи при Деве-Бойну 23 Октября 1877 года», пожалованный 13 Октября 1878 г. Кавказскому конному полку; второй—«За отличіе при взятіи крѣпости Анапы 12 Іюня 1828 г. и за отличіе въ Турецкую войну 1877 и 1878 г.», пожалованный 13 Октября 1878 г. Ейскому конному полку.

4) Георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: «За отличіе въ Турецкую войну 1877 и 1878 годовъ», пожалованныя 13 Октября 1878 г. Кавказскому, 2-му Хоперскому, 2-му Лабинскому коннымъ полкамъ и 1, 2, 4 и 5 батареямъ Кубанской конно-артиллерійской бригады.

5) Георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: «За взятіе Карса 6 Ноября 1877 г.», пожалованныя 13-го Октября 1878 г. Кубанскому и Ейскому коннымъ полкамъ 6 Января 1879 г. Тѣ же трубы пожалованы 2, 3 и 5 сотнямъ Полтавскаго коннаго полка.

6) Георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: «За защиту Зорскаго перевоза 23 и 24 Іюня 1877 го-

да», пожалованныя 13 Октября 1878 г. Уманскому конному полку.

7) Знаки отличія на папахи съ надписью: «За отличіе въ 1854 году и въ Турецкую войну 1877 и 1878 годовъ», пожалованные 13 Октября 1878 г. 1 сотнѣ Кубанскаго коннаго полка.

8) Знаки отличія на папахи съ надписями: «За отличіе при покореніи Западнаго Кавказа въ 1864 г. и за геройскую защиту Баязета съ 6 по 28 Іюня 1877 года», пожалованные 13 Октября 1878 г. 2-й и 5-й сотнямъ Уманскаго коннаго полка.

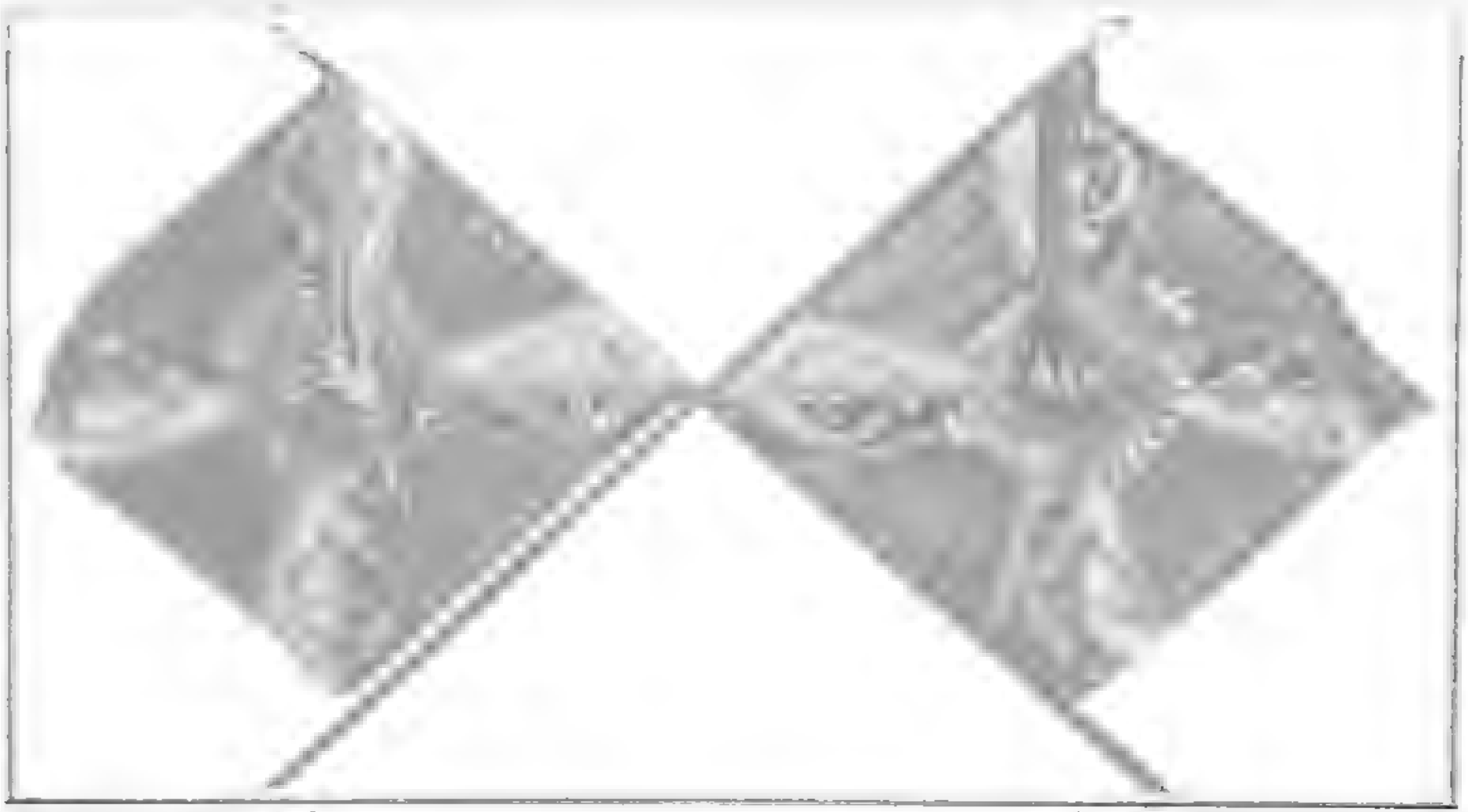
9) Петлицы за военное отличіе на штабъ и оберъ-офицерскіе бешметы, пожалованныя 13 Октября 1878 г. 1, 2 и 5 батареямъ Кубанской конно-артиллерійской бригады.

10) Два георгіевскихъ штандарта, первый съ надписью: «За отличіе въ Турецкую войну 1877 и 1878 годовъ», пожалованный 6 Января 1879 г. 2-му Ейскому конному полку; второй—: «За отличіе, оказанное при разбитіи турецкой флотиліи у Браилова 29 Мая 1828 года и за отличіе въ Турецкую войну 1877 и 1878 годовъ», пожалованный 6 Января 1878 г. Полтавскому конному полку.

11) Георгіевскія серебряныя трубы съ надписями: «За отличіе при подавленіи возстанія въ Дагестанѣ въ 1877 году», пожалованныя 6 Января 1879 г. 4 и 5 сотнямъ Хоперскаго коннаго Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Анастасіи Михайловны полка.

12) Георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: «За переходъ съ боемъ черезъ Кавказскій хребетъ въ 1877 году», пожалованныя 6 Января 1879 г. 1, 2, 3 и 6 сотнямъ того же полка.

13) Знаки отличія на папахи съ надписью: «За отличіе противъ Турокъ въ Абхазіи въ 1877 году»,



Цинкографія тов. М. О. Вольфъ 2 1 Фотографировалъ К. Д. Фелицынъ

1) ГЕОРГІЕВСКОЕ ЗНАМЯ СЪ НАДПИСЬЮ: «ЗА КАВКАЗСКУЮ ВОЙНУ», ПОЖАЛОВАННОЕ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ II КУБАНСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ ВОЙСКУ ПРИ ВЫСОЧАЙШЕЙ ГРАМОТѢ 25 МАРТА 1867 ГОДА

2) ГЕОРГІЕВСКОЕ ЗНАМЯ СЪ НАДПИСЬЮ: «ЗА ОТЛИЧІЕ ВЪ ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ ВЪ ДѢЛАХЪ ПРОТИВЪ ГОРЦЕВЪ ВЪ 1828—1829 ГОДАХЪ И ПРИ ПОКОРЕНІИ ЗАПАДНАГО КАВКАЗА ВЪ 1864 ГОДУ», ПОЖАЛОВАННОЕ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ II ВЪ 1865 ГОДУ II КОННОМУ ПОЛКУ КУБАНСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА

пожалованные 6 Января 1879 г. 3 сотнѣ 3 пѣшаго пластунскаго баталіона.

14) Знаки отличія на папахи съ надписью: «За подавленіе возстанія въ Дагестанѣ въ 1877 году», пожалованные 6 Января 1879 г. 2, 4 и 5 сотнямъ 2 Кавказскаго коннаго полка и

15) Знаки отличія на папахи съ надписью: «За отличіе при покоренін Западнаго Кавказа въ 1864 г. и противъ турокъ въ Абхазіи въ 1877 году», пожалованные 6 Января 1879 г. 1 сотнѣ 2 пѣшаго пластунскаго баталіона.

Знамена и значки, хранящіеся въ Областномъ Правленіи.

1) Простое полковое знамя Хоперскаго полка, пожалованное въ 1738 году.

2) Два значка Хоперскаго полка, пожалованные въ 1738 году.

3) Свѣтло-зеленый знакъ, съ изображеніемъ Св. Георгія Побѣдоносца и надписью: «сей драпиръ сдѣланъ Куренемъ Иркліевскимъ за Атамана Семена Письменнаго въ 1770 году».

4) Голубой знакъ съ узорами, съ изображеніемъ Св. Георгія Побѣдоносца, креста, полумѣсяца и звѣздъ, съ надписью: «сдѣланъ драпиръ сей за Атамана Прокопа Кабаньця куреня Брюховецкаго въ 1770 году».

5) Синій знакъ кошевого атамана Чепѣги, съ посеребряной булавой, на верхнемъ концѣ древко съ государственнымъ гербомъ и надписью: «1791 годъ».

6) Синій знакъ кошевого атамана Чепѣги, съ мѣдной посеребряной булавой, на верхнемъ концѣ древко съ государственнымъ гербомъ и надписью: «1792 годъ».

7) Синій знакъ съ государственнымъ гербомъ,

съ изображеніемъ Св. Георгія Побѣдоносца, Кисляковскаго куреня.

8) Бѣлое знамя Буджакскихъ казаковъ, съ мѣднымъ крестомъ и полумѣсяцемъ, на верхнемъ концѣ древко и съ такимъ же изображеніемъ креста и полумѣсяца, на одной сторонѣ полотно знамени, а на другой зданія, сада, руки держащей обнаженную саблю, а на верху трехъугольной генеральской шляпы.

9) Бѣлый знакъ съ надписью: «за вѣру и вѣрность, 1792 годъ».

10) 2 значка лилейной матеріи.

11) Значекъ изъ красной холстинки.

Всѣ нижепоименованные булавы, перначи и литавры принадлежали казакамъ Запорожской Сичи, уничтоженной въ 1775 году и по Высочайшему повелѣнію Императрицы Екатерины II въ 1788 были переданы «войску вѣрныхъ казаковъ», которое впослѣдствіи получило названіе Черноморскаго войска. Высочайшею грамотою 30 Іюля 1792 года подтверждено употребленіе этихъ знаковъ, которые въ настоящее время хранятся въ Областномъ Правленіи вмѣстѣ съ прочими войсковыми регаліями.

Булава атаманская серебряная съ позолотою и деревяною ручкою, съ серебрянымъ наконечникомъ (№ 1 на прилагаемомъ рисункѣ).

Булава желѣзная съ копьемъ съ золотою насѣчкою (№ 3 на прилагаемомъ рисункѣ).

Двѣ мѣдныхъ большихъ вызолоченныхъ булавы (№ 9 на прилагаемомъ рисункѣ).

Четырнадцать булавъ мѣдныхъ малыхъ, вызолоченныхъ (№ 10 на прилагаемомъ рисункѣ).

Перначь, длиною съ головкой $11^1/_2$ вершковъ, се-

ЦИНКОГРАФІЯ ТОВ. М. О. ВОЛЬФЪ 2 1 ФОТОГРАФИГРАВЮРЪ Р. Д. ФЕЛИЦЫНЪ

1) ГЕОРГІЕВСКОЕ ЗНАМЯ СЪ НАДПИСЬЮ «ЗА ОТЛИЧІЕ ВЪ ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ 1877 И 1878 ГОДОВЪ», ПОЖАЛОВАННОЕ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ II КУБАНСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ ВОЙСКУ

2) ГЕОРГІЕВСКОЕ ЗНАМЯ СЪ НАДПИСЬЮ «ЗА КАВКАЗСКУЮ ВОЙНУ», ПОЖАЛОВАННОЕ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ II КУБАНСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ ВОЙСКУ ПРИ ВЫСОЧАЙШЕЙ ГРАМОТѢ 12 ІЮНЯ 1864 ГОДА

ребряный съ деревяною ручкою и серебрянымъ наконечникомъ (№ 2 на прилагаемомъ рисункѣ).

Перначь, длиною съ головкою 13 1/4 верш., серебряный съ деревяною ручкою и серебрянымъ наконечникомъ (№ 6 на прилагаемомъ рисункѣ).

Перначь, длиною съ головкою 14 верш., серебряный съ деревяною ручкою и серебрянымъ наконечникомъ (№ 5 на прилагаемомъ рисункѣ).

Перначь, длиною съ головкою 13 3/4 верш., серебряный съ деревяною ручкою и серебрянымъ наконечникомъ (№ 7 на прилагаемомъ рисункѣ).

Перначь, длиною съ головкою 13 верш., серебряный съ деревяною ручкою и серебрянымъ наконечникомъ (№ 4 на прилагаемомъ рисункѣ).

Восемнадцать перначей куренныхъ малыхъ, мѣдныхъ (№ 8 на прилагаемомъ рисункѣ).

Двѣ большихъ серебряныхъ литавры съ серебряными кистями и бахрамой.

Большое серебряное вызолоченное блюдо съ надписью: «Даръ Екатерины Великой войску вѣрному Черноморскому 1792 года Іюля 13, въ Царскомъ Селѣ, чрезъ Войсковаго Судью Антона Головатаго».

Большая вызолоченная серебряная солонка съ гербомъ и украшеніями съ надписью: «Подарена съ хлѣбомъ войску Черноморскому 1792 года Іюня 13».

Серебряный продолговатый подносъ съ ручками.

Блюдо серебряное вызолоченное, круглое съ вензелемъ «А».

Двѣ серебряныя большія кавалерійскія трубы съ шнуромъ, серебряными кистями и такими же кронами, пожалованныя Лейбъ-Гвардіи Черноморскому казачьему эскадрону за отличіе въ дѣлахъ противъ Французовъ въ 1813 году.

Орудія хранящіяся при войсковомъ арсеналѣ Кубанскаго казачьяго войска, пожалованныя Императоромъ Павломъ I-мъ Черноморскому войску.

Мѣдная пушка съ отбитыми дельфинами съ надписью (вязью) «По указу Великаго Государя и по приказу Адмиральтейца Феодора Матвѣевича Опраксина лита на Воронежѣ въ Изюмскій полкъ, 1706 года, Матвѣй Осиповъ».

Мѣдная пушка съ слѣдующею надписью: «вылита сія армата въ Глулуховѣ году Фивруарія дня , а вѣсу въ ней пудъ Карпъ Балашевичъ мастеръ».

Мѣдная пушка съ Государственнымъ гербомъ, Андрѣевской звѣздой съ подписью «за вѣру и вѣрность» 1732 года.

Четыре одинаковыхъ мѣдныхъ пушки съ запорожскимъ гетманскимъ гербомъ съ надписью на ней «Famam. Extendere Factis» Ея Императорскаго Величества малыя Россіи обоихъ сторонъ Днѣпра и войскъ Запорожскихъ Гетманъ, дѣйствительный Каммергеръ, Санктпетербургской Академіи наукъ Президентъ, Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Подполковникъ и Россійскихъ орденовъ: святаго апостола Андрея, святаго Александра-Невскаго, такожъ Польскаго Бѣлаго Орла и Гольстинскаго Святыя Анны Кавалеръ, Россійскія Имперіи Графъ Кирилъ Григоровичъ Разумовскій. И принемъ заправленія Генеральною Артиллеріею обознаго войсковаго Генеральнаго Семена Васильевича господина Кочубея. Октября 1-го дня 1753 года».

Высочайшія грамоты и другіе историческіе акты, хранящіеся въ помѣщеніи войсковыхъ регалій въ Кубанскомъ областномъ правленіи.

Грамоты Императрицы Екатерины II.

Высочайшая грамота, жалованная Черноморскому казачьему войску 30-го іюня 1792 года.

ЗАПОРОЖСКІЕ СѢЧЕВЫЕ АТАМАНСКІЕ И КУРЕННЫЕ БУЛАВЫ И ПЕРНАЧИ, ПЕРЕДАННЫЕ ЧЕРНОМОРСКОМУ ВОЙСКУ ПО ПОВЕЛѢНІЮ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ 1788 ГОДУ.

Вѣрнаго Нашего Войска Черноморскаго кошевому атаману, старшинамъ и всему Войску Нашего Императорскаго Величества милостивое слово.

Усердная и ревностная Войска Черноморскаго Намъ служба, доказанная въ теченіе благополучно оконченной съ Портою Оттоманскою войны, храбрыми и мужественными на сушѣ и водахъ подвигами, ненарушимая вѣрность, строгое повиновеніе начальству и похвальное поведеніе отъ самаго того времени, какъ сіе Войско, по волѣ Нашей, покойнымъ генераломъ-фельдмаршаломъ, княземъ Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ-Таврическимъ учреждено, пріобрѣли особливое Наше вниманіе и милость. Мы потому, желая воздать заслугамъ Войска Черноморскаго утвержденіемъ всегдашняго его благосостоянія и доставленіемъ способовъ къ благополучному пребыванію, Всемилостивѣйше пожаловали оному въ вѣчное владѣніе состоящій въ области Таврической островъ Фанагорію, со всей землею, лежащею на правой сторонѣ рѣки Кубани, отъ устья ея къ Усть-Лабинскому редуту, такъ чтобы съ одной стороны рѣка Кубань, съ другой же Азовское море до Ейскаго городка, служили границею войсковой земли. Съ прочихъ же сторонъ разграниченіе указали Мы дѣлать генералъ-губернатору Кавказскому и губернаторамъ Екатеринославскому и Таврическому чрезъ землемѣровъ, обще съ депутатами отъ Войска Донскаго и Черноморскаго.

Всѣ состоящія на помянутой Нами пожалованной землѣ всякаго рода угодья, на водахъ же рыбныя ловли, остаются въ точномъ и полномъ владѣніи и распоряженіи Войска Черноморскаго, исключая только мѣстъ для крѣпости на островѣ Фанагоріи и для другой, при рѣкѣ Кубани, съ подлежащимъ для каждой выгономъ, которыя для вящшей Войску, и особливо на случай военной безопасности, сооружены быть имѣютъ.

Войску Черноморскому предлежитъ бдѣніе и стража пограничная отъ набѣговъ народовъ закубанскихъ.

На производство жалованья кошевому атаману и войсковымъ старшинамъ по приложенной росписи, на употребляемые къ содержанію стражи отряды и прочія по Войску нужные расходы, повелѣли Мы отпускать изъ казны Нашей по 20,000 рублей на годъ.

Желаемъ Мы, чтобъ земское управленіе сего войска, для лучшаго порядка и благоустройства, сообразаемо было съ изданными отъ Насъ учрежденіями о управленіи губерній. Мы предоставляемъ правительству войсковому расправу и наказаніе впадающихъ въ погрѣшности въ Войскѣ; но важныхъ преступниковъ повелѣваемъ, для осужденія по законамъ, отсылать къ губернатору Таврическому.

Мы Всемилостивѣйше позволяемъ Войску Черноморскому пользоваться свободною внутреннею торговлею и вольною продажею вина на войсковыхъ земляхъ.

Всемилостивѣйше жалуемъ Войску Черноморскому знамя войсковое и литавры, подтверждая также употребленіе и тѣхъ знаменъ, булавы, перначей и войсковой печати, которыя оному отъ покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго, по волѣ Нашей доставлены.

Губернатору Таврическому указали Мы доставлять Войску Черноморскому всѣ исходящія отъ насъ узаконенія, предлагать оному о нарядахъ на службу, по назначенію военнаго начальства, и преподавать всѣ нужныя способствованія; а потому правительство войсковое имѣетъ относиться къ сему губернатору и чрезъ каждыя двѣ недѣли присылать ему свѣдѣнія о благосостояніи Войска и обо всѣхъ важныхъ происшествіяхъ, какія въ теченіи двухъ недѣль могутъ приключаться, для донесенія Намъ.

Мы надѣемся, что Войско Черноморское, соот-

СЛУЖЕУ НА КУБАНІ

(АРХИВЪ СЕЛЪ, УРЕЗЪ ПОЙСКОВОГО СУДЬЮ АНТОНА ГОЛОВАТАГО)

вѣтствуя Монаршему Нашему о немъ попеченію, потщится не только бдительнымъ охраненіемъ границъ соблюсти имя храбрыхъ воиновъ, но и всемѣрное употребитъ стараніе заслуживать званіе добрыхъ и полезныхъ гражданъ внутреннимъ благоустройствомъ и распространеніемъ семейственнаго житія.

РОСПИСЬ ЖАЛОВАНЬЮ, ЕЖЕГОДНО ПОЛАГАЕМОМУ НА ВОЙСКО ЧЕРНОМОРСКОЕ КАЗАЧЬЕ.

	Рубл.
Кошевому атаману	1,000
Войскому судьѣ	800
Войсковому писарю.	500
Войсковому есаулу	500
Протопопу	200
Попу.	100
Діакону	80
На причетъ церковный	120
Куреннымъ атаманамъ, каждому по 40 р..	1,600
Пушкарю и довбышу, по 40 руб.. . . .	80
Итого	4,980
На содержаніе артилеріи и жалованье казакамъ, въ дѣйствительной службѣ находящимся, и на всѣ прочіе по разсмотрѣнію войсковаго правительства расходы . .	15,020
Всего	20,000

Войсковымъ старшинамъ или полковникамъ, когда они внѣ владѣнія Войска Черноморскаго на службу отряжены, каждому производить въ годъ по сту рублевъ.

Сотникамъ, есауламъ, квартермистрамъ и прочимъ полковымъ старшинамъ, когда они на службу

наряжены внѣ предѣловъ Войска Черноморскаго, каждому по пятидесяти рублевъ.

Казакамъ, откомандированнымъ за предѣлы войсковые, производить жалованья въ годъ по двѣнадцати рублевъ и провіантъ указный, а коннымъ и фуражъ.

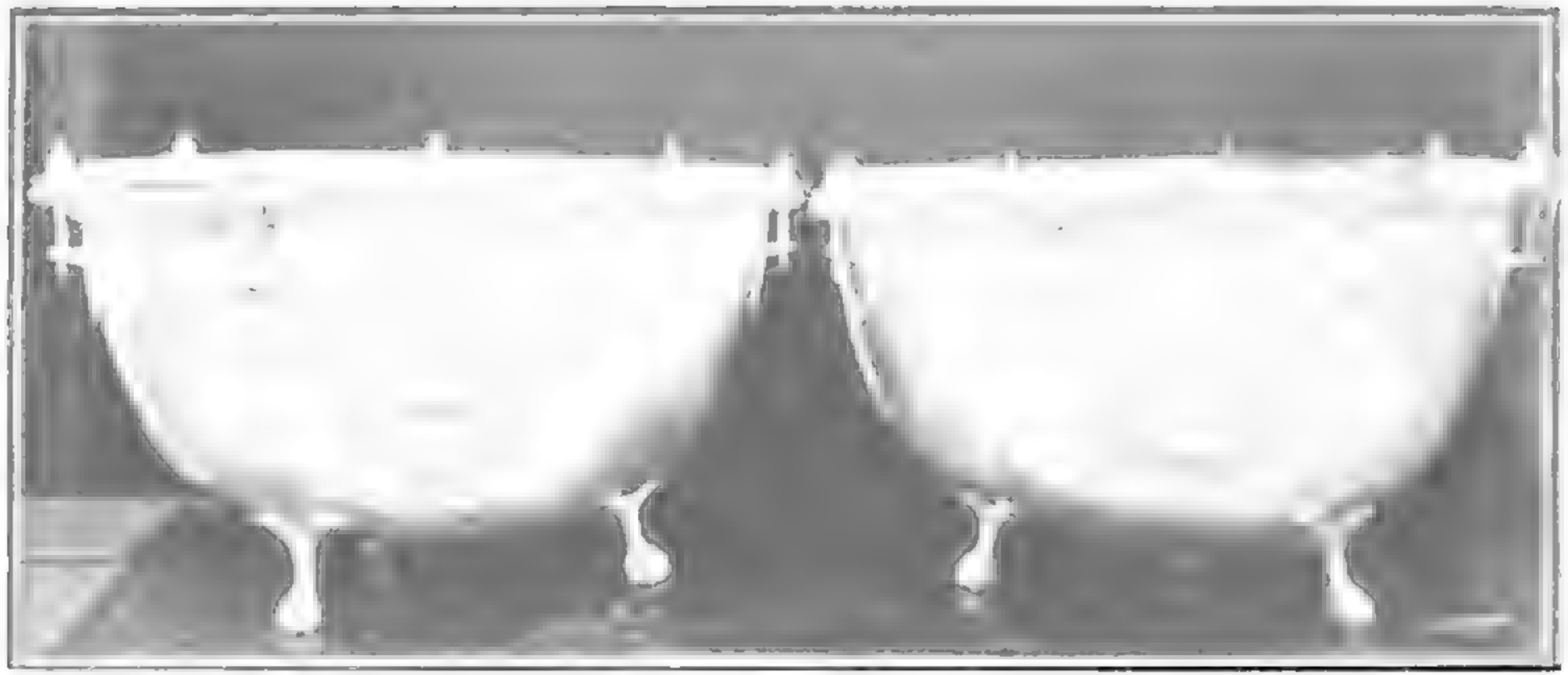
На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою:

Екатерина II.

Высочайшая грамота, жалованная Черноморскому казачьему Войску 1-го іюля 1792 года.

Вѣрнаго Нашего Войска Черноморскаго кошевому атаману, старшинамъ и всему Войску Нашего Императорскаго Величества милостивое слово.

Разсмотрѣвъ всеподданнѣйшія представленія, вступившія къ Намъ отъ Войска Черноморскаго и отъ присланнаго отъ онаго войсковаго судьи Головатаго, съ прочими депутатами, и удовлетворяя прошеніямъ съ справедливостію согласнымъ, Всемилостивѣйше Мы повелѣли: 1) Губернатору Таврическому имѣть попеченіе объ отысканіи и доставленіи старшинамъ и казакамъ Войска Черноморскаго справедливо и законно принадлежащаго имъ имѣнія, буде гдѣ оное въ прежнихъ ихъ жилищахъ задержано. Равнымъ образомъ истребовать ему, для причисленія къ Войску тѣхъ старшинъ казаковъ съ ихъ имуществомъ, которые, дѣйствительно прежде служивши въ военномъ званіи въ Запорожьи и по разрушеніи Сѣчи поселясь въ разныхъ мѣстахъ удерживаются тамъ противу ихъ воли, для чего отъ Войска Черноморскаго и нужно доставленіе къ губернатору Таврическому именного всѣхъ оныхъ списка, съ означеніемъ мѣстъ ихъ пребыванія. 2) На снабженіе переселяющихся въ новопожалованныя Войску Черноморскому и Фанагорійскомъ уѣздѣ земли неимущихъ казаковъ, особливо же вдовъ съ дѣтьми, потерявшихъ



ЛИТОГРАФІЯ ТОВ. М. О. ВОЛЬФЪ ФОТОГРАФИРОВАЛЪ Р. Д. ФЕЛИЦЫНЪ

БОЛЬШІЯ СЕРЕБРЯНЫЯ ЛИТАВРЫ, ПЕРЕДАННЫЯ «ВОЙСКУ ВѢРНЫХЪ КАЗАКОВЪ» ПО ПОВЕЛѢНІЮ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ 1788 Г. ВМѢСТѢ СЪ ДРУГИМИ РЕГАЛІЯМИ, ПРИНАДЛЕЖАВШИМИ РАНЬЕ ЗАПОРОЖСКОМУ ВОЙСКУ, УПРАЗДНЕННОМУ ВЪ 1775 ГОДУ

мужей своихъ на сраженіяхъ, отпустить 30,000 рублей. 3) Всѣхъ военнослужащихъ казаковъ, въ новомъ ихъ поселеніи, удовольствовать пропитаніемъ по сентябрь мѣсяцъ будущаго 1793 года. 4) Всѣмъ переселяющимся изъ новопріобрѣтенной между Днѣстра и Буга области въ Фанагорійскій уѣздъ старшинамъ и казакамъ дозволить продавать построенные ими въ той области домы и прочія строенія, и въ томъ имъ всякое способствованіе преподавать. 5) При семъ переходѣ Войска Черноморскаго, изъ состоящихъ на пути магазиновъ довольствовать оное провіантомъ и въ переправахъ чрезъ рѣки всевозможное вспоможеніе чинить. Въ соотвѣтствіе чего и Войско Черноморское, во время прохода, да сохранитъ строгую дисциплину и да возбранитъ у себя пріемъ бѣглецовъ, подданныхъ россійскихъ какъ тогда, такъ и впредь по самовольномъ оставленіи жилищъ своихъ къ оному являющихся. 6) Что касается до пожалованныхъ отъ покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Таврическаго по сему Войску въ штабъ и оберъ-офицерскіе чины старшинъ, онымъ о дачѣ патентовъ указали Мы нашей военной коллегіи. Мы надѣемся, что Войско Черноморское, Монаршею Нашею милостію взысканное, употребитъ усиленнѣйшее стараніе о скорѣйшемъ переселеніи своемъ на земли, Всемилостивѣйше отъ Насъ пожалованныя, и что всемѣрно потщится ревностію и усердною службою учинить себя и впредь достойнымъ Нашего благоволенія.

На подлинномъ подписано собственной Ея Императорскаго Величества рукою:

Екатерина.

Повелѣнія и грамоты Императора Павла I.

Высочайшія за собственноручнымъ Его Величества подписомъ повѣленія войсковому атаману Черноморскаго войска:

Отъ 7 Февраля 1799 года Его Величество, Всемилостивѣйше изъявляя генералъ-маіору Котляревскому Свое «удовольствіе и благосклонность» за благосостояніе Черноморскаго войска,—изволилъ повелѣть: «касательно до покушеніевъ на черкесъ....» «оныхъ не дѣлать», не получивъ отъ Его Величества на то повелѣнія.

Отъ 13 Февраля 1799 года, о недѣланіи никакихъ перемѣнъ въ войскѣ; при этомъ Государь Императоръ изволилъ выразить желаніе оставить въ войскѣ все въ томъ же положеніи, какъ оно было при восшествіи Его Величества на Всероссійскій Престолъ.

Отъ 6 Марта 1799 года повелѣвается исключить изъ списковъ старшинъ, неперешедшихъ изъ прежнихъ жилищъ на войсковую землю; извѣщается о данномъ Вице-Президенту Адмиралтейской Коллегіи повелѣніи войти въ сношеніе съ генералъ-маіоромъ Котляревскимъ «о конечномъ устроеніи» пришедшей въ негодность флотиліи; повелѣвается (генералъ-маіору Котляревскому) «выбрать по Таману» удобное мѣсто для устройства новой бухты для флотиліи; извѣщается, что представленіе (генералъ-маіора Котляревскаго) о зачисленіи въ войско «бродягъ Его Величествомъ «апробуется»; повелѣвается не принимать на службу въ войско малороссійскихъ дворянъ безъ Высочайшаго Его Величества на то соизволенія.

Отъ 22 Мая 1799 года, генералъ-маіоръ Котляревскій извѣщается, что рапортъ его о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ относительно выходящихъ изъ за Кубани для водворенія на землѣ Черноморскаго войска, Его Величествомъ «апробуется».

Отъ 27 Іюня 1799 года, Его Императорское Величество изъявляетъ Свое соизволеніе (на представленіе генералъ-маіора Котляревскаго): 1) на поселеніе «надъ Кубанью, при лѣсныхъ Черноморскихъ селені-

яхъ», султана Алія съ семействомъ; 2) на принятіе въ русское подданство и переѣздъ для поселенія на нашу сторону Кубани закубанскихъ набережныхъ владѣльцевъ: татарскаго Баязрукъ-Бея, Арсланъ-Гирей-Бея, джанайскаго Милость-Бея, и ногайскаго Султанъ-Шагинъ-Гирея, съ ихъ семействами и подданными.

Отъ 5 Августа 1799 года, повѣлено: 1) учредить въ Екатеринодарѣ, у гудовичевой переправы и «Куркахъ» мѣновые дворы для продажи соли горскимъ народамъ; 2) всѣхъ выходцевъ изъ за Кубани на нашу сторону принимать на томъ основаніи, какъ вышедшихъ съ султаномъ Али-Шеретлукомъ,—и 3) этому султану и вышедшимъ съ нимъ дворянамъ дозволить продавать русскимъ подданнымъ имѣющихся у нихъ, купленныхъ издавна крестьянъ. При этомъ Его Величество изволилъ извѣстить генералъ-маіора Котляревскаго, что представленіе его о мѣстѣ, избранномъ при Кубанской границѣ въ «Сукуровомъ» озерѣ и гирлѣ—гаванью для гребной флотиліи, «апробуется».

Отъ 3 Ноября 1799 года, Его Величество, на представленіе генералъ-маіора Котляревскаго, Всемилостивѣйше дозволяетъ казакамъ, поселеннымъ въ «негодныхъ» мѣстахъ, избрать для поселенія другія мѣста на войсковой землѣ «гдѣ выгоднѣе найдутъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, по поводу ухода съ нашей стороны за-Кубань въ горы «Бздузскаго народа, Бея Авбука, съ его семействомъ»,—повелѣно: для отвращенія сего впредь желающихъ переходить изъ-за Кубани въ русское подданство поселять не ближе 60 верстъ отъ Кубани. Далѣе Его Величество не соизволилъ на зачисленіе на службу въ войско просившихъ объ этомъ малороссійскихъ дворянъ.

Отъ 15 Ноября 1799 года, генералъ-маіоръ Котляревскій Всемилостивѣйше увольняется, по его просьбѣ

бѣ, отъ службы за болѣзнію, съ пенсіономъ; при этомъ повелѣно ему избрать достойнаго себѣ преемника (въ должиость войсковаго атамана) и объ избранномъ лицѣ представить на Высочайшее Его Величества утвержденіе.

Отъ 22 Декабря 1799 года, повелѣно подполковнику Бурсуку вступить въ должность «атамана войска Черноморскаго казаковъ», на мѣсто генералъ-маіора Котляревскаго.

Отъ 6 Февраля 1800 года, повелѣно отказывать горцамъ въ переселеніи на нашу сторону и въ пріемѣ ихъ въ русское подданство, въ виду того, что такіе переселенцы уходятъ обратно за Кубань, какъ скоро измѣняются обстоятельства, заставившія ихъ перейти на нашу сторону.

Отъ 17 Апрѣля 1800 года, подполковникъ Бурсакъ извѣщается о данномъ генералу Михельсону повелѣніи откомандировать егерскіе полки Драшковича и Лейхнера, съ артиллеріею «для учиненія горскимъ народамъ репрезаль», въ наказаніе за дерзскіе набѣги ихъ на черноморскія селенія, съ тѣмъ чтобы по окончаніи таковой экспедиціи названные полки были расположены по Кубанской границѣ отъ Тамани до Усть-Лабинской крѣпости.

Отъ 21 Апрѣля 1800 года, повелѣно полковнику Бурсаку, по поводу его донесенія, въ отвращеніе набѣговъ горцевъ на Черноморію, исправнѣе содержать кордонъ, «не допуская упущеніемъ своимъ, чтобы они (горцы) прорывались чрезъ границу».

Отъ 1 Августа 1800 года, Высочайше утверждается «въ судейской должности» избранный подполковникомъ Бурсакомъ подполковникъ Кордовскій.

Отъ 3 Ноября 1800 года, подполковникъ Бурсакъ извѣщается о данномъ повелѣніи изготовить Высочайшую грамоту Войску Черноморскому и о томъ, что

Его Величество Всемилостивѣйше соизволитъ удовлетворить, по возможности, нужды войска, по полученіи отъ подполковника Бурсака подробныхъ донесеній о таковыхъ нуждахъ.

Божіею поспѣшествующею милостію, Мы, Павелъ первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и проч. и проч. и проч.

Вѣрнаго Нашего Черноморскаго войска атаману, старшинамъ и всему войску Наше Императорское милостивое слово:

Пріемля съ монаршимъ Нашимъ благоволеніемъ службу вѣрноподданнаго намъ Черноморскаго войска, видѣли мы съ особеннымъ удовольствіемъ Нашимъ вѣрность, усердіе и отличную храбрость, оказанныя симъ войскомъ въ теченіе бывшей послѣдней войны съ Портою Оттоманскою и нынѣ всегда съ таковою же похвальною ревностію продолжающаго Намъ службу свою. Мы благоволительно желая изъявить войску сему Нашу Императорскую благопризнательность и милостиво оказать щедроты и воздаяніе за вѣрность и службу ихъ, жалуемъ и подтверждаемъ въ вѣчномъ владѣніи ихъ населяемый симъ войскомъ островъ Тамань во всѣхъ тѣхъ предѣлахъ, которые положены данною имъ въ 1792 году Іюня 30 дня, грамотою и учиненнымъ отъ губернскаго начальства разграниченіемъ. Сію Императорскую милость Нашу распространяемъ Мы на слѣдующихъ постановленіяхъ:

Первое: всѣ состоящія на сей пожалованной имъ землѣ всякаго рода угодья, на водахъ же рыбныя ловли да пребудутъ въ точномъ и полномъ владѣніи и распоряженіи войска Черноморскаго, исключая только мѣста для крѣпостей, съ подлежащимъ для каждой выгономъ, кои на тѣхъ земляхъ для безопасности построены быть имѣютъ.

Второе: войску Черноморскому благоволительно

ввѣряемъ бдѣніе и охраненіе погранично отъ набѣговъ народовъ за-кубанскихъ.

Третіе: Всемилостивѣйше позволяемъ и подтверждаемъ войску Черноморскому право пользоваться свободно внутреннею торговлею и вольною продажею вина на земляхъ войску принадлежащихъ.

Четвертое: войско Черноморское получаетъ отъ насъ повелѣніе чрезъ военное начальство какъ о устройствѣ сего войска, такъ и о нарядахъ на службу, которыя обязано исполнять съ точностію и поспѣшностію, свойственными вѣрноподданнымъ Нашимъ, притомъ же правительство войсковое о благосостояніи войску и о обо всѣхъ важныхъ происшествіяхъ, какія тамъ случиться могутъ, имѣть почасту доносить Намъ; по гражданской же части быть въ вѣдѣніи Нашего Сената.

Пятое: простирая Монаршее Наше попеченіе о благѣ вѣрнаго намъ Черноморскаго войска, сопзволяемъ, чтобъ и управленіе дѣлъ до онаго относящихся воспріяло лучшій образъ, и для того Всемилостивѣйше повелѣваемъ учредить въ немъ войсковую канцелярію на слѣдующемъ основаніи: 1) въ войсковой канцеляріи присутствовать отъ войска Черноморскаго атаману, двумъ членамъ и, сверхъ того, особамъ, каковыхъ Мы заблагоразсудимъ назначить: 2) отъ сей канцеляріи зависѣть должно наблюденіе въ подчиненныхъ мѣстахъ благоустройства и правосудія и рѣшеніе всѣхъ дѣлъ; 3) учредить зависящія отъ той канцеляріи экспедиціи: первую для дѣлъ криминальныхъ, вторую для гражданскихъ и тяжебныхъ, третью для казенныхъ, четвертую для межевыхъ, пятую для полиціи и шестую сыскное начальство, соотвѣтствующее земскому суду, и во всѣхъ сихъ экспедиціяхъ быть отъ Черноморскаго войска пристойному числу членовъ; 4) экспедиціи сіи, производя дѣла, приговоры свои по онымъ должны вносить на утвержденіе войсковой кан-

целяріи и опредѣленной отъ Насъ въ оную довѣренной особѣ и доколѣ утверждены не будутъ, исполнять своихъ положеній не долженствуютъ; 5) войсковая канцелярія и подчиненныя ей экспедиціи, какъ теченіе дѣлъ, такъ и земское управленіе должны производить на основаніи общихъ узаконеній Всероссійской Имперіи; 6) дѣла по гражданской части на апеляцію вносить въ Сенатъ, а по военной относиться въ военную коллегію—сообразно чему и уголовные вносить на ревизію, по роду ихъ и принадлежности, до того или другаго правительства, но отсылая прежде приговоры свои на разсмотрѣніе довѣренной отъ Насъ особѣ; 7) въ судейскія должности опредѣлять по годно, избирая въ сіе званіе способныхъ и благонадежныхъ людей; 8) канцелярію и ея экспедиціи снабдить. и впредь снабдѣвать, по распоряженію войсковой канцеляріи, канцелярскими служителями въ такомъ числѣ, какое для успѣшнаго производства дѣлъ потребно; 9) для охраненія правосудія и доставленія каждому скорѣйшаго по дѣламъ на законномъ основаніи удовлетворенія, Всемилостивѣйше соизволяемъ при войсковой канцеляріи быть прокурору.

Шестое: желая распространить торговлю и промыслы и въ Черноморскомъ войскѣ и преподавать оному средства, всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ присвоенныя. Всемилостивѣйше дозволяемъ каждому изъ сего войска, съ позволенія войсковой канцеляріи. записываться въ гильдіи и мѣщане, на основаніи общихъ государственныхъ узаконеній и согласно съ дарованными отъ Насъ каждому состоянію преимуществами, свободно производить торги и промыслы какъ во всей Нашей Имперіи, такъ и внѣ оной; для суда же и расправы записавшихся въ купечество и мѣщанство учреждать всюду ратгаузы на такомъ основаніи, какъ оные учреждены и содержатся во всѣхъ россій-

скихъ торговыхъ мѣстахъ, поступая въ порядкѣ переноса сихъ дѣлъ на аппеляцію и ревизію по предъидущему пятому пункту.

Седьмое: атаману съ войсковыми старшинами и съ присутствующими войсковой канцеляріи на жалованье, также на употребляемые къ содержанію карауловъ отряды и на прочіе по войску нужные расходы предоставляемъ на всегда пользоваться отпускаемою изъ казны Нашей денежною суммою по двадцати тысячь рублей каждогодно.

Восьмое: Всемилостивѣйше дозволяемъ войску Черноморскому, въ означеніе службы его Престолу Нашему, употреблять данныя имъ отъ Насъ знамена, булавы, перначи и войсковую печать, каковая въ войскахъ Нашихъ положена.

Впрочемъ Мы надѣемся, что войско Черноморское, ощущая Монаршее Наше о немъ попеченіе и покровительство, потщится навсегда не только имѣть бдительное охраненіе границъ и отправлять съ ревностію и храбростію службу, каковая на него отъ Насъ возлагается, но и всемѣрно продолжать будетъ стараніе о внутреннемъ благоустройствѣ, тишинѣ, трудолюбіи и распространеніи семейственнаго житія и чрезъ то удостоится вящшаго Нашего благоволенія и щедротъ. Дана въ Михайловскомъ Замкѣ, мѣсяца Февраля шестаго-надесять дня, лѣта отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ перваго, царствованія Нашего въ пятое лѣто; великаго же магистерства Нашего въ третіе.

На подлинной написано Собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

«Павелъ.»

Контрасигновалъ: графъ Растопчинъ.

Грамоты и повелѣнія Императора Александра I.

Божіею поспѣшествующею милостію, Мы, Александръ, первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и проч. и проч. и проч.

Вѣрнаго Нашего войска Черноморскаго атаману, старшинамъ и всему войску Наше Императорское милостивое слово.

Во уваженіе на службу вѣрноподданаго Намъ Черноморскаго войска съ ревностію и усердіемъ продолжаемую за благо признали Мы симъ подтвердить пожалованныя ему въ 30-й день іюня 1793 года, въ 16-й февраля 1801 г. грамоты съ нижеслѣдующими постановленіями.

Первое: населяемый симъ войскомъ островъ Тамань да будетъ въ вѣчномъ и неотъемлемомъ владѣніи онаго во всѣхъ тѣхъ предѣлахъ, которые по учиненному разграниченію ему предоставлены, и въ слѣдствіе того, всѣ состоящія на сей землѣ всякаго рода угодья, на водахъ же рыбныя ловли, должны навсегда остаться въ точномъ и полномъ распоряженіи войска, исключая токмо мѣста для крѣпостей съ подлежащимъ для каждой выгономъ, кои на землѣ сей для безопасности построены быть имѣютъ.

Второе: войску Черноморскому ввѣряется по прежнему бдѣніе и стража пограничная отъ набѣговъ народовъ закубанскихъ. Мы надѣемся при семъ, что войско сіе, бывъ сильно отразить во всякое время сихъ непріятелей, не позволитъ себѣ принимать изъ внутри Россіи никакихъ людей, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, ибо подобные переходы противны общему порядку и благоустройству государства.

Третіе: Всемилостивѣйше позволяемъ и подтверждаемъ войску Черноморскому право пользоваться свободною внутреннею торговлею и вольною продажею

вина на земляхъ войску принадлежащихъ. При сихъ даруемыхъ войску выгодахъ долженствуетъ оно всѣ по земству повинности: наипаче же содержаніе казармъ и отапливаніе и освѣщеніе находящихся и впредь тамъ быть могущихъ армейскихъ полковъ, исправлять всегда безмолвно, какъ того общественная польза требуетъ.

Четвертое: войско Черноморское получаетъ отъ Насъ повелѣніе чрезъ военное начальство какъ о устройствѣ онаго, такъ и о нарядахъ на службу, которыя и обязано исполнять съ точностію и поспѣшностію.

Пятое: войсковому правительству быть на томъ точно основаніи, какъ въ указѣ Нашемъ въ 25-й день февраля 1802 года изданномъ постановлено: по дѣламъ войсковымъ должно оно зависѣть отъ инспектора крымской инспекціи, а по части гражданской состоять въ вѣдомствѣ Таврическаго губернскаго начальства и особенно управляющаго губерніею.

Шестое: Всемилостивѣйше дозволяемъ и подтверждаемъ каждому изъ сего войска, съ вѣдома войскового начальства, записываться въ гильдіи и мѣщане на основаніи общихъ государственныхъ узаконеній, для свободнаго отправленія торговъ и промысловъ, какъ во всей Имперіи Нашей, и внѣ оной.

Седьмое: для учрежденныхъ въ войскѣ Черноморскомъ, по указу отъ 13-го Ноября 1802 года, двадцати полковъ къ даннымъ отъ покойнаго Родителя Нашего Государя Императора Павла Петровича 14 знаменамъ, Всемилостивѣйше жалуемъ и при семъ доставляемъ войску еще шесть знаменъ, подтверждая и употребленіе булавы, перначей и войсковой печати.

Впрочемъ увѣрены Мы, что войско Наше Черноморское, пользуясь подтвержденными ему нынѣ правилами, по колико они могутъ быть съ общими государственными постановленіями согласны, не престанетъ съ обычною ему къ Намъ вѣрностію продолжать быть

навсегда храбрымъ и ревностнымъ къ службѣ, соблюдая внутреннее благоустройство и тишину и распространеніемъ семейственнаго житія, вящше пріобрѣтая отъ Насъ къ себѣ благоволеніе. Дана въ Санктпетербургѣ. Мая тридесятъ перваго дня тысяча восемь сотъ третьяго года.

На подлинной подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

«Александръ».

Контрасигновалъ: государственный канцлеръ Александръ Воронцовъ.

Высочайшее за Собственноручнымъ Его Величества подписомъ повелѣніе войсковому атаману Черноморскаго войска, генералъ-маіору Бурсаку, отъ 9 Марта 1815 года, о снаряженіи отъ войска пяти «исправныхъ и доброконныхъ казачьихъ полковъ» для дѣйствующей противу непріятеля арміи и объ отправленіи таковыхъ полковъ на нашу границу къ Родзивилову.

Грамоты Императора Николая I и рескриптъ Наслѣдника Цесаревича.

Отъ 10 Октября 1843 года, Черноморскому казачьему войску, на пожалованное этому войску знамя за пятидесятилѣтнюю службу, храбрость при отраженіи горцевъ и отличное состояніе Черноморской кордонной линіи.

Отъ 1 Іюля 1844 года, Азовскому казачьему войску, на пожалованное войску знамя за отличную храбрость, оказанную въ 1828 году при переправѣ россійскихъ войскъ чрезъ Дунай.

Отъ 14 Марта 1845 года, Черноморскому казачьему войску, на пожалованныя шесть знаменъ 2, 3, 4, 6, 7 и 9-му пѣшимъ баталіонамъ.

Рескриптъ Государя Наслѣдника Цесаревича Алек-

сандра Николаевича на имя наказнаго атамана Черноморскаго войска, отъ 16 Декабря 1827 года, съ благодарностью за принесенное отъ лица войска поздравленіе по случаю назначенія Его Высочества Атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ.

Грамоты Императора Александра II.

Отъ 26 Августа 1856 года, Черноморскому войску на пожалованное ему георгіевское знамя съ надписью: «за храбрость и примѣрную службу въ войну противъ Французовъ, Англичанъ и Турокъ въ 1853, 1854, 1855 и 1856 годахъ».

Отъ 26 Августа 1856 года, Азовскому казачьему войску на пожалованное ему георгіевское знамя, съ такою же надписью, какъ и Черноморскому войску за войну 1853—1856 годовъ.

Рескриптъ на имя генералъ-адъютанта графа Евдокимова, отъ 24 Іюня 1861 года, о заселеніи кубанскими казаками предгорій западной части Кавказскаго хребта.

Грамоты Кубанскому казачьему войску.

Отъ 12 Іюня 1864 года. Въ воздаяніе семидесятилѣтней боевой службы войска во время Кавказской войны Всемилостивѣйше даруется чинамъ войска сокращеніе срока службы до 15 лѣтъ полевой и 7 лѣтъ внутренней.

Отъ 25 Марта 1867 года, на пожалованное войску георгіевское знамя съ надписью: «за Кавказскую войну».

Отъ 30 Августа 1880 года, на пожалованное войску георгіевское знамя съ надписью: «за отличіе въ Турецкую войну въ 1877 и 1878 годовъ».

Грамоты строевымъ частямъ Императора Николая I.

Отъ 6 Августа 1830 года, Черноморскому казачьему 1 «пѣхотному» полку съ надписью: «за отличіе, оказанное при разбитіи Турецкой флотиліи подъ Браиловымъ 29 Мая 1828 года».

Отъ 21 Сентября 1831 года, 5 пѣшему Черноморскому казачьему полку, на пожалованное ему знамя съ надписью: «за отличіе при взятіи крѣпости Анапы 12 Іюня 1828 года».

9 Черноморскому конно-казачьему полку, 8 пѣшему Черноморскому казачьему полку, на пожалованныя имъ знамена съ надписями: «за отличіе при взятіи крѣпости Анапы 12 Іюня 1828 года».

1 Конно-Черноморскому казачьему полку на пожалованное знамя съ надписью: «за отличіе въ Персидскую и Турецкую войны въ 1827, 1828 и 1829 годахъ».

Отъ 11 Ноября 1831 года, 5 Черноморскому конно-казачьему полку и 6 Черноморскому конно-казачьему полку на пожалованныя этимъ полкамъ знамена съ надписями: « за отличіе въ Турецкую войну въ 1829 году».

Отъ 6 Декабря 1831 года, Дунайскому казачьему полку—на знамя съ надписью: «за храбрость и усердіе, оказанныя при переправѣ чрезъ Дунай 27 Мая 1828 года».

Императора Александра II грамоты строевымъ частямъ:

Отъ 15 Декабря 1858 года, 1 Хоперскому и 2 Хоперскому коннымъ полкамъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска на знаки отличія, пожалованные на папахи первой полусотнѣ.

Отъ 15 Декабря 1858 года, 1 сотнѣ 1 Кавказ-

скаго, первой полусотнѣ 1 сотни 2 Кавказскаго, 1 сотнѣ 1 Кубанскаго, 1 сотнѣ 2 Кубанскаго, 1 сотнѣ 2 Ставропольскаго, 1 сотнѣ 1 Хоперскаго и 1 сотнѣ 2 Хоперскаго знаки отличія на папахи съ надписями: «за отличіе въ 1854 году» (въ сраженіи съ турками при Кюрукъ-Дара) и 2 сотнѣ 2 Хоперскаго полка— «за отличіе въ 1855 г.» (30 Августа въ дѣлѣ при мѣс. Пенякъ).

Отъ 12 Декабря 1867 года, 22 конному полку Кубанскаго казачьяго войска, на георгіевское знамя съ надписью: «за отличіе при покореніи Западнаго Кавказа въ 1864 году».

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9 коннымъ полкамъ Кубанскаго казачьяго войска на знаки отличія къ папахамъ, съ надписью: «за отличіе при покореніи Западнаго Кавказа въ 1864 году».

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 и 13 пѣшимъ баталіонамъ Кубанскаго казачьяго войска на знаки отличія къ папахамъ съ надписью: «за отличіе при покореніи Западнаго Кавказа въ 1864 году».

Отъ 2 Августа 1878 года, 2 Кубанскому конному полку, на пожалованные ему знаки отличія на папахи, съ надписью: «за отличіе въ Турецкую войну въ 1877 и 1878 г.».

Отъ 10 Октября 1878 года, 7 пѣшему пластунскому баталіону, на пожалованные 1 и 2 сотнямъ этого баталіона георгіевскіе серебряные сигнальные рожки, съ надписью: «за оборону Шипки, въ 1877 году».

Отъ 26 Ноября 1878 года, 2 Хоперскому конному полку, на пожалованныя ему георгіевскія серебряныя трубы, съ надписью: «за отличіе въ Турецкую войну 1877 и 1878 годовъ».

Отъ 26 Ноября 1878 года 2 Лабинскому конному полку на таковыя же трубы и съ такими же надписями.

Отъ 11 Февраля 1879 года 3 пѣшему пластунскому баталіону, на пожалованные 3 сотнѣ этого баталіона знаки отличія на головные уборы, съ надписью: «за отличіе противъ турокъ въ Абхазіи въ 1877 г.».

2 Кавказскому конному полку, на пожалованные 2, 4 и 5 сотнямъ этого полка знаки на головные уборы, съ надписью: «за подавленіе возстанія въ Дагестанѣ въ 1877 году».

11 конному полку на пожалованное георгіевское знамя съ надписью: «за отличіе въ Турецкую войну, въ дѣлахъ, бывшихъ противъ горцевъ въ 1828 и 1829 годахъ и при покореніи Западнаго Кавказа въ 1864 г.».

Старинные ордера, хранящіеся въ помѣщеніи войсковыхъ регаліи въ Кубанскомъ Областномъ Правленіи.

(Краткое содержаніе ордеровъ).

Ордера Екатеринославскаго, Таврическаго и Харьковскаго генералъ-губернатора, а въ послѣдствіи и великаго гетмана казачьихъ войскъ Черноморскихъ и Екатеринославскихъ, генералъ-фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго:

1) Отъ 20 Августа 1787 года № 2123.—Возлагается на секундъ-маіоровъ *Сидора Бѣлаго* и *Антона Головатаго* собрать пѣшихъ и конныхъ охотниковъ «для лодокъ» изъ служившихъ въ бывшей Сичи Запорожской казаковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ объявляется, что таковые охотники, во время ихъ службы, будутъ довольствуемы жалованьемъ, провіантомъ и на лошадей фуражемъ.

2) Отъ 12 Октября 1787 года № 2664. — Объявляется во всеобщее свѣдѣніе, что въ виду открывшихся военныхъ дѣйствій противъ Турціи, капитанъ

Захарій Чепѣга изъявилъ желаніе собрать волонтеровъ и съ «оными употребленъ быть при арміи».

3) Отъ 3 Іюня 1788 года № 3361.—Объявляется объ опредѣленіи *Харитона Чепѣги* атаманомъ кошевымъ войска Черноморскихъ казаковъ.

4) Отъ 26 Февраля 1790 года № 874.—Объявляется о Всемилостивѣйшемъ «пожалованіи» генералъ-фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго «Великимъ Гетманомъ Императорскихъ казацкихъ войскъ Черноморскихъ и Екатеринославскихъ».

5) Отъ 1 Марта 1790 года № 55.—Князь Потемкинъ-Таврическій извѣщаетъ, что, имѣя попеченіе о благосостояніи Черноморскаго войска, его свѣтлость «представилъ» Ея Императорскому Величеству о поселеніи всего войска «на привольныхъ мѣстахъ по берегу Чернаго моря между Днѣстра и Буга».

6) Отъ 19 Апрѣля 1790 года № 496.—Извѣщается, что для поселенія Черноморскаго войска опредѣляются на Кинбурнской сторонѣ земли, не принадлежащія помѣщикамъ, а отъ Буга по морю до Днѣстра—линіею, на картѣ означенною, и къ тому добавляется «округъ Еникольскій съ Таманомъ». При этомъ князь Потемкинъ-Таврическій даритъ войску принадлежащія его свѣтлости (на Тамани) «мѣста съ рыбными ловлями, самыми изобильными».

7) Отъ 19 Апрѣля 1790 года № 497.—Предписывается сформировать отъ войска Черноморскаго «потребный къ булавѣ Великаго Гетмана» конный казачій полкъ и избрать достойныхъ бунчуковыхъ товарищей двѣнадцать человѣкъ.

8) Отъ 27 Мая 1790 года № 783.—Подтверждается объ «изготовленіи» чиновъ къ булавѣ великаго гетмана: бунчуковыхъ товарищей и полка; вмѣстѣ съ тѣмъ предписывается: 1) избрать старшинъ для осмотра мѣстъ у Еникола, а на Тамани—отъ его свѣтлости

войску подаренныхъ, и 2) стараться приглашать и зачислять въ войско находящихся на подаренныхъ рыбныхъ ловляхъ «работниковъ изъ малой Россіи и Польши».

9) Отъ 28 Мая 1790 года № 2173.—Извѣщается, что по представленной атаманомъ кошевымъ просьбѣ олешковскихъ жителей, они будутъ зачислены въ Черноморское войско.

Ордера генералъ-адъютанта графа Ливина:

10) Отъ 6 Марта 1799 года № 463.—Сообщается Высочайшее Государя Императора повелѣніе о «сдѣланіи вѣрнѣйшей выправки» по поводу оказавшагося несходства представленныхъ генералъ-маіоромъ Котляревскимъ списковъ чинамъ, подлежащимъ исключенію изъ войска и остающимся въ ономъ, со спискомъ, имѣющимся у Его Императорскаго Величества. При семъ ордерѣ приложены три именные списка.

11) Отъ 17 Мая 1799 года № 901.—Сообщается Высочайшее соизволеніе, послѣдовавшее на принятіе въ войско отставнаго поручика *Похитонова*, подпоручика *Бѣлаго* и малороссійскихъ дворянъ *Сопина* и *Капусту*.

12) Отъ 15 Ноября 1799 года, безъ №-ра.—Сообщено о невоспослѣдованіи Высочайшаго соизволенія на зачисленіе въ Черноморское войско Георгіевскаго нижняго земскаго суда секретаря *Крупкина*.

13) Отъ 3 Мая 1801 года, безъ №-ра.—Сообщено Высочайшее повелѣніе, чтобы всѣ всеподданнѣйшія на Имя Его Императорскаго Величества донесенія писались по препровожденной при семъ формѣ.

Ордера адмирала графа Кушелева:

14) Отъ 11 Марта 1799 года, безъ №-ра.—По Высочайшему повелѣнію отъ генералъ-маіора Котля-

ревскаго требуется свѣдѣніе: какое число судовъ пришедшей въ негодность Черноморской гребной флотиліи необходимо исправить для перевозки провіанта и проч., а также какое число и какой конструкціи судовъ потребно для употребленія «въ открытыхъ мѣстахъ къ дѣйствіямъ».

15) Отъ 20 Октября 1799 года, безъ №-ра.—Сообщается послѣдовавшее Высочайшее повелѣніе о постройкѣ для Черноморской гребной флотиліи 50-ти новыхъ лодокъ, одной яхты для начальника и 5-ти баркасовъ для услугъ флотиліи.

СТРОЕВОЙ СОСТАВЪ

КУБАНСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА.

СТРОЕВОЙ СОСТАВЪ

КУБАНСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА.

Кубанское казачье войско *) на основаніи Высочайше утвержденныхъ 3 Іюня 1882 года штатовъ и особыхъ о немъ положенія обязано выставлять по военному времени: 1) Тридцать конныхъ полковъ шестисотеннаго состава, носящихъ слѣдующія наименованія: Хоперскій Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Анастасіи Михайловны конный полкъ, Кубанскій, Таманскій, Полтавскій, Ейскій, Уманскій, Кавказскій, Екатеринодарскій, Лабинскій и Урупскій конные полки. Каждый полкъ имѣетъ тройной составъ, изъ которыхъ первый находится на полевой дѣйствительной службѣ, а остальные два составляютъ льготные полки 2 и 3 очереди. 2) Два Лейбъ-Гвардіи Кубанскихъ казачьихъ эскадрона Собственнаго Его Императорскаго Величества конвоя, изъ которыхъ поочередно одинъ находится въ С.-Петербургѣ при особѣ Его Императорскаго Величества, а другой на льготѣ. 3) Конный двухсотенный дивизіонъ, находящійся на службѣ въ

---

*) Всѣхъ вообще жителей войсковаго сословія Кубанскаго казачьяго войска состоитъ 303486 муж. пола, 302733 жен. пола и вообще 606219 обоего пола.

Варшавѣ. 4) Двѣнадцать четырехсотенныхъ пѣшихъ пластунскихъ баталіоновъ, изъ которыхъ 4 состоятъ на дѣйствительной службѣ, а остальные образуютъ льготный составъ этихъ баталіоновъ 2 и 3 очереди. 5) Пять полевыхъ конно артиллерійскихъ батарей 6-ти орудейнаго состава и въ томъ числѣ льготный составъ артиллеристовъ и запасные взводы для пяти батарей по военному времени. 6) Семь мѣстныхъ командъ и 7) сотня Кубанской постоянной милиціи въ составѣ 1 оберъ-офицера и 88 челов. нижнихъ чиновъ. Военный составъ нижнихъ чиновъ опредѣленъ въ 37667 человѣкъ, но въ обыкновенное мирное время Кубанское войско выставляетъ на полевую службу только одну треть служилаго состава, а прочіе остаются въ своихъ домахъ на льготѣ. Такимъ образомъ штатный, списочный и наличный составъ Кубанскаго казачьяго войска представляется въ слѣдующемъ видѣ;

	Полковъ.	Дивизіоновъ.	Эскадроновъ.	Батарей.	Баталіоновъ	Милиціи.	Командъ.	Генераловъ.	Штабъ и оберъ-офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.	Лошадей. Строевыхъ.	Артиллерійскихъ.	Подъемныхъ.	Вьючныхъ.
По штатамъ и положеніямъ по военному времени должно состоять	30	1	2	5	12	1	7	1	970	42515	30551	780	4549	408
По спискамъ состоитъ . .	»	»	»	»	»	»	»	15	845	50308	22877	278	319	227
Къ 1 Сентября 1888 года состояло на дѣйствительной полевой службѣ. . .	10	1	1	5	4	1	7	4	626	14179	8692	278	319	227

На основаніи войсковаго положенія, Высочайше утвержденнаго 3 Іюня 1882 года и примѣненнаго къ

Кубанскому войску особаго устава о воинской повинности Донскаго казачьяго войска, служилый составъ въ Кубанскомъ войскѣ раздѣляется на три разряда: приготовительный—срокъ службы 3 года, строевой—12 лѣтъ и запасной—5 лѣтъ, всего 20 лѣтъ обязательной службы какъ для нижнихъ чиновъ, такъ и для офицеровъ войсковаго сословія. Всѣ казаки, достигшіе 18-ти лѣтняго возраста, зачисляются въ приготовительный разрядъ, во время трехлѣтняго состоянія въ которомъ, обучаются и подготовляются на службу въ своихъ станицахъ и въ лагерныхъ сборахъ. Потомъ въ возрастѣ 21 года они переводятся въ строевой разрядъ и назначаются на дѣйствительную службу, которую въ мирное время несутъ въ дѣйствующихъ полкахъ, баталіонахъ, батареяхъ и командахъ до 4-хъ лѣтъ сряду, послѣ чего увольняются домой на льготу, причемъ, оставаясь въ строевомъ разрядѣ 8 лѣтъ, въ послѣдніе 3 года состоянія во 2-й очереди и на 3-мъ году пребыванія въ 3-й очереди собираются ежегодно въ лагерные трехнедѣльные сборы (артиллеристы на 5-ть недѣль) въ болѣе свободное отъ полевыхъ работъ время. Затѣмъ 33-хъ лѣтъ казаки зачисляются въ запасный разрядъ, призываемый исключительно въ военное время, для укомплектованія строевыхъ частей, а въ возрастѣ 38-ми лѣтъ увольняются въ отставку (ополченіе). Въ Кубанскомъ казачьемъ войскѣ, кромѣ казаковъ, признанныхъ по медицинскому освидѣтельствованію неспособными къ службѣ, но способными къ труду, существуетъ еще особый разрядъ неслужилыхъ казаковъ, которые, по положенію 1-го Августа 1870 года, за освобожденіе отъ обязательной службы вносятъ въ войсковой капиталъ опредѣленную плату до истеченія 22 лѣтняго срока со дня зачисленія ихъ въ неслужилый разрядъ.

Въ служиломъ составѣ Кубанскаго казачьяго вой-

ска къ 1 Сентября 1888 года состояло: а) 18,702 казаковъ приготовительнаго разряда, б) 50,308 казаковъ строеваго разряда и в) 8,490 казаковъ запаснаго разряда, и вообще 77,500 казаковъ.

Къ 1 Сентября 1888 года числилось всѣхъ вообще генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, классныхъ чиновниковъ, урядниковъ, казаковъ и дѣтей мужскаго пола войковаго сословія Кубанскаго казачьяго войска:

	Генераловъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Классныхъ чиновниковъ.	Урядниковъ и вообще чиновъ унтеръ-офицерскаго званія.	Казаковъ.	Малолѣтковъ (17 лѣтняго возраста) готовыхъ на службу.	Генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ войскового сословія.	Нижнихъ чиновъ.	Малолѣтнихъ дѣтей мужск. пола отъ 1 до 17 лѣтъ.	Уволенныхъ за денежное вознагражд. (неслужилыхъ казаковъ).
Служилыхъ	15	122	723	319	5934	73643	7181	957	123085	10084	

Къ служилому разряду отнесены всѣ вообще генералы, штабъ, оберъ-офицеры, классные чиновники, урядники и казаки, состоящіе на службѣ въ строевыхъ частяхъ, числящіеся на льготѣ, въ приготовительномъ, строевомъ и запасныхъ разрядахъ, въ военныхъ и гражданскихъ административныхъ учрежденіяхъ.

Старшинство строевыхъ частей Кубанскаго казачьяго войска.

Хоперскій Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Анастасіи Михайловны конный полкъ съ 1696 года; въ этомъ году Хоперскіе казаки впервые упоминаются на службѣ подъ Азовомъ; впослѣдствіи они переселены на Кавказъ и дали начало полку.

Кубанскій конный полкъ съ 1732 года—со вре-

мени образованія Волжскаго войска, казаки котораго были переселены на Кавказъ и часть станицъ вошла въ составъ полка.

Таманскій, *Полтавскій*, *Ейскій*, *Уманьскій*, *Екатеринодарскій* и *Кавказскій* конные полки, 1 и 2 пѣшіе пластунскіе баталіоны съ 1788 года—со времени образованія Черноморскаго войска.

Кубанскій казачій дивизіонъ съ 1831 года.

Лабинскій конный полкъ съ 1842 года—со времени заселенія Лабинской линіи.

Урупскій конный полкъ съ 1858 года—со времени сформированія изъ станицъ, поселенныхъ по р. Урупу.

Распредѣленіе населенныхъ мѣстъ Кубанской области по отдѣламъ и полковымъ округамъ.

Ейскій отдѣлъ.

Ейскій полковой округъ.

Ст. Должанская, Камышеватская, Ясенская, Новощербиновская, Копанская, Новодеревянковская съ посел. Албашскимъ, Стародеревянковская съ пос. Александровскимъ, Бриньковская съ пос. Добровольнымъ, Привольнымъ и Ахтарскимъ, Брюховецкая, Переясловская съ пос. Величковскимъ, Каневская съ пос. Придорожнымъ, Новоминская, Староминская, Конеловская и Старощербиновская съ пос. Широчанскимъ.

Уманскій полковой округъ.

Ст. Кущевская, Шкуринская, Уманская, Кисляковская съ пос. Михайловскимъ, Екатериновская, Павловская съ поселками: Сасыкскимъ и Курчанскимъ, Незамаевская съ пос. Новоелисаветпнскимъ, Калнибо-

лотскя съ пос. Новороговскимъ, Новолеушковская, Старолеушковская, Иркліевская съ посел. Балковскимъ, Березанская, Батуринская, пос. Троицкое на Средне-Челбасской степи, Крыловская съ пос. Челбасскимъ, кол. Александровская, Михельсталь.

Кавказскій отдѣлъ:

Кавказскій полковой округъ.

Ст. Новопокровская съ пос. Горьковскимъ, Терновская съ пос. Николаевскимъ, Ильинская, Дмитріевская, Кавказская съ пос. Лосевскимъ, Казанская, Тифлисская съ пос. Владимірскимъ, Ладожская съ поселками: Бейсугскимъ и Ладожскимъ, Новомалороссійская съ пос. Бузиновскимъ, Архангельская, Новодонецкая, Новорождественская и Тихорѣцкая.

Кубанскій полковой округъ.

Ст. Успенская съ пос. Наволокинскимъ, Расшеватская, Новоалександровская, Темижбекская, Григориполисская съ пос. Фельдмаршальскимъ, Новотроицкая съ поселками: Кармалинскимъ, Мокробалковскимъ, Привольнымъ, Гущинскимъ и Баклановскимъ, Рождественская съ пос. Изобильнымъ, Новомарьевская съ пос. Русскимъ, Каменнобродская, Сенгилѣевская, Барсуковская, Николаевская, Убѣженская съ пос. Горькорѣченскимъ и Прочноокопская съ пос. Царицынскимъ.

Лабинскій отдѣлъ:

Лабинскій полковой округъ.

Ст. Урупская, Безскорбная, Попутная, Вознесенская съ пос. Еременскимъ, Упорная, Безстрашная, От-

важная, Каладжинская Зассовская, Владимірская, Лабинская, Чамлыкская, Константиновская Родниковская, Курганная, Михайловская, Петропавловская, Темиргоевская, Воздвиженская, Тенгинская съ пос. Геймановскимъ, Новолабинская, съ пос. Александровскимъ, Некрасовская, сел. Армавиръ, Новомихайловское, Кубанское, Семеновское, Филипповское, Розенфельдъ, Эйгенфельдъ, Александерфельдъ, аул. Ходзскій, Блеченсинскій, Кошехабльскій, Натырбовскій, Унароковскій, Джеракаевскій, Мамхеговскій, Пшизовскій, Хакуриновскій, Егерухаевскій, Хачемзіевскій, Бенокскій, Хаджимуковскій, Ульскій, Темиргоевскій, Хатукаевскій, Хатажукаевскій, Джанкятовскій, Бжедуховскій, Бгуаше-Хальбскій и Адаміевскій.

Баталпашинскій отдѣлъ:

Хоперскій полковой округъ.

Ст. Темнолѣсская съ пос. Темнолѣсскимъ, Невинномысская, Бѣломечетская съ пос. Бѣломечетскимъ, Воровсколѣсская, Суворовская, Бекешевская, Баталпашинская, Усть-Джегутинская, Красногорская, Кардоникская, Зеленчукская, Сторожевая, Преградная, Передовая, Исправная, Удобная, Надежная, Подгорная, Спокойная, Отрадная, сел. Успенское, Богословское, Ольгинское, Казминское, Рождественское, Ивановское, Марухское, кол. Вольдемюрсъ, Александрофельдъ, Левенталь, пос. Мурухо-Эстонскій- Хасаутъ-Греческій, Георгіевско-Осетинскій, Джегонасскій-Еврейскій, аул. Тахтамышевскій съ пос. Балтинскимъ, Дударуковскій, Докшуковскій, Шахъ-Гиреевскій, Тебердинскій, Джазлыкскій, Атлескировскій, Хахандуковскій, Атажукинскій съ пос. Баташевскимъ, Мансуровскій съ пос. Шабазовскимъ, Бибердовскій, Лоовско-Зеленчукскій, Клычев-

скій съ пос. Егибоковскимъ, Мурзунскій, Касаевскій, Картъ-Джюртскій, Урупскій, Маринскій, Коноковскій, Лоовско-Кубанскій, Кувинскій, Даутскій, Джегутинскій, Кургоковскій, Карамурзинскій, Кумско-Абадзинскій, Ураковскій, Вольный, Эрсаконскій, Каменномостскій, Сенты, Тазартуковскій съ пос. Береслановскимъ, Учкуланскій и Хумаринскій.

Майкопскій отдѣлъ:

Урупскій полковой округъ.

Ст. Гіагинская, Келермесская, Ханская, Кужорская, Ярославская, Махошевская, Костромская, Хамкетинская, Губская, Переправная, Беслинеевская, Ахметовская, Андрюковская съ пос. Чернымъ, Псебайская, Баговская, Барыкаевская, Даховская съ пос. Каменномостскимъ, Севастопольская, Царская, Абадзехская, Тульская, Куржипская, Дагестанская съ пос. Дагестанскимъ, Прусская, Ширванская, Самурская, Хадыжинская съ поселками Нефтянымъ и Хадыжинскимъ, Апшеронская, Кабардинская, Кубанская, Тверская, Гурійская, Черниговская, Пшехская, Бѣлорѣченская, Бжедуховская съ пос. Михайловскимъ, Мартанская съ пос. Суздальскимъ, Имеритинская, Линейная, Абхазская, Кутаисская, Ключевая, Саратовская, Черноморская, Бакинская, Рязанская, сел. Хамышки, Темнолѣсское, Леонтьевское, слоб. Шедокъ, Сергіевская, сел. Николаевское, ур. Гойтхъ, сел. Навагинское, Елисаветпольское, пос. Фанагорійскій съ Садовскимъ и Безъимяннымъ, Пятигорскій съ Хребтовымъ, мѣст. Горячій Ключь

Екатеринодарскій отдѣлъ.

Екатеринодарскій полковой округъ.

Ст. Плантировская, Усть-Лабинская съ поселкомъ Кирпильскимъ, Воронежская съ поселкомъ

Праздничнымъ, Васюринская, Пластуновская, Старомышастовская, Динская, Старокорсунская, Пашковская, Новотитаровская, Марьянская съ посел. Марьинскимъ, Елисаветинская, Сѣверская, Ильская съ пос. Ильскимъ, Азовская съ поселкомъ Азовскимъ, Смоленская съ поселкомъ Смоленскимъ, пос. Ставропольскій, ст. Пензенская, Калужская, Новодмитріевская, Георгіе-Афинская, слободка Григорьевская, пос. Шабано—Тхамахинскій, слободка Усть—Лабинская, аул. Асаколай, Габукай, Кончуко—Хабль, Вочепшій, Пчегатлукай, Казанукай, Шабанъ-Хабль, Шаганъ-Чпрій-Хабль, Эдепсукай 1, Эдепсукай 2, Гетлукай, Понежукай, Несшукай 1, Несшукай 2, Джиджи-Хабль, Пшекуй-Хабль, Тоуй, Нечерзій, Псейтукъ, Хаштукъ, Афипсипъ, Папахесъ, Шинжій, Тугургой, Тлюстенъ-Хабль, Гатагу-Хабль, Козетъ, Бжегокай, Новый-Бжегокай, Лакшукай, Тохтумукай.

Темрюкскій отдѣлъ:

Полтавскій полковой округъ.

Ст. Кореновская съ пос. Журавскимъ и Малеваннымъ, Сергіевская, Медвѣдовская, Дядьковская, Новокорсунская, Тимошевская, Роговская съ пос. Роговскимъ и Гречанымъ, Новоджереліевская, Новонижестебліевская съ пос. Степнымъ, Гривенско-Черкесская, Староджереліевская съ пос. Ангелинскимъ, Полтавская, Старонижестебліевская, Поповичевская съ пос. Понурскимъ, Старовеличковская и Нововеличковская.

Таманскій полковой округъ.

Ст. Новомышастовская съ пос. Новомышастовскимъ, Ивановская, Славянская, Петровская съ пос. Черноерковскимъ, Анастасіевская, Курчанская, Ахтанизовская съ пос. Фонталовскимъ и Голубицкимъ, Та-

манская, Старотитаровская съ пос. Вышестебліевскимъ, Благовѣщенская, Гостагаевская, Анапская, Натухайская, Раевская, Верхнебаканская, Неберджаевская съ пос. Нижнебаканскимъ, Крымская, Варениковская, Троицкая, Мингрельская, Абинская, Шапсугская, Эриванская, Ахтырская, Холмская, поселеніе Суворовско-Черкесское, сл. Крымско-Солдатская, сел. Мерчанское, волость Кудакинская: Молдаванское, Русское и Греческое селенія, сел. Витязевское, деревни: Павловка и Варваровка, кол. Михаельфельдъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Историческій очеркъ Кубанскаго казачьяго войска Ф. А. Щербины.

		Страницы.
I.	Происхожденіе казачества	1— 13
II.	Запорожская Сичь и Донское казачество . .	13— 27
III.	Уничтоженіе Запорожской Сичи	27— 34
IV.	Образованіе Черноморскаго войска и пребываніе его за Бугомъ	34— 50
V.	Переселеніе черноморцевъ на Кубань и колонизація края	50— 61
VI.	Самоуправленіе Черноморскаго войска . .	61— 79
VII.	Землевладѣніе черноморскихъ казаковъ . .	79— 93
VIII.	Экономическій бытъ и духовныя потребности черноморцевъ	93—101
IX.	Линейная служба и черноморскіе пластуны .	101—118
X.	Борьба съ горцами и характерные ея эпизоды .	118—133
XI.	Военныя дѣйствія черноморцевъ внѣ войска и подвигъ черноморскихъ пластуновъ въ Севастополѣ	133—151
XII.	Колонизація линій и самоуправленіе у линейныхъ казаковъ	151—167
XIII.	Землевладѣніе, экономическій бытъ, національныя черты и первые зачатки школьнаго дѣла у линейцевъ	167—178
XIV.	Особенности пограничной службы линейцевъ и линейные пластуны	178—196
XV.	Линейные залоги и характерные эпизоды борьбы линейцевъ съ горцами	196—208
XVI.	Колонизація Закубанья и внутреннія разселенія.	208—218
XVII.	Самоуправленіе и измѣненія въ обычныхъ формахъ казачьяго землевладѣнія	218—227
XVIII.	Періодъ внутренняго развитія Кубанскаго казачества.	227—240

Кошевые, войсковые и наказные атаманы Е. Д. Фелицына.

1. Кошевые, войсковые и наказные атаманы. . 243—244
2. Сидоръ Игнатьевичъ Бѣлый . . . . 245—249
3. Захарій Алексѣевичъ Чепѣга . . . . 249—252
4. Антонъ Андреевичъ Головатый . . . . 253—259
5. Тимофей Терентьевичъ Котляревскій. . . 260—264
6. Федоръ Яковлевичъ Бурсакъ . . . . 265—270
7. Григорій Кондратьевичъ Матвѣевъ . . . 271—276
8. Алексѣй Даниловичъ Безкровный . . . 277—285
9. Николай Степановичъ Заводовскій . . . 286—292
10. Григорій Антоновичъ Рашпиль . . . . 293—304
11. Яковъ Герасимовичъ Кухаренко . . . 305—308
12. Григорій Ивановичъ Филипсонъ. . . . 309—312
13. Левъ Ивановичъ Кусаковъ 1-й . . . . 313—314
14. Петръ Семеновичъ Верзилинъ . . . . 315—317
15. Степанъ Степановичъ Николаевъ . . . 318—320
16. Феликсъ Антоновичъ Круковскій . . . 321—326
17. Князь Георгій Романовичъ Эристовъ 2-й . . 327—330
18. Николай Александровичъ Рудзевичъ . . . 331—334
19. Николай Агаповичъ Ивановъ 13-й . . . 335—336
20. Графъ Феликсъ Николаевичъ Сумароковъ. . 337—339
21. Михаилъ Аргирьевичъ Цакни . . . . 340—343
22. Николай Николаевичъ Кармалинъ . . . 344—351
23. Сергѣй Алексѣевичъ Шереметевъ . . . 352—365
24. Георгій Алексѣевичъ Леоновъ . . . . 366—368
25. Князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ. . . . . 369—384

Знамена, регаліи, знаки отличія и прочія награды. 387—426

Строевой составъ Кубанскаго казачьяго войска . 429—438

Планъ города ЕКАТЕРИНОДАРА,

изданный Дѣйствительнымъ Членомъ Кубанскаго Статистическаго Комитета Е. Д. ФЕЛИЦЫНЫМЪ.

Городъ Екатеринодаръ основанъ казаками бывшаго Черноморскаго (нынѣ Кубанскаго) казачьяго войска 18 Сентября 1794 года при кошевомъ атаманѣ З. А. Чепигѣ. Планъ города утвержденъ Таврическимъ военнымъ губернаторомъ генералъ-квіоромъ С. С. Жегулинымъ.—Разбивку города, по утвержденному плану, производилъ землемѣръ прапорщикъ Гетмановъ.—Заселеніе и устройство города совершилось подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ войскового судьи арміи полковника А. Головатаго.—До 1867 года гор. Екатеринодаръ принадлежалъ Черноморскому войску и служилъ резиденціею войсковой администраціи; осѣдлое населеніе его состояло исключительно изъ казаковъ.—8 Іюня 1867 года гор. Екатеринодаръ обращенъ въ гражданское вѣдомство; основатели города и коренные его жители—черноморскіе казаки—разселены были по ближайшимъ станицамъ и городъ сталъ наполняться пришлыми людьми изъ внутреннихъ губерній Россіи, а также евреями и армянами, число которыхъ въ послѣдніе годы стало быстро возрастать. Всѣ лучшія зданія на главной (Красной) улицѣ принадлежатъ теперь армянамъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточены наиболѣе крупные капиталы и вся торговля не только городская, но и вообще всей Кубанской области..—Въ настоящее время городъ совершенно измѣнилъ свою физіономію и изъ войскового-казачьяго сдѣлался чисто торговымъ-гражданскимъ и утратилъ все то, «что могло-бы напоминать о его недавней принадлежности казакамъ Черноморскаго войска».—Городовое положеніе введено въ гор. Екатеринодарѣ 1-го Іюля 1874 года.

ЧИСЛО ЖИТЕЛЕЙ ВЪ ГОРОДѢ ЕКАТЕРИНОДАРѢ ЪЪ РАСПРЕДѢЛЕНІЕМЪ ИХЪ ПО СОСЛОВІЯМЪ.

(По свѣдѣніямъ къ 1-му Января 1888 года.)

Распредѣленіе жителей по сословіямъ.	Число жителей.								
	Коренныхъ.		Иногородн. имѣющихъ осѣдлость.		Иногородн. не имѣющихъ осѣдлости.		Всѣхъ вообще.		
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	Обоего пола.
Дворянъ потомственныхъ и личныхъ	—	—	556	610	39	339	1301	1149	2350
Духовенства бѣлаго, чернаго, магометанскаго и другихъ исповѣданій	67	68	13	13	3	—	83	81	164
Почетныхъ гражданъ потомствен. и личн.	6	9	8	13	10	64	124	86	210
Купцовъ	208	179	35	30	18	10	261	219	480
Мѣщанъ	9327	9687	458	453	368	1257	11453	11397	22850
Сельскихъ сословій престьянъ и колонист.	—	—	751	663	585	3015	4239	3681	7920
Регулярныхъ войскъ	—	—	—	—	375	15	1375	15	1390
Казаковъ Кубанскаго войска	—	—	429	430	977	417	1406	847	2253
Безсрочно, временно отпускныхъ и отставныхъ нижнихъ чиновъ, солдатскихъ женъ, дѣтей и воспитанниковъ	569	410	543	494	1818	668	2930	1602	4532
Иностранныхъ подданныхъ	—	—	36	43	244	133	280	176	456
Горцевъ, инородцевъ и лицъ не принадлежащихъ къ вышеназваннымъ разрядамъ.	48	38	10	14	393	377	451	429	880
Итого	10225	10411	2839	2764	10739	6498	23803	19682	43485

Въ показанномъ числѣ жителей состоятъ: а) православныхъ 7241 м., 18577 м., а всего 40990 обоего пола; б) раскольниковъ 30 м., 31 м., всего 61 обоего пола; в) римско-католиковъ 322 м., 148 м., всего 470 обоего пола; г) армянъ 852 м., 373 м., всего 926 обоего пола; д) лютеранъ 9 м., 109 м., всего 308 обоего пола; е) евреевъ 430 м., 429 м., всего 859 обоего пола и ж) магометанъ 49 м. 16 м., всего 65 обоего пола.

УКАЗАТЕЛЬ

мѣстонахожденія церквей, правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, гостинницъ, меблированныхъ комнатъ и трактировъ съ номерами.

Воскресенская церковь—въ центрѣ зданій войсковой больницы.
Армянская церковь—въ 14 кварталѣ.
Войсковой соборъ во имя Св. Александра Невскаго—въ 45 кварт.
Церкви: во имя Св. Екатерины—между 18, 30, 31 и 33 кварт.
» всѣхъ скорбящихъ и городск. богадѣльня—въ 148 кварт.
» во имя Св. Дмитрія—между 99, 105, 128 и 104 кварт.
» во имя Покрова Пр. Богородицы—между 166, 173, 190 и 172 кварт.
» во имя Всѣхъ Святыхъ—на кладбищѣ.
» во имя Св. Николая Чудотворца—между 251 и 243 кварт.
Войсковое женск. профес. учил.,—въ квар. А., на Шереметевской ул.
Войск. оружейная мастерск. и войск арсеналъ—на той-же ул. противъ пріютъ.
Екатеринодр. воен.-фельдш. школа—въ кварт. Б., на Крѣпостной площ.
Екатеринодр. отд. Государ. бан.—въ кв. Г, на Крѣпост. площ., при т. фельд. школы.
Екатеринодр. окруж. судъ—въ 10 кв., на углу на Крѣпостной площ.
Войск. Штабъ Кубан. каз. в.—въ кв 10, на Крѣпост. площ. ряд. съ Окруж. суд.
Екатеринодр. почт.-телегр. учрежд. 1 отд.—въ 10 кв., противъ кв. Б., 2 отд.—въ 46 кв. по Бурсаковской ул., противъ войск. собора.
Кубан. Маріин. женск. училищ. на углу 9 кв. по Посполитакинской ул.
Посполитакинское женск. учил. и дом. пер. въ 7 кв. по Крѣпост. ул.
Квартира. Начальн. Кубан. област. и Наказ. Атам. Кубан. каз. войска—въ 13 кв. на углу Красной и Графской улицъ.
Квартира Старш. Помощ. Начал. Кубан. обл.—во 2 кв. на углу Крѣпост. и Котляревск. улицъ.
Квартира Младш. Помощ. Начал. Куб. обл.—въ 43 кв. по Гимназич. ул.
Кубанское Областное Правленіе—въ 21 кв. по Красной улицѣ.
Канцелярія Начальн. Кубанск. област. и Наказн. Атам. Куб. казач. войска—въ 14 квар. по. Штабной улицѣ.
Екатеринодр. город. дума—въ 57 кв. по Красной улицѣ.
Екатеринодр. город. полиц. управ.—въ 27 кв. по Базарной улицѣ.
Межевое учр. Кубан об.—въ 36 кв. на углу Рашпилев. и Базарн. ул.
Управл. Атам. Екатеринодр. отд.—въ 19 кв. на углу Екатеринин. и Борзаков. улицъ.
Кубан. войск. клас. гимн.—въ 44 кв. по Красной ул.
Александр. Кубан. реал. уч.—въ 35 кв. на углу Бурсаков. и Соборн. ул.
Екатеринодр. женск. гим.—въ 46 кв. по Бурсаков. ул. противъ Собора.
Екатеринодр. духовн. учил.—въ 31 кв. по Котляревской ул, прот. Екатерининск. пер.
Екатеринодр. город. обществ. банкъ—по Красной ул. въ 67 кв.
Екатеринодр. уѣзд. казн.—въ 68 кв. по Полицейск. ул.
Екатеринодр. общ. взаим. кредит.—въ 28 кв. по Екатерининской ул.
Гостинница Таманцова съ 21 номер., цѣна отъ 1 р. до 3 р. 50 к. въ сутки—на углу Красн. и Базарн. ул. въ 36 кв.
Гостин. Петербургская съ 8 ном., отъ 50 к. до 1 р.—въ 36 кв. по Базарной ул.
Гостинница Кассимъ-Оглы въ томъ-же домѣ, гдѣ и Петербургск. гост.—9 номер., цѣна отъ 75 к. до 1 р. въ сутки.
Гостинница Ибрагима Османа съ 21 номер., цѣна отъ 50 к. до 1 р. 50 к. въ сутки—въ 37 кв. на Старомъ базарѣ.
Ресторанъ Россія съ номер., отъ 75 к. до 1 р. 50 к. въ сутки—въ 20 кв. на углу Красной и Екатерининской ул.
Гостинница Центральная (лучшая) съ 24 номер., цѣна отъ 1 р. до 3 р. въ сутки—въ 56 кв. на углу Красн. и Гимназическ. ул.
Меблированныя комнаты купца Губкина, 36 номер., цѣна отъ 1 р. 25 к. до 3 р. въ сутки—въ 56 кв. на углу Гимназич. и Бурсаков. ул.
Меблир. комн. купца Шехова 14 номер. цѣна отъ 1 р. до 1 р. 75 к. въ сутки—въ 56 кв. по Бурсаков. ул., ряд. съ мебл. комнат. Губкина.
Гостин. Москва. 17 ном., п. отъ 75 к. до 1 р.—въ 56 кв. на углу Полицейской и Красной улицъ.
Ресторанъ Леонтьева, съ 5 ном. отъ 50 до 70 к. въ сут.—въ 67 кв. на Красной ул.
Рест. Поляковой съ 6 ном., отъ 50 до 70 к. въ сутки—въ 81 кв. по Красной ул.
Постоялый дворъ Стенного съ 28 ном., отъ 75 к. до 1 р.—въ 94 кв. по Красной ул.
Гост. П. Горшкова, съ 7 ном., отъ 50 к. до 1 р.—въ 109 кв. по Красной ул.
Трактиръ М. Трофимова съ 6 ном. отъ 50 к. до 1 р.—въ 155 кв. на углу Соян. бав.
Мебл. комн. Автандилова съ 7 ном., отъ 75 к. до 1 р. 50 к.—въ 66 кв. на углу Полицейск. и Рашпилев. ул.

СВѢДѢНІЯ О ЧИСЛѢ ТОРГОВЫХЪ И ПРОМЫШЛЕННЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ ВЪ Г. ЕКАТЕРИНОДАРѢ.

Обозначеніе заведеній.	Число заведеній принадлежащ.		
	Коренныхъ жителей.	Иногородн. жителей.	Всѣхъ вообще.
Гостинницъ съ номерами	1	6	7
Ресторановъ	—	3	3
Трактировъ	2	26	28
Торговыхъ, амбаровъ и магазиновъ съ разными мануфактурными, галантерейными, бакалейными и другими товарами.	172	80	252
Питейныхъ заведеній	63	32	68
Заведеній и погребовъ съ продажею виноградныхъ винъ	4	4	8
Постоялыхъ дворовъ	4	2	6
Аптекъ	1	3	4
Типографій	1	2	3
Фотографій	2	—	2
Торговыхъ банъ	2	3	5

Обозначеніе заведеній.	Число заведеній принадлежащ.		
	Коренныхъ жителей.	Иногородн. жителей.	Всѣхъ вообще.
Заводовъ: Мыловаренныхъ	2	1	3
Конженныхъ	10	—	10
Маслобойныхъ	4	—	4
Винокуренныхъ	1	—	1
Пивоваренныхъ	1	2	3
Ваточныхъ	1	1	2
Сѣчныхъ	2	—	2
Бондарныхъ	10	11	21
Чугунолитейныхъ	—	1	1
Кирпичныхъ	12	15	27
Гончарныхъ	4	2	6
Экипажныхъ	—	2	2
Химическихъ	—	3	3
Фабрика Табачная	—	1	1

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:

- Части города.
- Предполагаемые кварталы.
- Дубовый лѣсъ
- Смѣшанный лѣсъ.
- Фруктовые сады и огороды.
- Мѣста временно заливаемыя водою.
- Песокъ.

Масштабъ въ Англійскомъ дюймѣ 200 саж.

Воронежъ. Типо-литографія В. И. Исаева.